

заговоры
ЦРУ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию 3

Предисловие 20

К читателю 24

● Часть первая

УБИЙСТВА

(Доклад комиссии Черча)

1. СЕМЬ НЕДЕЛЬ В САНТЬЯГО 25
2. ОПЕРАЦИЯ «ЛУЛУМБА» 105
3. НАШ КОНСУЛ В САНТО-ДОМИНГО 155
4. «ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ» ИЛИ УБИЙСТВО
ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ 178

● Часть вторая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦРУ ВНУТРИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

(Доклад комиссии Рокфеллера)

5. ОБЪЕКТ ШПИОНАЖА — АМЕРИКАНСКИЕ
ГРАЖДАНЕ 201
6. ОПЕРАЦИЯ «ХАОС» 231
7. «УЧЕНЫЕ» ЦРУ 273
8. «ВОДОПРОВОДЧИКИ» БЕЛОГО ДОМА 288
9. УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ 336

Les complots de la C. I. A.

*Documents réunis
et présentés par*

DAVID ANTONEL
ALAIN JAUBERT
LUCIEN KOVALSON

© 1976,
Editions Stock

Заговоры ЦРУ

*Составители
и комментаторы
документов:*

Д. АНТОНЕЛЬ
А. ЖОБЕР
Л. КОВАЛЬСОН

Москва
«Международные
отношения»
1979

Общая редакция и предисловие
О. КЕДРОВА

Перевод с французского

**Н. С. БОРДОВСКИХ, Б. С. ВАЙСМАНА,
В. П. КОТЕЛКИНА, И. Ф. ОГОРОДНИКОВОЙ,
В. Ф. ШЕСТКИНА.**

З $\frac{11105-029}{003(01)-79}$ 36—80 0804000000

Предисловие к русскому изданию

В последние годы у американских спецслужб прибавились новые заботы. Не проходит и дня, чтобы о них не упоминали на страницах печати, на радио или по телевидению. Один лишь перечень книг о ЦРУ и ФБР мог бы конкурировать со списком бестселлеров детективного жанра. Назовем некоторые из них, получившие международную известность: В. Маркетти и Дж. Маркс, «ЦРУ и культ разведки»; Ф. Эйджи, «За кулисами ЦРУ» и «Грязная работа»; Д. Филлипс, «Ночной страж»; Дж. Смит, «Солдат холодной войны»; Г. Розицки, «Тайные операции ЦРУ»; Ф. Снепп, «Приличный интервал»; Д. Уайз, «Американское полицейское государство»; М. Коупленд, «Без плаща и кинжала»; Дж. Стокуэлл, «В поисках врагов»; У. Колби, «Благородные люди. Моя жизнь в ЦРУ» и др.¹

Написаны эти книги, как правило, американцами, бывшими сотрудниками американских спецслужб. Одни взялись за перо, побуждаемые стремлением развеять миф, созданный официальной пропагандой вокруг ЦРУ и ФБР, другие — из желания защитить этих «рыцарей плаща и кинжала», обелить их черные дела.

В. Маркетти, Дж. Маркс, Ф. Снепп, Дж. Стокуэлл за свои публичные разоблачения подверглись в США су-

¹ V. Marchetti, J. Marks. The CIA and the Cult of Intelligence. N. Y., 1974; Ph. Agee. Inside the Company. CIA Diary. N. Y., 1975; Ph. Agee and L. Wolf. Dirty Work. The CIA in Western Europe. N. Y., 1978; D. Phillips. The Night Watch. N. Y., 1977; H. Rositzke. The CIA's Secret Operations. Espionage, Counterspy and Covert Action. N. Y., 1977; F. Snapp. Decent Interval. N. Y., 1977; D. Wise. The American Police State. N. Y., 1976; M. Copeland. Without Cloak and Dagger: the Truth about the New Espionage. N. Y., 1974; J. Stockwell. In Search of Enemies. A CIA Story. N. Y., 1978; W. Colby. Honorable Men. My Life in the CIA. N. Y., 1978; J. Smith. Portrait of a Cold Warrior. N. Y., 1976.

дебным преследованиям, Ф. Эйджис был вынужден укрыться в Европе.

Д. Филлипс, Дж. Смит и другие, выступая в качестве апологетов ЦРУ, создали «ассоциацию ветеранов разведки США», объединившую, по данным американской печати, более 450 бывших сотрудников так называемого разведывательного сообщества. Эта ассоциация громогласно заявила о своем намерении защищать «американские демократические институты». О том, как она будет их «защищать», можно, видимо, судить по тому факту, что руководитель ассоциации Филлипс в свое время был организатором свержения правительства Сальвадора Альенде в Чили.

Несмотря на различные намерения и побудительные мотивы американских авторов, они совместными усилиями создали у читателя довольно полное представление об истинном лице тех, кто в США рядится в тогу поборников свободы и демократии, и их послушных орудий — ЦРУ и ФБР.

Предлагаемая вниманию советского читателя книга «Заговоры ЦРУ» издана не в Соединенных Штатах Америки, а во Франции. Она представляет собой систематизированные материалы из докладов комиссий Черча, Эрвина и Рокфеллера, расследовавших скандальные дела ЦРУ¹, фрагменты из некоторых книг Маркетти, Эйджиса и других авторов, а также различные публикации американской и французской печати.

Тот факт, что материалы официальных расследований деятельности американских спецслужб привлекли внимание за пределами США, не вызывает удивления. Беззастенчивое, грубое вмешательство ЦРУ во внутренние дела суверенных государств возмутило широкие слои мировой общественности. Особенно оно задело буржуазную Европу. В Англии, Франции, ФРГ, Италии, Испании, Греции и в других странах европейского континента грязная работа ЦРУ, направленная против политических партий, профсоюзов и общественных деятелей, неугодных США, вынудила руководителей даже этих

¹ В 1975 году администрацией президента Дж. Форда была создана специальная комиссия во главе с вице-президентом США Рокфеллером по расследованию деятельности ЦРУ; позже были образованы две комиссии конгресса США — сенатская во главе с сенатором Черчем и комиссия палаты представителей во главе с конгрессменом Пайком.

стран заявить о своем намерении сократить присутствие ЦРУ в Европе.

Член английского парламента от правящей лейбористской партии Стэнли Невинс, выступая по телевидению в 1978 году, говорил в этой связи: «Учитывая происшедшие события в Чили, Греции и других странах, англичане сегодня очень обеспокоены возможностью того, что Соединенные Штаты смогут использовать ЦРУ для прямого вмешательства в английскую политику. Мы считаем, что такой риск существует. Ясно, что не только народы стран «третьего мира» рискуют стать жертвами такого рода подрывной деятельности. От нее не застрахована любая страна. Многие в Англии считают, что мы должны принять меры, для того чтобы никогда в будущем наша страна не стала объектом действий, какие имели место в Чили».

Во Франции подрывная деятельность ЦРУ уже многие годы привлекала внимание прогрессивных кругов. В 1975 году под давлением общественности правительство Французской Республики предложило покинуть страну 11 зарвавшимся сотрудникам ЦРУ, окопавшимся в посольстве США в Париже.

В Италии американское посольство давно снискало себе репутацию шпионского гнезда. ЦРУ неоднократно уличалось в попытках оказать влияние на политическую жизнь страны. В 1979 году итальянское правительство за недозволенную деятельность выдворило американского разведчика Дж. Перроне.

Непрекращающиеся попытки ЦРУ превратить Европу в новый полигон для испытания своих схем по дестабилизации политической жизни вызывают законное беспокойство у народов этого континента. Отсюда возросший интерес к закулисным делам тайных служб, углубленный, острый, как бы заново осмысливаемый взгляд на ЦРУ.

Работе французских авторов свойствен строго документированный, аналитический подход к фактам. Этим книга «Заговоры ЦРУ» выгодно отличается от многих изданий мемуарного характера. Она убедительно и достоверно раскрывает скрытую от посторонних глаз «кухню» тайных дел ЦРУ, главные направления его деятельности: организацию контрреволюций и заговоров, политических интриг и подкупа иностранных деятелей; тайное финансирование избирательных кампаний; проникновение в профсоюзы, студенческие, нацифистские и

религиозные организации; манипулирование прессой, ведение психологической войны; экономический саботаж, диверсии, похищения, связь с мафией; наконец, разработку и применение самых изощренных средств для ликвидации политических противников.

В опубликованных материалах ЦРУ предстает прежде всего как инструмент политической власти США, используемый правящими кругами в целях защиты интересов американского империализма, борьбы против растущего влияния сил прогресса и социализма. Касаясь этой стороны деятельности ЦРУ, сенатская комиссия конгресса США (комиссия Черча) указывала: «...Тайные операции занимали главное место в деятельности ЦРУ на протяжении большей части истории в ущерб выполнению задачи по сбору и оценке разведывательной информации. Упор на проведение тайных операций, которые поощряли президенты Соединенных Штатов, привел к крайнему засекречиванию, сделавшему возможным такие злоупотребления, как заговоры с целью убийства иностранных государственных деятелей, и испытание наркотических препаратов на людях».

Как отмечалось выше, в основу книги положены доклады комиссий конгресса и правительства США, расследовавших деятельность ЦРУ. В этих докладах, заявляют авторы, «содержится беспрецедентная по объему информация, они до мельчайших деталей обнажают механизм власти...» Досье Пентагона раскрыли многие секретные архивы войны...: «появилась возможность измерить, до какой степени общественное мнение информировалось о ней неполно, искаженно, сколь последовательно политика кровавой бойни проводилась под прикрытием благодушных речей, как далеко вообще могут зайти цинизм, провокация, политический шантаж».

Вместе с тем авторы признают, что в материалах исследований они не нашли ответов на многие вопросы, касающиеся тайных операций ЦРУ.

Такой вывод не случаен. Было бы наивным ожидать от правящей элиты США раскрытия всех секретов своей политической «кухни». При всей сенсационности и внушительных объемах опубликованных докладов они не затрагивали наиболее «чувствительных» сторон деятельности разведки США. Это отмечалось в свое время американскими политическими обозревателями. Газета «Нью-Йорк пост», касаясь наиболее полного расследования, проведенного сенатской комиссией во главе с Чер-

чем, 28 апреля 1976 г. писала: «Доклад получился во многом выхолощенным из-за того, что «самыми агрессивными и влиятельными редакторами» при его подготовке были чиновники ЦРУ. Ссылаясь на «интересы национальной безопасности», они прибегали к нажиму и при поддержке администрации, а также влиятельных лиц в конгрессе сумели многое скрыть от общественности. В результате такого вмешательства получился документ, который «лишен авторитетности, достоверности и независимого тона», то есть качеств, необходимых, чтобы „побудить к реформе развѣдаемые коррупцией разведывательные службы“».

По заявлению другой американской газеты — «Нью-Йорк дейли ньюс» от 30 апреля 1976 г., сенатская комиссия «подняла много пыли, но раскопала мало грязи». Когда «пыль уляжется», отмечала газета, ЦРУ вновь спокойно продолжит свою миссию «нескончаемой борьбы против коммунизма».

Действительно, если присмотреться к материалам исследований, нетрудно установить, что за многочисленными, нередко броскими частностями скрывается или затушевывается подлинная картина той или иной рассматриваемой области деятельности разведки. Некоторые политические деятели, стоящие за грязными делами ЦРУ, выгораживаются; руководители ЦРУ в ряде случаев выглядят скорее джентльменами, помышлявшими о рыцарских подвигах в защиту «американского образа жизни», а не организаторами преступных дел. В докладах комиссий не приводится сведений о численности разведывательного аппарата США в целом, хотя комиссия Черча и упоминает в этой связи о «сотнях тысяч людей». Приведенные данные о размерах ассигнований на разведку носят разноречивый характер: если в докладе комиссии палаты представителей называется цифра 10 млрд. долл. в год, то в докладе сенатской комиссии фигурирует другая сумма — 11,2 млрд. долл. Заслуживают особого внимания данные о расходах ЦРУ на проведение «тайных операций». Уже после всех сенсационных разоблачений стало известно, что в 1975 году на такую деятельность, то есть на прямое вмешательство во внутренние дела других государств, ЦРУ израсходовало 37% своего бюджета.

И тем не менее, несмотря на очевидные слабости и умышленные купюры, материалы исследований, в том числе подлинные документы американских спецслужб,

фигурировавшие в ходе слушаний, показания руководителей ЦРУ и отдельных «оперативников», выполнявших их приказы, обнажив, как справедливо отмечают авторы книги, закулисную сторону механизма верховной власти, свидетельствуют о его «пошлости, бесстыдстве, расизме, алчности, бредовых претензиях на неограниченную власть, какие свойственны обычно определенному политическому классу».

В предисловии авторы пишут: «Расследования деятельности многонациональных компаний показали, что целое направление в международной политике находилось в руках нескольких генеральных директоров. Когда интересы компаний оказывались под угрозой, они без колебаний тратили громадные суммы на то, чтобы подорвать экономику чужой страны, фальсифицировать выборы, протолкнуть своих людей; они не останавливаются при этом перед необходимостью спровоцировать переворот или жестокую резню».

Содержание книги охватывает в основном четыре темы: тайные операции ЦРУ за рубежом, деятельность ЦРУ и ФБР на территории США, уотергейтский скандал и убийство президента Кеннеди.

Столь широкий диапазон проблем, затрагиваемых в книге, неизбежно связан с перечислением имен, названий и эпизодов, относящихся к деятельности американских спецслужб. В разных частях книги раскрываются организационная структура ЦРУ, функции его основных подразделений.

Напомним читателю основные вехи становления американского шпионского ведомства.

Центральное разведывательное управление (ЦРУ) было создано в 1947 году на базе расформированного сразу же после войны Управления стратегических служб (УСС). Одна из первых директив правительства США и его аппарата — Совета национальной безопасности (СНБ) предписывала ЦРУ незамедлительно расширить масштабы тайных операций и деятельности полувойенного характера.

В соответствии с этим указанием в 1948 году в ЦРУ было образовано Управление координации политики. Отношения этого управления с остальными подразделениями ЦРУ были необычными, поскольку, согласно директиве СНБ, оно в ряде вопросов подчинялось одновременно госдепартаменту и министерству обороны.

Именно в этот период Управление координации по-

литики начало осуществление таких программ, как деятельность радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», создание «Комитета свободной Азии» и «Фонда Азии», использование в интересах разведки молодежных, студенческих и профсоюзных организаций. Параллельно в рамках ЦРУ действовало другое подразделение — Управление специальных операций, которое занималось организацией агентурной работы за границей и нередко выполняло функции, аналогичные функциям Управления координации политики.

Такое дублирование деятельности этих управлений служило источником постоянных интриг и недоразумений в разведке США. В результате слияния обоих управлений в 1952 году возникло новое подразделение, получившее название «Управление планирования», или, как его чаще называют, управление тайных операций. Приблизительно в это же время были созданы Управление разведывательной информации, занимавшееся обработкой и анализом добытых за границей шпионских сведений, Управление научной разведки и Административное управление. К 1955 году организационная перестройка американской разведки закончилась. Однако в течение последующих двух десятилетий она пережила еще не одну реорганизацию.

Сегодняшняя организационная структура ЦРУ, несмотря на различного рода реформы, принципиально не отличается от той, которая существовала в 1955 году. Это четыре управления: оперативное, информационное, научно-технической разведки и административное, несколько подчиненных им служб, в том числе иностранной разведки, специальных операций, контрразведки, шесть отделов по регионам и группам стран, отделы по работе на территории США, безопасности, подготовки, снабжения, кадров, связи и т. п.

Контроль за деятельностью аппарата внутри ЦРУ осуществляют генеральный инспектор, ревизор, генеральный советник. Имеются подразделения по связи с прессой и конгрессом.

Но основа деятельности ЦРУ, его главный рабочий организм — это резидентуры за границей. Их насчитывается в настоящее время более ста. Под прикрытием дипломатических паспортов и журналистских удостоверений, выступающие под личиной бизнесменов, преподавателей, гидов, миссионеров, туристов или ученых, разведчики ЦРУ представляют собой ударный отряд амери-

канского империализма. ЦРУ тратит сотни миллионов долларов на шпионаж и подрывную работу, в первую очередь против СССР и других социалистических стран. Не оставляет без внимания и своих союзников. ЦРУ вербует продажных политиков и военных, полицейских и студентов, служителей церкви и газетчиков, официантов в барах и прислугу в гостиницах. Когда надо, не брезгует услугами уголовных элементов.

С помощью этой и другой агентуры ЦРУ организует государственные перевороты и бандитские нападения, убийства и похищения. Американские разведчики до зубов оснащены самой современной техникой: от бесшумных пистолетов до новейших электронно-вычислительных систем, от ампул с ядом до воинских формирований с приданной им огневой мощью. Если, по мнению правящих классов США, их интересам угрожает опасность, они организуют так называемые полувойенные операции, а по существу войны против народов, не желающих подчиниться американскому диктату. Так было в Иране в 1953 году и Гватемале в 1954 году, так было и в Конго в 1960—1961 годах и Доминиканской Республике в 1965 году. Осечка произошла в заливе Кочинос, когда революционная Куба в 1961 году дала достойный отпор интервентам.

В 1975 году жестокое поражение потерпели агрессоры на Индокитайском полуострове. Как известно, ЦРУ сыграло немалую роль во втягивании США в этот военный конфликт. На его совести тысячи и тысячи убитых и искалеченных во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии. Десятки тысяч американцев стали жертвами безрассудства собственного правительства, прислушивавшегося к советам ЦРУ.

В Эфиопии, Афганистане ЦРУ не удалось повернуть колесо истории вспять. Продажные, прогнившие режимы рухнули под напором национально-освободительных сил.

Такая же судьба постигла стратегов американского империализма в Иране. В феврале 1979 года перестала существовать отличавшаяся чудовищной жестокостью монархия — оплот реакции на Среднем Востоке и в зоне Персидского залива.

В дни, когда на улицах Тегерана решалась судьба страны, в Белом доме обрушились с критикой на ЦРУ за его очередной просчет. В американскую печать просочились некоторые подробности. Стало известно, что Белый дом получил из ЦРУ разведывательную оценку по

Ирану, составленную как раз накануне вспыхнувших волнений. В этой оценке ЦРУ делало вывод, что шаху не грозит серьезная опасность внутри страны, что ситуация в Иране не только «не революционная, но и даже не предреволюционная». Шах, по мнению ЦРУ, прочно держал в руках «бразды правления». По сообщениям американской печати, ряд сотрудников Белого дома высказались в том духе, что промахи ЦРУ в оценке политической ситуации в Иране, а ранее — в Афганистане объясняются тем, что управление слишком полагалось на информацию, получаемую от иранской контрразведки.

Обвинения, выдвинутые в адрес американской разведки, отражают реальную картину. После свержения Мосаддыка в течение почти четверти века ЦРУ насаждало в Иране свои порядки. Была создана и выпестована американцами кровавая шахская полицейская служба САВАК, получившая практически неограниченные полномочия. САВАК подвергала пыткам и мучениям тысячи иранцев, не согласных с политикой шаха. Поборники «прав человека» в США старательно обходили Иран в своих поучениях и проповедях. Когда в Иране начался кризис власти, ЦРУ направило в Тегеран десятки своих сотрудников. Они пытались помочь шаху удержаться на троне, а после его вынужденного бегства за границу всеми силами помогали ставленнику шаха Бахтияру. Вместе с САВАК ЦРУ до последнего дня убеждало правительство США, что еще не все потеряно. При Белом доме и в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли днем и ночью работало свыше ста экспертов-иранистов. Не помогло! И не могло помочь, потому что монархия, как и все ее атрибуты власти, была обречена.

Справедливости ради стоит сказать, что в оперативной жизни ЦРУ были не только провалы, но и дела, снижавшие ему позорную славу. В главах книги «Семь недель в Сантьяго», «Операция Лумумба» рассказывается как раз об этих страницах в истории ЦРУ. Ярko и убедительно, в хронологической последовательности, на обширной документации из архивов ЦРУ показаны убийство генерала Шнейдера, фашистский путч в Чили и смерть президента Альянде, заговор против Конго, подготовка убийства Лумумбы и его смерть от рук наемников.

Авторы включили в число жертв ЦРУ доминиканского диктатора Трухильо. О нем рассказывается в главе «Наш консул в Санто-Доминго». Правомерность выбора

этой одиозной фигуры весьма сомнительна, однако и в этом эпизоде просматривается определенная закономерность. ЦРУ готово убрать не только людей левой ориентации, но и своих собственных ставленников, если они перестают служить интересам империализма США. По этому поводу авторы пишут: «...В черных списках ЦРУ стояли не только имена государственных руководителей. С остервенением американские секретные агенты подвергали травле или убрали большинство из тех, кто, будь они коммунистами, социалистами или националистами, представлял потенциальную угрозу политической линии правительства США».

В книге упоминаются факты, связанные с подготовкой ЦРУ убийств Ф. Кастро, Г. Насера, А. Сукарно, архиепископа Макариоса; рассказывается об обстоятельствах гибели одного из бразильских революционеров Карлоса Маригиллы, марокканского политического деятеля Бен Барки, видного греческого демократа Г. Ламбракиса, борца за свободу африканского народа А. Кабрала, итальянского промышленника Э. Маттеи. Некоторые из этих преступлений до конца еще не раскрыты. Кое-где присутствует рука союзных ЦРУ спецслужб стран НАТО. Но главенствующая роль ЦРУ, его зловещая тень видны всюду. Авторы приводят высказывание бывшего резидента ЦРУ в Греции Л. Кэмпбела, который в бешенстве заявил сыну видного греческого политического деятеля Г. Папандреу: «Идите и скажите вашему отцу, что у нас есть свой план для Греции. Мы делаем то, что хотим, и не отступаем ни перед чем!»

В главах, посвященных тайным операциям ЦРУ за границей, имеется небольшой раздел, касающийся подрывной деятельности радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Авторы не развивают этой темы и, явно повторяя утверждения американских официальных лиц, пишут, что «сейчас эти станции переданы в собственность и под контроль госдепартамента». При этом они приводят относящееся к 1976 году высказывание директора радиостанции «Свободная Европа» Р. Кука о том, что «на радиостанции нет служащих, которые имели хотя бы малейшие связи с ЦРУ».

Материалы, опубликованные в последнее время в советской и иностранной печати, убедительно показали, что в действительности, несмотря на все реорганизации, радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» по-прежнему остаются под полным контролем американ-

ской разведки. Руководящие должности на радиостанциях занимают кадровые разведчики ЦРУ. К ним относятся исполнительный директор радио «Свобода» Роберт Так, начальник исследовательского отдела Альберт Бойтер, руководители политического отдела Джон Лодейзен и др. Активно ведут шпионскую работу на радио «Свобода» американцы Джордж Перри, Джеймс Кричлоу. Они по заданию ЦРУ координируют враждебную деятельность так называемых «диссидентов» из числа антисоветского эмигрантского отребья.

В Париже продолжает действовать филиал ЦРУ и радио «Свобода» во главе с Максом Ролисом. Он занимается организацией шпионажа против Советского Союза.

В Риме не прекратила работу так называемая «Международная литературная ассоциация», являющаяся не только филиалом радио «Свобода», но и отделением подставной фирмы ЦРУ в Нью-Йорке «Бедфорд пাবলিকейшнз».

Последние провалы американской разведки, разоблачение ее грязных дел за рубежом не должны создавать иллюзии, будто проискам ЦРУ положен конец. ЦРУ не изменило своего характера, оно готовится к новым авантюрам. Бывший американский разведчик Ф. Эйджи, касаясь широко разрекламированных реформ в ЦРУ, пишет в своей книге «Грязная работа»: «Сегодня, несмотря на все последние реформы, ЦРУ осталось главным образом организацией действия — именно действия, а не просто сбора информации. Сфера его деятельности — это серая зона интервенционистских акций между традиционной дипломатией и вторжением морской пехоты, а его объекты в большинстве стран остаются в основном те же: правительства, политические партии, военные, полиция, секретные службы, профсоюзы, молодежные и студенческие организации, культурные и профессиональные общества, средства массовой информации. Во всех этих объектах ЦРУ продолжает оказывать поддержку своим друзьям и готовить расправу над своими недругами. Но цель у ЦРУ при этом сохраняется старой: укрепление господства США, при котором американские многонациональные компании могут усиливать эксплуатацию естественных богатств и трудящихся других стран»¹.

¹ Ph. Agee and L. Wolf. Dirty Work. The CIA in Western Europe, p. 19.

Три больших раздела книги «Заговоры ЦРУ» почти целиком отданы освещению проблем, связанных с нарушениями конституционных прав американских граждан, организацией ЦРУ и ФБР тотальной слежки за инакомыслящими, участием американской охраны в политических интригах Белого дома, и, наконец, ее еще до конца не раскрытой роли в убийстве президента Кеннеди.

Авторы подробно останавливаются на полицейских операциях, проводившихся в рамках операции «Хаос»: подслушивании телефонных разговоров, перлюстрации частной корреспонденции, тайных обысках и проникновениях в квартиры американцев, картотеках на сотни тысяч американцев, досье на молодежные, женские, негритянские и другие общественные организации и группы, выступавшие под пацифистскими лозунгами, против расовой дискриминации, за гражданские права.

Документальными материалами слушаний в конгрессе США авторы подтверждают участие и руководящую роль Белого дома в организации этих незаконных акций. Несмотря на то что ни ЦРУ, ни ФБР, ни подключенные на более поздней стадии Агентство национальной безопасности (АНБ) и органы армейской разведки не смогли добыть данных об иностранной поддержке движений протеста в США, президент Никсон настаивал на дальнейших расследованиях, требовал представить ему «компрометирующую информацию об иностранном коммунистическом вмешательстве» во внутренние дела США.

При обсуждении планов подавления антивоенного движения, как видно из показаний представителей администрации Белого дома, не обходилось и без разногласий. Белый дом нажимал, ЦРУ послушно исполняло, а ФБР считало, что расширять программу слежки нецелесообразно вообще. У читателя может сложиться впечатление, что руководитель политической полиции США Э. Гувер был ярким приверженцем конституции и законности. На самом деле ФБР просто не желало чужого вмешательства в «свою» сферу деятельности, Гуверу претила мысль о том, что «интеллигенты» из ЦРУ будут копаться в его сейфах, вербовать агентуру среди его подопечных.

Очень скромно в книге подан раздел, касающийся использования ЦРУ и ФБР средств массовой информации. Говорится, со ссылкой на показания в комиссиях конгресса, о 40 сотрудниках американских газет и журналов, работающих на разведку и контрразведку. Между

тем опубликованные в последнее время данные свидетельствуют о том, что почти 400 американских журналистов выполняли секретные поручения ЦРУ — во многих случаях с ведома и санкции главных редакторов. Было выявлено, по крайней мере, 22 американских органа информации, руководители которых знали о связях своих сотрудников с ЦРУ и поощряли их.

О тех журналистах, которые отказывались работать для ЦРУ, в докладах комиссий говорится еще меньше. Это вынуждены признать и авторы книги. По их словам, «в докладе комиссии Рокфеллера поразительно мало сказано о наблюдении ЦРУ за журналистами. Можно с уверенностью сказать, что число журналистов, телефоны которых подслушивались и за которыми ведется слежка по сей день, далеко не ограничивается упомянутыми в докладе отдельными случаями».

Для советского читателя небезынтересно познакомиться со свидетельствами одного американского репортера, не пожелавшего сотрудничать с американской разведкой. Его имя Сэм Джаффе, он бывший корреспондент радио-телевизионной компании Эй-Би-Си. Выступая в 1978 году в телевизионной программе вместе с упоминавшимся выше Стэнли Невинсом, Джаффе заявил: «Последние семь с половиной лет я пытался найти работу. Но найти ее я не могу. Нигде! Всюду говорят: у нас нет вакансий, у вас слишком высокая квалификация! Это результат системы устных предупреждений. Раньше дядя Сэм заводил черные списки. Теперь их нет, но есть белые списки, которые передаются устно...

Я предложил предстать перед сенатом и комиссией палаты представителей и дать показания. Они в то время расследовали вопрос о связях разведки с прессой. Но в ответ на мое предложение они воспользовались возможностью сослаться на запрещающее правило... Я сказал, что могу выступить под присягой. Но они не захотели, чтобы я присягал. Они отбросили меня, как горячую картофелину.

Некий Исидро Филд выступил в печати с заявлением о том, что как свидетелю мне верить нельзя... Я поехал к Исидро Филду в Коннектикут и спросил его: «Почему вы сказали, что я не заслуживаю доверия как свидетель? Ведь мы никогда не встречались с вами!» Филд ответил: «Сэм, на меня оказали давление средства информации, большие люди». Он не назвал никаких имен, но сказал: «Мне пришлось сказать это, ведь я должен думать о сво-

ей карьере!» Так я ничего не мог изменить. Моих показаний боялись, потому что они показали бы на связи между ЦРУ и средствами информации, дипломатами и т. д.

Я думаю, нас обманывают. Это восходит еще ко временам Кореи, к словам генерала Макартура. Они называли «стратегическим отводом войск» то, что было катастрофой. Наших парней разбили в пух и в прах, а американскому народу преподносили ложь. Мне кажется, все это продолжается и сейчас, и я не вижу, чтобы кто-либо предпринимал шаги для исправления создавшегося положения.

Моя карьера потерпела крах, потому что я отверг предложения ФБР о сотрудничестве, потому что я отказался принимать участие в операциях ЦРУ и ФБР. Я считаю, что меня лишили прав человека... Мы говорим о Советском Союзе, о попрании там прав диссидентов. Я считаю, что такое происходит именно здесь, в Соединенных Штатах. И такое случается со многими американцами».

Представляет интерес глава «Водопроводчики Белого дома», подробно рассказывающая об уотергейтском скандале. О нем много писалось в нашей прессе. Начавшийся с тайного проникновения агентов ФБР и ЦРУ в оффис психиатра в поисках документов, «порочающих» сотрудника Пентагона Д. Элсберга, а затем с их попыток установить микрофоны подслушивания в штаб-квартире демократической партии в отеле «Уотергейт», этот скандал в конечном счете привел к падению президента Никсона и осуждению на разные сроки некоторых его помощников.

В уотергейтском деле наряду с бывшими сотрудниками ЦРУ активно участвовали и их агенты из числа кубинских эмигрантов, бежавших в США. В числе этих агентов был некий Ф. Стерджис, сохранявший связи с ЦРУ и совершавший по заданию ЦРУ разведывательные и диверсионные рейды на Кубу. Этот же Стерджис был связан с игорными домами и организованным преступным миром. Примечательно, что его фамилия упоминается в материалах расследования обстоятельств убийства президента Кеннеди, то есть еще до уотергейтского скандала.

Уотергейтская эпопея как нельзя лучше показала нравы, царящие в высших эшелонах власти, продемонстрировала неразрывную связь правящей верхушки США с аппаратом политического сыска, ее развращен-

ность и оппортунизм, прикрываемый плотной завесой демагогии. Коррупция буржуазных институтов власти открылась для всеобщего обозрения во всем своем неприглядном виде.

Последняя глава книги посвящена убийству президента США Джона Кеннеди. Она целиком опирается на материалы доклада комиссии Уоррена, расследовавшей обстоятельства этого преступления, и выводах комиссии Рокфеллера, изучавшей возможную причастность ЦРУ и ФБР к организации убийства президента.

Как известно, обе комиссии пришли к однозначному заключению: в Кеннеди было произведено три выстрела, все они — дело рук Ли Освальда, преступление совершено им одним, по его инициативе, без участия, прямого или косвенного, каких-либо других лиц или организаций.

В книге пространно цитируются показания ответственных сотрудников ФБР, единодушно заверявших комиссию Уоррена в правдивости своих слов. Приводятся данные ФБР о том, что оно провело 25 тыс. допросов свидетелей по делу и представило комиссии Уоррена 2300 докладов.

Но авторы не склонны принимать на веру официальные итоги расследования. Они воспроизводят диалог, состоявшийся в ходе работы комиссии Уоррена в январе 1964 года, когда один из членов комиссии, бывший директор ЦРУ Аллен Даллес заметил, что директор ФБР «Гувер ни в коем случае не захочет признать, что Освальд мог быть агентом ФБР». «Я думаю, — сказал А. Даллес, — что Гувер скажет, что у него нет ничего общего с этим типом., и если он займет такую позицию, то уже ничего нельзя будет доказать».

Сенатор Рассел, обращаясь к Даллесу, спросил: «А ведь ваши люди будут вести себя точно так же, не так ли?»

«Именно так», — сказал Даллес.

14 мая 1964 г. Гувер, выступая в комиссии Уоррена, говорил: «Я торжественно заявляю, что Ли Освальд никогда не был ни сотрудником, ни агентом, ни информатором ФБР». Дж. Маккоун, бывший директор ЦРУ в период, когда произошло убийство и проводилось расследование, делает аналогичное заверение относительно ЦРУ.

Уже после выхода в свет книги «Заговоры ЦРУ» появились новые доказательства того, что президент Кеннеди пал жертвой заговора.

Накануне 1979 года специальная комиссия палаты представителей США, занимающаяся расследованием убийств Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, обратилась с просьбой выделить ей дополнительные ассигнования для проверки с помощью новейших технических средств новых данных по делу об убийстве президента Кеннеди. Комиссия обнаружила, что высказывавшиеся ранее сомнения в правдоподобности официальных версий убийства имеют основание и что по автомобильному кортежу президента в Далласе могло быть сделано не три, а четыре выстрела.

В связи с заявлением комиссии американская печать подчеркивала, что если будет сделан вывод о четырех выстрелах, то это будет первым официальным опровержением доклада комиссии Уоррена и поставит под сомнение другие аспекты этого и других докладов. Как никогда ранее, общественность все более склоняется к мысли, что убийства Кеннеди и Кинга явились результатом заговора, что в США имелись силы, заинтересованные в физическом устранении этих деятелей, и что с этими силами были связаны ФБР и ЦРУ.

«Заговоры ЦРУ», несмотря на очевидную приверженность авторов одной теме, затрагивает, хотя и вскользь, некоторые стороны деятельности французской разведки — СДЕСЕ. В книге упоминаются отдельные, ставшие ныне известными тайные операции СДЕСЕ за границей, по своему характеру и существу сходные с теми, которые проводились ЦРУ. Авторы указывают на особый интерес французской разведки к Африке, где остатки французского колониального влияния еще дают о себе знать и в экономике и в культуре ряда африканских государств. В этой связи они с тревогой замечают, что растущая агрессивность французских спецслужб, в том числе и на территории самой Франции, чревата опасными последствиями для демократических устоев страны.

Такая позиция авторов, стремящихся, пока еще не поздно, извлечь уроки из недавней истории США для своей страны, перекликается с выступлениями в других столицах капиталистического мира. Разоблачения беззаконий ЦРУ заставили многих здравомыслящих людей в странах Запада критически взглянуть на деятельность своих собственных учреждений, призванных обеспечивать законность и порядок.

В Англии, претендующей на роль оплота западной демократии, несомненно под влиянием скандалов в США,

после долгих мытарств опубликована книга Энтони Баньяна «Политическая полиция в Англии»¹, на конкретных фактах раскрывающая лицемерие и ложь английского истеблишмента.

В Италии общественность до сих пор взбудоражена преступной связью бывших руководителей итальянской охраны СИД (ныне переименованной) с ЦРУ и путчистами во главе с «черным князем» Боргезе, их ролью в развязывании террора в итальянских городах.

В ФРГ усилилась критика антиконституционной практики западногерманского ведомства «по охране конституции» (БФФ), навязавшего стране так называемый закон о «запрете на профессии».

В Швеции, Норвегии, Дании получили огласку случаи незаконного проникновения полиции в демократические организации, использования ЦРУ местных спецслужб в своих интересах.

Этими разоблачениями дело, очевидно, не ограничится.

Книга «Заговоры ЦРУ» не свободна от недостатков: в ней есть длинноты, излишняя детализация и порой слепое следование текстам документов; не всегда авторы критически осмысливают высказывания американских официальных лиц. В целом же работа представит несомненный интерес для широких кругов советских читателей.

О. Кедров

¹ T. B u n y a n. The History and Practice of the Political Police in Britain. L., 1976.

Предисловие

22 ноября 1963 г., 12 час. 30 мин., Даллас. Убит президент Соединенных Штатов. Сутки спустя насильственной смертью умирает предполагаемый убийца. В ближайшие за этим дни его судьбу разделят многие важные свидетели; организаторами заговора считают мафию, потом ФБР и, наконец, ЦРУ...

22 ноября 1963 г., то же самое время, Париж: два сотрудника ЦРУ вручают высокопоставленному кубинскому служащему авторучку с отравленным пером. Она должна послужить орудием покушения на Фиделя Кастро. Покидая вместе с присутствовавшими на совещании кубинцами место деловой встречи, агенты ЦРУ узнают о драме, разыгравшейся в Далласе.

22 ноября 1963 г., Варадеро (Куба). Французский журналист Жан Даниэль встречается с Кастро. За несколько недель до этого президент Соединенных Штатов, стремясь к примирению с Кубой, поручает ему эту миссию доброй воли. За завтраком Даниэль и Кастро узнают о смерти Кеннеди. Кастро потрясен...

Три кадра одного кошмарного детектива. Три сюжета, над которыми и по сей день тщетно бьются историки. Возможно ли, чтобы глава государства делал мирные предложения своему противнику и в то же время засылал к нему убийц? В глубине души мы не можем не признать, что в общем-то это правдоподобно. Генрих II произнес имя Томаса Бекета и спросил: «Кто избавит меня от этого человека?» Он не сказал: «Убейте его!» И в этом — суть дела, суть неограниченной власти, секретных служб, двойной игры. Кто — десятки раз — покушался на жизнь Кастро? Кеннеди, Даллес, сотрудники ЦРУ? И кто же тогда убил самого Кеннеди? Мафия, кубинские эмигранты, ФБР, ЦРУ, кто-то из них или все они, вместе взятые?

Опубликованные недавно доклады Комиссии по расследованию деятельности американских секретных служб исчерпывающего ответа на эти вопросы не дают, но в них содержится беспрецедентная по объему информация, они до мельчайших деталей обнажают механизм власти. Расследование деятельности ЦРУ и некоторых других секретных служб — последнее из целой серии разоблачений, которым подверглось государство и которые за несколько лет, накануне его двухсотлетнего юбилея, основательно встряхнули эту первую из современных демократий.

Досье Пентагона раскрыли перед нами многие секретные архивы войны, которая тогда еще не была окончена: появилась возможность измерить, до какой степени общественное мнение информировалось о ней неполно, искаженно, сколь последовательно политика кровавой бойни проводилась под прикрытием благодушных речей, как далеко вообще могут зайти цинизм, провокация, политический шантаж.

Пустяковое дело о взломе, совершенном в «Уотергейте», стало самым громким политическим скандалом нашего времени. Шайка взломщиков, состоявших непосредственно на службе у президента, устанавливала подслушивающие аппараты, чтобы шпионить за его политическими соперниками. Записи телефонных разговоров самого президента, позже преданные гласности, свидетельствуют о пошлости, бесстыдстве, расизме, алчности, бредовых претензиях на неограниченную власть, какие свойственны обычно определенному политическому классу.

Расследования деятельности многонациональных компаний показали, что целые направления в международной политике находились в руках нескольких генеральных директоров. Когда интересы компаний оказывались под угрозой, они без колебаний тратили громадные суммы на то, чтобы подорвать экономику чужой страны, фальсифицировать выборы, протолкнуть своих людей; они не останавливались при этом перед необходимостью спровоцировать переворот или жестокую резню.

Результаты расследования системы взяток стали дополнительными штрихами к групповому портрету этих межнациональных монополий, чей излюбленный метод работы — подкуп.

И наконец, сенаторы, члены палаты представителей

расследуют в 1975 и 1976 годах деятельность американских секретных служб. Подобные акции проводились и раньше, ведь парламентские расследования входят в традиции американской демократии; так было, например, в 1967 году, когда пресса изобличила ЦРУ в том, что оно финансирует студенческие организации и различные культурные фонды, в 1972 году, когда один историк рассказал о том, как ЦРУ контролирует рынок наркотиков в Юго-Восточной Азии. Но на этот раз расследование зашло очень далеко. Конституционные полномочия сенаторов и членов палаты представителей открыли им доступ к сверхсекретной информации, к шифровкам, которыми штаб-квартира обменивалась со своими резидентурами в разных точках земного шара, к технике, которую использовали ЦРУ, военная разведка или Федеральное бюро расследования.

Несмотря на некоторые пробелы, комиссиям удалось в конце концов составить довольно полную картину того, что собой представляет международная политика, которую олицетворяет такой человек, как Генри Киссинджер. Это — стремление к мировому господству и мелкий грязный шантаж, стратегия дестабилизации и финансовые спекуляции, расправа с политическими противниками.

Братья Кеннеди выразили твердое намерение разорвать связь, существующую между миром политики и организованной преступностью. И оба погибли от рук убийц. 12 лет спустя несколько сенаторов, отдавая себе отчет в рискованности затеянного дела, возобновляют атаку, которую начали Кеннеди. Один из них — Фрэнк Черч, видный политический деятель Соединенных Штатов.

Можно, конечно, счесть слишком ограниченной «новую нравственность», к которой он призывает. И тем не менее, учитывая политическую обстановку, в которой мы находимся, нас не должно оставлять равнодушными никакое усилие, направленное на укрепление демократии.

Но одного неправильного суждения следует избегать безусловно: считать ЦРУ единственным злом на том основании, что его деятельность наиболее заметна. Если есть еще «трупы в стенных шкафах» ЦРУ (выражение одного американского журналиста), то сколько же их в «шкафах» французской, британской и некоторых других секретных служб?

Задайте вопрос: возможны ли подобные расследования во Франции? Вы получите отрицательный ответ,

Между тем там непочатый край работы, ведь секретные службы во Франции тоже процветают. Внутри страны — доносчики, осведомители, тайные агенты, подслушивающие аппараты, перлюстрация почты, шантажисты, компьютеры в распоряжении полиции, вооруженные банды на службе власти.

Кто не понимает сегодня, что секретность — это краеугольный камень неограниченной власти? И почему все эти сенсационные разоблачения, раскрытые заговоры, развенчанная политическая демагогия не меняют наше отношение к власти, силе, государству?

Загадок много, отгадок мало. Читатели, задумайтесь и вы над этими вопросами...

К читателю

Доклад Черча представляет собой огромный монтаж цитат с комментариями и заключениями членов комиссии. Эти цитаты были извлечены более чем из 8 тыс. страниц протоколов опроса свидетелей. Многоточия в круглых скобках (...) означают сокращения в протоколах, сделанные в процессе расследования самими авторами доклада и соответственно перенесенные в эту книгу. Со своей стороны мы, в интересах читателя, несколько сократили чрезмерно растянутые и повторяющие друг друга материалы; эти сокращения обозначены многоточием в квадратных скобках [...]. В некоторых случаях мы ввели в текст те сноски доклада, которые логически примыкали к изложенным фактам.

В тексте доклада каждая цитата сопровождается ссылкой на источник и дату. Большинство таких ссылок относится к свидетельским показаниям, которые давались сенатской комиссии, или к документам, недоступным читателю. Чтобы не перегружать книгу, мы отказались от них — кроме тех случаев, когда в источнике содержалась дополнительная информация.

Доклад Рокфеллера, более однородный по своей структуре, в подобной редакционной обработке не нуждался. Все тексты собственно издателей — заголовки, подзаголовки, связующие тексты и тексты, заключенные в рамку, примечания, цитаты — выделены курсивом.

Часть первая
УБИЙСТВА

(Доклад комиссии Черча)

1

Семь недель в Сантьяго

*Материал подготовлен
Давидом Антонелем*

Чилийцы только что проголосовали, и Сальвадор Альенде получил относительное большинство голосов: вскоре — и на шесть лет — он станет президентом республики. Правительство Соединенных Штатов решило, что с этим мириться оно не может; но оно не могло и развязать открытую войну...

И вот вечером 4 сентября 1970 г. началась тайная изощренная жестокая война. Одна из самых секретных, самых злобных, самых коварных войн нашего времени. Война, которая, безусловно, моделирует многие последующие. Нечто вроде «пробы пера», проверка стратегий грядущего. Она закончится утром 11 сентября 1973 г. Смерть Сальвадора Альенде в пылающем дворце «Ла Монеда» — через три года и семь дней после избрания —

ознаменует победу Соединенных Штатов. Три года и шесть дней эта война, собственно, будет бескровной. Но последний ее день — это тысячи трупов, и позже — еще тысячи уничтоженных заключенных.

Это рассказ об одном из первых эпизодов долгой секретной войны. Это и история первой смерти — убийство Рене Шнейдера.

Отчет комиссии по расследованию обстоятельств убийства Рене Шнейдера составлен главным образом из показаний свидетелей о датированных событиях (встречи, политические акции, поставки оружия и т. п.) и из документов, также датированных (меморандумы, телеграммы и т. п.). Время действия — в основном период между выборами 4 сентября 1970 г. и ратификацией этих выборов чилийским конгрессом 24 октября, то есть семь недель спустя. Мы разрезали отчет, соединили части, датированные одним числом, и перестроили отчет в хронологическом порядке, с тем чтобы последовательность событий была более наглядной.

Выборы 4 сентября 1970 г.

В пятницу, 4 сентября 1970 г., на президентских выборах в Чили доктор Сальвадор Альенде собрал относительное большинство голосов.

Сенатор в течение многих лет, основатель социалистической партии Чили, Сальвадор Альенде был кандидатом от коалиции Народного единства (куда входили коммунисты, социалисты, социал-демократы, радикалы и часть христианских демократов). Он уже в четвертый раз выдвигал свою кандидатуру на президентских выборах и не скрывал своих марксистских убеждений.

Соперниками Альенде были Радомиро Томич, кандидат от партии христианских демократов, в то время правящей партии, и Хорхе Алессандри, кандидат от правой национальной партии. Альенде получил 36,3% голосов. Алессандри оказался на втором месте, получив 35,3%. Перевес голосов в пользу Альенде составлял 39 тыс. из 3 млн. общего числа голосов¹.

Эдуардо Фрей, лидер партии христианских демократов, занимавший в то время пост президента, не мог быть в числе кандидатов: чилийская конституция запрещает президенту быть преемником самому себе.

Поскольку ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства, парламент на специальной сессии должен был — в соответствии с чилийской конституцией — избрать одного из двух кандидатов, получивших

¹ Вот официальные данные о результатах, опубликованные на следующий день после выборов: воздержавшихся 16,3%, поданных голосов 2 962 743. Сальвадор Альенде (Народное единство) — 1 075 616 голосов (36,3%); Хорхе Алессандри (национальный союз) — 1 036 278 (34,9%); Радомиро Томич (христианские демократы) — 824 849 (27,8%). Окончательные результаты, объявленные 22 октября, имеют незначительные отклонения (Альенде — 1 070 334 голоса, Алессандри — 1 031 159 голосов), но разрыв останется прежним: 39 000 голосов.

наибольшее число голосов. В прежние годы этот закон соблюдался чисто формально, и парламент неизменно утверждал кандидатуру, получившую большее число голосов в результате прямых выборов. Сессия была назначена на 24 октября 1970 г.

Марсель Нидерганг, специальный корреспондент газеты «Монд» в Сантьяго, так описывает демонстрации, проходившие в пятницу вечером: «...Десятки тысяч демонстрантов праздновали всю ночь эту победу в Сантьяго, возбужденном, охваченном лихорадкой, гудящем от криков, лозунгов, заполненном процессиями; размахивали плакатами и непрерывно скандировали: «Альенде, Альенде...»

Сначала это было просто веселое гулянье, организованное Сальвадором Альенде в районе президентской резиденции. Но толпа быстро росла, и, когда было объявлено о том, что перед собравшимися выступит лидер Народного единства, власти забеспокоились. К полуночи у президентского дворца «Ла Монеда» были сосредоточены автоматчики. Над шумной, радостной толпой появились вертолеты».

Однако в редакционной статье под заголовком «Успех, чреватый угрозой» «Монд» утверждала, что ничего еще не решено: «Как сможет конгресс через 50 дней вынести спокойное решение, если предполагаемый приход Сальвадора Альенде на пост президента республики рассматривается консерваторами и некоторыми из их военных друзей как национальная катастрофа? Как, с другой стороны, Альенде сможет отказаться от того, что он уже назвал «вердиктом урн»? Позволительно, стало быть, спросить, не открыли ли президентские выборы 4 сентября тревожный период в жизни страны, которая до сих пор была меньше, чем ее соседи, затоплена волнами насилия и анархии, бушующими в Латинской Америке? Не предвещают ли победные возгласы, которыми прошлой ночью в Сантьяго был встречен кандидат Народного единства, не предвещают ли они гневных криков тех, кто мечтает задушить эту образцовую демократию?»

А для «Нью-Йорк таймс» утверждение Альенде на посту президента, предстоящее в конгрессе 24 октября, не вызывает, наоборот, никаких сомнений, и газета сообщает, что очень многие члены парламента — демохристиане

уже заявили о своей решимости голосовать в этот день за него.

Для большинства наблюдателей результаты выборов 1970 года явились неожиданностью. В этот день в Чили возникли две прямо противоположные силы: одна — рожденная надеждой и народным воодушевлением, другая — страхом.

Но, быть может, самое важное для будущего Чили происходило в эти дни, сразу после выборов, не в Сантьяго. Третья сила заработала в Вашингтоне, сила, порожденная логикой вмешательства во внутренние дела Чили, в конечном счете более опасная для судеб чилийской демократии, чем все контрмеры чилийских консерваторов, подстегиваемых страхом и инстинктом самосохранения. Тайные пружины этой третьей силы останутся нераскрытыми. Очевидными будут только результаты. Догадки о ее существовании возникнут, но ни один журналист не сможет в то время ее охарактеризовать.

Действие начнется в понедельник утром в Вашингтоне. Это станет началом первой недели. Конгресс, который должен будет официально утвердить Альенде на посту президента республики сроком на шесть лет, соберется в субботу, которой завершится седьмая неделя.

Первая неделя

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 СЕНТЯБРЯ. ДОКЛАД ЦРУ

7 сентября Информационное управление распространило по внутренним каналам доклад с оценкой возможного влияния на национальные интересы Соединенных Штатов факта прихода к власти правительства Альенде. В документе уточнялось:

«Относительно угрозы национальным интересам США мы приходим к следующим выводам:

1. США не имеют жизненно важных национальных интересов в Чили. Но экономические потери могли бы быть значительными.

2. Мировое равновесие военных сил не изменилось бы существенно в результате прихода к власти правительства Альенде.

3. Возможная победа Альенде, однако, привела бы к очень большим издержкам в плане политическом и психологическом:

а) политическое единство континента оказалось бы под угрозой в силу того, что сам факт существования правительства Альенде был бы вызовом ОАГ (*Организация американских государств*). В этом случае цепная реакция в других странах не заставила бы себя ждать. Вместе с тем, возможно, никакой опасности для дела мира в этом районе земного шара не возникло бы;

б) возможная победа Альенде явилась бы явным психологическим уроном для Соединенных Штатов и явным успехом марксистских идей». [...]

Информационное управление наряду с Оперативным, Административным и Научно-техническим является одним из четырех крупнейших управлений ЦРУ.

Персонал насчитывает приблизительно 3 тыс. 500 человек. Бюджет составлял в 1973 году ориентировочно 100 млн. долл.

Его функция — поставлять правительству подробную информацию в области политики, экономики и военного дела. Источники этой информации весьма разнообразны: специализированные службы систематически анализируют тысячи иностранных изданий; другие регулярно следят за радио- и телепередачами. Информация из открытых источников дополняется, разумеется, информацией секретного порядка. Таким образом, информация, собираемая тайными агентами, хотя и представляет собой лишь ограниченную часть всей массы собираемых данных, играет основную роль в подготовке разведывательных донесений.

Вот как Маркетти и Маркс¹ описывают работу аналитиков Информационного управления: «Специалисты управления составляют доклады на основе текущей информации..., а также аналитические прогнозы на более длительный срок относительно регионов, находящихся под угрозой политических кризисов, или по другим темам, представляющим определенный интерес для лиц, ответственных за политику правительства. Подобная работа... весьма сходна с той, которую осуществляет бригада журналистов, и, действительно, Информационное управление распространяет ежедневные и еженедельные материалы, сходные с материалами большой американской прессы, с той лишь разницей, что они носят сугубо конфиденциальный характер».

Доклад, который ЦРУ распространило в Вашингтоне в понедельник, 7 сентября, был своего рода стандартным аналитическим прогнозом, которые Информационное управление систематически выпускает после каждого политического изменения на мировой арене.

¹ Victor Marchetti et John D. Marks. La CIA et le culte du renseignement. Robert Laffont, 1975.

Комитет 40 заседал дважды в период между 4 сентября, когда Альенде собрал относительное большинство голосов на прямых выборах, и совещанием 15 сентября, когда директор ЦРУ получил инструкции от президента Никсона. В обоих случаях ставился вопрос об американском вмешательстве в подготовку военного переворота в Чили.

В свидетельском показании комиссии Киссинджер подчеркивает важность этих совещаний: «Я думаю, что совещание 15 сентября [с президентом] должно рассматриваться в контексте предшествующих двух совещаний Комитета 40. 8 и 14 сентября комитет был вынужден рассмотреть возможность военного переворота в Чили, организованного при участии Соединенных Штатов. Он должен был проанализировать выгодные и невыгодные стороны такого решения, а также его шансы на успех».

Согласно отчету Комитета 40, обсуждались следующие вопросы:

«...Все заинтересованные лица высказались за необходимость полного пересмотра прежних планов относительно фазы-II... Директор¹ же подчеркнул, что парламентская операция, направленная против Альенде, не будет иметь шансов на успех и что, как только Альенде приступит к исполнению своих обязанностей, оппозиционные силы в Чили распадутся. Он не высказался в пользу какой-то определенной линии поведения, но отметил, что военный переворот, имеющий целью свержение Альенде, будет иметь очень мало шансов на успех, если только его не совершить молниеносно. Президент и министр юстиции², каждый со своей стороны, поддержали этот тезис(...). По окончании(...) совещания президент поручил послу подготовить «хладнокровный анализ» относительно:

«1. Положительных и отрицательных сторон военного переворота, который мог бы произойти теперь в Чили при участии Соединенных Штатов, проблем, которые могли бы возникнуть, и перспектив, которые могли бы открыться в результате такой операции.

¹ Директором ЦРУ был в то время Ричард Хелмс.

² Председателем Комитета 40 был Генри Киссинджер, министром юстиции — Джон Митчел.

2. Положительных и отрицательных сторон организации в будущем оппозиции правительству Альенде, проблем, с этим связанных, и вероятных перспектив» (памятная записка ЦРУ).

В функции Комитета 40 входит контроль за деятельностью ЦРУ: при его посредничестве управление связывается с президентом Соединенных Штатов и получает от него инструкции. Это один из самых засекреченных правительственных организмов Вашингтона. В прошлом его называли Группой 54—12, Специальной группой или Комитетом 303. Свое современное название он получил в 1970 году.

Комитет возглавляет помощник президента по вопросам национальной безопасности (в то время Генри Киссинджер) или его представитель. Директор ЦРУ является, разумеется, полноправным членом комитета, где его чаще всего сопровождают начальник Оперативного управления и крупные чиновники управления, эксперты по обсуждаемым вопросам. Речь идет об узком межведомственном комитете: Пентагон представлен председателем Объединенного комитета начальников штабов (в 1970 г. — адмирал Томас Мурер), государственный департамент — государственным секретарем или одним из его заместителей и т. п. Когда Джон Митчел был министром юстиции, он также часто присутствовал на совещаниях.

Чтобы уменьшить риск утечки информации, членов комитета, не входящих в ЦРУ, эксперты не сопровождают. По той же причине функцию секретаря комитета исполняет сотрудник ЦРУ, а отчеты о заседаниях почти всегда фрагментарны, и запись обсуждения по наиболее деликатным вопросам вообще не ведется.

В принципе любой проект тайной операции, чреватой политическим риском, должен быть одобрен Комитетом 40. Но контроль над деятельностью ЦРУ, осуществляемый таким образом, весьма мало эффективен, потому что:

1) в комитет входят только лица, целиком расположенные оказывать доверие ЦРУ;

2) только ЦРУ располагает информацией, необходимой для принятия решения: предложения о вмешательстве вносятся сотрудниками ЦРУ; что касается остальных, то «они присутствуют там как группа прилежных учеников, они слушают, вытирают глаза», — рассказывает бывший член комитета, добавляя, что, как ему казалось, легче получить согласие комитета на проведение секретной операции, нежели добиться разрешения администрации на приобретение новой пишущей машинки;

3) наконец, если операция не терпит огласки, то, как мы увидим в дальнейшем, о ней не говорят и в Комитете 40.

Насколько нам известно, после совещания 8 сентября Комитет 40 собирался в течение семи критических недель еще пять раз.

СРЕДА, 9-е. «ГАМБИТ АЛЕССАНДРИ»

Кандидат национальной партии на выборах 4 сентября Хорхе Алессандри заявил, что если 24 октября конгресс утвердит президентом его, то вслед за этим он подаст в отставку, с тем чтобы были назначены новые выборы. В этом случае Фрей, как единственный кандидат правых сил, мог бы выдвинуть свою кандидатуру и стать президентом, потому что в таком случае он уже не был бы преемником самому себе, а преемником Алессандри, президента периода выборов. Таким образом, статья чилийской конституции, запрещающая переизбрание президента на второй срок, не была бы нарушена. Эта идея носилась в воздухе с начала недели. Изобретательный маневр, тотчас окрещенный «Гамбитом¹ Алессандри», вызвал в Вашингтоне заметную заинтересованность: в следующий понедельник вокруг этой комбинации разгорятся споры в Комитете 40.

¹ Гамбит: от итальянского „gambetto“ (подножка). Начало шахматной игры, при котором ради скорейшего перехода в нападение жертвуют фигурой или пешкой.

В Сантьяго комитет юристов «Родина и Свобода» ругается в законности «Гамбита Алессандри». Газета «Меркурио» в своей редакционной статье выступает инициатором этой идеи.

«Меркурио» — основное ежедневное издание правых сил в Чили. Его директора Аугустина Эдвардо можно будет обнаружить в следующий вторник в Вашингтоне за утренним рабочим завтраком вместе с Генри Киссинджером и Джоном Митчелом.

СУББОТА, 12-е. АРМИЯ НЕ МОЖЕТ И НЕ ХОЧЕТ БРАТЬ ВЛАСТЬ

12 сентября Эдвард Корри, посол Соединенных Штатов в Сантьяго, передает в Комитет 40 составленный им «хладнокровный анализ» сложившейся ситуации. «Здесь [в посольстве] для нас теперь очевидно, что чилийская армия не сделает ничего, я подчеркиваю, *ничего*, чтобы предотвратить приход Альенде к власти, разве что произойдет что-нибудь совершенно невероятное — например, нация ввергнется в хаос или воцарится насилие». Далее посол добавлял: «Наши военные советники решительно отвергают возможность действенного военного вмешательства в политические дела». В заключение посол уточняет: «Из этого «хладнокровного анализа» следует прежде всего, что сейчас невозможно рассматривать вероятность плодотворного сотрудничества между правительством Соединенных Штатов и чилийской армией» (ответ посла на просьбу проанализировать возможное военное решение нынешней ситуации в Чили, меморандум от 12 сентября 1970 г.).

Ответ ЦРУ обнаруживает то же умонастроение. Заместитель Киссинджера по латиноамериканским делам в Совете национальной безопасности так резюмирует «хладнокровный анализ» ЦРУ в меморандуме, предназначенном его шефу: «Военная операция исключена; армия не способна и не хочет брать власть. Мы не в состоянии ни спровоцировать, ни начать сами государственный переворот».

Командующим чилийской армией был генерал Рене Шнейдер.

Родился в Консепсьоне в 1913 году; окончив в 1932 году Военную академию, в течение 20 лет служил пехотным офицером; в 1953 году стал командующим сухопутными войсками и начальником академии. Он командовал 5-й дивизией на крайнем юге страны, в Пунта-Аренасе, когда его друг Эдуардо Фрей, в то время президент республики, призвал его восстановить единство армии, нарушенное восстанием в Такнасо. 26 октября 1969 г. он был назначен главнокомандующим чилийской армией.

В апреле 1970 года сделал заявление в «Меркурио», органе консерваторов, о том, что армия примет «вердикт урн», каким бы он ни был.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ

Пока в Вашингтоне циркулировали аналитические меморандумы ЦРУ и заседал Комитет 40, пока в Сантьяго готовился «Гамбит Алессандри» и посол Корри обдумывал свое донесение, начало ухудшаться экономическое положение в Чили.

В понедельник утром перед некоторыми банками образовались очереди. «В центральных агентствах коммерческого банка «А. Эдвардс и К°» беспорядочные очереди клиентов теснятся перед окошками касс, чтобы получить обратно свои вклады. Этот банк контролирует только семейство Эдвардсов. Это чилийское семейство, которое печатает несколько газет, владеет недвижимостью, транспортом и рыболовецким промыслом...» (НЙТ¹).

На черном рынке колоссальный спрос на доллары привел к падению курса эскудо.

В понедельник вечером туристические агентства закончили продажу авиабилетов на две недели вперед.

«Все идет не так уж плохо, — заявил один из финан-

¹ НИТ — наше обозначение газеты «Нью-Йорк таймс». В дальнейшем мы будем часто ссылаться на нее как на источник информации. Выдержки из статей будут обозначаться кавычками.

систов, — паники нет, все это только меры предосторожности».

На Уолл-стрит: «Тревога по поводу предполагаемых изменений экономической политики в Чили отчетливо видна... в комментариях американских дельцов, имеющих капиталовложения и торговые интересы в этой стране» (НЙТ). В 1970 году в Чили действовали 110 североамериканских фирм. По данным министерства торговли США, соответствующие капиталовложения составляли 964 млн. долл. в начале 1969 года со среднегодовым приростом в 85 млн. долл.

Курсы акций «Анаконда компани» и «Кеннекот коп-пер корпорейшн» (обе компании добывают чилийскую медь) заметно падали, а на медном рынке тенденция к повышению резко замедлилась в связи с неясностью перспектив дальнейших поставок меди (производство меди в Чили в 1969 году достигло 686 тыс. т, что ставило ее на второе после Соединенных Штатов место в мире).

Представитель фирмы «Анаконда» в Сантьяго заявил: «Я полагаю, что национализация без компенсации — наиболее вероятное решение, за которое ухватится г-н Сальвадор Альенде, если он станет главой государства в Чили... Тогда мы, вероятно, столкнемся с теми же проблемами, с которыми столкнулась «Интернэшнл петролеум компани» (ИПК) в Перу. Перуанская хунта генерала Альварадо также обещала компенсацию после конфискации имущества нефтяной компании, с тем чтобы соблюсти законность и не подпасть под действие поправки Хикенлупера. Но в то же время она потребовала от ИПК ликвидировать задолженность, существующую, согласно утверждению перуанских властей, с 1924 года. Если г-н Альенде изберет решение — национализацию без компенсации, мы окажемся на пути к серьезному кризису, по размаху и последствиям значительно превосходящему кризис, вызванный национализацией имущества ИПК в Перу. У нас интересы не только в Чили, но, как вы знаете, во всем мире...» («Монд»).

Доходы «Анаконды» к 1969 году достигли приблизительно 100 млн. долл., и 48 млн. долл. компания выплатила своим акционерам.

Компания ИТТ («Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн») имела в 1970 году капиталовложений в Чили на сумму, превышающую 100 млн. долл. Ее представитель в Нью-Йорке отказывался комментировать результаты выборов в Чили (НЙТ).

И не потому, что он не знал, что сказать: «В самом начале года Дженин [президент ИТТ] и его коллега по административному совету Маккоун [бывший директор ЦРУ] уже проявляли беспокойство относительно будущего Чили и обсуждали этот вопрос на заседаниях совета; оба они были убежденными антикоммунистами и считали возможным не допустить Альенде к власти. Маккоун неоднократно встречался со своим близким другом Ричардом Хелмсом в Вашингтоне и в своей резиденции в Калифорнии, выпрашивая его, не намеревается ли правительство Соединенных Штатов что-либо предпринять... Хелмс ответил, что Комитет 40, возглавляемый Киссинджером, которому ЦРУ подотчетно, уже принял решение воздержаться от какого бы то ни было вмешательства... [На самом деле] ЦРУ, предприняв свое собственное зондирование общественного мнения, пришло к заключению, что поддерживаемый им кандидат Алессандри завоеует относительное большинство, собрав 40% голосов; тем не менее Хелмс признался Маккоуну, что он, со своей стороны, не верит в победу Алессандри. Однако он дал понять, что «минимум усилий», для того чтобы помешать победе Альенде на выборах, будет предпринят в рамках возможностей бюджета ЦРУ»¹.

И в период с 7 по 13 сентября Дженин предложил через Маккуна миллион долларов на то, чтобы преградить путь Альенде.

¹ Antony Sampson. ITT, l'Etat souverain. Editions Alain Moreau, 1973.

Вторая неделя

В понедельник, 14 сентября, Комитет 40 собрался, с тем чтобы изучить полученные донесения и определить, какие меры следует принимать: «Комитет с исключительным вниманием проанализировал отчет, подготовленный ЦРУ на основе «хладнокровных анализов» посла и резидентуры, где суммируются возможные политические и военные решения в рамках ситуации, сложившейся в Чили в результате выборов. Дискуссия сосредоточилась вокруг маневра под названием «Гамбит Руби Гольдберга» (другое название «Гамбита Алессандри»).

Резидентура направила самостоятельный отчет, отличный от отчета посла... Что значит резидентура ЦРУ?

Расположенная, как правило, в столице под видом дипломатической миссии, резидентура является центром разведывательной сети ЦРУ в данной стране. Руководит резидентурой резидент (обозначаемый буквами COS — Chief of Station) и его заместитель. Штат сформирован из сотрудников ЦРУ; каждому поручен свой участок работы. Это — исполнители. В некоторых странах существуют резидентуры не только в столице, но и в других городах. Они находятся в подчинении резидента и управляются подрезидентами (COB — Chief of Base).

В принципе резидентура несет прямую ответственность за проведение всех операций ЦРУ в данной стране. Тем не менее некоторые сверхсекретные задания, как это будет видно в даль-

нейшем, иногда выполняются без ее ведома. Впрочем, резидент, как правило, информирован.

Резидентура ежедневно отчитывается о своей деятельности региональному отделу Оперативного управления в Вашингтоне (см. ниже).

О повседневной деятельности одной из резидентур в Латинской Америке говорит наиболее интересный из опубликованных документов — Ф. Эйджи, «Дневник сотрудника ЦРУ»¹.

«На посла Корри возложена миссия по установлению непосредственного контакта с президентом Фреем, чтобы выяснить, согласен ли он действовать в соответствующем направлении.

Сумма в 250 тыс. долл. выделена комитетом для «секретной поддержки проектов, которые Фрей или его доверенные лица сочтут целесообразными»². Кроме того, было решено, что ЦРУ развернет агитационную кампанию, подчеркивая опасности возможного прихода Альенде к власти» (ЦРУ. Памятка о нашем решении действовать секретно в связи с чилийскими президентскими выборами в сентябре 1970 года). [...]

ВТОРНИК, 15-е. ИНСТРУКЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

15 сентября 1970 г. в Белом доме состоялось совещание, на котором присутствовали президент Никсон, Генри Киссинджер, помощник президента по вопросам национальной безопасности, Ричард Хелмс, директор ЦРУ, и Джон Митчел, министр юстиции. Тема совещания — положение в Чили.

Заметки, сделанные Ричардом Хелмсом в эти часы, красноречиво характеризуют как содержание дискуссии, так и инструкции президента:

¹ Philip Agee. Le Journal d'un agent secret. Le Seuil. 1976 (в русском переводе «За кулисами ЦРУ». М., 1979. — Прим. ред.).

² 250 тыс. долл., выделенные Комитетом 40, останутся неизрасходованными. Единственное предложение, которое было сделано в связи с их применением, — дать взятки членам чилийского парламента, чтобы они голосовали против Альенде, — очень скоро обнаружило свою невыполнимость.

У НАС МОЖЕТ БЫТЬ ОДИН ШАНС ПРОТИВ ДЕСЯТИ, НО НУЖНО СПАСТИ ЧИЛИ... СТОИМОСТЬ ОПЕРАЦИИ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ... СВЯЗАННЫЙ С ЭТИМ РИСК ВО ВНИМАНИЕ НЕ ПРИНИМАТЬ... ПОСОЛЬСТВУ ДЕРЖАТЬСЯ В СТОРОНЕ... АССИГНУЮТСЯ 10 МЛН. ДОЛЛ. НАЛИЧНЫМИ, В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ И БОЛЬШЕ... РАБОТАТЬ КРУГЛОСУТОЧНО — ВЫДЕЛИТЬ ЛУЧШИХ АГЕНТОВ... СОСТАВИТЬ ПЛАН ОПЕРАЦИИ... ИСТОЩИТЬ ЭКОНОМИКУ... 48 ЧАСОВ НА РАЗРАБОТКУ СТРАТЕГИИ.

Давая свидетельские показания комиссии по расследованию, Ричард Хелмс заявил, что, насколько ему помнится, с заседания 15 сентября он вынес «впечатление, что президент совершенно недвусмысленно настаивал на том, чтобы было что-то сделано. Как сделать — безразлично, и он выразил готовность выделить на это необходимые средства... Этим приказом он давал нам карт бланш... Именно в тот день я покинул овальный кабинет [кабинет президента] с самыми широкими, чем когда-либо, полномочиями».

Ричард Хелмс утверждал также, что совещание 15 сентября, на котором присутствовал президент Никсон, могло быть вызвано присутствием в Вашингтоне Аугустина Эдвардса, владельца газеты «*Меркурио*» в Сантьяго. В то утро Генри Киссинджер и Джон Митчел завтракали в обществе Эдвардо и Дональда Кендала, президента «Пепси-кола компани», по просьбе последнего. Беседа касалась политической ситуации в Чили и трудностей, которые переживают «*Меркурио*» и другие враждебные Альенде течения. Вот что сказал об этом Хелмс: «Я помню, что перед этим совещанием [с президентом Никсоном] директор «*Меркурио*» прибыл в Вашингтон и меня попросили посетить его в отеле, где он остановился; это свидание было устроено с помощью Дональда Кендала, владельца «Пепси-кола компани»... Я совершенно убежден, что именно присутствие Эдвардо в Вашингтоне побудило президента созвать совещание, на котором я сделал уже упомянутые здесь записи; Кендал сообщил о взгляде Эдвардо на события в Чили». [...]

Воспоминания Генри Киссинджера о совещании 15 сентября совпадают с рассказом Ричарда Хелмса. Хотя д-р Киссинджер не припоминает, чтобы указания президента были так определены, как это утверждает Хелмс, в своих показаниях он действительно заявляет: «...Из совещания 15 сентября прежде всего следовало, что Хелмсу было поручено сделать все от него зависящее, чтобы помешать Альенде стать президентом... Президент

Никсон, бесспорно, хотел, чтобы Хелмс вдохновил чилийскую армию на совместные с нами действия или на самостоятельную борьбу с Альенде». [...]

Ричард Хелмс родился в 1913 году в Пенсильвании в семье промышленников и банкиров. Его школьные годы частично проходят в Швейцарии, где он научился бегло говорить по-немецки и по-французски. Закончив образование в Соединенных Штатах, он в 1935 году возвращается в Европу в качестве корреспондента агентства Юнайтед Пресс; интервью с Гитлером сделало его знаменитым.

В самом начале войны благодаря знанию нескольких языков и опыту журналиста он получает назначение в Управление стратегических служб. В ЦРУ он с момента его образования в 1947 году.

В 1961 году, во время операции в заливе Кочинос, был заместителем начальника Оперативного управления. После провала этой операции его непосредственный начальник Ричард Биссел вынужден был подать в отставку, и Хелмс назначается его преемником. Затем он занимает пост заместителя директора ЦРУ, а в 1966 году становится директором. В 1973 году покидает ЦРУ и назначается послом Соединенных Штатов в Иране.

Суждение компетентных лиц о Ричарде Хелмсе: «Преемнику Биссела Ричарду Хелмсу, хотя он и занимал тогда пост заместителя начальника Оперативного управления, удивительным образом удалось избежать участия в операции в заливе Кочинос. Несколько лет спустя один из сотрудников ЦРУ был изумлен, узнав, что в архивах этого учреждения не существует ни одного документа, который мог бы каким-нибудь образом свидетельствовать об ответственности за нее Хелмса, хотя тот курировал большую часть операции. Этот человек, впрочем, не подвергал критике принципы работы Хелмса. Он просто выразил свое восхищение ловкостью и точностью суждений человека, который каждый раз тща-

нейшим образом избегал ставить свою подпись под каким бы то ни было документом, относящимся к этому делу, даже тогда, когда оно было еще в стадии проекта» (Victor Marchetti et John Marks).

СРЕДА, 16-е. ЛЭНГЛИ¹

На следующий день, то есть 16 сентября, Ричард Хелмс созвал рабочее совещание ЦРУ, чтобы проанализировать чилийскую ситуацию. Во время совещания он довел до сведения коллег свое понимание инструкции президента: «Директор поставил группу в известность о решении, принятом президентом Никсоном: перспектива Чили, возглавляемого правительством Альенде, неприемлема для Соединенных Штатов. Президент поручил ЦРУ помешать приходу Альенде к власти или, если это не удастся, свергнуть его. Он разрешил управлению, в случае необходимости, истратить на это мероприятие 10 млн. долл. Кроме того, ЦРУ должно будет выполнить эту миссию, не вступая ни в какие отношения ни с государственным департаментом, ни с министерством обороны» (меморандум ЦРУ). [...]

Ни один из сотрудников ЦРУ не мог себе представить, что убийство могло фигурировать среди распоряжений, отданных Хелмсом.

Вопрос сенатора Харта из Колорадо: ...Подразумевала ли физическое уничтожение карт бланш, которую вы получили, чтобы помешать Альенде вступить на пост президента?

Ответ Хелмса: Я, во всяком случае, так этого не понял. Когда я был поставлен во главе ЦРУ, то уже тогда решил, что во время моего управления мы не должны ввязываться в подобные авантюры, и я отчетливо дал понять это моим людям. Впрочем, я думаю, они сами вам об этом скажут. [...]

¹ Лэнгли — населенный пункт под Вашингтоном, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

В ту же среду Генри Киссинджер встретился с ответственными сотрудниками основных чикагских газет. В конце встречи ему был задан ряд вопросов о положении в Чили. Ответы Киссинджера не предназначались для публикации полностью и в любом случае не должны были приписываться непосредственно ему — в Соединенных Штатах это называется «инструктаж». Вот несколько выдержек из его ответов:

«Кто теперь поверит, что в случае победы Альенде смогут состояться новые свободные выборы в Чили... Сегодня легко предвидеть, что если Альенде победит, то, весьма возможно, за несколько лет он приведет к власти коммунистическое правительство. В этом случае мы получили бы коммунистическое правительство не на острове в открытом море [Куба], у которого нет традиционных связей и влияния в Латинской Америке, а в одной из крупнейших стран континента, где это правительство могло бы установить тесные связи с правительствами Аргентины, Перу и Боливии... Именно поэтому мы не должны себя обманывать, считая, что приход к власти Альенде не представит серьезных проблем для нас, для демократических сил, для проамериканских сил в Латинской Америке и, разумеется, для всего западного полушария» (из второго доклада Черча, озаглавленного «Секретная деятельность в Чили, 1963—1973». Вашингтон, 4 декабря 1975 г.).

Именно во время этого «инструктажа» Киссинджер намекнул на возможное политическое влияние социалистического эксперимента в Чили на Францию и Италию.

Впоследствии «Нью-Йорк таймс» так прокомментирует слова Киссинджера: «Государственный департамент намеренно обошел молчанием положение в Чили... «Чикагский инструктаж» наводит на мысль о том, что в правительстве в настоящее время намечается расхождение во взглядах» («Нью-Йорк таймс», 23 сентября).

БУЭНОС-АЙРЕС

Поток чилийских беженцев, охваченных паникой из-за перспективы прихода к власти президента-марксиста...

Многие богатые чилийцы считают, что следует ожидать худшего. Многие из них приняли решение покинуть

Чили на неопределенный срок. Большинство беженцев отправилось в близлежащую Аргентину.

В Буэнос-Айресе в гостиницах нет свободных мест, и в Мендосе, у чилийской границы, они переполнены беженцами. Квартирные агентства завалены запросами...

Нет официальных данных о численности чилийских беженцев, но считается, что после 4 сентября сюда прибыло несколько десятков тысяч семей.

Беженцы пытаются обменять на доллары столько денег, сколько могут, с тем чтобы положить их в банки или отправить друзьям в Соединенные Штаты. Этот поток затронул валютные резервы Аргентины., и, по слухам, правительство намеревается установить контроль за обменом валюты.

«У меня такое впечатление, — отметил один финансовый эксперт, — что большинство действительно богатых чилийцев вывезли свои деньги из Чили уже давно и, разумеется, до выборов. Сегодня же спасается бегством мелюзга» (Малькольм У. Браун, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Буэнос-Айресе, 16 сентября 1970 г.).

ПЯТНИЦА, 18-е. КАРАМЕССИНЕС

Совещание Хелмс — Карамессинес — Киссинджер в Белом доме. Как свидетельствуют записи, сделанные Хелмсом на совещании 15 сентября, Киссинджер хотел, чтобы ему был представлен план в течение 48 часов. По данным архива ЦРУ, о перспективе военного переворота говорилось очень мало. Разговор шел скорее вокруг «уровня экономического вмешательства применительно к чилийской ситуации». Эффективность экономического давления будет снова обсуждаться позднее, в последние дни сентября. По замыслу инициаторов экономического «давления», оно должно было побудить президента Фрея принять решение, получившее название «Гамбит Фрея» (в отличие от «Гамбита Алессандри», «Гамбит Фрея» разыгрывается следующим образом: 1) под предлогом того, что необходимо избежать гражданской войны, и по просьбе самого Фрея военная хунта берет власть в свои руки; 2) хунта объявляет новые президентские выборы; 3) Фрей, который уже не является президентом, может выставить свою кандидатуру, не нарушая конституции; 4) Фрей избирается законным путем; 5) военные возвращаются в казармы).

В эту пятницу Хелмс отправляется в Белый дом в сопровождении человека, которому предстоит сыграть ключевую роль в осуществлении президентских инструкций: Томас Карамессинес, начальник Оперативного управления ЦРУ.

Оперативное управление ведет свое происхождение от бывшего Управления координации политики — Office of Policy Coordination (OPC), основанного Трумэном и руководимого вначале Фрэнком Уизнером. В 1951 году это управление и Управление специальных операций были подчинены ЦРУ и преобразованы в Управление планирования, первым руководителем которого был Аллен Даллес, впоследствии директор ЦРУ. Ричард Хелмс также был начальником Управления планирования, прежде чем он стал директором ЦРУ. Позднее Управление планирования превратится в Оперативное управление, иногда еще называемое Управлением «тайных операций».

Это управление — основное из четырех крупнейших управлений ЦРУ. «Приблизительно две трети персонала тайных служб занимается обычными делами разведки — связь, шпионаж и контршпионаж, остальные — другими формами секретной деятельности. И хотя этих последних относительно немного, их вмешательство во внутренние дела других стран обходится почти в полтора раза дороже шпионажа и контршпионажа (260 млн. долл. по сравнению со 180 млн. долл. в год). Такие большие суммы, выделяемые на секретную деятельность, объясняются высокой стоимостью полувоенных операций и подкупа политических партий, профсоюзов и других объединений за границей» (Marchetti et Marks).

Оперативное управление состоит из трех крупных служб, семи территориальных и нескольких вспомогательных подразделений.

Эти три основные службы выполняют следующие функции:

1. Foreign Intelligence: служба иностранной разведки. Занимается операциями по сбору информации. Эти операции призваны обеспечивать Оперативное управление необходимыми сведениями для нужд Совета национальной безопасности, военных секретных служб или государственного департамента и т. д.

2. Covert Action: служба специальных операций. «Ее функции заключаются в контроле, руководстве и поддержке отдельных лиц и организаций, втянутых в борьбу с коммунизмом во всем мире: организаций молодежи и

студентов, средств массовой информации, профессиональных объединений журналистов и юристов, организаций деловых людей и политиков, политических партий и, наконец, правительств. Эта служба имеет нерегулярные военные силы... Различие между этими двумя службами заключается в том, что первая теоретически не должна оставлять следов своей деятельности, тогда как вторая всегда имеет зримые результаты» (Agee).

3. Counter Intelligence: служба контрразведки. Обязана охранять ЦРУ от любых вражеских проникновений и проникать сама в секретные службы других стран, чтобы быть в курсе операций, предпринимаемых против нее.

Географические отделы: страны Западной Европы, советского блока, Ближнего Востока, Дальнего Востока, Африки, западного полушария: Латинская Америка и Канада.

«Эти отделы приблизительно совпадают с административно-географическим делением государственного департамента; это логично, принимая во внимание тот факт, что сотрудники ЦРУ за рубежом работают под прикрытием официальной должности в государственном департаменте» (Marchetti et Marks). Каждый географический отдел, в свою очередь, делится на отделения, включающие одну или несколько стран или имеющие определенные функции. Эти отделения, в свою очередь, образованы из нескольких секторов — если отделение охватывает не одну, а несколько стран. Так, польское отделение отдела стран советского блока занимается исключительно польскими делами, тогда как центрально-американское отделение отдела стран западного полушария объединяет различные секторы по делам шести различных стран» (Agee). Сектора находятся в постоянной связи с резидентами.

Не следует, конечно, забывать об отделе, в сферу деятельности которого входит территория самих Соединенных Штатов (см. часть вторая).

К географическим отделам примыкают вспомогательные подразделения. «Отдел международных организаций курирует связи ЦРУ с профсоюзными, студенческими, профессиональными организациями, союзами молодежи и средствами массовой информации во всем мире» (Agee).

Три других отдела обязаны обеспечивать географические отделы технической помощью: отдел технических служб производит в своих мастерских и лабораториях

обычные средства шпионажа — костюмы и грим, мини-атюрные камеры, микрофоны, шифры, передатчики и т. д.; отдел заданий и программ разрабатывает планы и программы действий, финансирования системы секретных служб и составляет донесения, подтверждающие своевременность осуществления планов тайных операций, предложенных к одобрению Комитетом 40; отдел оперативно-го обслуживания обеспечивает «прикрытием» оперативных работников» (Marchetti et Marks).

Наконец, Оперативное управление «располагает аппаратурой, позволяющей составлять указатели к каждой стране по всевозможным рубрикам и соответственно составлять картотеки. Каждый агент, а также различные стадии каждой операции имеют свой индекс. Так, закодированы миллионы имен, что при электронной обработке позволяет легко в них ориентироваться; с другой стороны, воспроизведение микрофильмов автоматизировано, и копию документа можно получить простым нажатием на клавиши, соответствующие данному шифрованному индексу. Подобное устройство позволяет выявить документ из миллионов других и ознакомиться с ним почти сразу» (Agee).

Этой системой служб и отделов, то есть более чем 6 тыс. американских чиновников, не считая нескольких тысяч иностранных агентов, руководил Томас Карамессинес в 1970 году.

ВОСКРЕСЕНИЕ, 20-е.

Один из наиболее информированных американских журналистов Тэд Шульц в газете «Нью-Йорк таймс» пишет: «Официальные круги считают, что у Соединенных Штатов недостаточно политических, экономических или военных средств для изменения направления событий в Чили, даже при ответном желании правительства. «Если смотреть на вещи, как они есть, — отмечает один ответственный правительственный чиновник, — нас обвинят во всем, что будет не ладиться в Чили». [...] Молчание администрации Никсона объясняется отсутствием реального интереса американской общественности к результатам выборов в Чили. Никто не выступил против Альенде, консервативная американская пресса заняла выжидательно-созерцательную позицию, а крупные фирмы не пытались оказать давление на Белый дом или государственный департамент» (Вашингтон, 20 сентября).

КОНЕЦ ВТОРОЙ НЕДЕЛИ

Вслед за совещанием в Комитете 40 14 сентября и инструкциями, данными президентом Никсоном ЦРУ 15 сентября, попытки правительства Соединенных Штатов помешать Альенде вступить в должность стали развиваться в двух направлениях.

Первое, условно обозначенное «Трек-I»¹, заключалось в совокупности секретных действий, одобренных Комитетом 40: попытка подкупа членов чилийского парламента из средств вспомогательного фонда в 250 тыс. долл., экономическое давление, пропагандистская кампания и т. д. Эти мероприятия имели целью побудить противников Народного единства всеми средствами — политическими или военными — помешать приходу Альенде к власти.

Система операций, условно обозначенная «Трек-II», непосредственно вытекала из инструкций, данных президентом Никсоном ЦРУ 15 сентября. Эти операции были призваны сплотить чилийскую армию на борьбу против Альенде и оказать ей самое активное содействие.

Условные обозначения «Трек-I» и «Трек-II» были известны только тем сотрудникам ЦРУ и Белого дома, которые были в курсе инструкций президента Никсона от 15 сентября.

В своих показаниях комиссии по расследованию Киссинджер подчеркнул тесную связь операций «Трек-I» и «Трек-II»: «...Все наши службы были мобилизованы на то, чтобы преградить дорогу Альенде, а также, в рамках операции «Трек-II», на организацию военного переворота».

И действительно, операции «Трек-I» и «Трек-II» в течение месяца, начиная с 15 сентября, велись параллельно.

Посол Корри, официально отстраненный от выполнения задания «Трек-II», получал все более широкие полномочия в содействии военному перевороту. 14 сентября на совещании Комитета 40 он, одновременно с другими «ответственными сотрудниками посольства», получил разрешение на усиление контактов с чилийскими офицерами с целью прощупать их готовность оказать поддержку «Гамбиту Фрея». [...]

¹ *Track* (англ.) — дорога, путь следования, направление, беговая дорожка; *to track* — преследовать человека или животное по следу, травить.

Что же касается конечной цели, то между «Трек-I» и «Трек-II» существенной разницы не было: обе операции имели целью подготовку государственного переворота. Разница заключалась только в том, что лишь очень незначительному числу сотрудников Белого дома и ЦРУ надлежало знать о прямых контактах ЦРУ с чилийской армией, а также об активном участии ЦРУ в организации государственного переворота, в котором не должен был быть замешан президент Фрей. По словам Киссинджера, все сведения относительно операции «Трек-II» «по соображениям безопасности» должны были непосредственно передаваться в Белый дом. Томас Карамессинес, в то время начальник Оперативного управления, был главным связным ЦРУ и Белого дома в операции «Трек-II». В своих показаниях он объяснил, почему, с его точки зрения, государственный департамент, министерство обороны, Комитет 40 и посол Корри не знали о существовании «Трек-II»: «Фактически мы никакого выбора не делали. Могу только сказать, что это произошло по двум соображениям. В первую очередь государственный департамент, например, мог бы выставить серьезные возражения, если бы акции «Трек-II» рассматривались на заседаниях Комитета 40.

Другим мотивом было наше общее впечатление, что безопасность предприятия в целом тем вернее, чем ограниченнее круг посвященных в него лиц». [...]

Ввиду исключительной щекотливости характера задания «Трек-II» внутри отдела стран западного полушария ЦРУ была создана спецгруппа для практической разработки операций. Именно Томасу Карамессинесу было поручено осуществление ежедневного контроля за ее работой. Группа была сформирована из самых опытных и квалифицированных сотрудников управления. Один из сотрудников ЦРУ, известный своей компетентностью, был отозван в Вашингтон с должности, которую он занимал за океаном, чтобы принять на себя руководство операциями. Исключая начальника отдела стран западного полушария Уильяма Броу¹, его заместителя и начальника чилийского отделения, никому из его сотрудников отдела не было известно о деятельности этой группы.

¹ Напомним, что в ведении отдела стран западного полушария, внутри Оперативного управления, — Латинская Америка и Канада. Иерархическая вертикаль здесь такова: Хелмс — Карамессинес — Броу.

Даже специалисты по чилийским делам в ЦРУ не были посвящены в тайну операции. Спецгруппа располагала особыми каналами связи с Сантьяго и Буэнос-Айресом для секретной передачи шифротелеграмм о ходе выполнения задания «Трек-II».

Большая часть решений, необходимых для проведения операции, принималась на ежедневных совещаниях Уильяма Броу с Карамессинесом.

Следует подчеркнуть, что все члены спецгруппы настаивали на факте интенсивного давления на них Белого дома. Карамессинес заявил комиссии: «Киссинджер совершенно недвусмысленно дал мне понять, что он подвергается максимальному давлению для успешного выполнения этого задания и что он, в свою очередь, подвергнет нас максимальному давлению с той же целью».

Заместитель начальника отдела со своей стороны заявил: «[Это давление] было сильнейшим из всех, которым я был свидетелем или подвергался сам за время моей работы там, оно было поистине нестерпимым». Что касается Броу, то он свидетельствовал: «Мне никогда не приходилось переживать периода столь тяжелого, как период чилийской операции. Я хочу сказать, что это было абсолютно непрерывное давление, которое не прекращалось ни на минуту... Это исходило от Белого дома».

В свидетельских показаниях сотрудники ЦРУ, принимавшие участие в осуществлении «Трек-II», единодушны в одном: все они были убеждены в том, что подобная стратегия имела самые незначительные шансы на успех. Эту точку зрения разделяли все, кто был причастен к делу, на всех ступенях иерархической лестницы. Все утверждают, что, казалось, от них требуют невозможного, что риск и вероятные последствия операции были слишком велики. В то же время они знали, что от президента получен категорический приказ, и стремились исполнить его как можно лучше.

Вот некоторые выдержки из их показаний.

Ричард Хелмс, директор ЦРУ: «...В течение всего совещания [15 сентября в Белом доме] я чувствовал себя очень подавленным, ибо... вероятность благополучного конца подобного рода предприятия в тот момент казалась мне исключительно туманной. В сущности, вся армия была верна конституции... Сроки, какие установил нам тогда шеф на то, чтобы что-то предпринять, кажутся теперь почти невыносимыми... Я покинул совещание с со-

вершенно отчетливым впечатлением, что от нас требуют невозможного и что дьявольски трудно будет убедить их в этом...»

Начальник спецгруппы: «У меня было ощущение, что риск слишком велик, что дело обречено на неудачу, что мы можем «ошпариться», ввязавшись в эту авантюру... Какие шансы были у нас на успешное проведение государственного переворота или, по крайней мере, на то, чтобы помешать Альенде занять пост президента?.. Один против десяти... Уверяю вас: у всех, с кем я был связан в управлении, доминирующей была мысль: „Господи! И зачем только нам это поручили?!“» [...]

Третья и четвертая недели

ПОНЕДЕЛЬНИК, 21-е. «ПЕРВЫЙ УДАР ПО МЯЧУ»

ЦРУ сделало «первый удар по мячу», выполняя инструкции президента, 21 сентября. В тот день штаб-квартира направила две шифротелеграммы в Сантьяго, чтобы известить резидента о новых инструкциях:

ЦЕЛЬ — НЕ ДОПУСТИТЬ АЛЬЕНДЕ К ВЛАСТИ. ПАРЛАМЕНТСКИЙ МАНЕВР ОТМЕНЕН. НЕОБХОДИМО ВОЕННОЕ РЕШЕНИЕ (ТЕЛЕГРАММА 236). «ТРЕК-II»: ПОПЫТКА ВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСА РАЗРЕШЕНА ТОЛЬКО ЦРУ. ОДНО ИЗ ЯСНО СФОРМУЛИРОВАННЫХ УСЛОВИЙ: НИ КОМИТЕТ 40, НИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ, НИ ПОСОЛЬСТВО, НИ ПОСОЛ НЕ ДОЛЖНЫ НИ ЗНАТЬ ОБ ЭТОМ ЗАДАНИИ, НИ БЫТЬ В ЧЕМ-ТО ЗАМЕШАНЫМИ ВО ВРЕМЯ ЕГО ВЫПОЛНЕНИЯ

(телеграмма 240). [...]

В тот же день состоялось заседание Комитета 40. Комиссии по расследованию не удалось получить подтверждение, что вопрос о Чили находился в повестке дня этого заседания. Присутствие Карамессинеса подтверждает его деловой блокнот. Можно предположить, что Киссинджер, председатель комитета, также присутствовал на совещании, хотя комиссия не имела возможности удостовериться в этом с помощью его делового блокнота. По поводу этого совещания, а также совещаний узкого круга членов «группы анализа» (возглавляемой также Киссинджером) можно сказать одно — они предоставляли Карамессинесу и Киссинджеру возможность приватно обсуждать ход операции «Трек-II», если в этом возникала необходимость.

Но, за исключением совещания Комитета 40 от 22 сентября, комиссия по расследованию не располагает основанием, позволяющим утверждать, что приватная встреча Киссинджер — Карамессинес действительно имела место. То обстоятельство, что ЦРУ определило повестку дня совещания 22 сентября, но оказалось неспособным

найти возможные повестки дня других предполагаемых совещаний, позволяет допустить, что приватное совещание 22-го действительно было единственным. [...]

В донесении о положении в Чили, направленном 21 сентября д-ру Киссинджеру и помощнику государственного секретаря Чарлзу Мейеру, посол Корри сигнализировал о том, что в интересах успеха «Гамбита Фрея» «может оказаться необходимой нейтрализация генерала Шнейдера, а в случае необходимости — его смещение»¹.

В том же донесении посол Корри приводил текст своего письма к президенту Фрею, переданного через министра обороны, в котором он предупреждал президента об экономических санкциях, которые будут применены к Чили, если Альенде придет к власти.

ФРЕЙ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ, ЧТО НИ ОДИН БОЛТ, НИ ОДНА ГАЙКА НЕ ДОСТИГНУТ ПРЕДЕЛОВ ЧИЛИ, ЕСЛИ АЛЬЕНДЕ ПРИДЕТ К ВЛАСТИ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ МЫ СДЕЛАЕМ ВСЕ ОТ НАС ЗАВИСЯЩЕЕ, ЧТОБЫ ДОВЕСТИ ЧИЛИ И ЧИЛИЙЦЕВ ДО СОСТОЯНИЯ НИЩЕТЫ И КРАЙНИХ ЛИШЕНИЙ; МЫ С ГОТОВНОСТЬЮ ПРЕДОСТАВИМ ЧИЛИ НЕОБХОДИМОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ЗНАКОМСТВА С ЖЕСТОКИМИ РЕАЛИЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ. ФРЕЙ КРАЙНЕ ЗАБЛУЖДАЕТСЯ, НАДЕЯСЬ ИЗБЕЖАТЬ ЧУДОВИЩНОЙ НИЩЕТЫ В БУДУЩЕМ. ВСЯКАЯ НАДЕЖДА НА ТО, ЧТОБЫ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ УЙТИ ОТ ЭТОГО, ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ ЧИЛИ ЧИСТЕЙШЕЙ ИЛЛЮЗИЕЙ.

Фигура посла Корри заслуживает некоторого внимания. Родившись в 1922 году, он с 1941 года посвящает себя журналистике. Иностранный корреспондент агентства Юнайтед Пресс в 1944—1954 годах, он является европейским издателем Коулса до 1960 года. В этом году получает в Гарварде диплом d'Advanced Management и, по просьбе президента Кеннеди, оставляет журналистику. Назначается послом в Эфиопию в 1963 году, затем в Сантьяго в 1967 году. В 1970 году он являлся последним американским послом из назначенных Кеннеди, еще исполнявшим свои обязанности.

¹ Поскольку речь идет о первоначальной формулировке замысла, который имел много разных вариантов, мы приводим ее в английском подлиннике посла: General Schneider would have to be neutralized, by displacement if necessary (Situation Report, Ambassador Korry to Meyer and Kissinger, 9621 — 70). По поводу употребления эвфемизмов см. заключения комиссии по расследованию.

Армандо Урибе, с 1968 по 1970 год советник посольства Чили в Вашингтоне, составил о нем в те годы меморандум, воспроизведенный им в «Черной книге американской интервенции в Чили» («Le Seuil», 1974). Вот отрывок из этого меморандума, касающийся вопроса, важность которого будет видна в дальнейшем: «...Ему было поручено во второй половине 1969 года координировать деятельность разных звеньев государственного департамента по разработке новой политики «внешней помощи». Это поручение было ему дано государственным департаментом с тем, однако, чтобы противодействовать созданию президентом Никсоном специальной комиссии по изучению той же проблемы... Корри, знавший о борьбе между Белым домом и госдепартаментом, принял это предложение и практически без помощников подготовил отчет, весьма критически оценивающий деятельность Управления международного развития (AID), следуя предположительно линии специальной комиссии Никсона, руководимой экспертом Петерсоном. Государственный секретарь вернул Корри его отчет с просьбой внести туда поправки. Корри, успевший тем временем ближе ознакомиться с работами Петерсона, лишь подчеркнул в своем тексте моменты, сходные с выводами комиссии Белого дома. Он отдал отчет государственному секретарю, тот рассердился и положил его под сукно.

Корри был к этому готов; одновременно он связался со своими друзьями из «Нью-Йорк таймс» и других североамериканских газет и агентств печати — как у бывшего журналиста, у него их было много — и с Белым домом. Таким образом ему удалось на видном месте и за один день до публикации отчета Петерсона напечатать пространные выдержки из своего собственного отчета — те самые, что совпадали с последним. Он как бы скрепил печатью свою вражду с госдепартаментом и «перешел» в «команду» Белого дома. Вот почему Корри слывет за лучшего североамериканского посла в Латинской Амери-

ке в глазах президента Никсона и «мозгового треста» Белого дома; в Вашингтоне даже говорят, что его мнение ценится выше, нежели помощника секретаря по латиноамериканским делам Чарлза Мейера».

Идея прибегнуть к экономическим средствам, чтобы оказать давление на Фрея и чилийскую армию, постоянно присутствовала в обмене мнениями между Белым домом и ЦРУ и в инструкциях, посылаемых на места. В записях Хелмса, сделанных на совещании с президентом 15 сентября, стоит лаконичное: «Истощить экономику». Варианты экономического давления были главной темой на совещании, которое состоялось 18 сентября в Белом доме между Киссинджером, Хелмсом и Карамессинесом.

В своих показаниях Киссинджер высказал, в частности, мысль, что отчет Корри показывал, «до чего были схожи «Трек-I» и «Трек-II»; исполнявшие задание «Трек-I» решали ту же проблему, что и агенты ЦРУ, действовавшие в рамках задания „Трек-II“».

Деятельность посла Корри в Чили в период между 4 сентября и 24 октября подтверждает тезис Киссинджера, согласно которому демаркационная линия между операциями «Трек-I» и «Трек-II» часто оказывалась достаточно расплывчатой. Посол довел до сведения чилийских офицеров, с которыми он был в контакте, что, если Альенде займет пост президента, армия больше не сможет рассчитывать на какую бы то ни было военную помощь со стороны Соединенных Штатов. Позднее в ответ на свою просьбу он получил разрешение информировать чилийскую армию о том, что всякая военная помощь и всякая продажа оружия приостановлены до 24 октября, когда станут известны результаты ратификации выборов в конгрессе.

ВТОРНИК, 22-е

Киссинджер обратился с просьбой к Карамессинесу найти его по окончании заседания Комитета 40 для обсуждения операции «Трек-I». Они говорили также о характере и плане осуществления «Трек-II». По данным ар-

хива ЦРУ, Киссинджер заявил Карамессинесу: «Способ, при помощи которого мы приступили к рассмотрению этого вопроса на прошедшем совещании, был превосходным», и добавил, что «мы на верном пути, и следует продолжать». [...]

СРЕДА, 23-е, «ГАМБИТ ФРЕЯ» РАЗЫГРАН НЕ БУДЕТ

Стратегия, принятая на первых порах, имела целью заручиться участием президента Фрея в подготовке государственного переворота, который мог бы продлить действие президентского мандата Фрея еще на шесть лет. ЦРУ решило обещать ему «помощь на новых выборах после успешного военного переворота». Замысел состоял в следующем: Фрей предлагает военным взять власть, затем объявляет о роспуске парламента и приступает к новым выборам (*ранее этот план назывался «Гамбитом Фрея»*).

Томас Карамессинес, возглавлявший Оперативное управление, в своих показаниях поясняет: «Итак, в известном смысле речь шла не об операции «Трек-II», но об иной форме военного переворота — спокойного и, как мы надеялись, бескровного... Этот план был оставлен нами, когда армия не выказала решимости к открытому принуждению президента. Фрей, в свою очередь, был мало расположен проявить инициативу без соответствующего толчка со стороны армии... Таким образом, последним нашим шансом на успех остался прямой военный переворот». Одновременно резидентура в Сантьяго сигнализировала:

СЕРЬЕЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДУМАТЬ, ЧТО НИ ФРЕЙ, НИ ШНЕЙДЕР НЕ ПЕРЕЙДУТ К ДЕЙСТВИЯМ. В ЭТИХ УСЛОВИЯХ ВЕСЬ СЦЕНАРИЙ, В КОТОРОМ ЛИБО ТОТ, ЛИБО ДРУГОЙ ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫ ИГРАТЬ САМУЮ АКТИВНУЮ РОЛЬ, АБСОЛЮТНО НЕОСУЩЕСТВИМ. ПЕРВЫЕ ШАГИ, РАЗУМЕЕТСЯ, МОЖНО СДЕЛАТЬ, ИМЕЯ В ВИДУ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЧИНЫ (ВАЛЕНСУЕЛУ, НАПРИМЕР). ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО НАМ, ВЕРОЯТНО, ПРИДЕТСЯ ВЫЗВАТЬ РАСКОЛ В АРМИИ (телеграмма от 23 сентября).

В чрезвычайно мрачном сообщении, сделанном по радио в среду вечером, чилийский министр финансов, г-н Андрес Сальдивар, указал на то, что с 7 по 17 сентября государственный банк в Сантьяго был вынужден предо-

ставить 80 млн. долл. частным банкам, чтобы те могли выдержать массовые изъятия вкладов. 80 млн. долл. составляют почти пятую часть валютных резервов страны прошлого года, достигших рекордной цифры — 440 млн. долл.

Министр указал также на то, что положение усугубляется сокращением национальных и иностранных капиталовложений, это обостряет проблему безработицы, от которой Чили страдает уже ряд лет («Монд»).

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28-е ПЕНТАГОН

Для успешного выполнения задания резидентура ЦРУ в Сантьяго не располагала необходимыми связями в чилийской армии. Тем не менее американский военный атташе в Сантьяго был достаточно хорошо осведомлен о положении в чилийской армии благодаря личным связям с офицерами. По предложению резидента ЦРУ решило заручиться содействием атташе в сборе необходимой информации о возможности осуществления государственного переворота и использовать его в качестве связного, чтобы довести до сведения заинтересованных лиц в чилийской армии готовность Соединенных Штатов поддержать этот переворот. Комиссии по расследованию Карамессинес рассказал, что было сделано с этой целью: «Мы в равной степени нуждались в контактах с самыми широкими слоями армии, особенно с высшими чинами, с которыми у нас не было постоянной связи, необходимость которой мы не предусмотрели заранее. Но мы были уверены, что наш военный представитель хорошо знал их... Для того чтобы заручиться содействием атташе в наших усилиях добыть нужные сведения, нам надлежало получить согласие на это от Разведывательного управления министерства обороны (РУМО)».

РУМО: служба военной разведки.

Американская армия, флот и авиация имеют свои собственные разведывательные службы, по традиции мало стремящиеся к сотрудничеству. На РУМО возложена обязанность согласовывать их политику и координировать их действия.

Административно независимое от ЦРУ, РУМО является орудием комитета начальников штабов в сфере разведки. Военные атташе в американских посольствах отчитываются в своей деятельности только РУМО.

Сотрудники ЦРУ обратились к начальнику РУМО с просьбой разрешить передать военному атташе в Сантьяго сообщение, текст которого они составили. Послать это сообщение должно было само ЦРУ. Начальник РУМО, генерал Дональд В. Беннет, находился в это время с официальным визитом в Европе. Поэтому генерал Кашмэн (заместитель директора ЦРУ) вызвал к себе 28 сентября генерала Джеми М. Филпота¹ (заместителя начальника РУМО) и потребовал сотрудничества со стороны военного атташе. Филпот подписал разрешение передать военному атташе следующее сообщение:

...В ТЕСНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РЕЗИДЕНТОМ ЦРУ ИЛИ, В ЕГО ОТСУТСТВИЕ, С ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПОПЫТАТЬСЯ УСТАНОВИТЬ КОНТАКТЫ С РУКОВОДЯЩИМИ ЛИЦАМИ В АРМИИ, СПОСОБНЫМИ НА АКТИВНУЮ РОЛЬ В ЛЮБОЙ ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ АЛЬЕНДЕ НА ЕГО ПУТИ К ВЛАСТИ. ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ, Я ПОДЧЕРКИВАЮ «НЕ ДОЛЖНЫ», ИЗВЕЩАТЬ ПОСЛА ИЛИ АТТАШЕ ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ² ОБ ЭТОЙ ТЕЛЕГРАММЕ И ДАЖЕ НАМЕКАТЬ НА ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ. ВО ВСЕМ, ЧТО КАСАЕТСЯ ВАШИХ ОБЫЧНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, СООБРАЗУЙТЕСЬ С ИНСТРУКЦИЯМИ ПОСЛА, СВОИ ДЕЙСТВИЯ КООРДИНИРУЙТЕ С РЕЗИДЕНТОМ ЦРУ — ЭТОЙ ТЕЛЕГРАММОЙ Я ДАЮ ВАМ ТАКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ.

ТЕКСТ ТЕЛЕГРАММЫ НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ, КРОМЕ ВАС, И ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ГОВОРИТЬ О НЕЙ НИКОМУ, КРОМЕ ТЕХ СОТРУДНИКОВ ЦРУ, КТО УЖЕ В КУРСЕ ДЕЛА. ЦРУ СООБЩИТ ВАМ ИХ ИМЕНА (телеграмма от 28 сентября).

Эта телеграмма, как и остальные, направленные впоследствии атташе, была передана по секретным каналам ЦРУ.

Давая показания, генерал Филпот и Томас Карамесси-

¹ Генерал Беннет возвратился в Соединенные Штаты вечером 10 октября. В его отсутствие генерал Филпот исполнял его обязанности.

² Атташе по вопросам обороны и военный атташе исполняют разные функции.

нес, каждый со своей стороны, заявили, что вначале атташе было приказано заниматься только «сбором или передачей» сведений о чилийских офицерах¹. Тем не менее, получив телеграмму от 28 сентября 1970 г., он начал активно участвовать в подготовке государственного переворота. Атташе свидетельствовал, что ежедневно он получал инструкции от резидента и последний неоднократно показывал ему телеграммы, предположительно исходившие от генерала Беннета или от генерала Филпота, в которых содержался приказ предпринять определенные действия. Таким же образом резидент передавал донесения военного атташе двум названным генералам.

Генерал Беннет перед следственной комиссией утверждает, что он никогда не слышал о существовании «Трек-II», никогда не получал официальной бумаги по этому вопросу и что он никогда не давал разрешения на передачу военному атташе подобных телеграмм. Генерал Филпот, со своей стороны, также заявил, что не припоминает, чтобы он был поставлен в известность о «Трек-II» после первой встречи с генералом Кашмэном 28 сентября.

Полковник американской армии Роберт С. Рот, который в сентябре и октябре 1970 года был начальником отдела людских ресурсов и директором архивов РУМО, утверждал, что помнит, как получил срочнейшее задание составить для генералов Беннета и Филпота «список лиц, способных в Чили на реальное противодействие Альенде в его борьбе за пост президента». Хотя Рот не помнит, чтобы речь шла конкретно об операции «Трек-II», цели полученного им задания и телеграммы от 28 сентября за подписью Филпота были идентичными.

Д-р Киссинджер категорически утверждает, что ему не была известна роль атташе и что он не разрешал передавать ему телеграммы. Расследования не позволили пока устранить противоречие в показаниях руководителей ЦРУ, РУМО и Белого дома.

Есть четыре возможных объяснения этого противоречия.

Первое: генералам Беннету и Филпоту было известно об операции «Трек-II» и они действительно передавали атташе свои распоряжения. Эта гипотеза противоречит их показаниям, данным под присягой.

¹ Генерал Филпот подтвердил, что, действительно, им было подписано разрешение, касающееся содержания первого пункта сообщения от 28 сентября. Однако о разрешении и инструкциях второго и третьего пунктов он ничего не помнил.

Второе: Беннет не знал о существовании «Трек-II», а Филпот знал и передавал распоряжения атташе. Эту гипотезу подкрепляет свидетельство Рота, однако она идет вразрез с показаниями Филпота, данными под присягой, и с его обязанностью информировать генерала Беннета.

Третье: ЦРУ действовало по своей собственной инициативе: получив первоначальное разрешение Филпота, управление сделало атташе своим помощником, давало ему распоряжения и в дальнейшем не уведомляло кого-либо в министерстве обороны или в Белом доме. Эта гипотеза противоречит показаниям, данным под присягой, начальника спецгруппы Уильяма Броу, Томаса Карамес-синеса и Уильяма Колби¹.

Четвертое: «мозговой трест» Белого дома уполномочил ЦРУ передавать атташе распоряжения в силу инструкций, исходивших непосредственно от высшестоящих властей. Это означало также, что Белый дом запретил информировать об этом чиновников, высшестоящих по отношению к атташе. Эта гипотеза противоречит показаниям, данным под присягой д-ром Киссинджером и генералом Александром Хейгом².

С целью свести к минимуму риск, сопряженный с установлением контактов с чилийской военной оппозицией, спецгруппа решила в конце сентября направить в Чили четырех агентов под видом подданных третьей страны; они должны были закрепить контакты, которые атташе уже установил с чилийскими офицерами. Руководство ЦРУ считало, что эта мера необходима, чтобы не «пропустить удобный случай» (телеграмма от 27 сентября). Агенты никак не были связаны между собой, и каждый отчитывался о своих контактах определенному сотруднику ЦРУ в Сантьяго, который, в свою очередь, отчитывался перед резидентурой. По свидетельству резидента, приказы они получали непосредственно из Вашингтона, минуя резидентуру. [...]

Одним из чилийских заговорщиков был генерал в отставке Роберто Вио, глава вооруженного восстания в Такнасо в 1969 году³. Выйдя в отставку, Вио сохранил

¹ В 1973 году сменил Ричарда Хелмса на посту директора ЦРУ.

² Генерал Александр Хейг был заместителем Генри Киссинджера в Белом доме.

³ Это восстание было организовано Вио с целью драматизировать необходимость прибавки жалованья военным. Однако истолковано оно было всеми как неудавшийся государственный переворот.

поддержку многих унтер-офицеров и младших офицеров. Он был также признанным лидером некоторых крайне правых гражданских группировок. Заговор опирался и на генерала Камила Валенсуелу, командующего гарнизоном Сантьяго. За небольшим исключением, офицеры — сообщники Валенсуелы находились также в контакте с Вио.

Отчет о встречах Вио с этими офицерами неполон. Он, однако, показывает, что некоторые из них встречались с Вио во время проведения операции «Трек-II». Возможно, что кто-нибудь из офицеров высшего ранга был членом этого круга заговорщиков.

По мнению сотрудников ЦРУ, основное различие между группировками Вио и Валенсуелы заключалось в том, что последняя находилась под руководством кадровых офицеров сухопутной армии. Но сами группировки были в постоянном контакте. Отчет свидетельствует также, что группировки действовали сообща, по крайней мере, в двух из трех попыток похищения. Участники заговора постоянно общались друг с другом, как свидетельствует Томас Карамессинес:

«Я мог бы еще добавить, что не менее двенадцати старших офицеров были, вероятно, в курсе заговора... Все они обсуждали и советовались друг с другом о том, как лучше произвести государственный переворот, о котором мечтали».

ВТОРНИК, 29-е. ПЛАНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАОСА

Уильям Броу, начальник отдела стран западного полушария ЦРУ, едет в Нью-Йорк, где встречается с Недом Джерити, первым вице-президентом ИТТ. Броу сообщает Джерити основные направления программы экономического удушения Чили:

«1. Банки не должны возобновлять кредиты или им следует отсрочивать это возобновление.

2. Компании должны задерживать все документы по отправке денег, доставке готовой продукции, запасных частей и т. д.

3. Чилийские сберегательные и кредитные компании попадут в трудное положение. Если оказать на них дав-

ление, они будут вынуждены закрыться, тем самым возрастет давление на экономику в целом.

4. Мы должны лишить чилийцев всякой технической помощи и не обещать подобной помощи в будущем. Компании, которые оказывают им эту помощь, обязаны немедленно разорвать все деловые связи с Чили.

5. Список компаний прилагается, и мы советуем связаться с ними, для того чтобы они осуществили вышеизложенное»¹.

¹ Цит по: *Alain Joxe. Le Chili sous Allende. Gallimard Julliard, 1974.*

Пятая неделя

На заседаниях 3 и 4 октября президенту Фрею не удалось поколебать решимость своей партии пойти на компромисс с Альенде. Тем самым отпала всякая надежда использовать его, чтобы закрыть дорогу Альенде. [...]

Первоначальной задачей ЦРУ было оценить реальную возможность государственного переворота силами чилийских военных. Вскоре стало ясно, что враждебные Альенде течения существовали среди военных и полиции, но они были подавлены «армейской традицией уважения к конституции» и «публичными и частными выступлениями генерала Шнейдера, главнокомандующего армией, который призывал к строгому соблюдению законности. Задачей ЦРУ, таким образом, стало преодоление проконституционной инертности и аполитичности чилийских военных».

Поскольку чилийские военные высшего ранга, генерал Шнейдер и его заместитель генерал Пратс, относились враждебно к идее государственного переворота, были предприняты кое-какие осторожные шаги в отношении генералов, занимающих менее высокое служебное положение. Следовало проинформировать их о том, что правительство Соединенных Штатов предлагает свою поддержку как в государственном перевороте, так и после его осуществления.

Усилия в этом направлении начались 5 октября, когда военный атташе одновременно проинформировал одного генерала сухопутной армии и одного генерала военно-воздушных сил об американской политике поддержки переворота. [...]

[Таким образом, надлежало] вызвать государственный переворот в условиях, с самого начала исключительно трудных, и преодолеть колоссальные препятствия, воздвигнутые бездействием Фрея, суровым легализмом

Шнейдера и недостатком организованности и энтузиазма у офицеров, заинтересованных в перевороте.

Началась разработка программы из трех пунктов:

А. СОБИРАТЬ СВЕДЕНИЯ ОБ ОФИЦЕРАХ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ПЕРЕВОРОТЕ.

Б. СОЗДАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩУЮ ДЛЯ ПЕРЕВОРОТА АТМОСФЕРУ ПУТЕМ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ДЕЗИНФОРМАЦИИ. ПОВОДОМ ПОСЛУЖАТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ, ПРОВОЦИРУЮЩИЕ ЛЕВЫХ (телеграмма от 7 октября).

В. ДОВЕСТИ ДО СВЕДЕНИЯ ОФИЦЕРОВ, СТРЕМЯЩИХСЯ К ПЕРЕВОРОТУ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ГОТОВО ОКАЗАТЬ ИМ ВСЯЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ, НО ЧТО ПРЯМОЕ ВОЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО США ИСКЛЮЧАЕТСЯ

(телеграмма от 14 октября).

Шифротелеграмма, уточняющая пункт Б, направленная штаб-квартирой ЦРУ в Сантьяго 19 октября, настаивала на необходимости создания такой ситуации, которая послужила бы надлежащим оправданием для мятежа. Вот ее текст:

«1. Очевидно, до сих пор еще не возникло никакого повода, который мог бы оправдать государственный переворот (пункт А) и сделать его приемлемым для Чили и для Латинской Америки. Вследствие этого нам представляется необходимым создать такой повод, чтобы подкрепить мотивы, которые, возможно, будут выдвинуты при объяснении переворота, а именно спасение Чили от коммунизма... В этом случае вы, возможно, захотите представить военным аргументы, которыми они могли бы воспользоваться для оправдания переворота. Приблизительно они могут быть такими:

а) полная реорганизация чилийских разведывательных органов, предусмотренная кубинцами по советско-кубинской модели, чем будет заложен фундамент для полицейского режима, — распространять как сведения вполне достоверные;

б) кризис чилийской экономики;

с) Альенде надеется путем быстрого признания Кубы и других коммунистических стран вынудить Соединенные Штаты отказаться от материальной помощи чилийской армии, что будет способствовать ослаблению ее роли оплота конституции. Он сразу же опустошит арсеналы, вооружив коммунистическое народное ополчение для развязывания террора якобы против сторонников эконо-

мического саботажа (в этом случае воспользоваться некоторыми высказываниями Альенде).

2. Некоторые из пропагандистских справочников, составленные резидентурой, превосходны. В настоящее время мы просим воспользоваться аргументами, вам наиболее известными и удобными, и составить отчет, опирающийся на факты, всем известные, и на некоторые другие, вымышленные во всех деталях, с тем чтобы мотивировать необходимость государственного переворота, вызвать раскол в оппозиции и объединить сторонников военной группировки. Если вы располагаете соответствующими контактами в армии, попытайтесь предусмотреть, каким образом должен быть «обнаружен» этот отчет: его можно было бы, например, спрятать в ходе полицейского налета.

3. Мы предлагаем возможно скорее ознакомить заговорщиков с этим планом и дать конкретные предложения. Чтобы государственный переворот удался, он должен иметь оправдание». [...]

ПОНЕДЕЛЬНИК, 5 ОКТЯБРЯ

5 октября Карамессинес отправил телеграмму в Сантьяго, требуя отчета о том, каким образом резидентура намерена связаться с тремя чилийскими генералами (названными в телеграмме от 30 сентября; среди них — Валенсуела). В телеграмме указывалось, что отчет необходим для подготовки совещания у Киссинджера, планируемого на 6 октября¹. Карамессинес припоминает, что такое совещание действительно имело место, но подробностей не помнит. Его деловой блокнот показывает, что на следующий день он присутствовал на совещании Комитета 40, где обсуждался вопрос о Чили. [...]

ВТОРНИК, 6-е. КОМИТЕТ 40

Киссинджер председательствовал на этом совещании Комитета 40. Присутствовали Карамессинес, Хелмс и Броу. Из стенограммы совещания следует, что об усилиях ЦРУ продвинуть подготовку военного переворота в Чили речи не было. Однако, отвечая на вопрос Чарлза Мейера,

¹ В письменном ответе на вопрос сенатской комиссии Киссинджер заявил, что ничего не знал об этих контактах.

в то время помощника государственного секретаря по латиноамериканским делам, д-р Киссинджер подчеркнул желание «верховой власти» (президента Никсона) помешать Альенде стать президентом: «Г-н Мейер указал на необходимость разработки стратегии пост-Альенде, как это было предложено на заседании Совета национальной безопасности (NSS М 97). Было решено провести в ближайшее время еще одно заседание совета, посвященное этому вопросу. Киссинджер заявил, что такое предложение предопределяет полное признание свершившегося факта и что в намерение верховной власти не входило отказываться от намеченного ранее, 24 октября; как раз наоборот, следовало, по его мнению, пустить в ход все, что возможно» (стенограмма заседания). [...]

В тот же день резидентура сообщила телеграммой, что генерал Вио «готов совершить переворот вечером 9 или утром 10 октября». В своем ответе штаб-квартира ЦРУ квалифицировала этот предполагаемый переворот как попытку, «имеющую очень мало шансов на успех и способную нанести вред любому последующему серьезному действию». Резидентуре в Сантьяго был отдан приказ попытаться «помешать любому действию, слишком поспешному для существующего положения вещей».

Киссинджер заявил, что не был информирован о плане Вио, приведя в доказательство своей правоты тот факт, что повестка дня, которую определило ЦРУ для совещания Карамессинеса с Хейгом на 10 октября (см. ниже), не содержит никакого упоминания о заговоре. Точно так же Киссинджер не помнит, чтобы кто-либо его информировал об отмене переворота, который ЦРУ сочло преждевременным. «У меня было тогда такое чувство, что если они подготовят переворот, то, прежде чем его начать, придут к нам... Фактически в тот период они никогда не сообщали нам о своей готовности. На самом деле они нам говорили прямо противоположное». [...]

СРЕДА, 7-е. ФЕЛИКС

7 октября посол Корри получил из Вашингтона телеграмму, текст которой был, вероятно, завизирован в Комитете 40:

...ВАМ НАДЛЕЖИТ ТЕПЕРЬ В КОНФИДЕНЦИАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ПО ДОСТУПНЫМ ДЛЯ ВАС КАНАЛАМ ДОВЕСТИ ДО СВЕДЕНИЯ ЧИЛИЙСКОЙ АРМИИ, ЧТО, ЕСЛИ БЫ БЫЛА ПРЕДПРИНЯТА

УСПЕШНАЯ ПОПЫТКА ПРЕГРАДИТЬ ПУТЬ АЛЬЕНДЕ, МЫ БЫ ПЕРЕСМОТРЕЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ, КОТОРЫХ МЫ ВЫНУЖДЕНЫ БЫЛИ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ В НАШИХ ПРОГРАММАХ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ ЧИЛИ, МЫ БЫ ДАЖЕ РАСШИРИЛИ ПОМОЩЬ, КАКУЮ МЫ ОКАЗЫВАЕМ СЕЙЧАС САМИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ЧИЛИ. ЕСЛИ ОКАЖЕТСЯ, ЧТО МЕРЫ, КОТОРЫЕ АРМИЯ, ВОЗМОЖНО, ВЫНУЖДЕНА БУДЕТ ПРИНЯТЬ, ПРИВЕДУТ К БЕСПОРЯДКАМ СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, МЫ ТАКЖЕ БУДЕМ ГОТОВЫ НЕМЕДЛЕННО УДОВЛЕТВОРИТЬ ВСЕ ПРОСЬБЫ О ПОМОЩИ И О БОЕВОЙ ТЕХНИКЕ, КАКИЕ БУДУТ К НАМ ПОСТУПАТЬ. [...]

Большинство сотрудников ЦРУ в Сантьяго не были в курсе операции «Трек-II». О ней знали только резидент (Феликс) и его заместитель. Феликс по собственной инициативе вступил в контакты с чилийскими офицерами. Он заявил в своих показаниях, что считал операцию «Трек-II» нереальной: «Я со всей определенностью говорил своим коллегам и вышестоящим начальникам, что мне кажется несвоевременным вмешиваться как бы то ни было в процессы, протекающие в рамках национальной конституции. И одна из причин, по которой меня вызывали в последний раз [в Вашингтон], заключается, несомненно, в том, что меня хотели пожурить; это было сделано очень любезно, но совершенно недвусмысленно. Мне тогда ясно дали понять, что управление не желает выслушивать замечания о предложенных им мерах, одни из которых невозможно якобы осуществить, а осуществление других приведет к результатам, прямо противоположным».

Три телеграммы, отправленные резидентом, подтверждают его несогласие с проводимой операцией:

НЕ СЛЕДУЕТ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ГРАНИЦЫ МАНЕВРИРОВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНО УЗКИ, ВЫБОР ВОЗМОЖНЫХ РЕШЕНИЙ ОЧЕНЬ ОГРАНИЧЕН, А САМИ РЕШЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕ СЛОЖНЫ

(от 23 сентября).

СЧИТАЮ НЕОБХОДИМЫМ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ ПРОТИВ НЕУМЕСТНОГО ОПТИМИЗМА. САМОЕ ГЛАВНОЕ — НЕ ПАСТЬ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННЫХ ПРОПАГАНДИСТСКИХ УСИЛИЙ

(от 1 октября).

ПРОШУ ВАС НЕ СОЗДАВАТЬ ВИДИМОСТИ ТОГО, ЧТО РЕЗИДЕНТУ РАСПОЛАГАЕТ ВСЕСИЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ, СПОСОБНЫМИ ОСТАНОВИТЬ ПОПЫТКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА, УЖ НЕ ГОВОРЯ О ТОМ, ЧТОБЫ ТАКИЕ ПОПЫТКИ ВЫЗВАТЬ К ЖИЗНИ.

(от 7 октября).

Отрицательное отношение резидента к операции «Трек-II» не прошло незамеченным. 7 октября ему были направлены следующие указания:

ДОНЕСЕНИЯ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВРАЩАТЬСЯ В АНАЛИЗЫ И АРГУМЕНТЫ; СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ ОТЧЕТОМ О СОВЕРШЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ.

Штаб-квартира попросту желала, чтобы резидентура без разговоров выполняла получаемые приказы, как это делало само ЦРУ¹. [...]

В тот день, когда произошел обмен этими депешами, военный атташе предпринял демарш для установления контакта с офицерами Военной академии в Сантьяго, которые, со своей стороны, просили снабдить их легким оружием. Это был первый контакт атташе с чилийским офицером, которому затем — 22 октября — он должен был доставить три автомата. Во время встречи офицер информировал атташе, что он и его коллеги «пытались оказывать давление на Фрея, чтобы убрать генерала Шнейдера — сменить или выслать за пределы страны. Они даже разработали план его похищения. Шнейдер является главным препятствием в проектах военных кругов захватить государственную власть и помешать Альенде стать президентом».

ЧЕТВЕРГ, 8-е. САНТЯГО И ВАШИНГТОН

8 октября штаб-квартира передала свое мнение о встрече военного атташе с чилийским офицером. Штаб-квартира приняла к сведению отрицательную позицию Шнейдера в вопросе о государственном перевороте и заключала: «Это делает более необходимым, чем когда бы то ни было, смещение Шнейдера... Что могли бы сделать мы и что может сделать резидентура для того, чтобы Шнейдер был смещен? Этот вопрос может показаться чисто риторическим, но мы действительно хотели бы подтолкнуть вас и себя к выработке нужного решения».

В течение первой недели активной деятельности казалось, что шансы на успех невелики. Спецгруппа отмечала: «...Высшее командование вооруженными силами не может договориться о том, чтобы преградить путь Альенде. Традиции невмешательства, свойственные чилийской армии, опасения Фрея испортить свою репутацию, решимость Шнейдера сохранять верность конституции и в особенности отсутствие крупной фигуры в правительстве и

¹ Резидент Генри Г. (здесь назван вымышленным именем Феликс) в том же месяце был заменен Раймоном В...

армии — все эти факторы затрудняют военный переворот». [...]

В тот же день, 8 октября, резидент сказал одному высокопоставленному лицу в полиции, что «правительство Соединенных Штатов является сторонником военного решения и намерено его поддерживать даже в том случае, если не будет прямого военного вмешательства», и данное лицо информировало резидента, что рассчитывать на помощь со стороны высшего командования чилийской армии не приходится. [...]

8 же октября в Вашингтоне Карамессинес завтракает с генералом Хейгом. Позже, в своих показаниях комиссии, Хейг высказал предположение, что он в свое время, возможно, знал, что ЦРУ было связано с двумя разными группами военных заговорщиков. Он допускает, что состоялось какое-то другое совещание, на котором ЦРУ могло его проинформировать о своих тогдашних связях: «Хотя в архивах нет на этот счет никаких следов, мне кажется, что в сентябре было совещание, очень короткое, на котором мне, должно быть, сообщили, что осуществляется специальная программа действия. Возможно, это сказал Генри (Киссинджер), возможно, Карамессинес, если он там присутствовал. Точно не помню». [...]

ПЯТНИЦА, 9-е

На следующий день резидентура в своем донесении упоминала, что «шансы на успех падают» (телеграмма от 9 октября). [...]

Пессимизм звучал и в следующем за тем сообщении: «Методом исключения резидентура остановила свой выбор на варианте «Вио» (телеграмма от 10 октября). [...]

СУББОТА, 10-е

Телефонный разговор Хейга с Карамессинесом о положении в Чили. Карамессинес сообщил об отчете, полученном от резидентуры Сантьяго, которая «вступила в непосредственный контакт с несколькими высшими офицерами, особенно с наиболее активными среди них. Все они были настроены пессимистически».

Хейг вспоминает о своем телефонном разговоре 10 октября с Карамессинесом, и его свидетельство совпадает с записью беседы, которая имеется в архивах ЦРУ:

«Я знаю, и документы, датированные утром 10 октября, подтверждают это, что Карамессинес позвонил мне, чтобы дать первый отчет. Я помню: согласно этому отчету, ничего особенного не произошло».

Хейг заявил комиссии по расследованию, что он несомненно передал Киссинджеру основное содержание этого разговора и что вообще он в то время играл роль непосредственного информатора Киссинджера. «Я уверен, учитывая мою роль в тот период времени, что я передал эту информацию Генри...»

Вопрос комиссии: Если бы Карамессинес не смог встретиться с д-ром Киссинджером и вам пришлось бы вместо него получить информацию о ходе событий, каковы были бы в этом случае ваши полномочия?

Ответ Хейга: В то время я полагал, что обязан только передать Генри полученную информацию. [...]

Между 10 и 22 октября (даты указаны приблизительно) по окончании одного из более широких совещаний Киссинджер, Карамессинес и еще один или два человека встретились с президентом Никсоном. Карамессинес полагает, что эта встреча состоялась между 10 и 24 октября. По его словам, «было заметно, что президент очень старается убедить присутствующих в необходимости воспрепятствовать избранию Альенде на пост президента». Выходя из овального зала, Никсон отвел Карамессинеса в сторону, с тем чтобы еще раз повторить свой наказ.

Если бы удалось установить, что разговор с президентом состоялся действительно после 15 октября, стали бы неопровержимыми свидетельства сотрудников ЦРУ, утверждавших, что на совещании 15 октября (см. ниже) не было принято решение о прекращении операции «Трек-II». Но так как комиссия не имела права проверять распорядок дня президента и государственного секретаря, то она не могла с полной определенностью уточнить дату этой беседы.

Шестая неделя

К середине октября перспективы стали вдруг более благоприятными. Шансы на то, что государственный переворот может быть организован людьми, принадлежащими к верхушке армии, после предварительных переговоров с ее представителями значительно возросли. Отчет ЦРУ о ходе операции «Трек-II» гласил: «Вероятность государственного переворота со стороны группы военных, возглавляемой генералом Валенсуелой и адмиралом (фамилия стерта), всегда представлялась более реальной, чем аналогичные планы группы Вио. Офицеры, о которых идет речь, обладают необходимыми силами и средствами, для того чтобы начать действовать, как только они примут решение об организации заговора». [...]

Понедельник, 12 октября. Резидентура сообщила, что генерал Валенсуела встретился с генералом Вио и убеждал его не делать попытки переворота. [...]

ВТОРНИК, 13-е. ВИО

Первой задачей сотрудников ЦРУ, которые выдавали себя за иностранных подданных некой нейтральной страны, было войти в контакт с Вио, и они незамедлительно втянули в ее осуществление военного атташе, принимавшего до тех пор лишь косвенное участие в подготовке заговора. В разговоре с одним из агентов ЦРУ Вио повторил свою просьбу о поставке воздушным путем оружия, необходимого для переворота, и снова получил отрицательный ответ: просьбу об оружии отклонить, но всячески поощрять генерала в его решимости довести дело до конца. ЦРУ, по существу, тянуло с Вио и стремилось выиграть время:

МЫ ХОТИМ ПОБУДИТЬ ВИО РАСШИРИТЬ И УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ЕГО ПРОЕКТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА. ПОСТАРАЙТЕСЬ ПОВЛИЯТЬ НА НЕГО В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ (телеграмма от 10 октября).

Для успешного выполнения собственного предписания руководство ЦРУ разрешило вручить Вио сумму в 20 тыс. долл. и полис на 250 тыс. долл. — страховка жизни его самого и его соратников; все это должно было послужить вещественным доказательством поддержки Соединенных Штатов.

13 октября руководство снова проявило интерес к Шнейдеру, на этот раз оно хотело знать:

КАК ПОМЕШАТЬ ШНЕЙДЕРУ СДЕЛАТЬ В БЛИЖАЙШИЕ ЧАСЫ ЗАЯВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МОГЛО БЫ ПАРАЛИЗОВАТЬ ТЕХ ИЗ ЛИЦ КОМАНДНОГО СОСТАВА, КОТОРЫЕ ИНАЧЕ БЫЛИ БЫ СКЛОННЫ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К ВИО? (телеграмма от 13 октября).

Несколько часов спустя резидентура ответила:

ВИО НАМЕРЕВАЕТСЯ ПОХИТИТЬ ГЕНЕРАЛОВ ШНЕЙДЕРА И ПРАТ-СА В БЛИЖАЙШИЕ 48 ЧАСОВ, С ТЕМ ЧТОБЫ УСКОРИТЬ ПЕРЕВОРОТ.

Похищение Шнейдера, планировавшееся генералом Вио, было подано резидентурой как «составная часть государственного переворота, в котором примет участие Валенсуела». Примерно в то же время резидентура начала получать обнадеживающие сведения и от других лиц, с которыми была установлена связь.

Суббота, 10 октября, Сантьяго телеграфирует: «...Резидентура остановила свой выбор на варианте Вио». Тремя днями позже спецгруппа дает свое согласие: «Мы продолжаем сосредоточивать все свое внимание на генерале Вио, который представляется теперь единственным в генералитете, решившим блокировать Альенде».

Если Вио оказался единственной надеждой ЦРУ в осуществлении планов государственного переворота, то положение заговорщиков было действительно незавидным. Коллеги, и в первую очередь генерал Валенсуела, считали Вио «генералом без войска». Но в течение первых двух недель октября дело дошло до того, что он стал главной опорой управления в осуществлении операции «Трек-II».

И хотя военному атташе Соединенных Штатов было запрещено компрометировать себя отношениями с Вио в

связи с тем, что это было чревато крупными неприятностями, именно ему пришлось вступить в первый контакт с генералом, используя для этого военного атташе другой страны. Этот атташе докладывал 5 октября, что Вио настаивает на получении нескольких сот гранат с нервно-парализующим газом, для того чтобы начать переворот 9 октября. Штаб-квартира отклонила его просьбу, полагая, что «в создавшихся условиях мини-переворот шел бы вразрез с искомыми целями» и Вио следует перенести свои планы на более позднее время, но рекомендовала вместе с тем всячески поддерживать генерала в его стремлении сохранить свои позиции, с тем чтобы он имел возможность присоединиться впоследствии к более широкому движению, в случае если бы таковое возникло (телеграмма от 6 октября).

СРЕДА, 14-е. КОМИТЕТ 40

14 октября, за 10 дней до созыва чилийского конгресса, спецгруппа пришла к заключению: «К нам начинают поступать сигналы растущей активности и из других военных кругов, свидетельствующие о близости государственного переворота; в особенности это касается генерала (стерто), адмирала (стерто) и частей, расквартированных в Консепсьоне и в Вальдивие». [...]

В тот же день в Вашингтоне генерал Беннет направил телеграмму военному атташе в Сантьяго с предписанием выбрать по своему усмотрению двух старших чилийских офицеров и передать им следующее поручение:

ВЫСШИЕ ВЛАСТИ ВАШИНГТОНА УПОЛНОМОЧИВАЮТ ВАС ОКАЗЫВАТЬ МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ ЧИЛИЙСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ В ЛЮБЫХ НАЧИНАНИЯХ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ТО, ЧТОБЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ИЗБРАНИЮ АЛЬЕНДЕ 24 ОКТЯБРЯ СЕГО ГОДА, ПРЯМАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ПРИ ЭТОМ ПОЛНОСТЬЮ ИСКЛЮЧАЕТСЯ.

Карамессинес утверждает, что в этом случае под «высшими властями» могли подразумеваться только Киссинджер или президент, поскольку никто другой не имел права давать военному атташе такую свободу действий. По словам Карамессинеса, подобное послание могло быть составлено только в Белом доме или уж, во всяком случае, по прямому указанию оттуда.

Киссинджер, однако, не помнит, чтобы он давал распоряжение об отправке телеграммы от 14 октября. Последовательность событий кажется ему по меньшей мере странной; поскольку 10 октября он получил информацию о том, что ничего особенного не происходит, было бы естественным на его месте ожидать, что совещание 15-го (см. ниже) будет посвящено анализу результатов каблогаммы от 14-го. Но в архивах ЦРУ нет никаких следов подобного обсуждения.

Деловые чилийские круги стремятся к достижению приемлемого компромисса с будущим правительством Альенде...

После сопровождавшей выборы финансовой паники этот поворот частного сектора к сотрудничеству выразился в том, что в эту среду состоялась встреча между председателем Национальной промышленной палаты Педро Менендесом и доктором Альенде... Большие группы промышленников и владельцев банков, которые ранее поддерживали Х. Алессандри, сегодня готовы оказать поддержку будущему правительству в преодолении тяжелого экономического кризиса, разразившегося в Чили после 4 сентября, но при условии, чтобы это правительство предложило приемлемую для них программу. Из хорошо информированных источников стало известно, что эти дельцы попросили представителей высшего офицерства заверить Альенде в своей готовности помочь ему оказать противодействие давлению, которое могло бы попытаться осуществить на него крайнее левое крыло в целях проведения радикальных мер, поскольку такие меры неизбежно усугубили бы и без того тяжелое экономическое положение.

Сегодня в Сантьяго начали забастовку две тысячи служащих чилийской телефонной компании, филиала ИТТ. Их требования выражаются в сумме 1 млн. долл. Бесперебойность работы телефонной связи обеспечивается руководящим составом. (НЙТ).

В тот же день Комитет 40 собрался на заседание, с тем чтобы обсудить ряд вопросов, в том числе положение в Чили. Из числа главных членов комитета (Генри Киссинджер, Джон Митчел, Дэвид Пакард, Алексис Джонсон и адмирал Мурер) присутствовали: Карамессинес.

Уильям Броу и генерал Роберт Кашмэн, все, кто представляет в нем ЦРУ, а также Чарлз Мейер, представитель государственного департамента, и Эдвард Корри, посол США в Сантьяго, вызванный в Вашингтон на короткий срок для проведения консультаций.

Вскоре после начала заседания Киссинджер предложил Карамессинесу сделать анализ последних событий и текущего момента в Чили. Карамессинес сделал упор на том, что «при существующем положении дел «климат» военного переворота отсутствует». Он обратил внимание собравшихся на то, что «генерал Вио, чья реакция часто совершенно не предсказуема, является единственным человеком, от которого можно ждать государственного переворота», и что «его шансы на успех невелики». Посол Корри согласился с анализом, который дал Карамессинес, и заявил, что «в данной обстановке представляется почти несомненным, что 24 октября к власти придет Альенде». Киссинджер тогда заметил, что «Соединенные Штаты располагают ограниченным запасом средств, для того чтобы хоть как-то повлиять на положение в Чили». Остальные участники совещания придерживались того же мнения. [...]

ЧЕТВЕРГ, 15-е. «ДЕРЖИТЕ КОЗЫРИ НА РУКАХ»

Два заговорщика, оба чилийские генералы, предприняли 15 октября последнюю попытку убедить генерала Шнейдера изменить свое отношение к возможности государственного переворота. Резидентура сообщила, что попытка потерпела «полное фиаско». Шнейдер отказался выслушать их красочное описание коммунистической деятельности в Чили. Его решение о неприсоединении к заговору осталось непоколебимым. [...]

События вкратце выглядят следующим образом: 15 октября генерал Вио заверил своего связного в том, что твердо намерен совершить государственный переворот. (Он уточнил свои планы относительно Шнейдера — его предполагалось похитить; с генералом Валенсуелой он встречался минимум один раз; дату переворота он несколько отсрочил.)

Причина, по которой Вио отложил дату переворота, излагается в каблограмме из Сантьяго в штаб-квартиру ЦРУ: «Необходимо отметить, что в заявлении Вио содержалось явное преувеличение: он утверждал, что отсрочил

попытку государственного переворота из-за якобы неизбежного в этом случае прибытия агентов ЦРУ. Из других донесений следует, что Вио вряд ли будет в состоянии или захочет выступить в этот уик-энд» *(речь шла о субботе, 10 октября, и воскресенье, 11 октября)*. Есть также основания полагать, что генерал Валенсуела должен был попытаться убедить Вио отложить выступление на более позднее время.

15 октября Томас Карамессинес встретился в Белом доме с Генри Киссинджером и Александром Хейгом с целью обсудить положение в Чили. [...]

Судя по записи беседы, имеющейся в архивах ЦРУ, Карамессинес дал подробный отчет, остановившись на генерале Вио, на встрече двух других военных — участников заговора, на «общей обстановке в Чили с точки зрения перспектив государственного переворота». Из отчета следовало, что у Вио один шанс из двадцати, а то и меньше, на то, чтобы начать этот государственный переворот и успешно довести его до конца. Киссинджер сделал упор на отрицательных последствиях, которые повлек бы за собой провал заговора. В записи беседы говорится:

«Пункт 5: участники беседы пришли к заключению, что управление должно предостеречь Вио от слишком поспешных шагов. Главное, о чем следует его уведомить:

мы изучили ваш план, основываясь на информации, полученной от вас, и нашей собственной; мы считаем, что ваше намерение осуществить государственный переворот в настоящий момент нереально. в случае провала ваши шансы на успех в будущем могут уменьшиться. держите козыри на руках. мы будем поддерживать с вами связь. придет время, когда вы и ваши друзья сможете кое-что сделать. мы продолжаем оказывать вам поддержку.

Пункт 6: поскольку принято решение не содействовать, по крайней мере временно, государственному перевороту, возглавляемому Вио, д-р Киссинджер дал указание Карамессинесу позаботиться о том, чтобы не обесценить вклад ЦРУ в Чили, продолжая в то же время вести работу тайно и с максимумом предосторожностей, для того чтобы сохранить возможность выступить против Альенде в будущем.

(...)

Пункт 8: перед закрытием совещания д-р Киссинджер указал на то, что управление должно продолжать использовать все слабые места Альенде — теперь, после

24 октября, после 5 ноября и до тех пор, пока не поступят новые распоряжения относительно вторжения. Карамес-синес заверил д-ра Киссинджера, что управление будет действовать в соответствии с этой договоренностью» (запись беседы сделана сотрудником ЦРУ).

Давая свидетельские показания комиссии по расследованию, Киссинджер сказал, что запись ему представляется правильной в общих чертах, однако многих зафиксированных в ней подробностей он не помнит. Как ему кажется, он дал указание управлению «произвести стратегическое отступление и сохранить свои козыри». По мнению Киссинджера, смысл совещания 15 октября, как он сформулирован в записи беседы, находится в вопиющем противоречии с распоряжением ЦРУ, поступившим 16-го в резидентуру Сантьяго (см. ниже), которое вроде бы основано на решении этого совещания. Киссинджер заметил, что в формулировках записи совещания от 15 октября ЦРУ проявило «определенную склонность присваивать себе максимальную полноту власти» [...].

По воспоминаниям Киссинджера, совещание 15 октября сводилось скорее к тому, чтобы «спустить на тормозах» проекты государственного переворота, а «не вдохнуть в них жизнь». Это подтверждает и Хейг: «Выводы из этого совещания сводились к тому, что лучше не делать ничего, чем делать что-то, обреченное на провал... Я ушел с совещания с убеждением, что никакие действия санкционированы не были».

ПЯТНИЦА, 16-е. РАСПОРЯЖЕНИЕ

В распоряжении от 16 октября сообщалось, что операция «Трек-II» рассматривалась «на высшем правительственном уровне»:

2. НАША СТРАТЕГИЯ ОСТАЕТСЯ ТВЕРДОЙ И НЕИЗМЕННОЙ: АЛЬЕНДЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ СМЕЩЕН В РЕЗУЛЬТАТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА. БЫЛО БЫ ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ВЫШЕ-ОЗНАЧЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СРАБОТАЛА ДО 24 ОКТЯБРЯ, НО СЛЕДУЕТ ПРОДОЛЖАТЬ ВАШИ НАСТОЙЧИВЫЕ УСИЛИЯ И ПОСЛЕ ЭТОЙ ДАТЫ. [...]

3. ПОСЛЕ ТЩАТЕЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ ПРОЕКТОВ ВИО МЫ ПРИШЛИ К ВЫВОДУ, ЧТО ЕСЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ НАЧНЕТ ОН ОДИН И ИМЕЮЩИЕСЯ В ЕГО РАСПОРЯЖЕНИИ СИЛЫ, ТО ДЕЛО БУДЕТ ПРОИГРАНО. А ЭТО ПРОТИВОРЕЧИЛО БЫ ЦЕЛЯМ ОПЕРАЦИИ «ТРЕК-II». МЫ РЕШИЛИ ПОЭТОМУ, ЧТО ЦРУ СВЯЖЕТСЯ С ВИО И ПРЕДОСТЕРЕЖЕТ ЕГО ОТ ЛЮБЫХ ПОСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Распоряжение содержало также приказ «поддержать (Вио), с тем чтобы он расширил свои планы и сблизился с другими заговорщиками». В заключение говорилось:

4. НАС ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСУЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВАЛЕНСУЕЛЫ И К^о. ЖЕЛАЕМ ИМ УСПЕХА.

СУББОТА, 17-е. 3 АВТОМАТА И 500 ПАТРОНОВ

Решение «затормозить» Вио было передано одному лицу из его окружения 17 октября. Тот ответил, что такое решение никакой роли играть не будет, так как они намерены совершить переворот при любых обстоятельствах. [...]

Вечером 17-го военный атташе Соединенных Штатов встретился с двумя чилийскими офицерами — общевойсковым и морским. Они попросили восемь — десять гранат со слезоточивым газом, три автомата калибра 45 мм и 500 патронов. Моряк сказал, что в его распоряжении имеется три автомата, но их происхождение легко установить по серийному номеру, поэтому использовать их он не может. Военный атташе и резидент заверили, что эти офицеры просили автоматы в целях личной безопасности.

Возникает, конечно, вопрос, предназначалось ли, а если нет, то использовалось ли это оружие при похищении Шнейдера. Учитывая, что оружие было передано вышеуказанным офицерам и что в убийстве Шнейдера были признаны виновными соучастники Вио, ответ может быть дан отрицательный. [...]

ВОСКРЕСЕНИЕ, 18-е. ВАЛЕНСУЕЛА

Во время последней встречи агента ЦРУ и одного из соучастников Вио, которая состоялась 18 октября, ЦРУ получило информацию о том, что переворот намечается на 22-е и похищение Шнейдера будет первой в целой серии планируемых акций. С Вио состоялся срочный телефонный разговор. [...]

В тот же день генерал Валенсуела сообщил военному атташе, что он сам и трое других высших офицеров готовы возглавить военный переворот. Согласно их плану, начало выступлению должно положить похищение генерала Шнейдера, которое предполагалось совершить во время обеда в его честь на следующий день, 19 октября.

После этого Шнейдер, по их мнению, уедет в Аргентину, а Фрей уйдет в отставку и покинет пределы Чили. Один из друзей Валенсуелы возглавит военную хунту и распустит парламент. Относительно похищения Шнейдера в телеграмме указывалось:

ГЕНЕРАЛ ВИО ХОРОШО ОСВЕДОМЛЕН ОБ УПОМЯНУТОЙ ОПЕРАЦИИ, НО НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В НЕЙ НЕ ПРИНИМАЕТ. ЕГО ОТПРАВИЛИ В ВИНЬЮ, ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ ВМЕСТЕ С ОДНИМ ИЗВЕСТНЫМ ВРАЧОМ. ОН ПОЯВИТСЯ НА ГЛАЗАХ У ОБЩЕСТВЕННОСТИ 19 И 20 ОКТЯБРЯ, С ТЕМ ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ, ЧТО НЕ ИМЕЕТ К СЛУЧИВШЕМУСЯ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ. ЕМУ БУДЕТ ПОЗВОЛЕНО ВЕРНУТЬСЯ В САНТЬЯГО В КОНЦЕ НЕДЕЛИ. ВОЕННЫЕ НЕ СОГЛАСЯТСЯ БЫТЬ ПРИЧАСТНЫМИ К ПОХИЩЕНИЮ ШНЕЙДЕРА, И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭТУ АКЦИЮ СЛЕДУЕТ ОТНЕСТИ НА СЧЕТ ЛЕВЫХ ЭКСТРЕМИСТОВ

(телеграмма от 19 октября).

По-видимому, агент ЦРУ, который осуществлял связь с Вио в момент, когда план Валенсуелы был передан военному атташе, понял, что Вио будет участвовать в попытке похищения Шнейдера, намеченной 19 октября. Вот его показания:

Вопрос: Были ли вы осведомлены о том, каким образом предполагалось осуществить похищение (задуманное Вио)?

Ответ: Мне объяснили, что это должно произойти во время чего-то вроде банкета, на котором будет присутствовать генерал (Шнейдер). [...]

Первая передача оружия двум офицерам, связанным с Валенсуелой, состоялась поздно вечером 18-го. При этом были переданы шесть гранат со слезоточивым газом, которые первоначально предназначались Вио.

Как мы говорили выше, после 15 октября и для того, чтобы содействовать перевороту в Чили, ЦРУ сделало свою ставку скорее на кадровых офицеров — Валенсуеле и его окружении, чем на Вио. Примером такой переориентации может служить передача офицерам армии и флота гранат, которые ранее предназначались Вио.

Телеграмма из Сантьяго объясняла цель этой акции:

РЕЗИДЕНТУРА НАМЕРЕНА ВРУЧИТЬ ШЕСТЬ ГРАНАТ СО СЛЕЗОТОЧИВЫМ ГАЗОМ ВОЕННОМУ АТТАШЕ, С ТЕМ ЧТОБЫ ОН ПЕРЕДАЛ ИХ АРМЕЙСКИМ ОФИЦЕРАМ (ФАМИЛИИ СТЕРТЫ); РАНЕЕ ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ ДАТЬ ИХ ГРУППЕ ВИО ЧЕРЕЗ ПОДСТАВНЫХ ЛИЦ, ГРАЖДАН, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ НИ К ЧИЛИЙСКОМУ, НИ К АМЕРИКАНСКОМУ ПОДДАНСТВУ, МЫ СТРЕМИМСЯ К ТОМУ,

чтобы военный атташе вел переговоры с кадровыми офицерами. Поэтому важно, чтобы был усилен кредит доверия атташе в глазах этих офицеров

(телеграмма от 18 октября). [...]

КОНЕЦ ШЕСТОЙ НЕДЕЛИ

Показания Генри Киссинджера и генерала Хейга комиссии противоречат показаниям ответственных сотрудников ЦРУ.

Киссинджер и Хейг заявили, что 15 октября 1970 г. Белый дом принял решение свернуть деятельность ЦРУ, направленную на осуществление переворота в Чили, что после этой даты они уже не были в курсе усилий ЦРУ по проведению в жизнь операций «Трек-II» (тем более не оказывали ему никакой поддержки) и не знали о проекте похищения генерала Шнейдера и снабжении оружием военных заговорщиков.

Ответственные сотрудники ЦРУ, напротив, утверждали, что они действовали как до, так и после 15-го с согласия Белого дома.

Противоречия касаются в основном периода, последовавшего за 15 октября, но не в меньшей степени они относятся и к вопросу об обмене информацией между Белым домом и ЦРУ в предшествовавший этой дате период. В качестве примера Киссинджер сослался на то, что никто никогда не информировал его о таком проекте переворота, который бы предусматривал похищение генерала Шнейдера. Он знал, конечно, о проекте переворота, который готовил Вио; на совещании 15 октября с Карамессинесом он пришел к выводу, что его следует похоронить. Но он понятия не имел при этом, что указанный переворот должен был начаться с похищения Шнейдера.

Ответственные сотрудники ЦРУ, в особенности Томас Карамессинес, настаивали на том, чтобы на протяжении всего периода подготовки операции «Трек-II» ЦРУ поддерживало теснейшую связь с Белым домом. Так, Карамессинес утверждает, что он встречался с Киссинджером от шести до десяти раз в ходе 5-недельного проведения операции «Трек-II» и в общем плане информировал его о развитии событий. Комиссии известно о двух совещаниях Карамессинес — Киссинджер, а также об одном телефонном разговоре между Карамессинесом и заместителем Киссинджера, генералом Хейгом. В календаре деловых встреч Карамессинеса есть отметки о том, что он

трижды встречался с Хейгом, но нет никаких точных указаний на то, что разговор при этом шел об операции «Трек-II». В том же календаре значатся и три другие встречи Карамессинес — Киссинджер, во время которых они, возможно, обсуждали эти вопросы.

Показания Генри Киссинджера, которые он давал комиссии по расследованию, противоречат свидетельствам Карамессинеса по двум пунктам: он понял дело так, что «Трек-II» была «похоронена» 15 октября и после этого не был в курсе проектов чилийских заговорщиков и поставок им оружия¹. Он говорит об операции «Трек-II» в следующих выражениях: «Речь шла о зондаже, а не о реальном проекте... Белый дом никогда не был в курсе проекта переворота. Если мне не изменяет память, президент Никсон выразил желание познакомиться с ходом операции «Трек-II», что повлекло за собой созыв двух или трех совещаний, а также решение Белого дома от 15 октября эту операцию свернуть. В результате «Трек-II» прекратила свое существование, во всяком случае по моему ведомству, и мы больше никогда не получали никаких донесений на эту тему. Судя по тем архивным материалам, которые мне удалось разыскать, ЦРУ после 15 октября не сообщало нам никаких дополнительных сведений».

В своих свидетельских показаниях генерал Хейг в целом подтверждает точку зрения Киссинджера: «Я ушел [с совещания 15 октября] в твердом убеждении — мы совершенно бессильны сделать что бы то ни было, дабы добиться успеха в этой секретной области. У меня было убеждение, что к тем же выводам пришел и д-р Киссинджер, причем я тогда даже не подозревал, как собираются действовать эти две группы, какими методами они намереваются достичь цели, словом, пора было положить всему этому конец. Я тогда, помнится, подумал, что нет никаких шансов на успех у плана, который должен осуществляться втайне. Именно такое впечатление у меня сложилось тогда».

¹ В письменном ответе на один из вопросов комиссии Киссинджер заявил, что не мог найти «письменных доказательств указания президента о прекращении усилий, направленных на организацию государственного переворота». Он добавляет: «Однако президент сообщил мне устно об этом решении в середине октября 1970 года». Комиссия не имела до настоящего времени возможности выслушать бывшего президента Никсона по этому вопросу.

Покушение

ПОНЕДЕЛЬНИК, 19-е. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Автоматы и патроны были отправлены из Вашингтона с дипломатической почтой утром 19 октября, несмотря на недоумение оперативного штаба относительно их назначения: «Мы будем продолжать стремиться снабжать вас оружием, но нас очень заинтересовал морской офицер, который собирается оснастить свое «воинство» оружием sterile guns¹. Как его используют? Мы попытаемся его переслать, независимо от того, сможете вы или нет дать нам удовлетворительное объяснение». [...]

В тот же день телеграмма резидентуры в Сантьяго информировала руководство ЦРУ о том, что гранаты со слезоточивым газом уже розданы, и сообщала в общей форме о проекте государственного переворота во главе с Валенсуелой, который должен был начаться с похищения генерала Шнейдера. Карамессинес в своих показаниях комиссии заявил, что он несомненно проинформировал Киссинджера о проекте Валенсуелы «тотчас же хотя бы потому, что у нас не было никаких других утешительных сведений для Белого дома».

В этот понедельник в обращении к своим избирателям Хорхе Алессандри, лидер национальной партии, сообщал о снятии своей кандидатуры на президентских выборах.

Так как Радомиро Томич, кандидат от христианских демократов на выборах 4 сентября, со своей стороны, уже принял решение строжайшим образом соблюдать результаты законных

¹ Оружие, происхождение которого невозможно установить.

выборов, которые предстоит ратифицировать конгрессу, с тем чтобы утвердить назначение Альенде, то приход последнего на пост президента становился очевидным; заседание конгресса, назначенное на субботу 24-го, превращалось теперь в обычную формальность.

В своем обращении Алессандри писал: «Приход д-ра Альенде на эту высшую государственную должность произойдет, таким образом, в более спокойной обстановке. Усиление доверия должно способствовать оживлению экономической активности... Я шлю наилучшие пожелания успеха будущему президенту Чили, чьи давние и глубокие демократические убеждения, а также неизменное уважение законов и конституции хорошо известны» (НЙТ).

Во второй половине дня 19-го — встреча Хейг — Карамессинес в Белом доме (см. календарь деловых встреч Карамессинеса). К этому времени Карамессинес, конечно, ознакомился с поступившей утром телеграммой, где в общих чертах излагался проект Валенсуелы. И тем не менее генерал Хейг совершенно не помнит, что он встречался с Карамессинесом 19 октября. «Все это для меня неожиданно. Я ничего не слышал, ничего не знал ни об этом специальном проекте., ни о 50 тыс. долл. (см. ниже), ни о ком-либо из лиц, упоминающихся в этом документе».

Киссинджер, со своей стороны, утверждал, что ему ничего не было известно о проекте Валенсуелы: «После 15 октября меня ни о чем не информировали». По словам Киссинджера, в его календаре деловых встреч не сохранилось никаких пометок, указывающих на то, что у него вообще была встреча с Карамессинесом или Хелмсом между 15 и 19 октября. Киссинджер настаивал на том, что он никогда ничего не знал о передаче ЦРУ гранат со слезоточивым газом и боеприпасов чилийским военным заговорщикам. «Никаких совещаний по этому вопросу в дальнейшем не проводилось. Ни в моих, ни в их (сотрудников ЦРУ) архивах я не нахожу ни малейших следов каких-либо сведений, которые могли бы поступить после 16-го и были бы действительно доведены до моего сведения».

Киссинджер тем самым заявил, что он не допускает связь представителей Соединенных Штатов с чилийскими офицерами, готовившими государственный переворот, в проект которого входило похищение Шнейдера.

Вопрос сенатора Харта (штат Колорадо): Я не совсем убежден в том, что в документах, которые предоставлены в наше распоряжение, содержится ясный ответ на вопрос, призванный установить, знали ли вы — да или нет, — что мы (Соединенные Штаты) были связаны с военными заговорщиками, в чьи планы входило и похищение генерала Шнейдера.

Ответ Киссинджера: Как я уже говорил, мне это было неизвестно.

Генералу Хейгу кажется, что и он не был информирован о первой попытке похищения, до того, как она была совершена.

Вопрос: Были ли вы в то время в курсе проекта похищения генерала Шнейдера?

Ответ Хейга: Я об этом узнал только после случившегося.

Вопрос: Вас никто о нем не информировал, до того как была предпринята первая попытка?

Ответ Хейга: Я не думаю, чтобы мне было хоть что-то известно об этом. [...]

В тот же день в Соединенных Штатах в ходе предвыборного турне президент Никсон говорил в связи с убийством квебекского министра Пьера Ляпорта: «Речь идет о мировом зле, которое зиждется на следующей посылке: если вы защищаете какую-то идею, вы можете использовать для победы этой идеи любое средство, цель его оправдает. Речь идет о формуле, согласно которой в борьбе за правое дело все средства хороши. Мы должны сплотиться в международном масштабе против такой концепции, где бы она себя ни проявляла: будь то в Канаде, в Соединенных Штатах или где-то еще. И это в равной мере относится и к воздушным пиратам, и к демонстрантам... Никаким делом нельзя оправды-

вать насилия, если существующая система предусматривает право ее изменить мирным путем» (АФП, РЕЙТЕР).

Похищение, намеченное на вечер 19 октября, провалилось, потому что генерал Шнейдер уехал в частной, а не в своей казенной автомашине и не удалось избавиться от его телохранителя. Чилийский офицер заверил военного атташе, что новая попытка состоится 20 октября. [...]

ВТОРНИК, 20-е. 50 ТЫС. ДОЛЛАРОВ

В резидентуру Сантьяго была отправлена телеграмма следующего содержания:

МЫ ЖДЕМ ПОДРОБНОГО ДОНЕСЕНИЯ ОБО ВСЕХ СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ МОГЛИ ПРОИЗОЙТИ 19 ОКТЯБРЯ. А ПОКА СООБЩИТЕ НАМ БЕЗ ВСЯКОГО АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРОЙ ВЫ РАСПОЛАГАЕТЕ...

РУКОВОДСТВО ДОЛЖНО ОТВЕТИТЬ УТРОМ 20-ГО НА СЕРИЮ ВОПРОСОВ, ПОСТАВЛЕННЫХ НА ОЧЕНЬ ВЫСОКОМ УРОВНЕ.

Как считает Карамессинес, под «высоким уровнем» подразумевались ответственные сотрудники Белого дома и, скорее всего, сам Киссинджер. Карамессинес допускает мысль, что Киссинджер был заранее уведомлен о подготовительных мероприятиях, связанных с планами Валенсуелы на 19-е; в связи с этим управление готовилось к тому, что д-р Киссинджер потребует сведений об этом прямо с утра 20-го. Киссинджер интерпретирует эту телеграмму совершенно иначе. По его мнению, эта телеграмма свидетельствует о том, что он не был заблаговременно информирован о проекте Валенсуелы. Когда известие о похищении Шнейдера достигло Белого дома, то, как помнится Киссинджеру, он попросил одного из своих подчиненных «позвонить по телефону, чтобы выяснить, что это еще за история?» [...]

Военный атташе был уполномочен передать Валенсуеле 50 тыс. долл., «плату, согласованную между заговорщиками и неизвестными наемными похитителями». Но атташе настоял на том, чтобы деньги были вручены только после похищения. Тем временем генерал Валенсуела заверил атташе, что военные готовы повторить попытку.

Вторая попытка похищения, намеченная на 20-е, также провалилась, и спецгруппа сделала вывод: «Так как группа Валенсуелы испытывает, по всей видимости, огромные трудности в осуществлении всего лишь первой фазы проекта переворота, вероятность успешного переворота или хотя бы его попытки, запланированной на 24 октября, представляется теперь маловероятной». [...]

СРЕДА, 21-е. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПОСЛА

После 15 октября полковник Роберт Рот¹ готовил к сдаче в архив документы, связанные с его деятельностью в Чили. Таким образом, было установлено, что 21 октября состоялось совещание, на котором шла речь о подготовке специальных биографических справок о чилийских генералах, в которых следовало особо отметить их склонность к участию в предполагаемом государственном перевороте. На этом совещании присутствовали генералы Беннет, Филпот и представитель ЦРУ. [...]

Левая пресса уже не первую неделю с тревогой пишет о том, что агенты ЦРУ, а также кубинские эмигранты тайно пробираются в Чили в целях осуществления плана, направленного на то, чтобы помешать д-ру Альенде стать президентом.

Посол Соединенных Штатов в Чили Эдвард А. Корри сделал вечером заявление, в котором он опроверг эти обвинения. По его утверждению, он предлагал чилийскому правительству еще до выборов приостановить все поездки североамериканских должностных лиц в Чили и заявил о своей готовности обратиться с просьбой к консульствам Соединенных Штатов во всех странах, чтобы те пытались отговаривать американских граждан от поездок в эту страну. Г-н Корри сказал, что это предложение было отвергнуто чилийскими властями.

ЧЕТВЕРГ, 22-е. ТРИ ПУЛИ КАЛИБРА 45 ММ

22 октября около двух часов утра в пустынном квартале Сантьяго военный атташе передал три автомата и боеприпасы общевойсковому офицеру.

¹ См. выше, раздел «28 сентября».

Хотя ни свидетельские показания атташе, ни сохранившаяся телеграфная переписка не дают четкого представления о принадлежности группы, с которой был связан этот офицер, однако в двух донесениях ЦРУ об операции «Трек-II» оружие, а стало быть, и офицер причислены к группе Валенсуелы: «Единственной помощью, о которой просил Валенсуела, чтобы выполнить свой план, начиная с похищения Шнейдера, были несколько автоматов, гранат со слезоточивым газом, патроны и противогазы (все это он получил), затем 50 тыс. долл. на расходы (которые следовало вручить по требованию)». «...Три автомата, шесть гранат со слезоточивым газом и противогазы были переданы группе Валенсуелы в два часа утра 22 октября. Его представители попросили дать им это оружие, потому что до голосования в конгрессе оставалось два дня и они не теряли надежду осуществить свой проект».

Около семи утра того же дня группа, готовившая акцию похищения генерала Шнейдера, собралась, чтобы получить последние указания.

Вскоре после восьми похитители остановили машину генерала Шнейдера, в которой он ехал на работу, и тяжело ранили в момент, когда он вытаскивал револьвер для самозащиты.

Сантьяго де Чили, 22 октября.

Сегодня неизвестный стрелял в главнокомандующего чилийской армией генерала Рене Шнейдера и тяжело его ранил. Правительство ввело в стране чрезвычайное положение...

Нападение на генерала произошло сегодня утром, когда он ехал из дома в министерство обороны. Он ехал только со своим шофером, никакого сопровождения не было...

Он был ранен тремя пулями и доставлен в военный госпиталь; его состояние признано «критическим». Операция продолжалась полтора часа. Хирурги сообщили, что пуля, пробившая грудную клетку, прошла в двух сантиметрах от сердца. Две другие пули задели шею и правую руку...

В Сантьяго ведутся поиски убийцы и его сообщников. Все воинские части и национальная полиция, всего около 70 тыс. человек., приведены в состояние боевой готовности...

Президент Эдуардо Фрей Монтальва ввел цензуру на прессу и радиопередачи, в Сантьяго установлен комендантский час с двенадцати ночи до шести часов утра. Генерал Камило Валенсуела, командующий гарнизоном Сантьяго, предупредил, что каждый, кто нарушит комендантский час и откажется при этом удостоверить свою личность, будет убит на месте...

Высшее командование вооруженными силами после чрезвычайного заседания, продолжавшегося три часа, сделало следующее заявление: «Мы считаем это покушение акцией, достойной презрения, которая ни в какой мере не изменит решимости вооруженных сил выполнить свой долг...» (НЙТ от 23 октября).

Чилийский военный трибунал, который вел расследование этого дела, пришел к выводу, что ни общевойсковой, ни морской офицеры в момент покушения не присутствовали. Трибунал констатировал, что генерал Шнейдер был сражен выстрелом из револьвера, хотя на месте покушения нашли и незаряженный автомат.

Трибунал установил, что покушение 22 октября было совершено участниками заговора группы Вио. Трибунал определил также, что члены этой группы участвовали и в покушениях 19 и 20 октября.

В первых донесениях от резидента сообщалось:

ПО СВЕДЕНИЯМ ВОЕННОЙ МИССИИ, ГЕНЕРАЛА ШНЕЙДЕРА ОБСТРЕЛЯЛИ ИЗ АВТОМАТА ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ

(телеграмма № 587).

Говоря об автоматах, резидентура ранее называла их «grease guns». В данном случае естественной реакцией было предположение, что Шнейдер был ранен из того самого оружия, которое за несколько часов до этого было передано офицеру. Сантьяго сообщало тогда в оперативный штаб:

РЕЗИДЕНТУРА ДАЛА РАСПОРЯЖЕНИЕ ВОЕННОМУ АТТАШЕ ПЕРЕДАТЬ 30 ТЫС. ДОЛЛ. ГЕНЕРАЛУ ВАЛЕНСУЕЛЕ, В СЛУЧАЕ ЕСЛИ ОН ИХ ЗАТРЕБУЕТ (телеграмма № 592).

Это указывает на то, что резидентура считала покушение делом рук лица, нанятого Валенсуелой.

Представители Соединенных Штатов опасаются, как бы нападение на генерала Шнейдера не было использовано антиамериканскими элементами для раздувания кампании, направленной на то, чтобы в глазах общественного мнения связать североамериканских дипломатов, находящихся в этой стране, с правозэкстремистскими группами (НИТ).

В тот же день позднее резидентура в своей телеграмме в штаб-квартиру сообщала:

МЫ НЕ ЗНАЕМ, БЫЛО ЛИ ЭТО ПОКУШЕНИЕ УМЫШЛЕННЫМ ИЛИ ЯВИЛОСЬ РЕЗУЛЬТАТОМ НЕУДАЧНОЙ ПОПЫТКИ ПОХИЩЕНИЯ... МЫ ЗНАЕМ, ЧТО В ЭТОМ ЗАГОВОРЕ БЫЛ ЗАМЕШАН ГЕНЕРАЛ ВАЛЕНСУЕЛА. У НАС ПОЧТИ НЕТ СОМНЕНИЙ В ТОМ, ЧТО АДМИРАЛ (ИМЯ СТЕРТО), ОБЩЕВОЙСКОВОЙ И МОРСКОЙ ОФИЦЕРЫ БЫЛИ В КУРСЕ ДЕЛА И САМИ ЗАМЕШАНЫ В ЗАГОВОРЕ. ЕСТЬ ВЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛАГАТЬ, ЧТО ГЕНЕРАЛ ВИО И НЕКОТОРЫЕ ЕГО СТОРОННИКИ БЫЛИ ЗАОДНО С ЗАГОВОРЩИКАМИ, ХОТЯ МЫ НЕ МОЖЕМ РУЧАТЬСЯ, ЧТО ПОКУШЕНИЕ ИЛИ ПОПЫТКА ПОХИЩЕНИЯ ШНЕЙДЕРА БЫЛИ ПОРУЧЕНЫ ИСПОЛНИТЕЛЯМ, СВЯЗАННЫМ С ВИО. СЛЕДУЕТ ПОМНИТЬ, ЧТО ПРЕДЛОЖИЛИ ОРГАНИЗОВАТЬ ПОКУШЕНИЕ ИЛИ ПОХИЩЕНИЕ ШНЕЙДЕРА КАДРОВЫЕ ОФИЦЕРЫ, А НЕ ОТСТАВНЫЕ ВОЕННЫЕ ИЛИ ПОЛИТИКИ КРАЙНЕ ПРАВОЙ ОРИЕНТАЦИИ... МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО КОНСТАТИРОВАТЬ, ЧТО ПОКУШЕНИЕ НА ШНЕЙДЕРА ДАЕТ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ВОЕННЫМ ПОМЕШАТЬ ПРИХОДУ АЛЬЕНДЕ, ЕСЛИ ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАМЕРЕНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ПО СЦЕНАРИЮ ВАЛЕНСУЕЛЫ (телеграмма № 598). [...]

Все в тот же день, 22 октября, в Белом доме состоялась встреча Хейг — Карамессинес (см. календарь деловых встреч Карамессинеса). Генерал Хейг напоминает, что он тогда был «сильно шокирован» покушением на Шнейдера; он думает, что Карамессинес рассказал ему об этом покушении на совещании 22-го и что Киссинджер присутствовал на этой беседе, а может быть, он, Хейг, сразу же отправился в кабинет Киссинджера, чтобы проинформировать его о том, во что его только что посвятил Карамессинес. [...]

Непосредственным результатом покушения было введение чрезвычайного положения. Генерал Пратс¹ становится главнокомандующим вместо Шнейдера. Валенсуела был назначен командующим военным округом Сантьяго. Эти и некоторые другие меры дали основание спецгруппе сделать первое заключение:

ДО ОТКРЫТИЯ КОНГРЕССА ОСТАЛОСЬ РОВНО 24 ЧАСА, В ЧИЛИ ГОСПОДСТВУЕТ ОБСТАНОВКА НАЗРЕВАЮЩЕГО ПЕРЕВОРОТА... ПОСЛЕДСТВИЯ ПОКУШЕНИЯ НА ГЕНЕРАЛА ШНЕЙДЕРА В ТОЧНОСТИ СОВПАДАЮТ С ПЛАНом ВАЛЕНСУЕЛЫ... СООТВЕТСТВЕННО, АКЦИИ ЗАГОВОРЩИКОВ ВОЗРОСЛИ

(Chile Task Force Log, le 22 octobre).

ПЯТНИЦА, 23-е

Глубокой ночью с четверга на пятницу генерал Шнейдер перенес вторую операцию, которая также продолжалась полтора часа. Его положение признано «весьма критическим». На рассвете над ним был совершен обряд причащения.

В пятницу днем «было задержано семь человек, личность которых не установлена». Трое из них, по всей вероятности, в прошлом — военнослужащие, принимавшие участие в мятеже полка Такнасо, к которому примкнул генерал Роберто Вио в октябре 1969 года, или в попытке организовать заговор, раскрытый в ноябре 1969 года и в марте 1970 года. Здесь все более склоняются к мысли о том, что покушение было произведено крайне правыми элементами с целью вызвать беспорядки в момент, когда к власти приходит Альенде, кандидат Народного единства. Генерал Карло Пратс, временно исполняющий обязанности главнокомандующего вооруженными силами, во всяком случае, отвергает возможность того, что военные, находящиеся на действительной службе, были замешаны в этом деле» («Монд»).

В силу полномочий, которые он получил после того, как президент Фрей отдал приказ о введении чрезвычайного положения, генерал Валенсуела, командующий военным гарнизоном столицы, сделал официальное предупреждение трем марксистским газетам. Он отдал приказ,

¹ После государственного переворота в 1973 году генерал Пратс выступит против генерала Пиночета и в 1974 году будет убит в Аргентине, где он находился в эмиграции.

чтобы они прекратили публикацию статей, подобных тем, которые они напечатали в эту пятницу. В статье, опубликованной газетой «Сигло» — одной из трех, на которые распространяется приказ Валенсуелы, — высказывалась уверенность в том, что вчерашнее покушение на генерала Шнейдера — дело рук людей, связанных с ЦРУ (НЙТ).

23 октября Ричард Хелмс подвел итоги операции «Трек-II».

БЫЛИ ПРИЛОЖЕНЫ МАКСИМАЛЬНЫЕ УСИЛИЯ. ТЕПЕРЬ ДОВЕСТИ ДО КОНЦА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ МОГУТ ТОЛЬКО САМИ ЧИЛИЙЦЫ. ИХ ПОДВЕЛИ К ТОЙ ЧЕРТЕ, ЗА КОТОРОЙ ИМ ОТКРЫВАЕТСЯ ВОЕННОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ.

СУББОТА, 24-е. АЛЬЕНДЕ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ

195 из 200 сенаторов и депутатов, которые образуют чилийский парламент, собрались в эту субботу на чрезвычайную сессию. Заседание продолжалось 1 час 20 мин. Голосование было тайным. Результаты следующие: Альенде — 153 голоса, Алессандри — 35; 7 бюллетеней признаны недействительными. Д-р Сальвадор Альенде официально стал законно избранным президентом Республики Чили. Он приступит к исполнению обязанностей 3 ноября.

Первой официальной акцией нового президента был визит в военный госпиталь, где находился генерал Шнейдер. В это утро врачи отметили некоторые признаки улучшения состояния раненого, но они все еще не исключают фатальный исход.

Вернувшись к себе, Сальвадор Альенде принял президента Фрея, который нанес ему визит вежливости. Фрей сказал: «Процедура завершающихся сегодня президентских выборов может быть примером как для обеих Америк, так и для всего мира» (НЙТ).

Ввиду тяжелого состояния генерала Шнейдера праздничные демонстрации, предусмотренные партиями Народного единства в честь победы на выборах д-ра Альенде, были отменены.

Следствие продвигается, за 48 часов подчиненными генерала Эмилио Чейре, начальника полиции и военной разведки, опрошено и задержано 150 человек.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 ОКТЯБРЯ, 7 ЧАС. 52 МИН.:
СКОНЧАЛСЯ РЕНЕ ШНЕЙДЕР

Д-р Альенде посетил Военную академию, чтобы принести свои соболезнования семье генерала Шнейдера и командованию армии.

Массивный, озабоченный президент Сальвадор Альенде один ступил за железную ограду Военной академии; его приветствовали выстроенные в две шеренги кадеты, одетые в синюю форму и каски с белым плюмажем.

На ступенях лестницы его встретил генерал Карлос Пратс, сменивший генерала Шнейдера на посту главнокомандующего. В мраморном пустом вестибюле д-р Альенде поклонился Каролине Элисе, супруге покойного, его троим сыновьям и дочери. Затем, стоя у гроба, покрытого трехцветным чилийским знаменем, почтил память генерала Шнейдера минутой молчания.

«Эта церемония — свидетельство нашего уважения к конституции и законам, — заявил начальник Военной академии, — уважения, которое олицетворял собой генерал Шнейдер и которое мы будем теперь хранить в силу нашей традиции и в память о человеке» (НЙТ).

Был объявлен трехдневный траур.

«Понять меру скорби чилийцев, когда они узнали о покушении на главнокомандующего армией, а потом о его смерти, можно только, если знаешь, что он был «наименее военным» из всех чилийских старших офицеров и что Чили не знала политических покушений с 1937 года. Тогда Диего Порталес, очень энергичный и, можно сказать, всемогущий министр, пользовавшийся фактически правами главы государства, был убит за то, что считал необходимой войну с Перу. Смерть Порталеса, хотя и непопулярного в либеральных кругах, вызвала взрыв национальной солидарности, и историки считают, что победа, которую в том же году одержали чилийские войска над перуанской армией, является косвенным результатом этого убийства...

Заговорщики рассчитывали на то, что похищение генерала Рене Шнейдера даст свободу действий вооруженным силам. Убийство главнокомандующего привело к обратному результату, надежды участников заговора не оправдались. «Страна понимает, — заявил Сальвадор Альенде, — что генерал Шнейдер заплатил жизнью за непоколебимую решимость сохранять в войсках уваже-

ние к конституции и демократическим принципам...» («Монд»).

Из более чем 150 лиц, задержанных после покушения для снятия показаний, пять человек — в том числе два члена ультраправых организаций — были названы полицией в качестве главных подозреваемых. Пока не установлено, было ли убийство результатом неудачного похищения — как предполагают некоторые левые политики — или преднамеренной акцией.

«Всех этих людей направляло ЦРУ», — заявил сенатор Анисето Родригес, генеральный секретарь социалистической партии. На ступеньках лестницы Военной академии взволнованный сенатор произнес речь, которая не была заранее подготовлена. В своем выступлении он призывал признать ЦРУ морально ответственным за это чуждое чилийскому характеру преступление (НЙТ).

Хотя это не сразу стало ясным наблюдателям из ЦРУ, предсказание резидентуры от 9 октября относительно того, что убийство Шнейдера (в результате попытки похищения) «воссоединит армию под знаменем конституции», подтвердилось совершенно точно.

Эпилог

Понедельник: после панихиды, которую служил архиепископ Сантьяго, кортеж двинулся из собора. Впереди шли экс-президент Эдуардо Фрей и вновь избранный президент Сальвадор Альенде, десять солдат несли гроб. За гробом шли знаменосцы с траурными полковыми знаменами. На похоронную процессию смотрели тысячи женщин и мужчин. Церемония длилась два с половиной часа и закончилась погребением Рене Шнейдера в военном пантеоне (НЙТ).

В тот же день: расследование обстоятельств покушения, которое стоило жизни главнокомандующему вооруженными силами, продолжается и, по всей вероятности, подходит к концу. Были опрошены многие сотни людей. Шофер генерала Шнейдера находится в штаб-квартире полиции, и от него ждут, чтобы он опознал преступников. Предполагают, что только двое из них стреляли из револьверов. Относительно троих задержанных считается, что они принимали непосредственное участие в покушении. Но полиция продолжает поиски Вио, генерала в отставке, подписан ордер на его арест...

Вечер вторника: расследование практически закончено. Хайме Мельгоса считается одним из тех, кто стрелял в генерала Шнейдера, так же как и Антонио Бучон, который уже отправлен в тюрьму. Заключен под стражу и брат Антонио, Хорхе Мальгоса, бывший детектив...

Среда: генерал Роберто Вио, которого полиция разыскивала после убийства главнокомандующего чилийской армией генерала Шнейдера, был арестован в доме своего адвоката. Последний сообщил следователям, что его клиент их ждет¹ («Монд»).

¹ В июне 1972 года генерал Вио был обвинен в заговоре, который привел к смерти генерала Шнейдера. Его приговорили к двадцати

*Стало известно, что Вашингтон принял решение на-
править в качестве своего представителя на церемонию
передачи полномочий, намеченную на следующий втор-
ник, статс-секретаря Чарлза Мейера.*

КИССИНДЖЕР

Служебная записка Хелмса Киссинджеру, датирован-
ная 2 декабря 1970 г., свидетельствует о том, что Хелмс
передал итоговый отчет об операции «Трек-II» министру
юстиции Митчелу, который должен был вручить его Кис-
синджеру лично. В приложении к записке, написанной от
руки, указывалось: «Направлено Киссинджеру через ди-
ректора Центрального разведывательного управления
Хелмса». В этом отчете, датированном 18 ноября 1970 г.,
подробно излагалась деятельность ЦРУ, связанная с
«Трек-II», включая различные проекты похищения Шней-
дера и передачу оружия чилийским заговорщикам.

Когда комиссия по расследованию поинтересовалась
у Киссинджера, знаком ли он с этим документом, тот от-
ветил, что, насколько он помнит, никакого итогового отче-
та он не получал и сомневается, чтобы такой «постсобы-
тийный» документ вообще мог появиться. Он заявил, что
не мог отыскать следов такого отчета в своих личных
архивах, тогда как без труда нашел отчет ЦРУ об опера-
ции «Трек-I», датированный 19 ноября 1970 г. Некоторые
обстоятельства показались Киссинджеру странными: за-
чем было ЦРУ составлять два отчета? Почему отчет, под-
готовленный 18 ноября, поступил к нему лишь 2 декабря?
И зачем, наконец, было передавать его через Митче-
ла? [...]

ЧЕРЧ

Следует ли считать деятельность ЦРУ в 1970 году
ошибкой, заблуждением? Или угроза безопасности Со-
единенным Штатам со стороны Альенде была столь серь-
езной, что американское правительство поступило бы не-

годам тюремного заключения за то, что он был «организатором по-
хищения, повлекшего за собой гибель жертвы», и к пяти годам ссылки
за то, что он замыслил военный переворот. Генералу Валенсуеле бы-
ло предъявлено только второе обвинение, и он получил три года
ссылки.

осторожно, если бы в период 1970—1973 годов не попыталось его сбросить? Какую ответственность несут Соединенные Штаты за расправу с политически инакомыслящими и за жестокость, которые характеризуют нынешний режим в Чили?

Члены комиссии не пришли к единому мнению по этим вопросам. Разные точки зрения существуют на этот счет и у американских граждан. Между тем комиссия призвана не только и не столько выносить суждения о прошлом, сколько дать свои рекомендации на будущее. Переходя от проблем вчерашнего дня к методам работы завтрашнего, следует отметить, что секретная деятельность заняла промежуточное положение между дипломатической службой и открытым применением военной силы.

В случае с Чили эта деятельность вышла, пожалуй, за отведенные ей границы. Принимая во внимание, во что обходится секретная деятельность, к ней желательно прибегать только тогда, когда возникает серьезная угроза национальной безопасности Соединенных Штатов. И совершенно не является фактом, что именно такая ситуация сложилась в Чили (выдержки из второго доклада комиссии Черча: «Секретная деятельность в Чили в 1963—1973 гг.», Вашингтон, 4 декабря 1975 г.),

КОРРИ

В тот день, когда комиссия Черча опубликовала вышеприведенные суждения, свои показания давал Эдвард Корри, бывший посол Соединенных Штатов в Сантьяго.

Его сообщение было кратким. Он зачитал членам комиссии отрывки из письма на двадцати восьми страницах, которое он адресовал сенатору Черчу и распространил среди присутствующих журналистов.

Э. Корри заявил, что он не санкционировал и даже не знал о планах военного переворота 1970 года, что он выступал против такого подхода. ЦРУ могло «действовать за моей спиной», добавил он, так как «...разведка и контрразведка обладают, как известно, огромной властью, к тому же ЦРУ — единственная постоянная организация, которая связывает прошлое с настоящим на арене [...] тайной политической деятельности».

Однако Корри горячо защищал действия представителей ЦРУ в Чили, когда находился там в качестве пос-

ла: «Они выполняли свои обязанности в соответствии с традицией, унаследованной от всех американских президентов и конгрессов».

Э. Корри обвинил сенатора Черча в том, что тот искажал истинный ход событий в Чили, представил Альенде и марксистов в очень выгодном свете и охарактеризовал представителей Соединенных Штатов в Чили как грубиянов. «Это вам понадобилось, для того чтобы состряпать свой черно-белый миф, примитивную и устрашающую легенду, в которой грубые американцы мучают бедных невинных демократов...» (НЙТ, 5 декабря 1975 г.).

БЫЛА ЛИ ОТМЕНЕНА ОПЕРАЦИЯ «ТРЕК-II»?

Комиссия по расследованию собрала противоречивые свидетельства относительно операции «Трек-II»: была ли она когда-нибудь отменена официально или de facto?

Как уже упоминалось, Киссинджер заявил, что он лично считал эту операцию отмененной 15 октября 1970 г. Она была официально прекращена, как утверждает Киссинджер, новым распоряжением президента в период, предшествовавший голосованию в чилийском конгрессе 24 октября. Комиссии не удалось ознакомиться с выше-названным «распоряжением президента».

Однако сотрудники ЦРУ, отвечая на вопросы комиссии, показали, что, насколько они могут припомнить, операция «Трек-II» не была отменена официально. Она была постепенно свернута, и вместо нее был принят более долговременный проект смены правительства Чили. Наиболее четко это сформулировал в своем показании Карамессинес.

Карамессинес: Я убежден, что семена, которые мы посеяли в период нашей деятельности в 1970 году, дали всходы в 1973 году. У меня нет на этот счет ни малейших сомнений.

Вопрос: Была ли официально отменена операция «Трек-II»? Положил ли ей конец какой-либо определенный приказ?

Карамессинес: Я полагаю, что «Трек-II» по-настоящему никогда не отменялась. Указания, которые мы получали на этот счет, ну что ж... ведь Альенде стал тогда президентом. Операция «Трек-II», целью которой было помешать ему стать

президентом, просто устарела, поскольку факт свершился. Но нам рекомендовали продолжить действия в том же направлении. Быть начеку и делать все возможное, чтобы в конечном счете была достигнута главная цель, предусмотренная в плане операции «Трек-II». Поэтому мне думается, что было бы неправильным считать, что эта операция была отменена.

Узнав о свидетельствах Карамессинеса, согласно которым «Трек-II» никогда не отменялась, Киссинджер заявил:

Председатель комиссии: Вы не согласны с показаниями (Карамессинеса)?

Киссинджер: Абсолютно не согласен... Ясно..., что после 15 октября прямой связи между ЦРУ и Белым домом не было и все чилийские операции решались в Комитете 40. Ни одно заседание комитета не давало разрешения на контакт или какое-либо сближение с военными; мне ничего не было известно о каком-либо заговоре, и все секретные операции в Чили проводились под знаком поддержки, после утверждения кандидатуры Альенде чилийским конгрессом, демократической оппозиции на выборах 1970 года. Это было нашей единственной целью, а если заговорщики вступали в контакты с военными и после этого, то делали это без какого бы то ни было разрешения, и я первый раз об этом слышу.

«Даю вам честное слово христианина, что у меня никогда не было никаких контактов с кем бы то ни было из сотрудников ЦРУ, с каким бы то ни было послом — американским или любой другой страны. Я не хотел ни перед кем обязываться. И, конечно, я хотел, чтобы мои намерения сохранились в полной тайне» (Пиночет, «Интернэйшнл геральд трибюн», 1 декабря 1975 г.).

Письмо Майкла Харрингтона

КОНГРЕСС СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ПАЛАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
КОМИССИЯ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
МАЙКЛ ДЖ. ХАРРИНГТОН¹

18 июля 1974 г.

Уважаемому Дж. Уильяму Фулбрайту
Председателю сенатской комиссии
по иностранным делам
1215. Dirksen Senate Office Building
Washington D. C.

Дорогой господин Председатель,

Как Вам должно быть известно, я уже какое-то время очень интересуюсь, какое направление приняла внешняя политика Соединенных Штатов в отношении Чили, и этот интерес особенно обострился после падения правительства Альенде 11 сентября 1973 г. и моей поездки в Чили спустя некоторое время после этих событий. Цель моего письма — проанализировать вместе с Вами результаты моей деятельности в этой области, результаты, которые, на мой взгляд, ставят перед нами серьезнейшие проблемы, связанные с характером наших нынешних отношений с Чили, курса нашей политики в отношении этой страны и, наконец, с вопросом о том, как конгресс выполнил свои функции по охране конституции...

В октябре 1973 года, сразу после военного переворота в Чили, ходили слухи, что в этом — прямо или косвенно—

¹ Майкл Харрингтон — депутат от штата Массачусетс. Его письмо сенатору Фулбрайту не фигурирует в докладе Черча; но оно в какой-то мере повлияло на создание комиссии по расследованию. Мы его публикуем с небольшими сокращениями (это касается мест, посвященных работе парламентских комиссий).

замешаны Соединенные Штаты. Я тогда очень ненадолго приехал в Чили, и мне удалось составить себе представление о господствовавшей там атмосфере, которая усилила впечатление, которое у меня было и раньше, о том, что Соединенные Штаты принимали участие в политической и экономической дестабилизации, которая привела в конечном счете к падению президента Альенде.

С тех пор я много раз пытался привлечь внимание конгресса к мотивам действий Соединенных Штатов по отношению к правительству Альенде, к тому, чтобы выяснить, какое влияние это могло иметь на ход событий в Чили...

Я обратился в комиссию по делам вооруженных сил палаты представителей и, в частности, в подкомиссию по разведывательной деятельности¹, не питая, однако, особых иллюзий относительно конкретных результатов такого демарша ввиду той почтительности, с какой эта комиссия относилась всегда к ЦРУ в подобных вопросах. В своем письме от 2 апреля 1974 г. председателю Недзи²... я просил... подкомиссию заслушать Колби³, с тем чтобы он правдиво рассказал о тайных операциях ЦРУ в Чили.

Колби давал показания членам подкомиссии 22 апреля 1974 г., и с некоторым опозданием... меня уведомили 1 июня 1974 г. или в ближайшие за этим дни, что я могу ознакомиться с записью его показаний. Впервые я прочел эту запись 5 июня и перечитал вторично 12 июня: информация, содержащаяся в показаниях Колби, убедила меня в том, что было бы чрезвычайно важным раскрыть конгрессу и американскому народу всю правду об американской деятельности в Чили. Мне бы хотелось донести до Вас эту информацию в надежде, что эта убежденность завладеет Вами так же, как она завладела мной, когда Вы узнаете все подробности операций большого размаха, которые проводились Соединенными Штатами для вмешательства во внутренние дела другой страны, и это даже без того, чтобы комиссия, призванная наблюдать за такого рода операциями, хотя бы была заранее поставлена в известность... Колби... сопровождал

¹ Парламентский контроль за деятельностью разведывательных служб находится в компетенции комиссии по военным делам, тогда как Харрингтон входит в комиссию по иностранным делам.

² Председатель подкомиссии по вопросам разведывательной деятельности.

³ Директор ЦРУ в 1974 году.

некий Филлипс¹, который был, кажется, специалистом ЦРУ по делам Латинской Америки... Показания Колби, составляющие 48 страниц, почти на треть сводятся к рассказу о непрекращавшемся проникновении ЦРУ во внутреннюю политику Чили в период с 1962 по 1973 год. В остальном они преимущественно касаются методов ЦРУ в такого рода операциях; Колби особо остановился на том, какие меры принимало ЦРУ, чтобы добиться успеха в своей деятельности в Чили.

В период с 1962 по 1973 год Комитет 40 разрешил ЦРУ израсходовать около 11 млн. долл. на то, чтобы попытаться помешать избранию Альенде и, по выражению Колби, «дестабилизировать» правительство Альенде, с тем чтобы ускорить его падение. Деятельность ЦРУ в Чили рассматривалась как некий прототип или лабораторный эксперимент по отработке техники проведения операций, в результате которых, если они сопровождаются значительными денежными ассигнованиями, можно было бы дискредитировать и свергать неудобные правительства.

Значительные суммы были переданы отдельным лицам, политическим партиям и средствам массовой информации Чили при посредничестве различных стран, как европейских, так и латиноамериканских. Колби откровенно описывает весь комплекс этих мер, не приводя, однако, фамилий и названий организаций-посредников.

В 1964 году чилийской христианско-демократической партии, противнику Альенде на всеобщих выборах, было передано всего 3 млн. долл. В том же году американские фирмы, названия которых не уточнялись, выступили с предложением перевести в Чили с помощью ЦРУ определенные суммы, предназначенные для финансирования антиальендовских операций, но это предложение было отвергнуто как нереальное.

В 1969 году, с разрешения Комитета 40, было израсходовано 500 тыс. долл. на субсидирование лиц, которых можно было склонить к сотрудничеству; их роль состояла в том, чтобы поддерживать активность сил, оппозиционно настроенных к Альенде, и не дать им распасться.

В ходе предвыборной кампании 1970 года, которая в

¹ В мае 1975 года Дэвид Филлипс принимал участие в дискуссии, передававшейся по телевидению и организованной программой «Досье экрана» после показа фильма Коста Гавраса «На осадном положении».

конечном счете увенчалась победой Альенде, 500 тыс. долл. были распределены среди членов оппозиционной партии. 35 тыс. долл. было разрешено потратить на подкуп чилийского конгресса, которому предстояло в это время окончательно выбрать между Альенде и кандидатом оппозиции. Это распределение взяток должно было явиться составной частью программы, направленной на то, чтобы на сто восемьдесят градусов повернуть результаты выборов, на которых Альенде получил относительное большинство голосов. Но затем эта программа была признана нежизненной, хотя она и была сначала одобрена Комитетом 40¹.

Колби в своих показаниях уточняет, что в 1970 году ЦРУ оказалось в роли «саботажника», что обуславливало проведение в жизнь широкой программы политической дестабилизации страны и дискредитации Альенде, с тем чтобы увеличить шансы на успех кандидата оппозиции на предстоявших выборах.

После вступления Альенде на пост президента с разрешения Комитета 40 было ассигновано 5 млн. долл. на новые попытки дестабилизировать ситуацию. Дополнительная сумма в 1,5 млн. долл. была израсходована на финансирование муниципальных выборов 1973 года. Часть этих средств ушла на поддержку газеты, враждебно настроенной по отношению к Альенде; название газеты, однако, не уточнялось, но было известно, что это чрезвычайно влиятельный орган печати.

Хотя Комитет 40 и ответил отказом на просьбу ЦРУ о целевом кредитовании, с которой оно обратилось летом 1973 года, ходатайствуя о выделении 50 тыс. долл. на поддержку забастовки водителей грузовиков, он не наложил запрета на расходование суммы в 1 млн. долл. в августе 1973 года, предназначенной на финансирование новых операций по политической дестабилизации. Это последнее разрешение было дано без малейшего учета предостережений, какие вытекали из слушания в парламенте деятельности ИТТ в Чили¹ или разоблачений роли ЦРУ в утергейтском деле².

Принятая в августе комплексная программа, как только произошел военный переворот, менее чем через месяц,

¹ Имеются в виду работы комиссии по расследованию (во главе с сенатором Черчем) деятельности межнациональных монополий.

² Август 1973 года: утергейтское дело было в полном разгаре; велась ежедневная прямая телепередача заседаний комиссии Эрвина.

была отменена. И все-таки какое-то время вслед за переворотом часть выделенных денежных фондов расходовалась. Так, например, 25 тыс. долл. были переданы человеку, который должен был купить радиостанцию, а 9 тыс. долл. ушли на оплату путешествия одного чилийского деятеля по различным столицам стран Латинской Америки, где он должен был с самой лучшей стороны характеризовать новых военных лидеров.

Получив эту информацию, я снова попытался привлечь некоторых конгрессменов к изучению вопроса о нашем вмешательстве во внутренние дела Чили, с тем чтобы определить истоки такой политики и возможное оправдание ее с точки зрения национальных интересов Соединенных Штатов. У меня была довольно длинная беседа с конгрессменом Фрейзером и более короткая — с конгрессменами Фэселем и Гамильтоном, в ходе которых я им изложил то, что мне удалось установить при чтении показаний Колби. И хотя они были, конечно, потрясены обширными разоблачениями деятельности ЦРУ, эти беседы не привели к сколько-нибудь ощутимым результатам, которые дали бы мне возможность надеяться, что будут проведены новые расследования или новые слушания по политическим проблемам, какие ставит такого рода деятельность.

Вы — моя последняя надежда, потому что я отчаялся добиться малейшего позитивного результата от всевозможных предпринятых мною шагов...

Операция „Лумумба“

*Материал подготовлен
Люсьеном Ковальсоном*

Летом 1960 года в Африке сложилась напряженная обстановка: интересы Востока и Запада столкнулись в Бельгийском Конго. Решалась судьба бывшей бельгийской колонии, положение которой в то время было крайне шатким и неопределенным. События могли развернуться по-разному. Соединенные Штаты действуют за кулисами. Цель их происков: устранение одного из виднейших африканских лидеров — Патриса Лумумбы. События происходили в условиях племенной вражды, соперничества интересов и влияний.

ЯНВАРЬ 1959 ГОДА

В Бельгийском Конго¹ начинаются волнения. Приходит конец колониальному господству Бельгии, установленному в Конго еще в 1885 году. Европейские компании вложили в горнодобывающую промышленность этой африканской колонии огромные капиталы.

ЯНВАРЬ 1960 ГОДА

В Брюсселе собирается «круглый стол» сторонников независимости Конго и бельгийских представителей для выработки пути перехода страны к независимости, провозглашение которой назначено на 30 июня 1960 г.

В течение 1959—1960 годов различные политические силы в Бельгийском Конго ведут между собой ожесточенную борьбу, соревнуясь в том, чтобы к моменту предо-

¹ Бывшее Бельгийское Конго, ныне — Заир.

ставления независимости занять наиболее выгодные позиции. За противоречиями политического характера зачастую скрывается борьба этнических групп, играющих большую роль в жизни страны. Каждой провинции примерно соответствует определенная этническая группа. Так, район Леопольдвилья населяет племя баконго во главе с Касавубу. Во главе народности балуба (провинция Касаи) стоит Калонжи. Чомбе является лидером провинции Катанга. Единственное движение, не являющееся по преимуществу этническим,— это Конголезское национальное движение (Mouvement national congolais — МНК), возникшее на основе профсоюзного движения и руководимое Патрисом Лумумбой. Сам Лумумба принадлежит к одной из второстепенных этнических групп Восточной провинции, столицей которой является город Стэнливилль. Он — сторонник единого, независимого Конго, наиболее радикальный лидер, пользующийся большой популярностью среди населения.

30 ИЮНЯ 1960 г.

В день провозглашения независимости Лумумба выступил перед бельгийским королем с резкими обвинениями против колониализма, которые привели западный мир в замешательство. Лумумба снискал себе репутацию горячего борца против империализма в Африке.

Горнопромышленные компании встревожены: МНК и его союзники получают на выборах большинство голосов. Лумумба становится премьер-министром первого правительства Республики Конго. Касавубу провозглашается главой государства.

ИЮЛЬ 1960 ГОДА

Вооруженная интервенция Бельгии, предпринятая 11 июля для защиты интересов западных держав, ускоряет события. Самая богатая горнодобывающая провинция — Катанга, подталкиваемая Брюсселем, вместе со своим лидером Чомбе выходит из борьбы. Вскоре за ней следует южная часть провинции Касаи.

13 июля в Конго прибывают войска ООН. Поскольку бельгийцы не торопятся с выводом своих войск, Лумумба угрожает, что обратится за помощью к Советскому Союзу. Американцы встревожены расколом этого ключевого

по своему положению африканского государства. Во время своей поездки в Вашингтон в конце июля 1960 года Лумумба пытается успокоить США, однако безуспешно: американцы считают Лумумбу проводником советского влияния в Африке.

СЕНТЯБРЬ 1960 ГОДА

5 сентября Касавубу сменяет Лумумбу на посту премьер-министра. 14 сентября он назначает Мобуту главнокомандующим конголезской национальной армией. В тот же день в результате переворота Мобуту берет власть в свои руки.

Лумумба, которому угрожает арест, просит защиты у войск ООН. Мобуту запрещает проводить заседания парламента, который продолжает поддерживать Лумумбу.

24 НОЯБРЯ 1960 г.

В своей резиденции в Леопольдвиле, охраняемый войсками ООН, Лумумба чувствует себя все более ненадежно. Он бежит в Стэнливиле, чтобы соединиться со своими сторонниками.

1 ДЕКАБРЯ 1960 г.

Вместе с двумя своими министрами, Мполо и Окито, Лумумба схвачен в Порт-Франки преследовавшими его войсками Мобуту.

17 ЯНВАРЯ 1961 г.

Лумумба и два его сторонника самолетом переброшены в Элизабетвиль, главный город Катанги. В этот день арестованных видели в живых последний раз.

13 ФЕВРАЛЯ 1961 г.

Министр внутренних дел провинции Катанга объявляет о смерти Патриса Лумумбы, Мполо и Окито. Официальная версия о том, что арестованные якобы были убиты при попытке к бегству, немедленно опровергается многочисленными свидетелями.

Ниже приводится раздел из доклада следственной комиссии по делу об убийстве Лумумбы с некоторыми купюрами. Купюры указаны знаком [...]

Лето в Конго

ТЕЛЕГРАММЫ АЛЛЕНА ДАЛЛЕСА

В течение августа 1960 года возрастающее изо дня в день политическое влияние Лумумбы в Конго все больше тревожит стратегов Совета национальной безопасности и специальной группы администрации президента Эйзенхауэра.

Беспокойство американской администрации вызвано докладами, поступавшими в штаб-квартиру ЦРУ от резидента в Леопольдвиле. Вот, например, один из таких докладов от 18 августа:

ПОСОЛЬСТВО И РЕЗИДЕНТУРА СЧИТАЮТ, ЧТО КОНГО ЯВЛЯЕТСЯ ОБЪЕКТОМ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПОПЫТОК СВЕРГНУТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО. ХОТЯ СЕЙЧАС ЕЩЕ ТРУДНО ОПРЕДЕЛИТЬ НАИБОЛЕЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРЕДСКАЗАТЬ, КАКОВ БУДЕТ ИСХОД БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ, ЯСНО, ЧТО РЕШАЮЩИЙ ЭТАП ЭТОЙ БОРЬБЫ УЖЕ БЛИЗОК. ЛУМУМБА ЛИБО САМ ЯВЛЯЕТСЯ КОММУНИСТОМ, ЛИБО ПРОВОДИТ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ЛИНИЮ, ПЫТАЯСЬ УКРЕПИТЬ СВОЕ РАСТУЩЕЕ ВЛИЯНИЕ. ВРАЖДЕБНЫЕ ЗАПАДУ СИЛЫ ВСЕ БОЛЕЕ АКТИВНО ПОДДЕРЖИВАЮТ КОНГОЛЕЗСКИЕ ВЛАСТИ, И, ВОЗМОЖНО, СЛЕДУЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ НОВОЙ КУБЫ.

(ЦРУ, резидентура в Леопольдвиле — директору, 18.8.60).

В телеграмме, отправленной из Леопольдвилья, указывалась оперативная цель резидентуры: заменить Лумумбу людьми западной ориентации. Начальник африканского отдела Оперативного управления ЦРУ Бронсон Твиди ответил, что он запросил у госдепартамента согласие на проведение соответствующей операции: «Резидент и я, оба мы уверены, что Лумумба должен быть отстранен». На следующий день, 19 августа, начальник Оперативного управления Ричард Биссел ответил следующей телеграммой:

РАЗРЕШАЮ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ.

Спустя несколько дней резидент телеграфирует:

ВРАЖДЕБНЫЕ ЛУМУМБЕ ЛИДЕРЫ ИМЕЛИ КОНТАКТЫ С КАСАВУБУ ПО ПОВОДУ ПЛАНА УБИЙСТВА ЛУМУМБЫ... КАСАВУБУ ОТКЛОНИЛ ЭТОТ ПЛАН, СКАЗАВ, ЧТО ОН НЕ РЕШАЕТСЯ ПРИБЕГНУТЬ К НАСИЛИЮ, ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО НИ ОДИН ИЗ ЛИДЕРОВ НЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ ДОСТАТОЧНЫМ АВТОРИТЕТОМ, ЧТОБЫ ЗАМЕНИТЬ ТАКОГО ДЕЯТЕЛЯ, КАК ЛУМУМБА

(ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 24.8.60).

Ричард Биссел — типичный разведчик-профессионал. Воспитанник Йельского университета, он хорошо знает Восток. Имеет ученую степень доктора экономических наук, преподавал в Йеле и в Массачусетском технологическом институте.

Биссел поступил на службу в ЦРУ в 1954 году и очень быстро выделился на секретной работе. В 1958 году он уже возглавляет Оперативное управление. Окружение Кеннеди видит в нем возможного преемника Даллеса на посту руководителя ЦРУ.

Блестяще образованный, светский человек, Биссел являлся образцовым представителем сторонников политики «новых рубежей», окружавших Кеннеди: «Самые блистательные среди лучших». После неудачи с высадкой в заливе Кочинос, проводившейся под его руководством в апреле 1961 года, Биссел был внезапно смещен со всех ответственных постов.

Несмотря на отставку, Биссел остался влиятельным теоретиком в сфере разведывательной деятельности. В 1968 году, не занимая уже никаких официальных должностей в разведслужбе, Биссел выступил на заседании Совета по иностранным делам, возглавляемого Диллоном, с изложением своей доктрины. Он выразил тревогу по поводу того, что ЦРУ подвергается контролю со стороны, что, по его мнению, может служить помехой для секретной деятельности.

«Необходимо,— заявил Биссел,— действовать в полной тайне, пристально следя за действиями промежуточных звеньев. Лицо ЦРУ следует скрыть от взоров внешнего мира гораздо тщательнее...»

25 августа 1960 г. директор ЦРУ Аллен Даллес председательствует на заседании Специальной группы, то есть особого комитета Совета национальной безопасности, ответственного за осуществление программы секрет-

ной деятельности. ЦРУ разработало ряд планов, направленных против Лумумбы, предусмотрев, к примеру, возможность спровоцировать выражение ему вотума недоверия в парламенте Конго. Высказываясь по поводу этих планов, специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности Гордон Грей заявил, что президент США «выразил глубокую уверенность в необходимости энергичных действий, с тем чтобы стать хозяевами положения. Он выразил сомнение в том, что существующие планы обеспечивают достижение этой цели». Специальная группа «в итоге пришла к согласию: план действий в Конго не должен заведомо исключать возможности устранения Лумумбы». [...]

На другой день, 26 августа, Аллен Даллес подписывает телеграмму¹, адресованную резиденту в Леопольдвиле:

РУКОВОДИТЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИШЛИ К РЕШЕНИЮ, ЧТО, ЕСЛИ ЛУМУМБА СОХРАНИТ ЛИДЕРСТВО, НЕИЗБЕЖНЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ БУДЕТ В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ ХАОС, А В ХУДШЕМ — ОТКРЫТЫЙ ПУТЬ К ЗАХВАТУ КОММУНИСТАМИ ВЛАСТИ В КОНГО С ГУБИТЕЛЬНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ДЛЯ ПРЕСТИЖА ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И ДЛЯ ИНТЕРЕСОВ СВОБОДНОГО МИРА В ЦЕЛОМ. В СВЯЗИ С ЭТИМ МЫ РЕШИЛИ, ЧТО УСТРАНЕНИЕ ЛУМУМБЫ ДОЛЖНО БЫТЬ НЕОТЛОЖНОЙ И ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ. В НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ ДАННАЯ ЦЕЛЬ ДОЛЖНА СТАТЬ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ В НАШЕМ ПЛАНЕ СЕКРЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

(телеграмма ЦРУ: Даллес — 28.8.60).

В соответствии с этой же телеграммой резиденту предоставлялась «самая широкая инициатива» в осуществлении планируемой операции. Она предусматривала замену Лумумбы группой деятелей западной ориентации и не исключала даже насильственных действий при условии, что они останутся в тайне. В телеграмме говорилось: «...Мы отдаем себе ясный отчет в том, что вы можете столкнуться с обстоятельствами, предвидеть которые невозможно».

Даллес разрешил также израсходовать до 100 тыс.

¹ В переписке ЦРУ телеграмм, подписанных лично директором, относительно немного, и они свидетельствуют об особой важности проблемы. Большая часть телеграмм, направленных в штаб-квартиру ЦРУ или из штаб-квартиры на места, как правило, формально адресованных директору или идущих за его подписью, фактические кодовые наименования и псевдонимы, используемые ЦРУ для обеспечения секретности своей переписки, были раскодированы. Раскодированные тексты предоставлены в распоряжение комиссии шифровальным отделом и различными свидетелями. Расшифрованные слова заключены в скобки.

долл., «с тем чтобы завершить любую деликатную операцию, которая не даст возможности проконсультироваться со штаб-квартирой заранее. У резидента сложилось впечатление, что план подобной операции был известен компетентным кругам госдепартамента и одобрен ими».

В телеграмме особо было оговорено:

В СЛУЧАЕ ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ, ОБРАТИТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К ПОСЛУ. ЕСЛИ ДЛЯ ОСОБЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЕГО КОНСУЛЬТАЦИИ НАДОБНОСТИ НЕТ, МОЖЕТЕ, ЕСЛИ ВРЕМЯ НЕ ПОЗВОЛИТ СВЯЗАТЬСЯ С НИМ, ДЕЙСТВОВАТЬ ПО СОБСТВЕННОМУ УСМОТРЕНИЮ.

Теоретически посол США возглавляет все американские службы, в том числе и ЦРУ, представленные в данной стране. Такая концепция роли посла по отношению к представителям всех других служб сложилась еще в период президентства Эйзенхауэра. Несмотря на это, в соответствии с секретной директивой представителя ЦРУ выводились из-под контроля посла.

Во время совещания, состоявшегося 8 января 1968 г., на котором обсуждалась проблема «Разведка и внешняя политика» (совещания секретного, по словам его председателя Диллона), Биссел изложил свою точку зрения на взаимоотношения американского посла и представителей разведслужбы в той или иной стране: «Посол,— заявил он,— как правило, должен быть информирован о любой секретной операции, проводимой в пределах территории, где он аккредитован. Однако в определенных случаях — по требованию главы правительства или государственного секретаря — резидент может получить указание не информировать посла о тех или иных действиях» (из доклада У. Харриса, цитируемого в книге V. Marchetti et J. D. Marks. Op. cit.).

[...] По-видимому, телеграмму Даллеса можно было понимать как разрешение сместить Лумумбу с его поста — не более.

Ричард Биссел «почти уверен», что ему сообщили о содержании телеграммы вскоре после того, как она была получена. Он утверждает, что, «по его мнению», в телеграмме косвенным образом говорилось о том, что президент стоит за убийство Лумумбы.

МНОГОСТУПЕНЧАТАЯ СТРАТЕГИЯ

6 сентября, на следующий день после того, как Каса-вубу сместил Лумумбу, два сотрудника ЦРУ встретились

с высокопоставленным конголезским политическим деятелем, связанным с резидентурой ЦРУ в Леопольдвиле. Резидентура информировала штаб-квартиру ЦРУ:

ТОЧКА ЗРЕНИЯ РЕЗИДЕНТА: В ОППОЗИЦИИ ЛУМУМБА ПОЧТИ СТОЛЬ ЖЕ ОПАСЕН, КАК И У ВЛАСТИ. КОНГОЛЕЗСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ДАЛ ПОНЯТЬ, ЧТО ЕМУ ЯСНА СИТУАЦИЯ И ЧТО ОН ГОТОВ УСТРАНИТЬ ЛУМУМБУ ФИЗИЧЕСКИ

(ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 7.9.60).

В телеграмме указывалось также, что резидент предложил конголезскому политическому деятелю содействие в «подготовке программы нового правительства» и заверил его в том, что США готовы предоставить необходимых специалистов.

Конголезский парламент собрался по инициативе премьер-министра Лумумбы 13 сентября, накануне переворота Мобуту. Подавляющим большинством присутствующих (88 — за, 25 — против при 3 воздержавшихся) Лумумбе были предоставлены «чрезвычайные полномочия». На самом деле из 221 депутата на заседании присутствовало всего 94 человека, так что кворума фактически не было. Здание парламента охраняли части, преданные Лумумбе.

В соответствии с пожеланием ЦРУ Мобуту воспротивился возобновлению работы парламента: его войска окружили здание и преградили доступ в него депутатам и сенаторам. Мобуту заявил: «Если большинство парламентариев откажет Лумумбе в доверии, я готов разрешить возобновление работы парламента» («Монд», 8 октября 1960 г.).

Сразу же после переворота на пресс-конференции Мобуту говорил о том, что нуждается в помощи иностранных специалистов, в частности англичан и американцев.

В самый разгар борьбы за власть Бронсон Твиди говорил о влиянии Лумумбы на события в Конго и так резюмировал главные опасения Соединенных Штатов:

СПОСОБНОСТИ И ДИНАМИЗМ ЛУМУМБЫ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ОПРЕДЕЛЯЮЩИМИ ФАКТОРАМИ, КОТОРЫЕ ПОЗВОЛЯЮТ ЕМУ ВОССТАНОВИТЬ СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА ОНО, КАЗАЛОСЬ БЫ, УЖЕ ПОЧТИ БЕЗНАДЕЖНО. ИНАЧЕ ГОВОРЯ, ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА ЛУМУМБА СОХРАНЯЕТ ЗА СОБОЙ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО, ОН СПОСОБЕН ПОВЕРНУТЬ ДЕЛО В СВОЮ ПОЛЬЗУ

(ЦРУ, 7.9.60).

Резидент говорит, что на другой день после переворота он действовал в качестве советника при нескольких конголезских деятелях, пытавшихся «убрать» Лумумбу. Он опасался, как бы Лумумба не упрочил своей позиции, встав под защиту Объединенных Наций, что обеспечивало ему свободу действий.

В заключение резидент Хеджмэн писал: «Единственный выход — как можно скорее заставить его уйти со сцены» (ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 15.9.60).

17 сентября другой сотрудник ЦРУ встретился с одним из лидеров конголезского сената. Вот что говорится в донесении, направленном штаб-квартире ЦРУ:

(КОНГОЛЕЗСКИЙ СЕНАТОР) ПРОСИЛ НЕЛЕГАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЬ ЕГО ЛЕГКИМ ВООРУЖЕНИЕМ ДЛЯ ОСНАЩЕНИЯ (...) ОТРЯДОВ, НЕДАВНО ПРИБЫВШИХ В РАЙОН (ЛЕОПОЛЬДВИЛЬ) (...). (СЕНАТОР) УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭТО ПОЗВОЛИЛО БЫ СОЗДАТЬ ЯДРО ВООРУЖЕННЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ, ГОТОВЫХ НАЧАТЬ ПРЯМУЮ АКЦИЮ... (СЕНАТОР) ДАЛ СВОЕ СОГЛАСИЕ, НО ДОВОЛЬНО СДЕРЖАННО — ЛУМУМБА ДОЛЖЕН ПОЛНОСТЬЮ ИСЧЕЗНУТЬ. НЕ ДОВЕРЯЕТ (ДРУГОМУ КОНГОЛЕЗСКОМУ ЛИДЕРУ), НО ГОТОВ СОТРУДНИЧАТЬ С НИМ В ЦЕЛЯХ УСТРАНЕНИЯ ЛУМУМБЫ
(ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 17.9.60).

Представитель ЦРУ ответил сенатору, что он «выяснит возможность получения оружия», и рекомендовал штаб-квартире ЦРУ:

В СЛУЧАЕ СОГЛАСИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ОБЕСПЕЧИТЬ НЕОБХОДИМЫМ ОРУЖИЕМ, ДЕРЖАТЬ ЕГО ГОТОВЫМ ДЛЯ ОТПРАВКИ НА БЛИЖАЙШУЮ БАЗУ

(ЦРУ, 17.9.60). [...]

Эта рекомендация соответствовала долговременным планам штаб-квартиры ЦРУ, предусматривавшим оказание скрытой вооруженной поддержки элементам, выступающим против Лумумбы.

Именно такую политику подтверждают Маркетти и Маркс: «Цель состояла в том, чтобы содействовать (...) установлению в Конго (...) прочного режима, ориентирующегося на Запад, который обеспечивал бы защиту иностранных капиталов, и ответственность за успешное проведение такой политики в значительной мере возлагалась на ЦРУ. Вначале секретная деятельность этой организации сводилась главным образом к политическим манипуляциям и к финансированию некоторых политических лидеров. Но по мере того, как внутренняя обстановка в Конго все более запутывалась и усложнялась, ЦРУ нап-

равило туда своих специалистов по ведению вооруженной борьбы и наемных солдат с целью поддержать новое правительство. В 1964 году самолеты Б-26, принадлежащие ЦРУ и пилотируемые кубинскими наемниками, систематически совершали налеты на районы, удерживаемые силами, сопротивляющимися (правительству Мобуту)».

6 октября 1960 г. Ричард Биссел и Бронсон Твиди подписали телеграмму, содержащую приказ резиденту не консультироваться с представителями госдепартамента, а также с сотрудниками резидентуры.

ПОСКОЛЬКУ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДВИДЕТЬ, КАКОВ БУДЕТ ИСХОД НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ, (ЦРУ) ОСУЩЕСТВЛЯЕТ В ОТНОШЕНИИ КОНГО ГИБКИЙ ПЛАН СООТВЕТСТВЕННО МНОГОСТУПЕНЧАТОЙ СТРАТЕГИИ. ЭТОТ ПЛАН ИМЕЕТ В ВИДУ ПОДГОТОВИТЬ ОБСТАНОВКУ, ПРИ КОТОРОЙ (СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ) СМОГУТ ОКАЗАТЬ ТАЙНУЮ ПОДДЕРЖКУ ВООРУЖЕННЫМ ЭЛЕМЕНТАМ, ПРОТИВОСТОЯЩИМ ЛУМУМБЕ. ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ВКЛЮЧАЮТ ПОДГОТОВКУ ОРУЖИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ И, ВОЗМОЖНО, ОБУЧЕНИЕ ГРУПП СОПРОТИВЛЕНИЯ, ВРАЖДЕБНЫХ ЛУМУМБЕ

(ЦРУ, резиденту в Леопольдвиле, 6.10.60). [...]

Еще через несколько дней резидент сообщил одному из виднейших конголезских лидеров планы переворота, разработанные Лумумбой и двумя его сподвижниками, и «рекомендовал прибегнуть к аресту или более радикальному средству устранения Лумумбы, Гизенги и Мулеле» (телеграмма ЦРУ резиденту в Леопольдвиле от 20.9.60. Гизенга и Мулеле — помощники Лумумбы, руководившие его сторонниками, в то время как он сам находился под защитой Объединенных Наций).

ТЕОРИЯ ДОМИНО

По словам Ричарда Биссела и Бронсона Твиди, в течение осени 1960 года ЦРУ продолжало видеть в Лумумбе грозную силу даже после того, как он находился под защитой ООН. С одной стороны, Лумумба был блестящим оратором, способным воодушевлять массы, с другой — «голубые береты» не препятствовали передвижениям Лумумбы, а конголезские части, окружившие их, осуществляли весьма относительную охрану. [...]

По поводу влияния Лумумбы на Африку в целом Твиди развил «теорию домино». «Дело было не в самой фигуре Лумумбы. Речь шла скорее о неустойчивом равновесии сил на африканском континенте, которое могло

вызвать распад Конго. Создавалось впечатление, что Лумумба способен ускорить этот процесс. И существовало опасение, что это явится лишь началом, поскольку Конго было самой большой африканской страной. Она располагает очень крупными запасами полезных ископаемых. К тому же Конго граничит с Нигерией, которая в то время считалась как бы стержнем, обеспечивающим будущую устойчивость в Африке. Если Конго развалится, тот же самый опасный вирус мог охватить и Нигерию. По всем этим причинам Вашингтон... был так сильно озабочен Лумумбой. Дело не в исключительной личности Лумумбы, а в самом положении Конго [...].

После того как Лумумба отдал себя под защиту Объединенных Наций, резидентура ЦРУ в Леопольдвиле продолжала поддерживать тесные контакты с конголезцами, хотевшими убить Лумумбу. [...]

По поводу некоего конголезца, сотрудничавшего с ЦРУ:

СООБЩИЛ, ЧТО ТОТ ПЫТАЛСЯ ОРГАНИЗОВАТЬ ПОКУШЕНИЕ (НА ЛУМУМБУ), НО ДОБАВИЛ, ЧТО ЭТО ЧРЕЗВЫЧАЙНО ТРУДНО, ПОСКОЛЬКУ ИСПОЛНИТЕЛЕМ ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ АФРИКАНЕЦ, НЕ ИМЕВШИЙ, ПО-ВИДИМОМУ, НИКАКИХ КОНТАКТОВ С БЕЛЫМИ

(Телеграмма ЦРУ. Леопольдвиль — директору ЦРУ, 28.10.60). [...]

ЗАГОВОР

Летом 1960 года Ричард Биссел просил начальника африканского отдела ЦРУ Бронсона Твиди изучить возможности убийства Лумумбы. Биссел просил своего научного советника, дипломированного биохимика Джозефа Шейдера, приготовить средства для убийства — или для вывода из строя — одного «африканского лидера», не называя его по имени. По словам Шейдера, Биссел утверждал, что эта просьба исходит от «самой высокой инстанции».

Выполняя просьбу Биссела, Шейдер изготовил ядовитые биологические вещества и получил приказание Твиди доставить их резиденту в Леопольдвиле. По утверждению Шейдера, резидентура не получала указания выяснить в штаб-квартире, действительно ли принято решение убить Лумумбу. Твиди, однако, заявил, что независимо от того, ставил резидент этот вопрос или нет, он был

не вправе переходить от разработки методов и способов убийства к непосредственному его осуществлению, не обратившись сначала в штаб-квартиру ЦРУ, которая одна только могла принимать политические решения.

В конце сентября Шейдер передал резиденту в Леопольдвиле смертоносные вещества и приказал ему убить Патриса Лумумбу. Резидент обратился за подтверждением этого приказа в штаб-квартиру и, получив такое подтверждение, стал «прошупывать обстановку», чтобы продвинуть осуществление заговора. Шейдер якобы сказал ему, что приказ об убийстве Лумумбы исходит от президента Эйзенхауэра. Свидетельство Шейдера в целом подтверждает эту версию. Однако в согласии президента Шейдер мог убедиться не только в результате контактов с Бисселом и Твиди.

Миссии Шейдера в Конго предшествовали и ей сопутствовали указания штаб-квартиры. Эти указания, передававшиеся по сугубо секретному каналу связи — они неизменно начинались словами: «Исключительно для вашего сведения, — подталкивали к убийству Лумумбы. Две телеграммы были подписаны лично Алленом Даллесом¹.

Ядовитые вещества так и не были использованы. Однако данных, позволяющих утверждать, что эта операция была прервана до смерти Лумумбы, не имеется.

ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА

По словам Бронсона Твиди, Ричард Биссел приступил к обсуждению средств, которые необходимо привести в действие для убийства Лумумбы летом 1960 года. Они «неоднократно» обсуждались следующей осенью. Твиди говорит, что первый разговор об этом происходил вскоре после отправки телеграммы от 26 августа, подписанной Даллесом и информировавшей резидента в Леопольдвиле о том, что цель — «устранение» Лумумбы — должна стать «определяющей в нашем плане секретных действий». [...]

Твиди не помнит, в каких точно словах шел разговор, но, по его утверждению, он касался следующих вопросов: «Биссел говорил, что в Вашингтоне пришли к решению

¹ См. «Телеграммы Аллена Даллеса».

политического характера: Лумумба должен быть лишен всякой власти или влияния в Конго (...), а среди средств достижения этой цели имеется в виду и убийство (...). Смысл нашей беседы сводился к тому, чтобы наладить обмен информацией между резидентурой и руководством ЦРУ для выяснения различных возможностей (...) убийства либо иного средства отстранения Лумумбы от власти (...). Резидентуре надлежало суммировать наши возможности, приступить к составлению списка наших агентов и обсудить детали со штаб-квартирой, как это обычно делалось при планировании любой операции».

Твиди «убежден», что в ходе этих обсуждений с Бисселом яд имелся в виду «как одно из средств и резидент должен был выяснить возможность его применения». Твиди утверждает, что Биссел поделился с ним и подробностями «оперативного плана: участники операции и их обязанности, обеспечение безопасности, оптимальное решение, имеющее шансы на успех». При этом Биссел ни разу не сказал ему: «Действуйте по своему усмотрению, без дальнейших консультаций со мной». Напротив, Твиди проводил работу, будучи убежденным, что если надежное средство убить Лумумбу уже подготовлено, то решение начать действовать должно исходить только от Биссела.

Твиди не знал, консультировался ли Биссел в «самой высокой инстанции», прежде чем начать подготовку средств физического устранения Лумумбы. По поводу указаний, полученных им от Биссела, Твиди заявил: «В целом я им следовал. Я исходил из того, что Биссел вправе давать мне такие указания и что он сам должен знать, какие распоряжения он может давать, а какие нет».

На вопрос о том, думал ли он отказаться от выполнения приказа убить Лумумбу, Твиди ответил: «Разумеется, нет. Учитывая точку зрения правительства на эту операцию, я считал, что изучение возможностей убийства Лумумбы или любого другого средства отстранения его от власти в Конго является по меньшей мере делом стоящим». На вопрос: «Включая сюда и убийство?» Твиди ответил: «Да, думаю, что я был готов учесть и эту возможность (...). Избавиться от него имело смысл, и если правительство и мои начальники желали осуществления такой цели, профессионально я был к этому готов (...); если бы речь шла о том, чтобы повторить то же самое сейчас, я бы всеми силами старался оставаться в стороне».

Биохимик Джозеф Шейдер подтвердил, что в 1960 году «два или три раза беседовал» с Ричардом Бисселом по поводу средств, имеющих в распоряжении ЦРУ для убийства иностранных лидеров. [...] Шейдер рассказал, что в конце лета или в начале осени Биссел просил его сделать все возможное, чтобы в короткий срок обеспечить веществами операцию убийства некоего африканского лидера на тот случай, «если будет принято соответствующее решение».

Биссел доверительно сообщил Шейдеру, «что имеет приказ самой высокой инстанции (...) провести подобную операцию». По словам Шейдера, «ссылка Биссела на самую высокую инстанцию означала для меня намек на президента».

После встречи Шейдер составил список веществ, которые имелись в распоряжении лаборатории химического отдела армии в Форт-Детрике (штат Мэриленд). Эти вещества могли «либо умертвить человека, либо причинить такой вред, что практически выводили его из строя». В списке значилось семь-восемь веществ, в том числе бактерии тулaremии, бруцеллеза, туберкулеза, сибирской язвы, оспы и сонной болезни». Шейдер выбрал из этого списка бактерию, которая «предположительно могла вызвать болезнь (...) именно в данном районе Африки и действие которой могло привести к фатальному исходу».

Шейдер говорил, что получил необходимое вещество и подготовился к его использованию: «Мы должны были поместить его в бутылку и упаковать таким образом, чтобы содержимое ее можно было принять за что-либо другое; мне нужно было также и другое вещество, которое, в случае необходимости, могло нейтрализовать действие яда». Он «позаботился и об иглах для инъекций, резиновых перчатках и защитных масках, обеспечивавших безопасность при обращении с этим исключительно опасным веществом». [...]

В сентябре 1960 года Шейдер получил от Твиди и от заместителя начальника африканского отдела ЦРУ (...) распоряжение оказать практическое содействие резиденту при подготовке средств для реализации плана убийства: «Они настаивали на том, чтобы, в случае использования этих средств (...), мне было ясно, что я являюсь единственным техническим специалистом, а в случае неудачи один буду нести за это ответственность». Когда

Шейдера спросили, был ли он готов обеспечить практическую сторону плана убийства, он ответил: «Думаю, что в то время мое представление о моих обязанностях и моей ответственности определялось обстановкой молчаливой войны. Отдаю себе, однако, отчет в том, что как человек, не приемлющий по своим убеждениям этой затеи в целом, я не разделял ее. Я чувствовал, что решение принято (...) где-то на самом высоком уровне и что при всей неприглядности моей роли долг мой — принять в этом деле участие».

По словам Шейдера, на резидента возлагалась ответственность «за детали проведения операции, выбор исполнителей и другие вопросы не технического характера».[...]

Ознакомившись с показаниями Шейдера, сообщившего об их беседах, и узнав о состоявшемся в это время обмене телеграммами, Твиди заявил, что «совершенно очевидно» он встречался с Шейдером. Он признал, что дал распоряжение Шейдеру снабдить резидента в Леопольдвиле смертоносными веществами и проинструктировать его о применении эффективных средств для убийства Лумумбы. По словам Твиди, кроме него, только заместитель начальника африканского отдела мог знать о задуманной операции.

Шейдер выехал в Конго меньше чем через неделю после свидания с Твиди и его заместителем.

«ДЖО-ПАРИЖАНИН»

19 сентября 1960 г., спустя несколько дней, после того как Лумумба отдал себя под защиту войск ООН в Леопольдвиле, Ричард Биссел и Бронсон Твиди направили в Леопольдвиль шифрованную телеграмму, с тем чтобы обеспечить секретную встречу между резидентом и «Джозефом Брауном», направлявшимся в Конго с определенным заданием. Джозеф Шейдер удостоверил, что «Джозеф Браун» — псевдоним, необходимый, потому что речь шла о «чрезвычайно деликатной миссии».

В телеграмме говорилось:

(«ДЖО») ДОЛЖЕН ПРИБЫТЬ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 27 СЕНТЯБРЯ... ОН ПРЕДСТАВИТСЯ КАК «ДЖО-ПАРИЖАНИН»... ПОСЛЕ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С «ДЖО» ВАМ НЕОБХОДИМО БУДЕТ ВСТРЕТИТЬСЯ С НИМ ВОЗМОЖНО СКОРЕЕ. ОН УДОСТОВЕРИТ СВОЮ ЛИЧНОСТЬ И ОБЪЯСНИТ ВАМ СВОЮ ЗАДАЧУ

(из ЦРУ, Биссел и Твиди — резиденту, 19.9.60).

Телеграмма имела гриф PROP, что свидетельствует о ее особой секретности, а также о том, что в штаб-квартире ЦРУ о ней знали только Даллес, Биссел, Твиди и его заместитель. Слово PROP означало также, что в Конго телеграмма была передана только резиденту и никому больше. Твиди подтвердил, что канал PROP предназначался и использовался исключительно для операций, связанных с убийством.

Телеграмма, подписанная Бисселем и Твиди, информировала резидента о том, что гриф PROP следует использовать

для всех сообщений (телеграмм), касающихся операции, которую вам категорически приказывается никому не разглашать.

Твиди подтвердил, что телеграмму они подписали вместе с Бисселем. Это означало, что приказание Шейдеру отправиться в Конго исходило от Биссела. Твиди утверждает, что последний «скреплял своей подписью» телеграммы, посылаемые тем или иным начальником отдела и касающиеся «дел особо важных» либо «имеющих столь большое значение, что начальник Оперативного управления хотел быть в курсе их выполнения». Твиди подчеркнул, что Биссел лично читал большинство телеграмм, касавшихся этой операции, и «вообще он приказал информировать его о ходе ее подготовки».

Резидент в Леопольдвиле Виктор Хеджмэн отчетливо вспоминает телеграмму, полученную им от Твиди — Биссела. Он говорит, что в сентябре 1960 года получил из штаб-квартиры ЦРУ «весьма необычную» шифровку. В ней сообщалось о том, что «некое лицо, которое я, возможно, узнаю, придет и передаст мне инструкции (...)». На телеграмме, помнится, стояло: «Только для личного сведения» (...). В ней содержались указания, которые я ни в коем случае не должен был с кем-либо обсуждать» [...] В шифровке не уточнялся характер направляемых инструкций и не содержалось никаких упоминаний о Лумбе.

Спустя три дня после этой шифровки Твиди послал еще одну, в которой указывалось, что если будет решено, «что для осуществления поставленных целей необходима помощь, тогда в качестве исполнителя придется использовать лицо из третьей страны, и это позволит полностью скрыть причастность американцев» (шифровка ЦРУ, 22.9.60).

Твиди предупреждал также относительно двух агентов, использовать которых имел в виду резидент, и указывал:

ПРЕДПОЛАГАЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ НАХОДЯЩЕЕСЯ ЗДЕСЬ ЛИЦО ИЗ ТРЕТЬЕЙ СТРАНЫ, КОТОРОЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НЕОБХОДИМО.

Весьма вероятно, что речь идет об агенте QJ/WIN, который впоследствии был направлен в Конго. Твиди указывал также резиденту и своему «коллеге» Шейдеру:

ВАШ ЗАМЕСТИТЕЛЬ И ВЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ, ЧТО МЫ НЕ МОЖЕМ ПОСТОЯННО КОНТРОЛИРОВАТЬ ХОД РАЗРАБОТКИ ВАШИХ ПЛАНОВ И ЗОНДИРОВАНИЯ ВАМИ СОБСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. ГЛАВНАЯ НАША ЗАДАЧА — СКРЫТЬ (АМЕРИКАНСКОЕ) УЧАСТИЕ, ЕСЛИ ТОЛЬКО НЕ ПРЕДСТАВИТСЯ КАКАЯ-ЛИБО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ, КОТОРАЯ СМОЖЕТ ОПРАВДАТЬ, ПУСТЬ И САМЫЙ СМЕЛЫЙ, НО ОБДУМАННЫЙ РИСК. МЫ НАСТОЛЬКО ДОВЕРЯЕМ ВАШЕМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СУЖДЕНИЮ, ЧТО ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ ЛЮБОЕ СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ.

24 сентября директор ЦРУ лично телеграфировал в Леопольдвиль:

ГОТОВЫ ОКАЗАТЬ ВАМ ВСЯЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ В ДЕЛЕ ОТСТРАНЕНИЯ ЛУМУМБЫ ОТ ЛЮБОГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ПОСТА. ЛИБО, ЕСЛИ ОН ПОТЕРПИТ НЕУДАЧУ В ЛЕОПОЛЬДВИЛЕ, С ЦЕЛЮ ПОМЕШАТЬ ЕМУ УТВЕРДИТЬСЯ В СТЭНЛИВИЛЕ ИЛИ ЕЩЕ ГДЕ-ЛИБО

(телеграмма ЦРУ, Даллес — в Леопольдвиль, 24.9.60).

Тремя днями раньше на заседании Совета национальной безопасности Даллес высказал президенту Эйзенхауэру ту же точку зрения. [...]

РЕЗИНОВЫЕ ПЕРЧАТКИ И ШПРИЦ

Давая показания в следственной комиссии, резидент Хеджмэн заявил: «Если не ошибаюсь, Шейдер посоветовал мне — либо дал инструкцию — устранить Лумумбу.

Вопрос: Когда вы говорите «устранить», вы имеете в виду «убить»?

Хеджмэн: Да, могу подтвердить, что (...) в это слово я прежде всего вкладываю именно такой смысл. Но это не единственная интерпретация: все зависело от

того, были ли другие возможности помешать Лумумбе занять пост, представлявший политическую опасность». [...]

В свою очередь, Шейдер заявил: «Я объяснил резиденту то, что сказали мне Твиди и его шеф: штаб-квартира требовала, чтобы он (Хеджмэн) взвесил возможность использования биологических веществ, доставленных мною, для устранения Лумумбы, и предупреждала, что все должно быть сделано так, чтобы не втягивать Соединенные Штаты».

Резидент вместе со смертоносными биологическими веществами и инструкциями по их использованию получил от Шейдера «резиновые перчатки, защитную маску и шприц». Шейдер отправил это «медицинское имущество» дипломатической почтой. Он объяснил, что ядовитое вещество следует подмешать к чему-нибудь так, чтобы Лумумба затем его проглотил: «Это может быть пища или зубная паста... Во всяком случае, небольшое количество вещества должно попасть ему в рот».

По словам Хеджмэна, средства, предназначавшиеся для убийства, не ограничивались ядовитыми веществами, которые доставил Шейдер. Ему, вероятно, дали понять, что вместо отравления Лумумба может быть убит и револьверным выстрелом. [...]

Шейдер заверил Хеджмэна, что приготовленные яды не оставляют никаких подозрительных следов и создается впечатление, будто человек умер в результате обычной болезни. Хеджмэн рассказывает, что «он был крайне удивлен», когда узнал, что Шейдер прибыл для подготовки убийства. Он сказал Шейдеру, что «будет содействовать такой возможности», «изучит этот вопрос и выяснит, можно ли этот план реализовать (...)». Он подчеркнул сложность осуществления данного замысла. Шейдер, со своей стороны, свидетельствует, что Хеджмэн был «озабочен», но «спокоен» и согласился приступить к делу практически.

В докладе резидента о первом контакте с Шейдером содержался явно положительный ответ на поставленную ему задачу. Хеджмэн сообщал, что он и Шейдер как бы «настроены на одну волну». Он даже высказывал «опасение», как бы правительство не проявило «слабость» и не уступило давлению со стороны, которое склоняло к примирению с Лумумбой:

СКЛОНЕН ДЕЙСТВОВАТЬ ВОЗМОЖНО СКОРЕЕ, СОБЛЮДАЯ УКА-
ЗАННЫЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

(телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — Твиди, 27.9.60). [...]

«АБСОЛЮТНО НЕВЕРОЯТНЫЙ» ПЛАН

В течение двух месяцев после прибытия Шейдера в Конго между Леопольдвилем и штаб-квартирой ЦРУ потоком шли особо секретные сообщения о ходе подготовки операции.

Основываясь на своих беседах с Шейдером, резидент Хеджмэн составил перечень «возможных» секретных действий против Лумумбы. Прежде всего он указал на то, как можно использовать агента:

ОН ОБОСНУЕТСЯ У БОЛЬШОГО БРАТА. ТОГДА ОН СМОЖЕТ ДЕЙ-
СТВОВАТЬ ИЗНУТРИ И ПРОИЗВЕСТИ НЕОБХОДИМУЮ ПОДГОТОВ-
КУ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО АКТА (телеграмма ЦРУ, 27.9.60).

В своих показаниях Твиди указывает, что слова «большой брат» означали Лумумбу. Для Твиди и Шейдера было ясно, что в этой телеграмме речь шла о плане Хеджмэна номер один, в соответствии с которым подосланный агент проникал в ближайшее окружение Лумумбы и затем готовил возможность его отравления. [...]

30 сентября резидент настоятельно просит штаб-квартиру разрешить ему провести «подготовительные переговоры» для осуществления срочного плана:

ИМЕЮЩИЕСЯ В ДАННЫЙ МОМЕНТ СРЕДСТВА НЕ ОБЕСПЕЧИВА-
ЮТ НАДЕЖНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАЦИИ. ПРИХОДИТСЯ
ВЫБИРАТЬ МЕЖДУ ОТКАЗОМ ОТ НЕЕ И НОВЫМИ БОЛЕЕ ИЛИ
МЕНЕЕ РИСКОВАННЫМИ ПОПЫТКАМИ (...). ЕСЛИ БУДЕТ РЕШЕНО
ПРОВОДИТЬ ОПЕРАЦИЮ, НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОШУ ШТАБ-КВАР-
ТИРУ РАЗРЕШИТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ, С ТЕМ ЧТО-
БЫ ВЫЯСНИТЬ, ГОТОВ ЛИ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ АГЕНТ ВЫПОЛ-
НИТЬ АКТИВНУЮ РОЛЬ ИЛИ МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ ОТ ОПЕРАЦИИ.
НАМЕРЕНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ЗОНДИРОВАНИЕМ, НЕ РАСКРЫВАЯ
НАШИХ ПЛАНОВ. ЕСЛИ АГЕНТ СОГЛАСИТСЯ, ПОЛАГАЕМ, ЧТО
НЕОБХОДИМО БУДЕТ СООБЩИТЬ ЕМУ ПРЕСЛЕДУЕМУЮ ЦЕЛЬ
(...), ПРОШУ ШТАБ-КВАРТИРУ ОТВЕТИТЬ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО

(телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — Твиди, 30.9.60).

РАЗРЕШАЕМ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ С ЦЕЛЬЮ ЗОНДИРОВАНИЯ
(АГЕНТА), ЧТОБЫ ВЫЯСНИТЬ ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПРИНЯТИЮ
НА СЕБЯ АКТИВНОЙ РОЛИ (...). НАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ЧТО
НАИБОЛЕЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТОГО АГЕН-
ТА (...), ТЩАТЕЛЬНО ИЗУЧИМ ВАШУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ

ЕГО ПОЗИЦИИ, РАВНО КАК И ЛЮБЫЕ НОВЫЕ КОНТАКТЫ (...). ОДОБРЯЕМ ВАШ ПОДХОД К ВОПРОСУ. ИСКЛЮЧАЕМ ЧРЕЗМЕРНУЮ ПОСПЕШНОСТЬ

(телеграмма ЦРУ, заместитель начальника африканского отдела — Леопольдвиль, 30.9.60).

Твиди и его заместитель ясно давали понять, что упомянутый агент рассматривался в качестве возможного убийцы. Твиди заявил, что его заместитель, совершенно естественно, направил телеграмму, уполномочивающую офицера местной резидентуры ЦРУ «несколько продвинуть» подготовку убийства. Он указывает также, что «вполне вероятно», что Ричард Биссел был информирован об этих директивах.

7 октября резидент в Леопольдвиле послал в штаб-квартиру ЦРУ отчет о своей встрече с агентом, которого он считал наиболее подходящим кандидатом, имевшим возможность максимально сблизиться с Лумумбой:

ИМЕЛ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С АГЕНТОМ (...). ВЗВЕСИВ ВСЕ ВОЗМОЖНОСТИ, АГЕНТ ПРЕДПОЧЕЛ РЕШЕНИЕ, РЕКОМЕНДОВАННОЕ ШТАБ-КВАРТИРОЙ. ХОТЯ ОН И НЕ УХВАТИЛСЯ ЗА ЭТУ ВОЗМОЖНОСТЬ, Я ПОЛАГАЮ, ЧТО ОН ГОТОВ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ЛЮБУЮ НЕОБХОДИМУЮ РОЛЬ, ЧТОБЫ ОСУЩЕСТВИТЬ ОПЕРАЦИЮ, ОБЕСПЕЧИВ ПО ВОЗМОЖНОСТИ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ (телеграмма ЦРУ, резидент — Твиди, 7.10.60).

По свидетельству резидента, он вместе с агентом обсуждал, какие у последнего имеются возможности ввести ядовитое вещество в пищу Лумумбы или в зубную пасту, которой он пользуется: «Помнится, я спросил у агента, готовившегося проникнуть в ближайшее окружение Лумумбы, о том, каким образом он сможет войти в непосредственный контакт с Лумумбой, иными словами, сможет ли он проникнуть в ванную комнату, в кухню или еще куда-либо в этом роде. Я задавал ему подобные вопросы, не объясняя, почему именно я их задаю».

Однако резидент сомневался в надежности и осуществимости такого плана: «Разумеется, с практической точки зрения этот план представлялся мне абсолютно невероятным. Я не считал его технически осуществимым, во всяком случае в столь короткий срок и особенно при необходимости скрыть причастность Соединенных Штатов(...). Я продумал этот план всесторонне, однако сомневаюсь, что когда-либо верил в его реальность».

«ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО СРОКА ЯД ТЕРЯЕТ СВОИ СВОЙСТВА»

Вопреки свидетельству Хеджмэна относительно его сомнений по поводу практической осуществимости убийства, телеграммы говорят о том, что он решил готовить операцию и делал все необходимое для ее успеха. Он, например, обратился с просьбой в штаб-квартиру направить ему другого агента:

ЕСЛИ ШТАБ-КВАРТИРА СЧИТАЕТ, ЧТО СУБЪЕКТИВНЫЕ (ТРУДНОСТИ АГЕНТА) МЕШАЮТ ЕМУ УЧАСТВОВАТЬ (В ОПЕРАЦИИ), СЧИТАЮ НУЖНЫМ ПОДЧЕРКНУТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ НАПРАВИТЬ В ПОМОЩЬ РЕЗИДЕНТУРЕ АГЕНТА ИЗ ДРУГОЙ СТРАНЫ

(телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — Твиди, 7.10.60).

Твиди продолжал настаивать на убийстве и рекомендовал:

УВЕРЯЮ ВАС, Я НЕ РАССЧИТЫВАЛ НА БЫСТРОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПЛАНА СПЕЦМЕРОПРИЯТИЙ (...). СОБИРАЮСЬ НАПРАВИТЬ ВАМ АГЕНТА ИЗ ДРУГОЙ СТРАНЫ. ПО ЕГО ПРИВЫТИИ, ПОСЛЕ ПРОВЕРКИ, ВАМ НАДЛЕЖИТ РЕШИТЬ, СПОСОБЕН ЛИ ОН ВЫПОЛНИТЬ АКТИВНУЮ РОЛЬ. ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ, ТО Я, УЧИТЫВАЯ ВАШИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ, ПРЕДПОЛАГАЮ ВРЕМЕННО НАПРАВИТЬ ВАМ СТАРШЕГО ОФИЦЕРА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ (...) ПОД ВАШИМ РУКОВОДСТВОМ

(телеграмма ЦРУ, Твиди — резиденту, 7.10.60).

Из доклада резидента следует, что Джозеф Шейдер 5 октября покинул Конго и выехал в штаб-квартиру в связи с «истечением срока годности ядовитых веществ». И действительно, по истечении этого срока яд терял свои смертоносные свойства. В телеграмме резидента указывалось:

(ДЖО) ОСТАВИЛ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ПОЛЕЗНЫМИ. РЕЗИДЕНТ НАМЕРЕН ПРОДОЛЖИТЬ ПОДГОТОВКУ ОПЕРАЦИИ (телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — Твиди, 7.10.60).

Не отрицая значения телеграммы резидента от 7 октября и заявляя, что ядовитые вещества оставались у Хеджмэна, Шейдер точно помнит, что он «лишил ядовитые вещества их свойств и выбросил в воды реки Конго перед отъездом в США 5 октября 1960 г.». Вопреки Шейдеру, Хеджмэн заявил, что ядовитые вещества были уничтожены лишь после того, как в начале декабря конголезцы отравили Лумумбу.

Из сказанного вытекает следующий важный вывод: резидент намеревался продолжать попытки организовать убийство даже и после отъезда Шейдера. У Шейдера сложилось впечатление, что Хеджмэн имел полномочия искать возможность убить Лумумбу и должен был доложить о своих планах в штаб-квартиру.

РЕЗИДЕНТ ЗАВАЛЕН РАБОТОЙ

Хотя резидент занимался другими вопросами, связанными с подготовкой операции, он тщательно изучал и оценивал разные средства и различных агентов, которые могли быть использованы в случае попытки убить Лумумбу. Когда один его замысел расстроился из-за того, что назначенный исполнитель не смог получить доступ к Лумумбе, Хеджмэн потребовал новых людей, которые помогли бы ему выполнить его задачу. По-видимому, он продолжал ею заниматься вплоть до ареста Лумумбы конголезскими властями.

15 октября 1960 г., вскоре после того как Твиди предоставил дополнительный персонал для проведения операции убийства, из штаб-квартиры ЦРУ в Леопольдвиль были направлены две весьма примечательные телеграммы. Одну из них передал служащий секретариата африканского отдела ЦРУ за подписью Бронсона Твиди. Поскольку она шла по обычным каналам, это позволило ознакомить с ее содержанием соответствующий персонал резидентуры и американского посольства в Леопольдвиле. В телеграмме ставился вопрос о возможности предоставления некоторым конголезским лидерам секретной помощи, как материальной, так и военной. В ней говорилось:

ЕДИНСТВЕННАЯ АКЦИЯ, КОТОРУЮ МЫ МОГЛИ БЫ ПОДДЕРЖАТЬ, СВОДИТСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ СОДЕЙСТВОВАТЬ БЛОКИРОВАНИЮ ИЛИ АРЕСТУ (ЛУМУМБЫ), ДАЖЕ ЕСЛИ ЖЕЛАТЕЛЬНА БОЛЕЕ РАДИКАЛЬНАЯ АКЦИЯ. ЛЮБОЕ ДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНО ИСХОДИТЬ ЦЕЛИКОМ ОТ КОНГОЛЕЗСКОЙ СТОРОНЫ

(телеграмма ЦРУ, директор — Леопольдвиль, 15.10.60).

В тот же день Твиди отправил другую телеграмму, но с грифом «только для сведения» Хеджмэна, так что содержание ее никому не могло быть известно, в том числе и американскому послу. Начальник Твиди заявил, что «только телеграмма с этим грифом являлась директивной» [...].

В этой связи Хеджмэн говорит, что он никогда не обсуждал возможности убийства Лумумбы с американским послом в Конго Клером Х. Т. Тимберлейком.

Во второй телеграмме говорилось:

В ТЕЛЕГРАММЕ, ПЕРЕДАННОЙ ПО ОБЫЧНЫМ КАНАЛАМ, ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ПАРАГРАФ, КАСАЮЩИЙСЯ РЕКОМЕНДАЦИИ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КАТЕГОРИИ ТЕЛЕГРАММ «ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЧНОГО СВЕДЕНИЯ». ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ ВЫ, ВЕРОЯТНО, ПОЛУЧИТЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ, ИБО КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ (ЛУМУМБА) СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ОЧЕВИДНЫМ. ИЗУЧАЕМ ДЕТАЛЬНО ПОЛОЖЕНИЕ В КОНГО, ЗАХВАТ ЛУМУМБЫ ВЫДВИГАЕТСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО НА ПЕРВЫЙ ПЛАН. ССЫЛАТЬСЯ НА ВЫШЕСКАЗАННОЕ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ ПУТАНИЦЫ ИЗ-ЗА КАЖУЩЕГОСЯ ДУБЛИРОВАНИЯ. ЭТОТ КАНАЛ ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ОСОБОГО ВОПРОСА, КОТОРЫЙ ВЫ ОБСУЖДАЛИ С КОЛЛЕГОЙ, И СОХРАНЯЕТ ПЕРВОСТЕПЕННУЮ ЗНАЧИМОСТЬ

(телеграмма ЦРУ, Твиди — резиденту, 15.10.60).

Твиди утверждает, что слова «особый вопрос, обсуждавшийся с коллегой» намекают на разговор, который резидент имел с Шейдером «по поводу убийства». Он говорит, что его послание было вызвано тем, «что в Конго отсутствовало какое-либо решение до тех пор, пока Лумумба сохранял там сильную и влиятельную позицию».

Затем Твиди запрашивал мнение резидента относительно возможности направить в Конго офицера ЦРУ «с непосредственной директивой... целиком заняться этим делом» (телеграмма ЦРУ, Твиди — резиденту, 15.10.60).

Телеграмма объясняет также, почему резидент спешил с организацией убийства:

ВАШИ ПРОЧИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ НАМ СЛИШКОМ СЛОЖНЫМИ, ЧТОБЫ В ДОЛЖНОЙ МЕРЕ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ НА СПЕЦИАЛЬНОМ МЕРОПРИЯТИИ.

В противовес тому, что говорилось в телеграмме, посланной обычным каналом, относительно ограничения действий, направленных против Лумумбы, телеграмма Твиди гласила:

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННОЙ ГРУППЫ ДЛЯ ЗАХВАТА (ЛУМУМБЫ) НАПАДЕНИЕМ НА ЕГО РЕЗИДЕНЦИЮ, ПОДНЯВШИСЬ НА ХОЛМ СО СТОРОНЫ РЕКИ, ИЛИ, ЧТО БОЛЕЕ ВЕРОЯТНО, ЕСЛИ (ЛУМУМБА) ПОПЫТАЕТСЯ ИНЫМ ПУТЕМ ВЫЙТИ В ГОРОД (...), ВАШЕ МНЕНИЕ

(телеграмма ЦРУ, Твиди — резиденту, 15.10.60).

НАЧАЛО ОХОТЫ

Через два дня резидент ответил Твиди, выдвинув несколько аргументов. Во-первых, агент, которого он выбрал, чтобы тот осуществил убийство, столкнулся с рядом трудностей и не мог проникнуть в ближайшее окружение Лумумбы:

НЕ УДАЛОСЬ ПРОНИКНУТЬ В ОКРУЖЕНИЕ. ПОЭТОМУ НЕ МОГ ПОЛУЧИТЬ СВЕДЕНИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ЭТОГО ДЕЛА (...). ПРОДОЛЖАЮ ЗАНИМАТЬСЯ ЭТОЙ АКЦИЕЙ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, НО МОГУ ПОСВЯЩАТЬ ЕЙ ЛИШЬ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ, ПОСКОЛЬКУ ЗАНЯТ МНОГИМИ ОПЕРАТИВНЫМИ ЗАДАНИЯМИ (...). ОЖИДАЮ СКОРЕЙШЕГО НАЗНАЧЕНИЯ ОФИЦЕРА, КОТОРЫЙ ЗАЙМЕТСЯ ЭТИМ ДЕЛОМ. ПРЕВОСХОДНО, ЕСЛИ БУДЕТ ТАКОЙ ОФИЦЕР. ТОГДА РЕЗИДЕНТ СМОЖЕТ УДЕЛИТЬ МАКСИМУМ ВРЕМЕНИ ЕМУ, ПОМОГАЯ И РУКОВОДЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

(телеграмма ЦРУ, 17.10.60).

Резидент заканчивает свою телеграмму нижеследующей рекомендацией, напоминающей его свидетельство, согласно которому он «советовал Шейдеру не давать Лумумбе яд, а лучше убить его»:

ЕСЛИ УКАЗАННЫЙ ОФИЦЕР ОТПРАВЛЕН, РЕКОМЕНДУЮ ШТАБ-КВАРТИРЕ ВОЗМОЖНО СКОРЕЕ ВЫСЛАТЬ ДЛИННОСТВОЛЬНОЕ РУЖЬЕ ИНОСТРАННОЙ МАРКИ С ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИМ ПРИЦЕЛОМ, БЕСШУМНОЕ. ЗДЕСЬ ХОРОШАЯ ОХОТА, КОГДА ЗЕЛЕНЫЙ ОГОНЬ, ОДНАКО В СВЯЗИ С ЗАПРЕЩЕНИЕМ ОХОТНИЧЬИХ РУЖЕЙ СОХРАНЮ ЕГО В КАНЦЕЛЯРИИ ДО ОТКРЫТИЯ ОХОТНИЧЬЕГО СЕЗОНА,

У Твиди рекомендация резидента не вызывала сомнений: речь шла о посылке в Конго дипломатической почтой оружия, предназначенного для убийства Лумумбы. Офицер Малрони, упомянутый далее, говорит, что он не слышал в штаб-квартире никаких разговоров о посылке в Конго ружья с прицелом. Он не знал, чтобы такое ружье было послано. Намек на то, чтобы покончить с Лумумбой после «открытия охотничьего сезона», мог быть истолкован как план убить его, когда он будет вне своей резиденции, охраняемой войсками ООН. По словам Твиди, «план действий с использованием ружья» еще не был сформулирован резидентом и «открытие охотничьего сезона» зависело от одобрения такого плана штаб-квартирой ЦРУ.

Доклад, направленный в следующем месяце резидентом из Леопольдвилья и предназначенный «только для

сведения» Твиди, указывал на то, что, вне зависимости от плана покончить с Лумумбой посредством огнестрельного оружия, Лумумбу продолжали рассматривать в качестве «объекта». За ним тщательно следили. В телеграмме Хеджмэна говорилось, в каком затруднительном положении он находился с середины сентября и до отъезда Лумумбы в Стэнливилль 27 ноября; Лумумба был как бы пленником, охраняемым «голубыми беретами», и оставался неуловимым как для агентов ЦРУ, так и для конголезцев:

ОБЪЕКТ НЕ ПОКИДАЛ ЗДАНИЯ В ПРОДОЛЖЕНИЕ МНОГИХ НЕДЕЛЬ. ДОМ КРУГЛОСУТОЧНО ОХРАНЯЕТСЯ КОНГОЛЕЗСКИМИ ВОЙСКАМИ И ЧАСТЯМИ ООН (...). КОНГОЛЕЗСКИЕ ВОЙСКА НАХОДЯТСЯ ЗДЕСЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НЕ ДАТЬ ОБЪЕКТУ УБЕЖАТЬ И АРЕСТОВАТЬ ЕГО В СЛУЧАЕ ТАКОЙ ПОПЫТКИ. ЧАСТИ ООН ИМЕЮТ ЦЕЛЮЮ НЕ ДАТЬ КОНГОЛЕЗЦАМ ЗАХВАТИТЬ РЕЗИДЕНЦИЮ ШТУРМОМ. ДВОЙНОЕ КОЛЬЦО ОХРАНЫ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ УСТАНОВИТЬ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ. ПЫТАЕМСЯ ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ ВХОД И ВЫХОД ПРИКРЫВАЛИ КОНГОЛЕЗЦЫ (...). ОБЪЕКТ УДАЛИЛ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА, ТАК ЧТО ПРОНИКНОВЕНИЕ ТАКИМ СПОСОБОМ, ПО-ВИДИМОМУ, ИСКЛЮЧЕНО (телеграмма ЦРУ, резидент — Твиди, 14.11.60).

Осенняя стратегия

ОТПРАВИТСЯ ЛИ МАЛРОНИ В КОНГО?

В то время Майкл Малрони служил офицером в Оперативном управлении ЦРУ. Он утверждает, что в октябре 1960 года Ричард Биссел предложил ему выехать в Конго, чтобы осуществить убийство Лумумбы. Он отказался принять участие в террористической операции, но поехал в Конго, чтобы попытаться вывести Лумумбу из-под опеки «голубых беретов» ООН и передать его в руки конголезских властей.

Вскоре после прибытия Малрони в Конго в контакт с ним вступил QJ/WIN, агент ЦРУ, бывший преступник-рецидивист. В конце 1960 года один из оперативных агентов Хеджмэна предложил QJ/WIN связаться с «исполнительной группой» (телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 7.12.60).

Малрони, вероятно, не был в курсе готовившегося убийства. Знали ли об этом плане агенты QJ/WIN и WI/ROGUEL, установить гораздо труднее. [...]

В следственной комиссии Малрони заявил: «Меня вызвал к себе Биссел и предложил отправиться в Конго, чтобы устранить Лумумбу (...)».

Вопрос: Что, по вашему мнению, он имел в виду под словом «устранить»?

Малрони: Убить и тем самым устранить его влияние.

Вопрос: Из чего вы исходили, интерпретируя его замечания? Из каких его слов явствовало, что он говорит об убийстве, а не просто о нейтрализации каким-либо другим способом?

Малрони: Речь шла не о нейтрализации (...), весь смысл нашего разговора ясно указывал на то, что речь идет об убийстве [...]. Я сказал ему, что ни в коем случае не буду участвовать в убийстве Лумумбы. Он мне ответил, что хочет, чтобы я переговорил с Джозефом Шейдером.

По свидетельству Малрони, «трудно себе представить, чтобы Биссел мог руководить подобным делом без личной санкции Аллена Даллеса»: «Я считал, что в столь важном деле он опирается на Даллеса, но со мной он об этом не говорил и не ссылаясь на высшие инструкции».

С Шейдером Малрони встретился очень скоро. Он «был уверен, что Биссел предупредил Шейдера о том, что он, Малрони, его посетит». Шейдер сказал ему, «что располагает четырьмя или пятью смертоносными средствами, чтобы избавиться от Лумумбы (...). Одно из средств предполагало использование вируса, другие — яда». Шейдер «не обмолвился о своем пребывании в Конго и о том, что он переправил туда химическое средство».

После разговора с Шейдером Малрони снова встретился с Бисселом: «Я сказал ему, что не хочу участвовать в убийстве Лумумбы (...) и категорически отказываюсь быть привлеченным к покушению [...]».

Когда, после дачи показаний, Малрони предложили сообщить дополнительные сведения, он рассказал о том моральном климате, в котором все это происходило: «Все, кого я лично знал, действовали добросовестно. Я думаю, что они руководствовались, возможно, не своими убеждениями, но своим пониманием патриотизма. Они считали, что это в высших интересах Соединенных Штатов. Думается, мы ведем себя чересчур по примеру «добропорядочного жениха», когда соглашаемся делать все то, чего требует от нас хозяин, утверждая, что это правильно. Они вовсе не испорченные люди. Но таким путем можно совершить большую ошибку (...). Все это до того непорядочные дела, что поручать их нужно только людям порядочным. Вот единственный способ спасти репутацию ЦРУ и вернуть доверие к безупречности его контактов... Разведчик... должен быть щепетилен и обладать высокой нравственностью... Он должен быть безупречен... Разведчики должны в высшей степени сознавать значение морального фактора в разведывательной операции». Давая свои показания, Малрони кратко резюмировал свое этическое неприятие покушения на жизнь Лумумбы: «Убийство растлевают».

Во время одной из двух своих бесед с Бисселом по поводу Лумумбы Малрони высказал предположение, что, поскольку «заговор об убийстве был составлен в округе Колумбия, он подпадает под действие федерального закона». Биссел «как бы между прочим» отклонил такую возможность.

Несмотря на отказ участвовать в убийстве, Малрони согласился выехать в Конго, с тем чтобы «нейтрализовать» Лумумбу как «фактор политический»: «Я сказал, что поеду и меня не смущает ни задача вызволить Лумумбу из-под опеки ООН, ни даже возглавить операцию с целью нейтрализовать его деятельность, противоречащую интересам Запада, противоречащую, как я считал, американским интересам».

Хотя до отъезда в Конго Малрони не составил для себя никакого определенного плана, он обсудил с Бисселом общую стратегию: «Я сказал Бисселу, что готов ехать, чтобы нейтрализовать его действия, попытаться вызволить его из-под защиты ООН и передать в руки конголезских властей».

Вопрос сенатора Мондейла: При этом учитывался тот факт, что конголезские власти могут его убить? Ответ Малрони: Полагаю, что это учитывалось.., но не убить, а судить конголезца судом конголезцев за конголезские преступления. Да, об этом мы, кажется, говорили.

По мнению Малрони, были «очень большие шансы» на то, что Лумумба будет осужден конголезскими властями на смертную казнь. Но «передача его суду, избранному из числа его же сограждан, не причиняла никаких угрызений».

Несмотря на то что Малрони открыто выразил свое неприятие убийства и согласился выполнять лишь более общую задачу, имевшую цель «нейтрализовать» влияние Лумумбы, Биссел продолжал давить на него, планировать возможность убийства: «Перед самым отъездом, заканчивая нашу вторую беседу (...), (Биссел) сказал: „Ладно, я не исключаю такой возможности“ — он имел в виду возможность устранения или убийства Лумумбы (...); „Иными словами, даже если вы возражаете против убийства, не снимайте его с повестки дня... Тут нет сомнений. Я не исключаю и такой возможности“».

«МОРАЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ»

Малрони отчетливо помнил, что после своей второй беседы с Бисселом он встретил Ричарда Хелмса, который занимал тогда пост заместителя начальника Оперативного управления и начальника по оперативным вопросам

службы специальных операций: необходимо было заявить о своем несогласии с операцией убийства Лумумбы. «Поскольку в ЦРУ документов оставлять не принято, приходится соблюдать чрезвычайную осторожность, и необходимо все фиксировать. Вот почему я пришел к Хелмсу. «Дик, — сказал я, — вот что предлагает мне Биссел, но я ответил ему, что не соглашусь ни в коем случае». Хелмс ответил: „Вы совершенно правы“».

Во время расследования Хелмс заявил, что «возможно» он имел такой разговор с Малрони и что показания последнего соответствуют действительности.

Показания Уильяма Харви, бывшего в тот период непосредственным начальником Малрони: «Малрони ко мне приходил и сообщил о своей встрече с Ричардом Бисселом... по поводу планировавшейся операции в Конго, одной из целей которой было устранение Патриса Лумумбы. Он сообщил также, что отказался выполнить такое задание».

[...] Твиди показал: «Хоть Малрони отказывался от выполнения этого задания, у меня такое впечатление, что, когда он выехал в Конго, подготовка организации убийства Лумумбы была составной частью задачи, которую ставил перед ним Биссел; насколько мне известно, в задание Малрони не входило убийство, а скорее разработка планов такой операции».

По мнению Твиди, задание Малрони в Конго было связано с подготовкой условий для осуществления убийства Лумумбы, а не с общим планом, предусматривавшим вывод Лумумбы из-под опеки ООН.

Малрони тем не менее утверждает, что, будучи «морально несогласен с убийством», он якобы «категорически отказался» готовить необходимые для этого средства. По его словам, он не согласился бы ехать в Конго, чтобы «готовить покушение, даже если бы руководил им кто-либо другой».

Биссел «совершенно четко» помнит разговор, состоявшийся у него с Малрони осенью 1960 года, по поводу организации убийства Лумумбы и о его отрицательном к этому отношении. С точки зрения Малрони, убийство «было акцией неуместной и поставленную цель проще было осуществить другими средствами».

Свидетельство Биссела расходится с показаниями Малрони в одном существенном пункте: включало ли задание, первоначально данное Малрони Бисселом, организацию операции или только «общее планирование»?

Малрони прямо утверждает, что Биссел потребовал от него попытаться убить Лумумбу. Отвечая на этот вопрос первый раз, Биссел показал, что он предложил Малрони «выяснить возможность убийства Лумумбы», в дальнейшем, однако, он заявил, что от Малрони «требовалось организовать и подготовить» это убийство.

Малрони выехал в Конго через двое суток после своей второй беседы с Бисселом.

ВИРУС В ЧЕМОДАНЕ

29 октября резидент был уведомлен о прибытии в ближайшее время в Леопольдвиль Малрони, который должен «продвинуть выполнение плана». Малрони прибыл в Леопольдвиль 3 ноября. По словам Хеджмэна, «весьма возможно», он расценил командирование в Конго высшего офицера как недовольство руководства ЦРУ выполнением им, Хеджмэном, инструкции Шейдера.

Хеджмэн знал о задании Малрони лишь в общих чертах: «Я полагал, что речь идет о той же самой задаче, какая стояла передо мной, то есть об устранении или нейтрализации Лумумбы». Он не может сказать, уточнил ли Малрони, что он рассматривает убийство в качестве средства «нейтрализации» Лумумбы: «В соответствии с полученными мною инструкциями я мог полагать, что он расценивает его именно так».

Прибыв в Конго, Малрони встретился с резидентом, который сообщил ему, что «в чемодане находится вирус». Малрони, по его словам, счел, что вирус этот смертелен, хотя резидент прямо этого не сказал.

Малрони не помнит, чтобы резидент упоминал, откуда прислан вирус, но, «по моему мнению, он мог быть прислан только Вашингтоном, и поскольку об этом был разговор с Шейдером, я подумал, что, по всей вероятности, вирус прислан его ведомством».

Хеджмэн не помнит разговора с Малрони относительно поездки Шейдера в Конго, но «допускает», что такой разговор вполне мог состояться.

Малрони «убежден», что вирус был доставлен до него. Он удивился, узнав, что такой вирус находится в резидентуре в Леопольдвиле, так как перед отъездом в Конго он отказался возглавить операцию по физической расправе с Лумумбой. Он не знает другого случая, когда бы резидентуры ЦРУ на местах располагали смертоносными бактериями. Малрони предположил, что они предназна-

чаются для убийства, возможно, для убийства Лумумбы.

Малрони уверен в том, что «все доложил» Хеджмэну о своих разговорах с Бисселом, касающихся убийства Лумумбы. Между тем Хеджмэн не помнит, что узнал об этом от Малрони. По утверждению Малрони, его беседы с Хеджмэном по поводу убийства носили общеполитический характер и касались «моральной стороны убийств»: «Я изложил ему свой взгляд, в соответствии с которым считал это неприемлемым с нравственной точки зрения, не только неловким, но и неприемлемым. Я считал, что так действовать неправомерно».

По требованию следственной комиссии Малрони, основываясь на этих беседах, охарактеризовал позицию Хеджмэна в отношении убийства: «В принципе он не возражал против убийства, если бы это отвечало интересам национальной безопасности... Я знаю его как высоко-нравственного, честного и порядочного человека... Ему было бы неприятно оказаться втянутым в такое дело. Но я должен сказать, что в наших разговорах, по крайней мере как я их запомнил, он никогда не исключал возможности подобных действий».

ПЛАН МАЛРОНИ

Прибыв в Конго, Малрони сформулировал свой план «нейтрализации» Лумумбы, который сводился к тому, чтобы вывести Лумумбу из-под защиты войск ООН, охранявших его резиденцию.

Малрони: Я хотел, прибегнув к уловке, вызволить его из резиденции, затем передать в руки (...) законных властей, чтобы он был судим. Ибо его обвиняли в жестокостях, за которые он вполне мог быть судим. Вопрос: И за которые вполне мог быть приговорен к смертной казни?

Малрони: Да. Против смертной казни я не возражал.

Получив информацию о задании Малрони, С. Дуглас Диллон (в то время помощник государственного секретаря США) заявил, что она соответствует политике США в отношении Лумумбы.

Согласно ранее полученному докладу от резидента, специальный представитель генерального секретаря ООН придерживался мнения, что арест Лумумбы конголезскими властями был «очередной уловкой в целях убить Лу-

мумбу» (телеграмма ЦРУ, резидент — директору, 11.10.60). Рекомендую арестовать Лумумбу, резидент писал в той же телеграмме:

РЕЗИДЕНТУРА НАСТОЙЧИВО ПОБУЖДАЕТ КОНГОЛЕЗСКИХ ЛИДЕРОВ К АРЕСТУ ЛУМУМБЫ; СЧИТАЮ: ЛУМУМБА И ВПРЕДЬ ДО УСТРАНЕНИЯ ЕГО СО СЦЕНЫ БУДЕТ УГРОЖАТЬ СТАБИЛЬНОСТИ КОНГО.

Для осуществления своего плана Малрони попытался снять внаем «наблюдательный пункт, возвышающийся над резиденцией, в которой укрылся Лумумба». Он познакомился также с солдатом из состава частей ООН, с тем чтобы тот помог вызволить Лумумбу из-под защиты «голубых берегов».

АГЕНТ QJ/WIN

Малрони принял меры к тому, чтобы в Конго для работы с ним был направлен агент QJ/WIN¹: «Я хотел использовать его для (...) контршпионажа (...). Мне следовало скрыть причастность к этому делу США..., использовав для этого иностранца, которого мы хорошо знали, которому доверяли и с которым уже работали (...). Я намеревался использовать его в качестве alter ego».

В середине ноября из Леопольдвилья поступили две телеграммы с целью поторопить штаб-квартиру ЦРУ с отправкой агента QJ/WIN:

СВЯЗАННЫЕ С ОПЕРАЦИЕЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ТРЕБУЮТ НЕМЕДЛЕННОЙ ОТПРАВКИ QJ/WIN В ЛЕОПОЛЬДВИЛЬ

(телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 13.11.60).

Телеграммы не уточняли, о каких «связанных с операцией обстоятельствах» идет речь.

Агент QJ/WIN — по происхождению иностранец, в прошлом рецидивист, был завербован в Европе. В нояб-

¹ В сообщениях и докладах ЦРУ каждая страна, агент, операция обозначаются определенным шифром. Две первые буквы этого кода обозначали страну: AE — СССР; BE — Польша; DI — Чехословакия; DM — Югославия; SM — Великобритания (английские разведслужбы обозначались буквами SMOTH); DN — Южная Корея; EC — Эквадор; AV — Уругвай; LI — Мексика; BI — Аргентина; AM — Куба. Названия организаций или служб ЦРУ обозначаются буквами KU; органы, подчиненные американскому правительству, — буквами OD (кодовое обозначение ФБР — ODENVY) (см. Philip Agee. Journal d'un agent secret. Le Seuil, 1976). Об агенте QJ/WIN см. гл. 6.

ре 1960 года его направили в Конго для выполнения задания, которое «неоднократно могло быть связано с риском для жизни».

Дополнительный мотив, в связи с которым агента привлекли к задуманной операции, состоял в том, что из Конго его предполагали переправить в другую африканскую страну для выполнения какого-то задания. Существо этого задания в переписке между штаб-квартирой ЦРУ и различными резидентурами, в распоряжение которых он поступал, не указывается. В делах ЦРУ не содержится также каких-либо указаний на то, что задание этим агентом было выполнено. Малрони говорил, что он не знает о существовании приказа об отправке QJ/WIN в другую страну. Уильям Харви заявил, что вспоминает о возможности отправки агента QJ/WIN в какую-то другую страну Африки, помимо Конго, но он «почти уверен, что это никак не было связано с осуществлением убийства».

Вот телеграмма, направленная штаб-квартирой ЦРУ в Леопольдвиль:

В СВЯЗИ С КРАЙНЕ ДЕЛИКАТНЫМ ЗАДАНИЕМ, ВОЗЛАГАЕМЫМ НА QJ/WIN, ЕМУ НЕ БЫЛО ТОЧНО УКАЗАНО, ЧЕГО МЫ ОТ НЕГО ОЖИДАЕМ (...). НАПРОТИВ, ЕМУ СКАЗАНО, ЧТО ОН ДОЛЖЕН ИСКАТЬ, ОЦЕНИВАТЬ И РЕКОМЕНДОВАТЬ НАМ ЛЮДЕЙ СО СМЕКАЛКОЙ, ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ ДОВЕРИЯ, КОТОРЫХ МЫ МОГЛИ БЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬ (...). МЫ СОЧЛИ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ НЕ РАСКРЫВАТЬ НАШИХ ПОДЛИННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОКОНЧАТЕЛЬНО НЕ БУДЕТ РЕШЕН ВОПРОС О ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИИ (ЦРУ, 2.11.60).

Эта телеграмма показалась слишком деликатного свойства, чтобы хранить ее в Леопольдвиле, и потому было добавлено: «Текст закодировать, а телеграмму по прочтении немедленно уничтожить».

Агент QJ/WIN прибыл в Леопольдвиль 21 ноября 1960 г. и вновь выехал в Европу к концу декабря 1960 года. В следственной комиссии Малрони так характеризовал этого агента: «...Я бы сказал, что он был человеком не слишком щепетильным».

Вопрос: Следовательно, способным совершить все, что угодно?

Малрони: Да, думаю, что да.

Вопрос: В том числе и убийство?

Малрони: Думаю, что да.

Но Малрони не знал, использовался ли когда-либо QJ/WIN для операции, включающей убийство. Насколько ему помнилось, он был единственным офицером ЦРУ, отвечавшим за QJ/WIN, и этот агент ни с кем другим непосредственно не общался. Когда Малрони задали вопрос, возможно ли, чтобы QJ/WIN имел поручение, не связанное с операцией Малрони, тот ответил: «Да, возможно. После его приезда кто-либо мог вступить с ним в контакт и поручить выполнить нечто такое, что имело отношение к убийству. Этого я не знаю». Вместе с тем Малрони отверг подобный вариант как «весьма мало вероятный». Поставить агента в условия, при которых он был бы лучше информирован, чем офицер, которому этот агент подчинен, являлось бы явным нарушением обычной практики, принятой в ЦРУ.

Каково бы ни было впечатление Малрони относительно более или менее независимого поведения агента QJ/WIN, в телеграмме Хеджмэна Твиди от 29 ноября сообщалось, что QJ/WIN приступил к разработке определенного плана. «Он хотел обмануть одновременно бдительность и конголезцев, и «голубых беретов» ООН», с тем чтобы проникнуть в резиденцию Лумумбы и «вывести его наружу». Малрони приказал агенту QJ/WIN познакомиться с одним из военнослужащих сил ООН, с которым ранее был установлен контакт. Однако в это время Лумумба уже вышел из-под охраны «голубых беретов» и направился в Стэнливилль. Это не остановило QJ/WIN.

В СВЯЗИ С ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ МИШЕНИ JQ/WIN ТОРОПИТСЯ В
СТЭНЛИВИЛЬ И РАССЧИТЫВАЕТ ОСУЩЕСТВИТЬ ПЛАН САМО-
СТОЯТЕЛЬНО, БЕЗ ВСЯКОГО ОСНАЩЕНИЯ

(телеграмма ЦРУ, 29.11.60).

Трудно утверждать, предусматривал ли этот последний «план» помимо похищения Лумумбы также и его убийство. Штаб-квартира на следующий день дала утвердительный ответ, причем в выражениях, которые можно интерпретировать как приказ к убийству:

СОГЛАСНЫ С ПОЕЗДКОЙ QJ/WIN В СТЭНЛИВИЛЬ (...). ГОТОВЫ
РАССМОТРЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ QJ/WIN, НО
ЖЕЛАТЕЛЬНО ВАШЕ МНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ФАКТОРА БЕЗО-
ПАСНОСТИ. БУДУТ ЛИ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРЯМО ЗАМЕША-
НЫ В ОПЕРАЦИИ?

(телеграмма ЦРУ, начальник африканского отдела — резиденту,
30.11.60).

По мнению Малрони, агент QJ/WIN находился в Конго столько же времени, сколько и он, если учесть, что агент прибыл туда после него.

ЧТО ЖЕ СДЕЛАЛ АГЕНТ QJ/WIN?

Уильям Харви, непосредственный начальник Малрони в отделе Оперативного управления, указывает в докладной записке для бухгалтерии относительно деятельности агента QJ/WIN в Конго: «QJ/WIN отправился в эту поездку с особой оперативной целью; свою весьма деликатную задачу он выполнил». Малрони так объясняет слова Харви: поскольку Лумумба находился в руках конголезских властей, «цель, ради которой разрабатывался этот проект, становилась спорной». Когда его спросили, несет ли агент QJ/WIN и он лично ответственность за то, что Лумумба был вызволен из-под защиты ООН и потом арестован, Малрони ответил: «Ни в коей мере». (Харви не помнит содержания своей докладной записки, но утверждает, что уже сам факт возвращения Малрони из Конго мог означать, что задача агента QJ/WIN была выполнена.)

Несмотря на содержащиеся в ноябрьских телеграммах выражения относительно планируемых «прямых действий» агента QJ/WIN и указания в докладе генерального инспектора о том, что перед отъездом QJ/WIN мог быть привлечен к операции по убийству Лумумбы, очевидные доказательства причастности этого агента к какому-либо плану или к попытке покушения отсутствуют.

В докладе генерального инспектора ЦРУ говорится, что агент QJ/WIN «был завербован ранее (...) для использования в специальной операции в Конго (убийство Патриса Лумумбы), которая должна была быть предпринята Майклом Малрони». Однако, как видно из сказанного выше, Малрони отрицал свою причастность к покушению с целью убийства. Доклад генерального инспектора ЦРУ может относиться к плану использования агента QJ/WIN в соответствии с приказом Биссела, существовавшим до того, как Малрони отказался участвовать в убийстве. Но нет никаких данных, которые позволяют сделать вывод о том, что в тот период агент QJ/WIN был привлечен к участию в операции такого рода.

Резидент Хеджмэна «смутно вспоминает», что агент QJ/WIN прибыл в Конго, чтобы помогать Малрони. Но он не помнил причины, ради которой этот агент там на-

ходил, и заявил, что последний отнюдь не был в числе его главных сотрудников. Биссел и Твиди ничего не помнят по поводу того, чем занимался в Конго агент QJ/WIN.

Харви, чей отдел «прикомандировал» агента QJ/WIN к резидентуре в Конго, показал: «Я был информирован о том, что готовится поездка агента QJ/WIN, и, следовательно, о его пребывании в Конго. Точно не знаю, чем он занимался в этой стране. Не думаю, чтобы я когда-либо мог быть об этом осведомлен (...). Если бы QJ/WIN предназначался для участия в убийстве, то это организовывалось бы в контакте со мной. Меня ни разу не предупреждали, что его следует использовать для такой операции». Если верить Харви, то бумаги, касающиеся агента QJ/WIN и подлежавшие его, Харви, подписи, составлялись, вероятно, офицером, который наблюдал за деятельностью этого агента в Европе. Харви говорит, что в последующих беседах, которые он имел с Шейдером по поводу создания «общей спецгруппы»¹, Шейдер никогда не упоминал о деятельности QJ/WIN в Конго, равно как он не ссылаясь на свою собственную поездку в Леопольдвиль. Харви заявил также, что до разработки этого плана офицер, руководимый агентом QJ/WIN, ни разу не использовал его «в качестве возможного агента-исполнителя и даже не предусматривал такой возможности».

Из телеграммы ЦРУ от 1962 года с полной очевидностью явствует, какое значение оно придавало агенту QJ/WIN, и о тех затруднениях, с какими было связано для разведывательных служб использование бывших преступников. ЦРУ узнало, что агент QJ/WIN в Европе привлекался к суду по обвинению в контрабанде, и штаб-квартира рекомендовала:

ЕСЛИ (...) ИНФОРМАЦИЯ ТОЧНАЯ, МОГЛИ БЫ ПОПЫТАТЬСЯ ПРЕКРАТИТЬ СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИБО УСТРОИТЬ ПЕРЕДАЧУ QJ/WIN ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НАШИХ ЦЕЛЯХ

.(телеграмма ЦРУ, 1962).

«ГОТОВ СДЕЛАТЬ ЛЮБУЮ ПОПЫТКУ ХОТЯ БЫ ОДИН РАЗ...»

Единственное свидетельство, из которого можно усмотреть связь между агентом QJ/WIN и планом убийств

¹ См. гл. 4.

ва, — это донесение WI/ROGUE, другого агента резидентуры в Конго, где тот предлагал QJ/WIN присоединиться к «группе ликвидации».

Агент WI/ROGUE — «солдат удачи», «человек без родины», «мошенник и взломщик банковских сейфов». ЦРУ направило его в Конго, предварительно сделав ему пластическую операцию и снабдив париком, чтобы европейцы, находящиеся в Конго, не могли его узнать. WI/ROGUE охарактеризован органами ЦРУ как человек, «быстро усваивающий и хорошо исполняющий любое задание, сколь бы опасным оно ни было». Африканский отдел аттестует его так: «Он, разумеется, различает, что хорошо, а что дурно; и вместе с тем, если на него возложено задание, в нравственном плане предсудительное, но необходимое, поскольку начальник сказал, что его надо выполнить, он воспримет это задание как должное и будет выполнять его методично, без каких-либо угрызений совести. Короче говоря, он способен холодно и разумно подойти к любому заданию».

С точки зрения Хеджмэна, WI/ROGUE—это «человек не очень привлекательной репутации, готовый сделать любую попытку хотя бы один раз».

Он использовал его как агента, «способного на все», ибо, заявил Хеджмэн, «нам следовало расширить наблюдение, установить новые контакты и т. п.». Хеджмэн лично контролировал агента WI/ROGUE и не допускал его встречи с Малрони.

В донесении 1975 года, касающемся WI/ROGUE и подготовленном для канцелярии генерального инспектора ЦРУ, следующим образом описывается подготовка, которую прошел этот агент: «19 сентября 1960 г. два сотрудника африканского отдела встретились с ним для обсуждения «оперативного задания по линии этого отдела». WI/ROGUE должен был готовиться к проведению актов саботажа, тренироваться в применении легкого оружия и учиться делать предохранительные прививки». В донесении подчеркивалось также, что агент WI/ROGUE предназначался для использования в Конго, но не уточнено, с какой целью его учили производить предохранительные прививки.

В телеграмме от октября 1960 года в Леопольдвиль говорится, что (...) штаб-квартира (...) намеревалась использовать его как способного на все агента, чтобы а) организовать и руководить группой наблюдения; б) перехватывать посылки; с) взрывать мосты; д) осущес-

ствлять другие операции, требующие конкретных действий. Его использование не ограничится пределами только Леопольдвилья».

«ГРУППА ЛИКВИДАЦИИ»

Агент WI/ROGUE впервые вступил в контакт с Хеджмэном 2 декабря 1960 г. в Леопольдвиле. Хеджмэн предложил ему «прежде всего обеспечить себе прикрытие» и «выявить людей для группы наблюдения» из состава агентуры в провинции, где Лумумба пользовался наибольшей поддержкой¹. Вскоре Хеджмэн телеграфировал в штаб-квартиру:

QJ/WIN, ПРОЖИВАЮЩИЙ В ОДНОЙ ГОСТИНИЦЕ С WI/ROGUE, СООБЩИЛ: WI/ROGUE ПРОИЗВОДИТ ВПЕЧАТЛЕНИЕ СЕКРЕТНОГО АГЕНТА; РЕЗИДЕНТУРА НЕ ИМЕЕТ СВЕДЕНИЙ О НЕМ. 14 ДЕКАБРЯ QJ/WIN ДОЛОЖИЛ, ЧТО WI/ROGUE ПРЕДЛОЖИЛ ПЛАТИТЬ ЕМУ 300 ДОЛЛ. ЕЖЕМЕСЯЧНО ЗА РАБОТУ В РАЗВЕДСЕТИ И ЗА УЧАСТИЕ В «ГРУППЕ ЛИКВИДАЦИИ». В ОТВЕТ НА СЛОВА QJ/WIN О ТОМ, ЧТО ЭТО ЕГО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ, WI/ROGUE ДОБАВИЛ, ЧТО ОН ВЫПОЛНЯЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ. ПОЗДНЕЕ НА ВОПРОС АГЕНТА QJ/WIN WI/ROGUE ПРИЗНАЛ, ЧТО РАБОТАЕТ НА АМЕРИКАНСКУЮ СЛУЖБУ.

(...) В ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ ВОПРОСА О МЕСТНЫХ КОНТАКТАХ WI/ROGUE УПОМЯНУЛ АГЕНТА QJ/WIN, ОДНАКО НЕ ПРИЗНАЛСЯ В ТОМ, ЧТО ПЫТАЛСЯ ЕГО ЗАВЕРБОВАТЬ. КОГДА РЕЗИДЕНТ ПОПЫТАЛСЯ ВЫЯСНИТЬ, НЕ СБЛИЗИЛСЯ ЛИ WI/ROGUE С НИМ ПОЗДНЕЕ, ТОТ ОТВЕТИЛ, ЧТО НЕ ПРИНИМАЛ ДО ЭТОГО НИКАКИХ МЕР. РЕЗИДЕНТ НЕ МОЖЕТ ВОЗРАЖАТЬ, ИБО НЕ ХОЧЕТ ОБНАРУЖИТЬ СВЯЗЬ QJ/WIN С ЦРУ

(телеграмма ЦРУ, Леопольдвиль — директору, 17.12.60).

В телеграмме содержались также различные оговорки Хеджмэна по поводу использования WI/ROGUE:

ЛЕОПОЛЬДВИЛЬ ОЗАБОЧЕН НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬЮ И НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬЮ WI/ROGUE. ХОТЯ ПРЯМЫХ ПРОВАЛОВ С ЕГО СТОРОНЫ НЕТ, АГЕНТ ДОСТАВЛЯЕТ РЕЗИДЕНТУРЕ МНОГО ХЛОПОТ. ОН НЕ СОГЛАСЕН СЛЕДОВАТЬ ИНСТРУКЦИЯМ, ДАВАТЬ ОТЧЕТ В СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ. В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ШТАБ-КВАРТИРА ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ОН ОСТАВАЛСЯ ЗДЕСЬ ДЛЯ ИСПЫТАНИЯ, ВОЗРАЖЕНИЙ НЕТ; НО ЕСЛИ ОН И ВПРЕДЬ СТАНЕТ ЧИНИТЬ ЗАТРУДНЕНИЯ, ПОЛАГАЮ, ЧТО ОТОЗВАНИЕ WI/ROGUE — НАИЛУЧШЕЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА.

Хеджмэн расценивает попытку WI/ROGUE завербовать агента QJ/WIN в «группу ликвидации» как действие неожиданное и несанкционированное. Он утверждает,

¹ Вероятно, имеется в виду Восточная провинция.

что не давал WI/ROGUE инструкций обращаться с подобного рода предложениями ни к QJ/WIN, ни к кому бы то ни было другому: «Я готов настаивать на том, что мне не известно, что имел в виду WI/ROGUE под выражением «группа ликвидации», и я убежден, что от него никто никогда не требовал кого-либо уничтожать». Он дает понять, что мысль о создании «группы ликвидации» принадлежит самому WI/ROGUE: «Идея, которую он составил себе о разведывательном агенте, была им почерпнута из каких-то романов или еще откуда-то в том же роде».

Малрони утверждает, что ему не было известно о какой-либо попытке, исходившей от того или иного агента ЦРУ, организовать «группу ликвидации», и он не припоминает агента WI/ROGUE. Ему известно, что агента QJ/WIN намеревались использовать в «группах наблюдения», не имевших никакого отношения к убийству: «Группы наблюдения находятся в зонах преступности (...), где необходимо иметь парня, умеющего драться и способного выскочить из ловушки».

С точки зрения агента ЦРУ, если бы WI/ROGUE был действительно вовлечен в организацию убийства, то касающиеся этого агента сообщения он передавал бы по линии «только для личного сведения». Однако телеграмму об агенте WI/ROGUE он передает обычным способом, как «это сделал бы любой чиновник ЦРУ (...), если бы ему пришлось отрицательно отзываться об одном из своих агентов».

Хеджмэн настаивает на том, что предложение агента WI/ROGUE агенту QJ/WIN присоединиться к «группе ликвидации» следует отнести за счет его недисциплинированности: «Мне трудно было его контролировать, потому что он являлся профессиональным разведчиком. Ему хотелось действовать совершенно самостоятельно, не ожидая инструкций и распоряжений (...). Я смотрел на него скорее как на неуправляемую ракету (...), как на человека, который способен вас подвести, так что вы этого даже и не заметите». Несмотря на это, Хеджмэн полностью не отрицает своей ответственности за действия WI/ROGUE: «Если вы даете приказание человеку, который, выполняя его, создает отделению трудности, вы должны брать ответственность за это лично на себя».

В итоге свидетельства офицеров ЦРУ, причастных к операции PROP, и замечания, высказанные в телеграммах Хеджмэна по поводу недисциплинированности аген-

та WI/ROGUE, указывают на то, что попытка этого агента сформировать «группу ликвидации» была действием самовольным, не связанным с операцией ЦРУ. Вместе с тем тот факт, что WI/ROGUE был обучен производить «предохранительные прививки», не дает возможности сделать окончательный вывод. [...]

УМЕРЩВЛЕНИЕ

27 ноября Лумумба тайно покидает Леопольдвиль, с тем чтобы присоединиться к своим сторонникам, которые готовили его возвращение в Стэнливиль. Корреспондент агентства Франс Пресс так описывает бегство Лумумбы:

«Побег Лумумбы был тщательно подготовлен.

Ровно в 10 часов вечера в понедельник в полной темноте лимузин Лумумбы бесшумно выехал из его резиденции, охраняемой двойным кордоном марокканских «голубых беретов» и конголезских солдат. Подчиняясь полученным инструкциям, «голубые береты» беспрепятственно пропустили машину Лумумбы, которого сопровождали шофер и секретарь.

Охрана тем более не ожидала бегства Лумумбы, что всего за несколько дней до этого при мощной поддержке общественности он потребовал от ООН сопровождения для поездки в Стэнливиль на похороны дочери.

На следующий день из сообщения самого Лумумбы конголезские власти узнали о его бегстве. Дома, соседние с резиденцией Лумумбы, а также квартиры его друзей, где он мог укрыться, сразу же были подвергнуты тщательнейшему обыску. Были обысканы также все самолеты, вылетающие из аэропорта Нджили, а у пассажиров тщательно проверены документы.

Относительно маршрута, который мог избрать бывший премьер-министр, было выдвинуто три предположения:

1) Он мог направиться по шоссе в город Киквит, расположенный в 400 км юго-западнее Леопольдвилля. Этот населенный пункт является опорным для Партии африканской солидарности, поддерживающей Лумумбу. Для него не составило бы никаких

трудностей продолжить оттуда свой путь на Стэнливиле, добраться до которого ему потребовалось бы приблизительно трое суток.

2) Лумумба мог двинуться речным путем на быстходном катере, подняться вверх по реке Конго до Стэнливиля. Такая поездка, полагают, заняла бы четыре-пять дней.

3) Наконец, смещенный премьер-министр мог направиться на один из многочисленных частных аэродромов в районе Леопольдвилья и сесть в самолет, предоставленный в его распоряжение RAU» (телеграмма агентства Франс Пресс, 23.11.1960).

О плане перемещения Лумумбы ЦРУ, по-видимому, было предупреждено недели за две до его отъезда:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДРУЗЬЯ ЛУМУМБЫ В СТЭНЛИВИЛЕ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ОН ПОКОНЧИЛ СО СВОЕЙ ИЗОЛЯЦИЕЙ И, ПРИВЫВ НА АВТОМАШИНЕ В ЭТОТ ГОРОД, ВКЛЮЧИЛСЯ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ (...). РЕШЕНИЕ О ВЫЕЗДЕ, ВЕРОЯТНО, БУДЕТ ПРИНЯТО НЕМЕДЛЕННО. РЕЗИДЕНТУРА РАССЧИТЫВАЕТ ПОЛУЧИТЬ ОТ СВОЕГО АГЕНТА ИНФОРМАЦИЮ О ПРИНЯТОМ РЕШЕНИИ. ОНА, В СЛУЧАЕ ВЫЕЗДА ЛУМУМБЫ, ИМЕЕТ В СВОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СРЕДСТВА И ИЗУЧАЕТ РАЗЛИЧНЫЕ ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ (ЦРУ, ЛИНИЯ СВЯЗИ «ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЧНОГО СВЕДЕНИЯ») (14.11.60).

За несколько дней до отъезда Лумумбы в другой телеграмме сообщалось:

(...) РЕЗИДЕНТУРА В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С КОНГОЛЕЗСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ БЛОКИРУЕТ ДОРОГИ И ПРИВЕДЕННЫЕ В ГОТОВНОСТЬ ЧАСТИ, ЧТОБЫ ВОСПРЕЯТСТВОВАТЬ БЕГСТВУ ПО ШОССЕ (телеграмма ЦРУ, 28.11.60).

С этого времени устанавливается тесное сотрудничество между конголезским правительством Мобуту и Касавубу, с одной стороны, и ЦРУ — с другой.

2 декабря Лумумба был арестован. 3 декабря его перевели в военный лагерь в Тисвиле. Протесты мировой общественности против бесчеловечного обращения с Лумумбой и его сторонниками Морисом Мполо и Жозефом Окито вынуждают Мобуту перевести их в провинцию Бакванга.

17 января 1960 г. Лумумба и его соратники были доставлены самолетом в Элизабетвиль и переданы Чомбе.

Приводим свидетельство одного шведского солдата, который находился на аэродроме в Элизабетвиле в тот момент, когда туда прибыл Лумумба:

«Это было тяжелое зрелище. Лумумбу и двух его соратников вытащили из самолета, потом связали одной веревкой. Они едва могли двигаться. Катангские охранники — европейцы и африканцы — окружили их и стали избивать. Лумумба и двое других упали на землю, их били по голове кулаками, избивали дубинками и прикладами, пинали ногами в лицо. Несколько минут они пролежали на земле, потом избивание возобновилось». Служащий аэродрома, также присутствовавший при этой сцене, заявил: «Я вынужден был отвернуться: я не мог перенести этого зрелища».

Лумумба и два других арестанта стонали под ударами жандармов, но не вымолвили ни единого слова протеста и не просили пощады («Монд», 19.1.61).

Дальнейшие сведения о Лумумбе весьма противоречивы, и о его гибели существуют различные версии.

Сообщение о смерти трех пленников было сделано министром внутренних дел Чомбе 13 февраля 1961 г. Официальная версия — линчевание местными жителями при попытке к бегству — не выдерживает критики. Международная комиссия ООН по расследованию, созданная после смерти Лумумбы, отвергла эту версию.

По-видимому, Лумумба и его соратники были подвергнуты жестоким пыткам еще в самолете и 17 января после высадки из самолета умерщвлены в помещении авиакомпании «Сабена».

Президент отдал приказ

ПОЕЗДКА ЛУМУМБЫ

Затем комиссия изучила степень ответственности правительства США. В конце июля 1960 года Патрис Лумумба совершил поездку в Соединенные Штаты, где встретился с государственным секретарем Кристианом Гертером, а также с его помощником Дугласом Диллоном. Во время пребывания Лумумбы в Вашингтоне государственный секретарь Гертер обещал оказать помощь первому правительству Республики Конго¹.

Вскоре после визита Лумумбы, в конце июля или в начале августа, Диллон присутствовал в Пентагоне на совещании представителей государственного департамента, министерства обороны, Объединенного комитета начальников штабов и руководства ЦРУ (...). По его словам, как-то мимоходом возник вопрос о попытке убить Лумумбу. Он не помнит, в каких точно выражениях шел этот разговор. Диллон утверждает, что, когда вопрос о ликвидации Лумумбы был поднят, «представители ЦРУ его отвергли», ибо «люди из ЦРУ, каковы бы они ни были, не хотели вмешиваться в такого рода махинации». Их возражение не носило «нравственного характера», а скорее сводилось к тому, что это «дело невозможное». Диллон полагает, что реакция ЦРУ «могла проистекать» из того факта, что совещание было слишком многочленным, чтобы можно было обсуждать столь деликатный вопрос.

Диллон считает, что это обсуждение не могло быть использовано как санкция на возможную в будущем попытку покушения на Лумумбу, но полагает, что ЦРУ «могло решить, что такую попытку надо предусмотреть (...) в силу того, что Лумумбой все очень озабоче-

¹ После образования Республики Конго ООН оказала ей финансовую поддержку.

ны (...). Людям из ЦРУ не было необходимости с кем-либо разговаривать на эту тему. Дело сводилось просто к развертыванию их внутренних возможностей; и лишь потом могла возникнуть необходимость обратиться за соответствующим разрешением». Диллон утверждает, что он ни разу не слышал какого-либо упоминания о намерении отравить Лумумбу, не известно ему и что-либо, указывающее на то, что ЦРУ просило разрешения готовить подобную акцию. Однако, узнав об этом заговоре, Диллон следующим образом прокомментировал совещание в Пентагоне: «Я не исключаю (...), что именно в этот момент в ЦРУ стали думать о том, что следовало бы начать готовиться к этой возможности. Возможно, в тот момент там еще не думали об этом, но в августе приступили к работе». Диллон сообщает, что вряд ли на данном совещании были приняты официальные, фиксированные документы, поскольку не заседал официальный комитет. По его словам, такого рода совещания между представителями различных ведомств не составляли «исключения».

Единственными официальными лицами, кроме представителей ЦРУ, которых назвал Диллон в качестве возможных участников совещания, были заместитель министра обороны Джеймс Дуглас и помощник министра обороны Джон Н. Ирвин II. Дуглас не исключает возможности своего участия в такого рода совещании в Пентагоне, но он о нем ничего не помнит. Не помнит он и того, говорилось ли когда-либо в его присутствии о ликвидации Лумумбы. «Может быть», он и присутствовал на совещании, о котором упоминал Диллон, но он не помнит, чтобы он участвовал «в каком-либо совещании в Пентагоне, где ставился бы вопрос о покушении».

Роберт Х. Джонсон, член Совета национальной безопасности с 1951 по январь 1962 года [...], принимал участие в заседании совета летом 1960 года. Это заседание началось с доклада директора ЦРУ о международных событиях. «В какой-то момент в ходе заседания, — говорит Джонсон, — президент Эйзенхауэр произнес реплику — точно слова я уже не помню, — которую я воспринял как приказ ликвидировать Лумумбу, ибо в то время он был в центре политических разногласий и конфликтов в Конго. Никакого обсуждения не последовало; заседание шло дальше. Я очень ясно помню эту минуту, ибо слова президента меня просто поразили. Ничего большего добавить к этому не могу. Несмотря на то что в ту

минуту я был убежден — и оставался убежденным, когда думал об этом позднее, — что заявление президента означало приказ убить Лумумбу, теперь я должен сказать, что, вспоминая указанный эпизод сравнительно недавно, я несколько усомнился. Всем известно, что президент Эйзенхауэр не имел привычки принимать или объявлять политические решения на заседаниях Совета национальной безопасности. Разумеется, было бы странным, если бы он изменил своему обыкновению в связи со столь деликатным вопросом. Кроме того, мне кажется, вскоре в результате своеобразного государственного переворота Касавубу сместил Лумумбу с поста премьер-министра. Тогда мне пришла в голову мысль: уж не было ли то, что я слышал, прямым приказом к этой акции. Все, о чем я могу сейчас с уверенностью рассказать, это о чувствах, охвативших меня тогда в зале заседания в Белом доме». Джонсон «полагает», что президент повернулся в сторону директора ЦРУ и после этого сделал свое заявление. Более точно слов президента он вспомнить не может.

Вопрос комиссии: (...) Правильно ли будет сказать, что, хотя вы и допускаете возможность, что дискуссия касалась государственного переворота или политической акции более общего характера, у вас тем не менее было ясное впечатление, что вы слышали приказ убить Лумумбу?

Джонсон: У меня в то время было на этот счет ясное впечатление.

Вопрос: И таким оно остается сегодня?

Джонсон: И таким оно остается сегодня. Я подумывал и о другой возможности, но это ощущение (...) сохраняется.

Этот эпизод произвел на Джонсона сильное впечатление: «Я никогда не ожидал услышать от президента чего-либо подобного в своем присутствии или в присутствии нескольких человек. Я был ошеломлен».

Сенатор Матиас кратко резюмировал показания Джонсона:

(...) Следовательно, вы помните если не точные слова, то по меньшей мере вашу собственную реакцию на президентский приказ, который вы сочли приказом об убийстве.

Джонсон: Это точно.

Сенатор Матиас: И хотя за прошедшие с тех пор 15 лет вы забыли точные слова, чувство потрясения остается?

Джонсон: Да, это так.

После заседания Джонсон, отвечавший за редакцию протокола, проконсультировался с одним из высокопоставленных сотрудников Совета национальной безопасности по поводу того, каким образом следует отразить заявление президента в протоколе Совета национальной безопасности и в Совете планирования национальной безопасности, которые составлялись после каждого заседания: «Кажется, — точно не помню, — я его опустил. Не помню также, каким образом был изложен данный вопрос в протоколе заседания, хотя, мне думается, какая-то ссылка на заявление президента в нем содержалась».

Давая второй раз показания комиссии, Джонсон сказал, что «весьма вероятно, что оно (заявление президента) было изложено иносказательно либо полностью опущено». Он говорит, что его показания, взятые отдельно, служат «скорее признаком, нежели очевидным доказательством причастности президента к принятию решения, касающегося убийства». Этот признак следует рассматривать в соответствующем контексте: вместе с протоколами заседаний Совета национальной безопасности, на которых присутствовал Джонсон, свидетельскими показаниями об этих заседаниях, вместе с фактами, которые предшествовали отправке в Конго ядовитых веществ для умерщвления Лумумбы. Тогда можно будет судить о его значимости.

В течение лета 1960 года Джонсон участвовал в четырех заседаниях Совета национальной безопасности, где обсуждалась обстановка в Конго. Президент отсутствовал дважды — 15 и 21 июля. Отношение к Лумумбе во время двух первых заседаний было весьма отрицательным.

ОСТАВИТЬ В КОНГО ВОЙСКА ООН

Два других заседания Совета национальной безопасности, 18 августа и 7 сентября, проходили под председательством президента. Просмотрев протоколы этих двух

заседаний, Джонсон не смог с уверенностью сказать, на каком из них он слышал заявление президента.

Заседание 18 августа совпало с началом ряда событий, предшествовавших отъезду Шейдера в Леопольд-вилль с ядами для организации убийства Лумумбы. Заседание 7 сентября происходило во время этих событий.

Заседание Совета национальной безопасности 18 августа 1960 г. состоялось за три недели до того, как Касавубу сместил Лумумбу. Джонсон считает, что оно происходило «вскоре» после того, как он слышал заявление президента. Единственное другое заседание, когда бы Джонсон мог слышать это заявление, состоялось спустя два дня после смещения, то есть 7 сентября.

В отчете Роберта Джонсона о заседании 18 августа 1960 г. говорится, что дискуссию по вопросу о политике США в Конго открыл исполняющий обязанности государственного секретаря Дуглас Диллон¹. Диллон утверждал, что присутствие американских войск в Конго было необходимо, чтобы предотвратить вмешательство СССР, которого требовал Лумумба: «Если бы (...) Лумумба осуществил свою угрозу изгнать из Конго силы ООН, он мог бы в этот момент согласиться на любую помощь (...). Вывод войск ООН явился бы бедствием, которому мы должны были помешать любой ценой. Если бы силы ООН вынуждены были эвакуироваться, мы могли бы оказаться перед лицом такой ситуации, когда бы Советский Союз вмешался по просьбе Конго». [...]

Замечания Диллона вызвали единственный комментарий президента по поводу Лумумбы, отмеченный в протоколе заседания от 18 августа: «Президент сказал, что возможность изгнания сил ООН из Конго просто не постижима. Нам следовало бы оставить силы ООН в Конго, даже если бы для этого потребовались европейские войска. Нам следовало бы действовать таким образом, даже если бы это послужило для Советского Союза поводом развязать конфликт. Диллон обратил внимание на то, что такова точка зрения госдепартамента, но что Генеральный секретарь ООН и Лодж² считают, что силы

¹ В 1960 году Диллон занимал пост заместителя государственного секретаря. На этом посту Диллон часто исполнял обязанности государственного секретаря и участвовал в заседаниях Совета национальной безопасности или получал информацию о том, что на этих заседаниях происходило. Позднее Диллон был министром финансов в администрации президента Кеннеди.

² В то время Кэбот Лодж занимал пост постоянного представителя Соединенных Штатов при ООН.

ООН не смогут оставаться, если Конго будет категорически против этого. В ответ президент заявил, что Лодж ошибается, коль скоро речь идет об одном-единственном человеке, действующем в Конго против нас, то есть о Лумумбе, поддерживаемом Советским Союзом. По мнению президента, нет оснований считать, что конголезцы выступают против поддержки ООН и не желают сохранения порядка. Диллон повторил, что такова точка зрения госдепартамента на этот вопрос. Положение, которое могло бы создаться в результате ухода войск ООН, просто невыносимо».

В таком изложении заявление президента ни в коей мере не подразумевает приказа об убийстве Лумумбы. Но оно подчеркивает, какое значение президент придавал Конго: президент был настолько озабочен положением в Конго, что готов был даже идти на риск возможного конфликта с СССР. Он считал, что Лумумба — «единственный человек», несущий ответственность за это положение.

«СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ ОТ НЕГО ИЗБАВИТЬСЯ»

Ознакомившись с документами Совета национальной безопасности и свидетельством Роберта Джонсона, Дуглас Диллон считает, что «заседание Совета национальной безопасности, цитируемое Джонсоном, — это заседание от 18 августа 1960 г.». Между тем Диллон не помнит никакого «прямого приказа» президента убить Лумумбу. Он говорит, что президент выразил свое отношение к Лумумбе, «вероятно, под влиянием общего впечатления, сводившегося к тому, что Лумумба — это человек, с которым очень трудно, а то и вовсе невозможно договориться, и поэтому человек, опасный для мира и безопасности. Вот почему президент сказал, что мы должны сделать все, чтобы от него избавиться. Я не уверен в том, что воспринял эти слова в качестве прямого приказа, как это, очевидно, сделал Джонсон. И я думаю, что другие лица, присутствовавшие на заседании, могли, вероятно, интерпретировать слова президента иначе».

Вопрос: Слышали ли вы, чтобы в отношении Лумумбы президент сказал: «Избавимся от него» или «Будем немедленно действовать в этом направлении»? Диллон: Этого я не помню. Но таково было в то вре-

мя общее настроение правительства, и такого не могло бы быть, если бы президент не был с этим согласен.

Диллон считает, что такое заявление «не было прямым приказом к убийству». Но, по его мнению, «вполне возможно», что Аллен Даллес расценил резкое выражение президента «избавиться» в качестве санкции на подготовку плана убийства: «Я полагаю, что Аллен Даллес весьма благосклонно отнесся к тому, что он счел косвенным разрешением, ибо он был уверен в том, что нам не следует прямо вмешивать президента в подобного рода дела. И он был полностью готов лично взять на себя ответственность, чего не делали некоторые из его преемников. Зная Аллена Даллеса, я думаю, что это звучит в высшей степени неубедительно».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИССЕЛА

По мнению Биссела, ЦРУ, располагая целым комплексом самых разнообразных средств, бесспорно пользовалось преимущественными возможностями избавиться от Лумумбы: «либо уничтожив его физически, либо выведя из строя, либо, наконец, лишив его политического влияния». В качестве «превосходного примера» описательных выражений, какими пользовались в официальных правительственных кругах при обсуждении таких вопросов, как убийство, Биссел приводит протокол заседания Специальной группы от 25 августа.

Биссел: Если сказано, что никакое средство не исключено, то смысл вполне очевиден, он очевиден для всех присутствующих (...). Это значит, что, если необходимо прибегнуть к убийству, такой способ допустим. Подобных выражений никто не употребляет, но это равносильно тому, как если бы директору сказали: «Убери-ка этого типа, и если необходимо прибегнуть к крайним средствам, в том числе и к убийству, действуй».

Биссел добавил, что документ от президента «действительно» был передан Даллесу представителем Эйзенхауэра Гордоном Греем. [...]

Что касается дискуссии с Даллесом о том, откуда идет санкция уничтожить Лумумбу, то Биссел заявил: «Я считаю маловероятным, чтобы Аллен Даллес упомянул «президента» или «президента Эйзенхауэра» даже мне. Я думаю, что, вероятнее всего, он сказал, что это санкционировано на самом высоком уровне, и я понял, о чем идет речь».

На вопрос о том, располагал ли он достаточной властью, чтобы идти дальше одного только замысла или подготовки убийства, иначе говоря, для того чтобы отдать приказ для его осуществления, Биссел ответил: «Я считал, что располагаю».

Наш консул в Санто-Доминго

*Материал подготовлен
Люсьеном Ковальсоном*

Отношения Соединенных Штатов с Санто-Доминго всегда были сложными. США долго рассматривали этот остров как свою колонию или протекторат. Они, например, полностью контролировали таможни, финансы и администрацию острова. С 1916 по 1924 год американские войска оккупировали его территорию. В столице острова, городе Санто-Доминго, обосновалось американское военное представительство.

Оккупационным войскам пришлось противостоять местному партизанскому движению, боровшемуся против иностранного вторжения. Для борьбы с повстанцами американцы создают доминиканскую национальную полицию. Им нужны люди из местного населения. В 1919 году некий молодой доминиканец поступает на службу в полицию. В 1926 году в чине подполковника он становится начальником полиции. Имя его — Рафаэль Леопидас Трухильо-и-Молина. Очень скоро, в 1928 году, он уже начальник штаба армии. В это время ему было 37 лет.

В 1930 году в результате сфальсифицированных выборов, устрашения или убийства своих соперников Трухильо захватывает власть. Его безраздельное господство продолжалось 31 год.

Санто-Доминго с его богатыми сельскохозяйственными ресурсами (сахар, какао) становится как бы прообразом латиноамериканской диктатуры — мрачной и чрезвычайно пышной. Трухильо берет под свой контроль плантации, до тех пор находившиеся в руках американцев. Подкуп, убийства, подстроенные банкротства — таковы его методы. Постепенно он сколачивает для себя и своей семьи огромное состояние. Малейшая оппозиция

выкорчевывается с корнем. Преследования и пытки становятся обычной практикой. Один из сыновей Трухильо, Рамфис, собирает коллекцию фотографий замученных оппозиционеров. Американцы неизменно поддерживают Трухильо.

В 1959 году с Кубы бежит диктатор Батиста. Власть на Кубе берет в свои руки Фидель Кастро. Он заявляет о своем намерении покончить с прогнившими диктаторскими режимами в бассейне Карибского моря. Перед лицом новой волны революционного движения в Латинской Америке американцы не решаются дальше поддерживать режим, дискредитировавший себя во всем мире.

Начиная с февраля 1960 года в высших инстанциях администрации президента Эйзенхауэра стали разрабатывать секретную программу помощи противникам режима Трухильо. В апреле 1960 года Эйзенхауэр одобрил план срочных мер, который, среди прочего, предусматривал, что, в случае ухудшения обстановки в Доминиканской Республике, «(...) Соединенные Штаты, как только будет найден подходящий преемник, готовый взять власть, немедленно начинают действовать с целью свержения Трухильо. Этот преемник получит заверение от США, что ему будет оказана поддержка — политическая и экономическая, а в случае необходимости — и военная»¹.

В то же время Соединенные Штаты пытаются организовать в Латинской Америке оппозицию революционной власти на Кубе во главе с Фиделем Кастро. Некоторые латиноамериканские политические деятели, такие как президент Венесуэлы Бетанкур, настаивали на том, чтобы Соединенные Штаты приняли меры против режима Трухильо. [...]

Одним из предвестников близящегося краха Трухильо явилась открытая оппозиция церкви, начавшаяся в январе 1960 года. До той поры верная опора режима (одним из его девизов были слова: «Бог и Трухильо — вот моя вера»), церковь вдруг открыто выступила про-

¹ Меморандум государственного секретаря Гертера на имя президента (от 14 апреля 1960 г.); письмо Гертера министру обороны Гейтсу свидетельствует о согласии президента (от 21 апреля 1960 г.).

тив него. Приводим репортаж Клода Жюльена, напечатанный в газете «Монд» 5 августа 1960 г.:

«31 января 1960 г. во всех церквях страны священники огласили пасторское послание — самое резкое осуждение диктатуры Трухильо, когда-либо звучавшее внутри страны. Выдержанное в евангелическом духе, это послание заканчивалось следующими словами: «Мы молим бога, чтобы семье Трухильо не пришлось изведать тех страданий, какие сегодня в нашей стране выпали на долю столь многих отцов семейств, их жен и детей».

Трухильо ответил на этот неожиданный выпад ударом, который выразился в том, что он:

- добровольно стал крестным отцом новорожденных малюток, лично проводив их до купелей;
- срочно направил своего министра иностранных дел в Ватикан. Безрезультатно;
- 21 февраля организовал стихийную демонстрацию 200 тыс. верующих (своих верных приверженцев);
- разослал 84 видным доминиканским деятелям письма, предложив им основать оппозиционную партию. Безуспешно.

Несколько месяцев спустя, в июне, Трухильо потребовал изгнания из страны папского нунция Занини, обвинив его в том, что он инспирировал пасторское послание».

ТЕЛЕФОН

Весной 1960 года посол Соединенных Штатов в Санто-Доминго — Фарленд установил контакт с группой лиц, оппозиционных режиму Трухильо. Группа состояла из проамерикански настроенных деятелей умеренного толка и стремилась к установлению в стране демократического режима¹. Прежде чем окончательно покинуть Доминиканскую Республику в мае 1960 года, американский посол представил этих оппозиционеров своему заместителю Генри Дирборну и дал им понять, что они могут относиться к нему с доверием. 16 июня 1960 г. штаб-квартира ЦРУ телеграммой попросила Дирборна взять на себя роль «телефона» между доминиканскими оппози-

¹ Это не однородная по составу группа, с которой были установлены контакты; в различных телеграммах, письмах и меморандумах именуется «оппозиционеры»; этот термин мы здесь и употребляем.

ционерами и ЦРУ. В телеграмме подчеркивалось, что помощник государственного секретаря Работтом полу-официально одобряет такого рода работу.

Дирборн дает свое согласие. Однако он просит ЦРУ подтвердить, что Соединенные Штаты готовы оказать оппозиции «секретную» поддержку, с тем чтобы «в действие вступили силы, способные свергнуть Трухильо», но не собираются «непосредственно вмешиваться в какие-либо акции против Трухильо до тех пор, пока власть последнего в Доминиканской Республике будет оставаться прочной».

Штаб-квартира ЦРУ выражает свое согласие с интерпретацией Дирборна.

[...] Документы показывают, что одно время ЦРУ собиралось спустить на парашютах в Санто-Доминго партию винтовок. 21 июня 1960 г. во время беседы с чиновником латиноамериканского отдела ЦРУ Фарленд, должно быть, предложил обеспечить транспортировку сброшенного оружия.

Вместе с тем документы свидетельствуют, что в конце июня 1960 года заместитель государственного секретаря Рой Р. Работтом имел встречу с начальником латиноамериканского отдела ЦРУ полковником Кингом. Кинг, по-видимому, хотел выяснить у заместителя государственного секретаря, «какими пределами американское правительство намерено ограничить свою причастность к свержению режима Трухильо». Кинг задал несколько вопросов, и в частности следующий: «Могут ли Соединенные Штаты поставить некоторое количество винтовок (или другого оружия), чтобы обеспечить исчезновение ряда лиц, занимающих у Трухильо ключевые позиции?» Если верить Кингу, то Работтом должен был ответить «да» (меморандум ЦРУ, 28 июня 1960 г.).

«СТЕРИЛЬНЫЕ» ВИНТОВКИ

1 июля 1960 г. исполняющему обязанности директора ЦРУ генералу Кэбелу был направлен меморандум, который за отсутствием полковника Кинга подписал его заместитель. В меморандуме сообщалось, что один из лидеров оппозиции (режиму Трухильо) просил посла Фарленда снабдить его оружием, которое, по всей вероятности, «будет использовано против сторонников режима Трухильо». В меморандуме рекомендовалось предо-

ставить указанное оружие, поскольку падение Трухильо, по-видимому, неизбежно, а правительство Соединенных Штатов заинтересовано поддерживать самые тесные отношения с оппозицией. «Предоставляя оружие, мы делаем важный шаг в этом направлении» (меморандум ЦРУ, 1 июля 1960 г.).

В меморандуме сказано, что оппозиционерам в самом Санто-Доминго будет предоставлено 12 «стерильных»¹ винтовок, каждая из которых снабжена оптическим прицелом, и 500 патронов. В четвертом параграфе меморандума говорится: «Согласие на поставку этого оружия дано помощником государственного секретаря Роем Работтомом, который требует, чтобы оппозиционеры получили его возможно скорее».

Меморандум начальника латиноамериканского отдела ЦРУ был согласован с начальником отдела Оперативного управления Ричардом Хелмсом и одобрен генералом Кэбелом. Тип оружия («стерильные» винтовки с оптическим прицелом) и тот факт, что оно, безусловно, предназначалось для использования против видных деятелей режима Трухильо, убедительно показывают, какие «цели» брались на мушку.

1 июля 1960 г. телеграммой штаб-квартиры ЦРУ Дирборн был извещен о попытке сбросить на доминиканскую территорию с парашютом 12 винтовок с оптическим прицелом. В телеграмме запрашивалось, в состоянии ли оппозиционеры привести в порядок прицелы.

В ответе от 14 июля 1960 г. Дирборн сообщает, что оппозиционное руководство возражает против какого-либо выступления в Доминиканской Республике до тех пор, пока Организация американских государств (ОАГ) не одобрит венесуэльской резолюции, осуждающей Трухильо. Оппозиционеры считали, что решительная позиция ОАГ могла способствовать падению Трухильо и без их вмешательства.

Телеграммой от 26 августа 1960 г. Дирборн сообщал помощнику заместителя государственного секретаря Лестеру Мэллори о беседе, состоявшейся между одним из лидеров оппозиции и сотрудником консульства. Оппозиционный лидер уже не верил в попытку убийства и говорил о вторжении в страну со стороны Венесуэлы. Меж-

¹ «Стерильная» винтовка — это оружие, происхождение которого невозможно установить, поскольку на нем не обозначено ни номера, ни фабричной марки.

ду тем 1 сентября оппозиционеры вновь требовали оружия. На сей раз речь шла о 200 винтовках. В последующие месяцы говорилось о 200—300 винтовках. [...]

«МОЛИТЕСЬ, ЧТОБЫ ТРУХИЛЬО УМЕР»

Летом 1960 года оппозиция режиму Трухильо росла по всей Латинской Америке. В июне его эмиссары совершают покушение на жизнь президента Венесуэлы Бетанкура. ОАГ принимает вотум недоверия правительству Трухильо, а в августе 1960 года США решают порвать дипломатические отношения с Доминиканской Республикой и объявить ей эмбарго. Американское посольство в Санто-Доминго закрывается. Почти весь его персонал, включая и резидента ЦРУ, покидает Доминиканскую Республику.

В июне 1960 года в Каракасе рядом с проезжавшим автомобилем президента Бетанкура взорвалась бомба. Президент Венесуэлы получил серьезные ожоги, три человека были убиты. Начальник доминиканской службы безопасности — полковник Гарсиа быстро был изобличен как организатор покушения. Эта акция вызвала возмущение общественности Латинской Америки. ОАГ при поддержке Соединенных Штатов поставила Трухильо к позорному столбу. В результате эта организация оказалась всецело под контролем Вашингтона.

После отъезда резидента фактическим представителем ЦРУ в Санто-Доминго оказался Дирборн. Впрочем, это признали одновременно и ЦРУ, и государственный департамент. Даже после прибытия в январе 1961 года нового резидента Дирборн продолжает выполнять функции агента по связи с доминиканской оппозицией.

Дирборн приходит к выводу, что было бы совершенно бесполезным пытаться свергнуть существующий в Доминиканской Республике режим, не решив вопрос об убийстве Трухильо. Своим мнением он поделился с ЦРУ и с госдепартаментом. В июле 1960 года Дирборн писал помощнику государственного секретаря США Работтому, что оппозиционеры «(...) в данный момент отнюдь не готовы предпринять какую-либо решительную акцию — разве что это будет убийство их главного врага».

Комиссии не удалось установить, в какой степени сведения, предоставленные Дирборном госдепартаменту, могли стать известными высшим государственным инстанциям. Во всяком случае, до августа 1960 года внутри латиноамериканского отдела госдепартамента только помощник государственного секретаря Работтом, его помощник Лестер Мэллори и начальник личного состава были в курсе «проектов» Дирборна.

В сентябре 1960 года должность помощника государственного секретаря по латиноамериканским делам вместо Роя Работтома занимает Томас Манн, а начальник личного состава становится его помощником. В период пребывания на этом посту указанный помощник, по-видимому, 80% своего времени занимался координацией совместных действий ЦРУ и госдепартамента в Латинской Америке. В этой связи он постоянно находился в контакте с сотрудниками латиноамериканского отдела ЦРУ на местах.

Манн просил Дирборна изложить свою точку зрения на заговор против Трухильо. В своем пространном письме Дирборн приходит к следующему выводу: «Последний пункт, говорить о котором, вероятно, мне бы не следовало. Дело в том, что было бы лучше — для нас, для ОАГ и для Доминиканской Республики, — если бы доминиканцы покончили с Трухильо прежде, чем он сумеет ускользнуть. Если он останется на свободе в изгнании, то, имея миллионы, он употребит всю свою энергию, чтобы не допустить образования в Доминиканской Республике устойчивого правительства. Будь я доминиканцем — благодаренье богу, я им не являюсь, — я всецело одобрил бы план уничтожения Трухильо как первый необходимый шаг для спасения детей страны, и это я считал бы моим христианским долгом. Вспомните Дракона: пришлось всадить нож ему в сердце, чтобы положить конец его преступлениям. Внезапная смерть в любом случае более гуманна, нежели то, что предложил мне однажды папский нунций, который считал нужным молить бога, чтобы тот ниспослал Трухильо смерть от затяжной и мучительной болезни».

МЕДЛЕННОЕ ОТРАВЛЕНИЕ

[...] Секретный меморандум ЦРУ, датированный 3 октября 1960 г., озаглавлен «Планы свержения правительства Трухильо, представленные доминиканской оппози-

цией и нашей резидентурой в Санто-Доминго». В меморандуме излагается несколько проектов, «разработанных в экспериментальном порядке, но представляющих осуществимыми (...) и приемлемыми для участия в них ЦРУ секретно, с минимальным риском». Эти проекты, в числе прочего, включали:

«Доставку в надежный тайник на южном побережье острова, примерно в 14 милях восточнее Сьюдад-Трухильо, около 300 ружей и пистолетов, а также боеприпасов и гранат.

Доставку в указанное место электронного детонатора с дистанционным управлением, который может быть использован оппозиционерами для *устранения ряда ведущих деятелей режима Трухильо*. Для этой операции пришлось бы подготовить доминиканцев, а следовательно, нелегально переправить на остров компетентного инструктора, который отладил бы бомбу и детонатор» (меморандум ЦРУ от 3 октября 1960 г.).

29 декабря Специальная группа одобрила широкий план секретной помощи силам, выступающим против Трухильо. Этот план, представленный Бисселом, предусматривал помощь как доминиканцам, находящимся в эмиграции, так и оппозиционерам, оставшимся у себя в стране. Предполагалось выделить средства эмигрантским группам для развертывания пропагандистской кампании против Трухильо и для оснащения специальной яхты, которая вела бы действия полувоенного характера. Биссел обратил внимание Специальной группы на то, что «сам по себе этот план быстро не может дать желаемых результатов, так как он не предусматривает нанесения решающего удара лично Трухильо».

12 января 1961 г. Специальная группа¹ собралась в полном составе: «Мерчант разъяснил, что государственный департамент считает, что оппозиционеров Санто-Доминго следует снабдить ограниченным количеством легкого оружия и другим снаряжением. По мнению Паррота, ЦРУ в состоянии организовать это дело, соблюдая полную безопасность, но оппозиционерам придется взять на себя транспортировку оружия на самом острове. Группа одобряет данный проект» (запись Специальной группы от 12 января 1961 г.).

¹ В то время в ее состав входили: заместитель государственного секретаря Ливингстон Мерчант, помощник президента по вопросам национальной безопасности Гордон Грей, заместитель министра обороны Джон Н. Ирвин и директор ЦРУ Аллен Даллес.

[...] Во время встреч в Нью-Йорке 10 и 15 февраля 1961 г. с представителями ЦРУ руководители оппозиции настаивали на том, что «ключ к успеху заговора — убийство Трухильо». Они требовали от ЦРУ, среди прочего:

- опытных агентов ФБР для подготовки и осуществления убийства Трухильо;
- фотографических аппаратов и инструментария для извлечения пуль;
- отравляющего вещества замедленного действия, которое можно было бы растереть на ладони и, ударив Трухильо, перенести на него. Тогда он мог бы умереть в результате медленного отравления;
- звукоглушителей для винтовок, убивающих с дистанции в несколько миль.

В числе других методов, предложенных оппозиционерами на этих встречах, фигурировали отравление пищи или медикаментов Трухильо, устройство засады с последующим использованием винтовок и гранат, где объектом нападения был бы автомобиль Трухильо.

Судя по февральскому меморандуму ЦРУ, «последняя находка» оппозиционеров состояла в том, чтобы поместить мощную бомбу на пути Трухильо, по которому он совершает свою вечернюю прогулку, и взорвать ее с помощью электрического устройства, расположенного поблизости.

13 марта 1961 г. один из оппозиционеров просил предоставить осколочные гранаты для использования их на следующей же неделе. Просьба поступила в штаб-квартиру ЦРУ 14 марта, а на другой день поступила уже другая просьба: о 50 гранатах, пяти скорострельных винтовках и десяти 64-мм противотанковых ракетах.

Этот новый запрос также был сообщен штаб-квартире. Нет оснований утверждать, что доминиканские оппозиционеры действительно получили это оружие.

ТРИ АНАНАСА ДЛЯ «ПИКНИКА»

Документы убедительно показывают, что сотрудник госдепартамента был в курсе и других событий. В письме от 16 марта 1961 г., где речь идет о «пикнике», Дирборн жалуется этому сотруднику на подавленное настроение: «(...) Члены нашего клуба намерены устроить пикник, но им не хватает приправы к салату. Недавно

они уже организовали пикник, который мог бы удасться, если бы члены клуба нашли необходимые закуски. Они попросили у нас всего несколько сандвичей, а мы отказываемся их предоставить. На прошлой неделе им нужно было для прогулки три-четыре ананаса, но полученные мною указания не позволяют снабдить их этими фруктами. Дело не в том, что у меня не было желания. Я действую по инструкциям, в которых сказано, что приправа для салата будет предоставлена не там, где состоится пикник, и что доставить ее — забота другого клуба».

Ознакомившись с этим письмом и телеграммами от 14 и 15 марта, Дирборн, давая показания следственной комиссии, высказал предположение, что под «ананасами» безусловно имелись в виду требуемые гранаты, а слова о приправе для салата, которая будет предоставлена в другом месте, вероятно, были ссылкой на решение Специальной группы от 12 января о том, чтобы оружие было предоставлено вне территории Доминиканской Республики. [...]

В телеграмме от 26 марта 1961 г. резидентура в Санто-Доминго просит штаб-квартиру о разрешении передать оппозиционерам три карабина калибра 30 мм типа МЗ. Они были оставлены непосредственно в консульстве сотрудниками морского ведомства после того, как в августе 1960 года Соединенные Штаты порвали с Доминиканской Республикой дипломатические отношения. Дирборн заявил комиссии, что он был в курсе дела и не возражал. 31 марта 1961 г. штаб-квартира телеграфировала свое одобрение.

7 апреля 1961 г. карабины были переданы одному из членов группы действия. Впоследствии их обнаружили у Антонио де Ла Маса, одного из исполнителей. Дирборн и резидент утверждают, что передача этих карабинов рассматривалась как чисто символический жест, как моральная поддержка Соединенными Штатами оппозиционеров, стремившихся свергнуть Трухильо. [...]

Мысль поместить автомат типа МЗ в чемодан была подсказана штаб-квартире резидентурой 10 февраля 1961 г. В марте — аналогичная просьба, но ничего не сделано. 20 марта 1961 г. резидентура передает просьбу оппозиционеров о передаче им пяти автоматов МЗ (или аналогичного оружия). Оппозиционеры просят, чтобы это оружие было доставлено дипломатической почтой или подобным способом. По-видимому, они опасались дополнительных трудностей, связанных со сбрасыванием на

парашюте или с передачей в открытом море. В своей телеграмме резидентура ясно оговаривает, что оружие предназначено для использования при попытке убить Трухильо. В соответствии с этим планом убийство должно было произойти в квартире его любовницы. В телеграмме указывается:

НЕОБХОДИМО ПЯТЬ МЗ ИЛИ ПОДОБНЫХ АВТОМАТОВ И 1500 ПАТРОНОВ ДЛЯ ОБОРОНЫ, ЕСЛИ БУДЕМ АТАКОВАНЫ. ДЛЯ ГЛАВНОГО ИСПОЛЬЗУЕМ БЕСШУМНОЕ ОРУЖИЕ.

С точки зрения штаб-квартиры момент для убийства выбран неподходящий. Поспешные или плохо скоординированные действия могли привести к установлению левого режима кубинского типа, и сам по себе факт избавления от Трухильо способен породить больше проблем, чем решить. Штаб-квартира выражается определенно:

(...) мы должны стремиться избежать поспешных действий оппозиционеров до тех пор, пока оппозиция и штаб-квартира не смогут лучше подготовить убийство¹, обеспечить подходящую замену нынешнему режиму и уладить последствия

(телеграмма ЦРУ, штаб-квартира — резидентуре, 24.3.61).

В телеграмме сообщалось также, что штаб готов передать оппозиционерам автоматы и патроны, когда они будут в состоянии их получить, но что из соображений безопасности американский транспорт не может быть использован.

Вскоре, 6 апреля 1961 г., один из сотрудников резидентуры едет в Вашингтон для консультаций со штаб-квартирой. В своем докладе о положении дел он подчеркивает «(...) настойчивость лидеров оппозиционной группы, требующих, чтобы их обеспечили определенным количеством легкого оружия для самообороны (речь идет конкретно о пяти МЗ)» (архив ЦРУ, 11.4.61).

7 апреля 1961 г. просьба и документ о праве нарушить правила пользования дипломатической почтой были предоставлены. В просьбе уточнялось, что в чемодан в первую очередь будут положены «4 автомата МЗ и 240 патронов, которые поступят небольшой группе оппозиционеров для их самообороны».

¹ Текст телеграммы проверялся: слово «убийство» было восстановлено ЦРУ.

В просьбе, адресованной начальнику латиноамериканского отдела, говорилось также следующее: «Мы пришли к выводу, что было бы желательным передать это имущество группе действия с единственной целью заручиться постоянным сотрудничеством этого важного движения. Его участники должны верить решимости ЦРУ выполнить взятые на себя перед ними обязательства. В январе 1961 года мы обязались предоставить им определенное количество оружия и поддержать при условии, что они сами изыщут средства получить это оружие. Обстоятельства сложились так, что они не смогли организовать получение оружия по обычным секретным каналам: путем сбрасывания с парашюта или передачи в открытом море».

Просьба о нарушении правил получила одобрение начальника Оперативного управления Ричарда Биссела 10 апреля 1961 г.

В тот же день Уолтер Элдер, заместитель начальника управления, подписал меморандум о том, что «без личного разрешения Даллеса сбрасывание на парашютах листовок или оружия в Доминиканскую Республику запрещается» (меморандум Элдера от 10 апреля 1961 г.)¹.

Из меморандума Элдера следует, что Даллес не знал о том, что сбрасывание оружия на парашютах было сочтено неосуществимым и была одобрена отправка его дипломатической почтой. Резидентура в Санто-Доминго получила почту с оружием 19 апреля 1961 г.

14 февраля 1961 г., до отправки оружия, но спустя месяц после общего одобрения, данного администрацией Эйзенхауэра, члены Специальной группы — Макнамара, Гилпатрик, Боулс, Банди, Даллес и генерал Кэбел — собрались на совещание. В протоколе этого совещания указывается: «Для новых членов Специальной группы² Даллес с помощью Биссела резюмировал, что было сделано в истекшем году их предшественниками, и перечислил важ-

¹ В своих показаниях Элдер утверждает, что этот документ, посланный за неделю до событий в заливе Кочинос, то есть до вторжения на Кубу, имел целью избежать того, чтобы «был сбит какой-либо подозрительный самолет и в Доминиканской Республике произошло что-либо необычное».

² После избрания президента Кеннеди состав Специальной группы был обновлен. Только директор ЦРУ Аллен Даллес сохранил за собой свой пост.

ные проекты, разработанные до начала 1960 года и подлежащие дальнейшему осуществлению».

В ходе обсуждения в числе многих других был поднят вопрос о *Доминиканской Республике*. Банди предлагает подготовить для высших инстанций доклад о том, «что мы можем сделать в пользу режима, который станет преемником Трухильо».

Это предложение Банди позволяет думать, что Даллес и Биссел разъяснили новым членам Специальной группы проблему Санто-Доминго.

Неясным в протоколе заседания 14 февраля (как, впрочем, и в протоколе заседания 12 января) остается вопрос о том, до какой степени Специальная группа была в курсе тех методов, которые оппозиционеры намеревались использовать для свержения режима Трухильо. Комиссии неизвестно, были ли новые члены Специальной группы предупреждены о намерении оппозиционеров убить Трухильо. Неизвестно ей также и то, была ли Специальная группа проинформирована относительно позиции представителя госдепартамента в Санто-Доминго. Последний придерживался мнения, что лишь через убийство Трухильо возможно свержение доминиканского правительства.

В своих показаниях Биссел не может вспомнить подробности заседания 14 февраля и не может сказать, обсуждались ли на нем методы, рекомендованные оппозиционерами для свержения Трухильо. Роберт Макнамара, один из новых членов Специальной группы, тоже точно ничего не припоминает относительно дискуссии по поводу Санто-Доминго. Не помнит он и о том, кто именно, Даллес или Биссел, упоминал о плане оппозиционеров убить Трухильо.

15 февраля 1961 г. государственный секретарь представил президенту меморандум в ответ на его вопрос о том, что было сделано для обеспечения порядка при взятии власти, «если падение Трухильо произойдет»: «Наши представители в Санто-Доминго установили контакт, рискуя и подвергая опасности всех, со многими лидерами нелегальной оппозиции (...), и (...) ЦРУ недавно получило разрешение передать им легкое оружие и материал для диверсионных актов, сделав это вне пределов территории Доминиканской Республики».

Эта ссылка на разрешение предоставить оружие свидетельствует о том, что Дин Раск располагал информацией о положении в Доминиканской Республике и о решении

снабдить оружием оппозиционные Трухильо силы, принятом Специальной группой в январе 1961 года.

В течение переходного периода помощник государственного секретаря по межамериканским делам Томас Манн, его помощник и посол по особым поручениям Уильям Кэрр все время были на своих постах. Ни один из документов, представленных комиссии, не указывает на то, что государственный секретарь Дин Раск или его заместитель Боулс получили точную информацию о намерении оппозиции убить Трухильо. Однако Совет по межамериканским делам безусловно знал об этих намерениях. Дин Раск действительно заявил комиссии, что лично он не был предупрежден.

17 февраля 1961 г. Ричард Биссел направил Макджорджу Банди меморандум о положении в Доминиканской Республике. В то время Банди был советником президента Кеннеди по вопросам национальной безопасности. В этом документе, затребованном Банди для «вышестоящих инстанций», принималось во внимание по-прежнему остававшееся в силе разрешение, данное Специальной группой, предоставить доминиканским оппозиционерам оружие и необходимые материалы. Указанный документ подтверждает, что они были информированы о том, что Соединенные Штаты готовы предоставить это оружие и материалы, как только они смогут их принять.

Документ указывает также, что оппозиционеры посвятили ЦРУ «в план своих действий, который, по их словам, можно было бы реализовать, если бы их снабдили оружием на 300 человек, взрывчаткой и детонаторами с дистанционным устройством». Разные свидетели утверждали, что, взятый изолированно, факт обеспечения оружием 300 человек наводит на мысль об акции «без определенной цели» (иначе говоря, о вооруженном выступлении или мятеже, в отличие от покушения на конкретное лицо).

По поводу данного меморандума Биссел заявил комиссии: «(...) Совершенно очевидно, что в момент подготовки этого документа для Банди я знал, что оппозиционеры предполагали — и уже давно — убить Трухильо. На этот счет их просьба, высказанная семь или восемь месяцев назад, не оставляла никаких сомнений, так что здесь для меня не было ничего нового».

Отвечая на вопрос, почему в меморандуме не указывается, что оппозиционеры намеревались убить Трухильо, Биссел сказал: «Господин председатель, я не могу вам этого объяснить. Я уже не помню, какими мотивами ру-

ководствовался в то время: потому ли, что все были в курсе дела и я считал излишним к этому возвращаться, или же — как вы намекаете, — потому, что пытался что-то утаить. Я был бы крайне удивлен, если бы руководствовался этим последним мотивом».

На вопрос, почему в резюме от 17 февраля 1961 г. нет никаких сведений о том, каким образом оппозиционеры могли использовать оружие, Биссел ответил: «(...) Мне кажется, что ошибка ЦРУ — если, разумеется, им была допущена ошибка — состояла в том, что не было черным по белому записано, что план оппозиционеров включал попытку убийства».

Документ, составленный по инициативе Банди, заканчивался предположением, что вскоре может произойти резкое столкновение между Трухильо и силами оппозиции, «которое приведет либо к ликвидации Трухильо и его клики, либо к устранению сил оппозиции». При такой ситуации появилось опасение, что время, установленное для передачи оружия оппозиционерам, окажется не самым благоприятным, и поэтому было рекомендовано подыскать тайник для помещения в нем оружия и необходимых материалов.

ЧЕРНОВИКИ

Таким образом, в середине февраля 1961 года в самых верхах новой администрации (и выражение «вышестоящие инстанции», употребленное Банди, по-видимому, предполагает самого президента Кеннеди) знали о сохранявшем силу решении Специальной группы предоставить оружие и боевые материалы. Это решение, полученное как бы в наследство от Специальной группы, никем не пересматривалось. Отсюда, следовательно, есть все основания заключить, что новая администрация, по меньшей мере, с этим согласилась.

В течение марта и апреля 1961 года оперативные группы ЦРУ и госдепартамента знакомились со становившимися все более агрессивными планами доминиканской оппозиции относительно убийства Трухильо. Утверждать, что эти сведения поступили в Белый дом или к какому-либо члену Специальной группы, не считая Аллена Дал-

леса¹, оснований не имеется. Точно так же невозможно доказать, что в этот период кто-нибудь вне ЦРУ был в курсе поставок пистолетов и карабинов или отправки дипломатической почтой автоматов в Доминиканскую Республику. [...]

На заседании Совета национальной безопасности 5 мая 1961 г. обсуждалась политика США в отношении Доминиканской Республики, и было решено, что рабочая группа по изучению кубинских проблем в кратчайшие сроки подготовит одновременно как ближайший, так и перспективный планы антикоммунистических действий на случай политического кризиса на Гаити и в Доминиканской Республике. Было подчеркнуто мнение президента о том, что Соединенным Штатам не следует выступать инициатором свержения Трухильо, прежде чем станет известно, какое правительство придет ему на смену; любые действия против Трухильо, с точки зрения президента, должны быть «многосторонними» (отчет о деятельности Совета национальной безопасности от 5 мая 1961 г.; утвержден президентом 16 мая 1961 г.²).

В некий день, точно установить который невозможно, Дирборн был вызван в Вашингтон для участия в разработке упомянутого выше ближайшего плана и для внесения своих предложений. Дирборн пробыл в Вашингтоне приблизительно с 10 по 13 мая 1961 г. [...]

Государственный департамент представил комиссии два разных документа, озаглавленные «Программа секретных действий в Доминиканской Республике». Оба они производят впечатление черновиков документа о секретных действиях, описанных Дирборном в его меморандуме от 11 мая 1961 г. В одном из черновиков содержится рекомендация о расширении Соединенными Штатами поставки легкого оружия и взрывчатки оппозиционерам в Сан-

¹ По-видимому, в канцелярию директора ЦРУ были направлены копии телеграмм ЦРУ, в том числе телеграмма от 20 марта 1961 г., в которой излагался план убийства Трухильо на квартире его любовницы.

² Прежде чем утвердить 16 мая отчет о деятельности Совета национальной безопасности, президент уже знал от Роберта Кеннеди, что, по некоторым сообщениям, Трухильо должен быть убит. До 16 мая Ричарду Гудвину, сотруднику Белого дома, также был направлен меморандум ЦРУ, из коего следовало, что доминиканские оппозиционеры, намеревавшиеся «нейтрализовать» Трухильо, получили от Соединенных Штатов кое-какое оружие и требовали дополнительного.

то-Доминго. Второй черновик аналогичен первому, но он оканчивается рекомендацией не посылать в Санто-Доминго оружие.

Ко второму черновику приложен листок с текстом. Он содержал восемь пронумерованных пунктов, которые, должно быть, записал специальный помощник.

В их числе значилось:

«1. Правительство Соединенных Штатов не должно участвовать в политическом убийстве.

2. Соединенные Штаты не могут позволить себе вновь запятнать свою репутацию в глазах всего мира.

3. Всячески их поддерживая, снабжая и доставляя оружие, мы затем поручили бы местным стрелкам исполнение акции.

4. В настоящее время мы не располагаем чем-либо, что свидетельствовало бы об их компетентности. Следует ли нам ввязываться и рисковать своей репутацией, не обеспечив себе никаких гарантий?

7. Позволительно ли показать всему миру, что наша дипломатическая почта служит средством транспортировки оружия, предназначенного для убийства главы государства?»

В документе ставился и другой вопрос: допустимо ли, чтобы однажды причастность Соединенных Штатов оказалась раскрытой перед мировой общественностью?

15 мая 1961 г. временно исполняющий обязанности помощника государственного секретаря Кэрр направил заместителю Боулса документ, озаглавленный «Планы секретных действий, одобренных для Доминиканской Республики». Указанный документ учитывает решения, принятые Специальной группой относительно секретной помощи доминиканским оппозиционерам, и, не давая никаких рекомендаций по поводу будущей политики, советует тем не менее Специальной группе пересмотреть вопрос о данных ранее разрешениях и информировать все заинтересованные службы о том, остаются ли эти разрешения в силе.

В то же время по просьбе Ричарда Гудвина был подготовлен другой документ, датированный 13 мая 1961 г.; документ этот обошел затем государственный департамент. Озаглавленный «Программа секретных действий в Доминиканской Республике», он сообщает, что «резиденатура ЦРУ в Сьюдад-Трухильо располагает весьма ограниченным количеством оружия и гранат. В ответ на на-

стойчивые просьбы лидеров оппозиции о предоставлении оружия для личной защиты, которое будет ими использовано в ходе акции по нейтрализации Трухильо, им по надежному каналу были переданы 38 револьверов и 3 карабина. Впоследствии они неоднократно просили оружия дополнительно».

Указанный документ является первым неоспоримым доказательством того, что служащий Белого дома знал о передаче оружия оппозиционерам в Доминиканской Республике.

На оригинале этого документа приведенная выше цитата окружена карандашом и слово «нейтрализация» подчеркнуто. В своих показаниях Гудвин подтвердил, что это он лично, читая текст, окружил указанные слова, ибо сведения о предоставлении оружия были для него новы и показались важными.

В одном из параграфов документа, подготовленного для Гудвина, а именно в параграфе, обозначенном подзаголовком «Выполнимые секретные действия, для осуществления которых требуется дополнительное разрешение», сообщается также, что резидентура ЦРУ в Сьюдад-Трухильо располагает четырьмя автоматами калибра 45 мм и небольшим количеством гранат. Резидентура может по надежному каналу передать их оппозиционерам «в качестве оружия для личной защиты на случай их выступления против Трухильо...»

15 мая 1961 г. Банди передал Гудвину другой меморандум. Банди получил его от госдепартамента. Меморандум озаглавлен «Положение в Доминиканской Республике и неотложные планы». К нему приложена объяснительная записка, в которой сказано: «Последние сообщения указывают, что решимость оппозиционеров в Санто-Доминго свергнуть Трухильо любым способом все больше растет, они очень продвинулись в своих планах».

Меморандум от 15 мая подчеркивает важность для Соединенных Штатов установить контакт с силами, стремящимися сбросить Трухильо, и считает крайне желательным оказать им помощь. В документе выражается просьба, чтобы Дирборн предупредил оппозиционеров о том, что «если им удастся по своей собственной инициативе и приняв на себя всю ответственность сформировать приемлемое временное правительство, то они могут быть уверены, что любая их просьба к Соединенным Штатам об оказании разумной помощи незамедлительно получит положительный отклик».

Ричарду Гудвину была передана копия телеграммы Дирборна от 16 мая 1961 г., в которой последний срочно требует указаний государственного департамента. По просьбе Гудвина госдепартамент 17 мая отвечает Дирборну и рекомендует ему иметь в виду мнение президента, высказанное на заседании Совета национальной безопасности 5 мая, а именно: США не должны выступить инициаторами свержения Трухильо, не будучи уверенными в том, какое правительство его сменит (телеграмма госдепартамента от 17 мая 1961 г.).

В ответе Дирборна от 21 мая 1961 г. указывается, что более года представители государственного департамента в Санто-Доминго поощряют попытки свергнуть Трухильо и оказывают многообразную помощь оппозиционерам с ведома госдепартамента. Говоря словами Дирборна, «уже слишком трудно задаваться вопросом, следует ли Соединенным Штатам брать на себя инициативу свержения Трухильо».

[...] 24 мая государственный департамент подготовил ответ на последнюю телеграмму Дирборна. Черновой вариант этого ответа с очевидностью выявляет несовместимость двух целей, которые одновременно имелись в виду:

«1. Быть причастными к свержению режима Трухильо и тем самым заручиться доверием оппозиции в Санто-Доминго и всех либеральных сил Латинской Америки;

2. Оградить Соединенные Штаты от какой-либо слишком очевидной причастности к вмешательству в дела Доминиканской Республики, а тем более к любому политическому убийству, могущему там произойти».

Судя по этому черновику, государственный департамент, все тщательно взвесив, пришел к мысли, что «вторая цель явно превалирует над первой».

Черновой вариант ответа Дирборну был отправлен заместителю государственного секретаря Боулсу с пометкой о том, что Гудвин находит его «слишком негативным» и что он (Гудвин) постарается составить новый вариант, «который Банди сможет представить завтра утром».

Первый пункт меморандума, адресованного Боулсом Банди 26 мая 1961 г., гласит: «В связи с нашим вчерашним обсуждением вопроса о Санто-Доминго на заседании Специальной группы я передам вам черновой вариант телеграммы, которую мы собираемся направить Генри Дирборну, нашему генеральному консулу в Сьюдад-Трухильо, в качестве дополнения к тем директивам, которые

он должен получить относительно недавно утвержденно-го плана действий».

Между тем в протоколе заседаний Специальной группы от 25 мая 1961 г. нет никаких упоминаний о Доминиканской Республике. Если, как это следует из меморандума Боулса, 25 мая вопрос о ней обсуждался, то у нас нет возможности узнать, в каких выражениях шла дискуссия и какие решения были приняты (если таковые вообще были приняты).

Ричард Гудвин лично подготовил вариант телеграммы, отличающийся от текста, который госдепартамент должен был отправить Дирборну. По показаниям Гудвина, он хотел изменить текст таким образом, чтобы Дирборну была понятна личная убежденность президента Кеннеди, считавшего, что «мы — то есть Соединенные Штаты — не должны забегать вперед в акции, ведущей к убийству Трухильо».

Вместе с тем вариант Гудвина ставил вопрос о новых секретных акциях и о поставке оружия оппозиционерам. Гудвин рекомендовал Дирборну держать оружие для оппозиционеров наготове в ожидании момента, когда они смогут его получить.

Редакция телеграммы, принадлежащая Гудвину, преследовала двойную цель: 1) ясно выразить желание Соединенных Штатов оставаться в наилучших отношениях с оппозиционерами, которые, как предполагалось, придут к власти после убийства Трухильо; 2) избежать любого шага, который заведомо мог сделать США причастными к этому убийству. Указанная двойственность с очевидностью проявляется в самом тексте телеграммы: «(...) Ни в коем случае не следует подвергать Соединенные Штаты риску оказаться причастными к политическому убийству, ибо Соединенные Штаты, *исходя из своих политических принципов, не могут благословить убийство*. Именно эта забота должна быть главной и доминировать, в случае сомнения, над любой другой» (курсив комиссии). «(...) Силы оппозиции и впредь должны видеть, что США поддерживают их».

По словам Гудвина, фраза, воспроизводимая комиссией курсивом, была введена в текст телеграммы по специальной просьбе президента Кеннеди.

Что касается четырех автоматов, которые находились в консульстве и предоставления которых неоднократно просили оппозиционеры, то телеграмма совето-

вала Дирборну ответить, что Соединенные Штаты не имеют возможности осуществить их передачу.

СКАЖИТЕ ИМ, ЧТО ПРИЧИНА В НАШЕЙ НЕУВЕРЕННОСТИ ЗА НАДЕЖНОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ ПЕРЕДАЧИ. В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЖЕ МЫ ОПАСАЕМСЯ, ЧТО ОРУЖИЕ ОКАЖЕТСЯ БЕСПОЛЕЗНЫМ И ПОДВЕРГНЕТ США БОЛЬШОМУ РИСКУ ОКАЗАТЬСЯ ПРИЧАСТНЫМИ К ПОПЫТКЕ УБИЙСТВА.

Текст телеграммы, исправленный Гудвином и одобренный президентом, был направлен Дирборну 29 мая 1961 г.

УБИЙСТВО

Поздним вечером 30 мая 1961 г. Трухильо попал в засаду и был убит около Сан-Кристобаля в Доминиканской Республике. Убийство осуществлялось почти точно по плану, который был сообщен оппозиционерами американским представителям в Санто-Доминго и последними в Вашингтон — в ЦРУ и в государственный департамент (телеграмма Дирборна государственному департаменту от 30 апреля 1961 г.). Исполнителями являлись члены оппозиционной группы, получившие американские карабины. Отрывочные сведения, которыми мы располагаем, указывают на то, что, по крайней мере, один из этих карабинов в момент убийства Трухильо находился в руках оппозиционеров. Однако расследование показывает, что Трухильо был убит из пистолетов и ружей.

Шофер Трухильо, майор Захариас, уцелевший при нападении, рассказал:

«В среду вечером Трухильо возвращался в автомобиле без эскорта из столицы в свою резиденцию Сан-Кристобаль. Машину, ехавшую по Вашингтонскому шоссе, неожиданно обогнали два автомобиля, а третий, появившись с боковой дороги, направился следом за ней. Когда две автомашины преградили путь, он делал отчаянную попытку повернуть назад, но это ему не удалось. Тотчас же на обочинах дороги появились вооруженные люди и открыли огонь. Одна пуля попала в Трухильо. Он крикнул шоферу: «Я ранен, приготовься к бою», — и вынул из кобуры пистолет (который постоянно носил при себе), готовясь стрелять в нападающих. Шофер до своего ра-

нения освободил магазины двух автоматов, бывших при нем. Смертельно раненный Трухильо вывалился из машины, нападающие бросились к его телу, стали бить по лицу и отсекли левую руку. Потом они оттащили труп и положили в ящик в один из своих автомобилей, где он и был обнаружен лишь в четверг на рассвете.

Шофер утверждает, что несколько террористов получили ранения» (агентство Франс Пресс, 2 июня 1961 г.).

Один из участников нападения раненым был доставлен в клинику, где его обнаружила полиция. Рамфис Трухильо, находившийся во время покушения в Париже, возвратился в Санто-Доминго 2 июня. Смерть диктатора не сломила клан Трухильо. После его убийства начались жестокие репрессии. Заговорщики — военные, чиновники и медики — очень быстро были выявлены. Полиция нашла всех, кроме двоих, их подвергли пыткам и потом казнили.

Среди лиц, близких к террористической группе, в первые дни после убийства Трухильо произошло три «самоубийства».

Сразу же после убийства все сотрудники ЦРУ в Доминиканской Республике получили приказ покинуть страну, а через несколько дней генеральный консул Дирборн возвратился в Вашингтон. Государственный департамент 31 мая 1961 г. направил телеграмму резидентуре ЦРУ в Санто-Доминго, в которой содержался приказ уничтожить все документы, где речь идет о контактах с оппозиционерами и подобных вещах. Вместе с тем госдепартамент приказывал сохранить в целости срочный план и телеграмму от 29 мая 1961 г., адресованную Дирборну.

Очень многие подвергли сомнению утверждения о связи ЦРУ с оппозицией. Генерал Антонио Имберт Баррерас, единственный из уцелевших участников террористической группы, заявил: «Люди, участвовавшие в этой исторической акции, не нуждались в помощи. У нас было свое собственное оружие, у нас были свои автомашины, у нас были свои причины. Никто не сможет дока-

зять, что в содеянном мы пользовались поддержкой какой-либо иностранной организации. В той обстановке, в какой мы жили у себя в стране, ни один человек не доверял другому».

Соединенные Штаты в страхе перед перспективой сползания Доминиканской Республики влево не решились отказать в поддержке сторонникам режима Трухильо. Хуан Бош, вернувшийся из эмиграции из Венесуэлы и избранный президентом в сентябре 1963 года, в свою очередь, был свергнут при поддержке американцев.

Восстание 24 апреля 1964 г. имело целью восстановить конституцию 1963 года и узаконить тем самым возврат к власти Хуана Боша. 27 апреля 1965 г. под предлогом защиты американских граждан в Санто-Доминго США высадили морскую пехоту и подавили восстание.

Если в 1965 году было высажено 40 тыс. человек, то в 1968 году число их сократилось до 7 тыс. 1 июля 1966 г. Балагер, бывший министр иностранных дел при Трухильо, был избран на пост президента.

Эпоха Трухильо не прекратилась с его смертью.

„Исполнительная акция“, или убийство по долгу службы

*Материал подготовлен
Аленом Жобером*

В последующей части доклада члены комиссии по расследованию задаются вопросом, на каком основании проводилась глубоко законспирированная деятельность тех служб ЦРУ, специфической задачей которых было совершение убийств. Приводимые сведения, свидетельства, пояснения чрезвычайно расплывчаты, что делает эту часть доклада весьма туманной. К тому же используемая терминология, характерная для жаргона секретных служб, отнюдь не облегчает чтения.

Нет сомнения, что ЦРУ принимало участие в гораздо большем числе покушений на политических деятелей (увенчавшихся или не увенчавшихся «успехом»), чем упомянуто в докладе. Нет сомнения также, что практика политических убийств была распространена и на другие категории противников. Вполне вероятно, однако, что, с одной стороны, лишь очень незначительное число руководящих деятелей ЦРУ или американского правительства были посвящены в дело и что, с другой стороны, в архивах не осталось почти никаких следов. А если таковые и сохранились, то проведенные операции были, по-видимому, связаны с другими сверхсекретными операциями управления, ни в коем случае не подлежащими разглашению.

Дополнительно с расследованием конкретных покушений комиссия изучила проект, озаглавленный «Исполнительная акция», предусматривающий, среди прочего, создание общего потенциала для совершения убийств. Как и в случае с заговорами, целью расследования были

поиски ответов на два основных вопроса: какие действия были предприняты и каковыми были характер и рамки сделанных по этому проекту распоряжений?

«КОМИТЕТ ПО УХУДШЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ»

В начале 1961 года Харви, возглавлявший в то время службу иностранной разведки ЦРУ, получил от Биссела задание развернуть «потенциал исполнительных акций», в который должны были входить поиски всевозможных средств для совершения убийств руководителей иностранных государств.

Весной или в начале лета 1960 года Ричард Биссел попросил своего научного советника Джозефа Шейдера изучить «общую способность секретных служб по нанесению ущерба здоровью людей или их устранению». По словам Шейдера, в число «способностей», изучить которые ему поручил Биссел, входило убийство. Шейдер уточнил, что Биссел обратился к нему, потому что знал, что ему известны «вещества, которыми располагает лаборатория ЦРУ», а также потому, что «должен был считать такую работу входящей в круг обязанностей своего технического советника».

До этого внутри ЦРУ уже существовал комитет, который занимался проведением в жизнь идеи об использовании в оперативных целях наркотиков или химических и биологических веществ. Его роль можно представить на таком примере: в феврале 1960 года ближневосточный отдел ЦРУ попросил помощи одного из отделов ЦРУ, который был назван его шефом «комитет по ухудшению здоровья». Речь шла о плане «специальной операции», задачей которой было сделать «недееспособным» одного иракского полковника, слывшего «сторонником советского влияния в Ираке». Отдел просил комитет посоветовать ему техническое средство, «которое, не разрушая полностью здоровье объекта, неизбежно помешало бы ему продолжать обычную деятельность в течение по меньшей мере трех месяцев». «Мы действительно не намерены,— уточнялось в запросе,— окончательно устранить объект, но и не будем возражать, если такое осложнение произойдет».

В апреле комитет единодушно посоветовал руководству Оперативного управления предпринять «операцию по ухудшению здоровья», отметив при этом, что для шефа Оперативного управления она была бы «очень же-

лательной». Трейси Барнс, заместитель Биссела, направил последнему свое письменное согласие. Одобренная операция заключалась в том, чтобы отправить полковнику из какой-либо азиатской страны носовой платок с его вензелем, пропитанный «лишающим дееспособности» составом. Шейдер заявил, что уже не помнит фамилии адресата, но хорошо помнит, что платок, «обработанный веществом, которое должно было вызвать физическое истощение того, которому он предназначался», был действительно отправлен в это время по почте из одной азиатской страны.

Во время расследования, проведенного нашей комиссией, ЦРУ утверждало, что «платок так и не был получен по адресу (если и был выслан когда-либо вообще)», и в дополнение заявило, что полковник «роковым образом получил свое в Багдаде перед взводом солдат, исполнивших вынесенный ему смертный приговор (событие, к которому мы не причастны), немного времени спустя после того, как мы приступили к рассмотрению этого дела с платком» (из заявления шефа ближневосточного отдела помощнику начальника Оперативного управления. 26 сентября 1975 г.).

КОМАНДА УБИЙЦ

Где-то в начале 1961 года Биссел обсуждал с Банди потенциал «исполнительной акции». Какова точная дата этого разговора? Были ли побуждения к созданию этого потенциала со стороны Белого дома? Как мы увидим позже, свидетельства по этим двум вопросам сильно отличаются друг от друга. Биссел, Харви и Хелмс заявили, что «объединенный» потенциал никогда не был использован.

Выражение «исполнительная акция» было эвфемизмом, изобретенным ЦРУ. Оно означало разработку проекта по использованию различных средств свержения политических руководителей иностранных государств, который предусматривал также организацию «потенциальной группы для совершения убийств». Биссел указал, что «исполнительная акция» объединяла «очень широкую гамму действий» в целях «подавления эффективности» иностранных руководителей и что убийство завершало эту гамму. [...] ЦРУ дало проекту кодовое название

ZR/RIFLE. Под кодовым обозначением ZR/RIFLE скрывались два понятия. Первое обозначало потенциал для совершения убийств — «исполнительную акцию». Второе обозначало легальную программу, служащую в то же время прикрытием для всех операций, входящих в «исполнительную акцию».

Задание от отдела ЦРУ, ведающего прикрытием этих программ, получил Уильям Харви. Для реализации проекта ZR/RIFLE ему был выделен агент, получивший кодовое наименование QJ/WIN. Последний никогда прямо не был замешан в конкретных покушениях на убийство. Хелмс так определил «квалификацию» QJ/WIN: «Если нужен человек для совершения убийства, его следует искать среди тех, кто действительно готов на это».

Харви дал QJ/WIN задание обнаружить «лиц, имеющих связи с преступным миром в Европе, чтобы получить возможность, в случае необходимости, использовать их в самых различных целях». В ответ QJ/WIN сообщил о потенциальном агенте на Ближнем Востоке, который «руководил синдикатом азартных игр» и «располагал группой убийц» (досье ЦРУ «ZR/RIFLE—портреты деятелей»).

В общем плане проект ZR/RIFLE состоял в изучении проблем и условий, связанных с убийствами, и в создании потенциала, в любой момент готового к их совершению. Говоря точнее, он включал и «внедрение» потенциальных агентов, и «разработку» всевозможных способов убийства. Биссел сказал о проекте ZR/RIFLE, что он носил «внутренний, исключительно подготовительный характер». В докладе 1967 года генеральный инспектор утверждает, что он не нашел в досье «никакого указания, подтверждающего, что потенциал «исполнительной акции» ZR/RIFLE—QJ/WIN был когда-либо использован», но отмечает, что, когда Харви занялся операцией по устранению Кастро, он вел ее в духе проекта ZR/RIFLE.

ВОЛШЕБНАЯ КНОПКА

В какой мере Белый дом был инициатором «исполнительной акции», одобрял ее или был в курсе происходящего? Биссел передал Харви, что Белый дом дважды требовал создания такого потенциала, и в докладе генерального инспектора приведены записи Харви (более

не существующие), которые подтверждают это. Сам Биссел не вспомнил какого-либо особого разговора с Белым домом, но в своем первом показании комиссии заявил, что записям Харви можно верить и что последний, без сомнения, мог создать такую группу своей властью, получив какое-либо задание по каналу Банди или Уолта Ростоу. При последующем слушании Биссел, однако, сказал, что он всего лишь информировал Банди в рамках своего доклада о существовании этого потенциала, но что тот не сформулировал при этом никакого задания. Банди, со своей стороны, заявил, что действительно получил такую информацию во время доклада Биссела, не дав никакого задания, но, впрочем, и не выдвинув каких-либо возражений. Что касается Ростоу, то он утверждал, что вообще никогда не слышал об этом проекте.

Уильям Харви заявил о своей «почти полной уверенности» в том, что 25 и 26 января 1961 г. он встретился с двумя сотрудниками ЦРУ — Джозефом Шейдером, бывшим в то время шефом отдела технического обеспечения, и сотрудником — специалистом по вербовке, чтобы обсудить возможности создания внутри ЦРУ потенциала «исполнительной акции». Просмотрев записи, сделанные во время этих бесед, Харви заявил, что они состоялись после его первого разговора с Бисселом об «исполнительной акции», слухи о которой могли распространиться в «первые дни января». [...]

Харви заявил также, что потенциал «исполнительной акции» должен был включать убийство. Его закодированные записи, сделанные от руки во время встреч 25 и 26 января, содержат фразы, заставляющие подумать, что речь шла именно об этом: «последнее средство после провала последнего средства и признания в слабости», «волшебная кнопка» и «никогда не упоминать слово „убийство“». Харви подтвердил эту интерпретацию записей: «Первое, что я сделал после получения приказов от Биссела, обсудил, используя нашу терминологию, с несколькими сотрудниками, которым я полностью доверял, вопросы, относящиеся к убийству, подбору потенциальных агентов, к нашей позиции, затронув даже, если хотите, фундаментальные проблемы, например, является ли убийство особым орудием американских секретных служб? И если вы допускаете, что да, то в нашей ли власти при существующем правительстве сделать это эффективно и грамотно, в полной безопасности и с соблюдением полнейшей тайны?»

В том месте доклада генерального инспектора, где говорится, как Биссел впервые возложил на Харви ответственность за «исполнительную акцию», есть ссылка на записи последнего, сегодня отсутствующие, согласно которым Биссел сказал Харви, что «Белый дом два раза требовал создания такого потенциала».[...]

Вот что сказал Харви: «Два раза, во всяком случае не один раз, я знаю, что это было больше одного раза, потому что в то время делу придавали серьезное значение (...). Белый дом, и это точно, я отметил письменно, торопил Биссела, хотя, может быть, и не его лично, а непосредственно ЦРУ, с подготовкой потенциала „исполнительной акции“». Но у Харви не было ни одного прямого доказательства, что такой разговор между Бисселом и Белым домом действительно состоялся. Говоря с Харви, Биссел не назвал ни одного конкретного лица из Белого дома. Харви объяснил, что с его стороны было бы весьма «некорректным» спросить у Биссела, с кем он разговаривал, и что Биссел совершил бы «непростительную оплошность», назвав имя своего собеседника.

Биссел точно помнит, что давал Харви задание изучить потенциал, но совершенно не помнит «о каком-либо определенном разговоре с кем бы то ни было в Белом доме, который мог бы стать причиной порученной Харви миссии». Показания Биссела перед комиссией расходились в этом важном пункте: получал он приказ Белого дома на создание потенциала «исполнительной акции или нет»?

Выступая со своими первыми показаниями перед комиссией 9 и 11 июня 1975 г., Биссел дал понять, что Белый дом предоставил ему такое разрешение. Когда ему зачитали записи Харви, упомянутые в докладе генерального инспектора («Белый дом дважды требовал у него...»), Биссел ответил: «У меня нет ни малейшей причины думать, что Харви мог приписать мне слова, которых я не говорил». Он заявил также, что Белый дом действительно потребовал от него создать всегда готовый к действию потенциал убийств. [...]

В своем последнем показании относительно Банди (сделанном после телефонного разговора с последним) Биссел заявил, что, по его мнению, он информировал Банди о потенциале лишь после его создания. Биссел,

однако, подтвердил свое начальное показание: он ничего не говорил Банди об уже предпринятых ЦРУ попытках покушения на Фиделя Кастро. Он «совершенно уверен», что не сообщал этого Банди с целью, чтобы тот довел до сведения президента вопрос о потенциале «исполнительной акции».

Вопрос: Считаете ли вы, что создание потенциала для убийства иностранных руководителей было достаточно важным вопросом, чтобы предложить его вниманию президента?

Биссел: Нет, не считаю, принимая во внимание существовавшие в то время условия и ограниченные рамки вытекающих из этого проекта действий.

Биссел объяснил, что с Банди они обсуждали скорее потенциал вообще, без намеченной цели, чем какой-либо определенный план убийства или детали его выполнения. «Точно не помню, — сказал он, — но я вполне мог упомянуть Кастро, Лумумбу или Трухильо при обсуждении «исполнительной акции», потому что это был как раз тот тип деятелей, против которых на том этапе данный потенциал мог быть применен».

Биссел добавил, что, по сложившемуся у него впечатлению, Банди, не выразив никакого не благоприятного проекту мнения, дал такой ответ, что его скорее всего следовало считать положительным. Биссел далее заявил, что он мог истолковать реакцию Банди как одобрение (по меньшей мере, подразумеваемое) идеи «исполнительной акции».

Вопрос: (...) Я думаю, такое заявление можно охарактеризовать как далеко идущее, если, по-вашему, выходит, что ответ, который вы получили от Банди, означал одобрение.

Биссел: Я, по крайней мере, интерпретировал его ответ так, что вы можете назвать это одобрением или определить как «нет возражений». Его (Банди) информировали о том, что происходит, как я считаю теперь, лишь по инициативе самого ЦРУ. В ответ Банди высказал свое мнение, не выдвинув никаких возражений. На мой взгляд, его реакция была более благосклонной, более положительной, но ведь это вопрос личной оценки. Будь на моем месте дру-

гие люди, у них обязательно сложилось бы такое же мнение.

Все свидетельства Биссела о его разговоре с Банди по поводу «исполнительной акции» являются результатом его умозаключений. С первого и до последнего выступления в комиссии он заявлял, что «не помнит четкой картины событий». Но он подтвердил, что, по-видимому, необходимо было иметь «более четкое, более специфическое и более определенно выраженное одобрение», прежде чем «потенциал стал бы действительно и конкретно использоваться». [...]

ПОТЕНЦИАЛ БЕЗ НАМЕЧЕННОЙ ЦЕЛИ

Биссел заявил под конец, что создание потенциала «исполнительной акции» было, «без всякого сомнения» или «с самой высокой достоверностью», решением самого ЦРУ. Он признал уже в своем первом показании, что «Это вряд ли могло быть чем-то необычным. Такова была обычная практика ЦРУ: важной частью его задачи было создание разного рода потенциалов задолго до того, как появилась причина задуматься об их назначении, и задолго до того, как становилось известно, где, как и почему их следует применить. Обычная работа (...) секретной разведывательной службы по вербовке агентуры носит такой же характер (...). Для меня также нет ничего удивительного в том, что решение о создании рассматриваемого потенциала было принято при отсутствии какого-либо запроса извне».

Макджордж Банди рассказал также о разговоре с Бисселом, во время которого они обсуждали потенциал «исполнительной акции». Свидетельство Банди подкрепляет свидетельство, которое дал Биссел: обсуждался скорее потенциал сам по себе, без конкретной цели, чем определенная операция по убийству. Но Банди заявил, что проект допускал также возможность «убийства некоторых лиц». У Банди сложилось впечатление, что ЦРУ «хотело посмотреть, как он прореагирует», но «не искало при этом его одобрения». Банди добавляет: «Я уверен, что не давал никаких инструкций. Но если быть до конца откровенным, я не выдвинул ни малейшего возражения». Банди не принял никаких мер, чтобы воспрепятствовать организации потенциала «исполнительной акции»

или, напротив, чтобы «развить его», поскольку он им был удовлетворен. «Это не представляло собой оперативной деятельности. Таковой она могла стать лишь при двух условиях: во-первых, при возникшей необходимости нужно иметь запрос или приказ на изучение конкретной акции против определенного лица; во-вторых, должно быть принято решение действовать против этого лица». Банди убежден, что ни одно из этих условий так никогда и не было представлено.

Банди заявил, что он не давал президенту отчета об «исполнительной акции». [...]

ДЕЙСТВОВАЛ ЛИ КОГДА-ЛИБО ПЛАН ZR/RIFLE?

Комиссия предприняла усилия для определения, был ли потенциал «исполнительной акции» ЦРУ в той или другой форме использован в конкретных попытках убийства. По ходу расследования был поставлен вопрос, могли ли те, кто участвовал в операциях по убийству, считать, что потенциал «исполнительной акции» выступал в некотором роде порукой легальности реальным попыткам убийства. [...]

Биссел и Харви оба помнят свою встречу в ноябре 1961 года, во время которой Харви получил приказ войти в контакт с Джоном Росселли в рамках проекта ZR/RIFLE. В записях Харви отмечается, что эта встреча состоялась 15 ноября 1961 г., в тот период, когда Харви был освобожден от своих обязанностей, чтобы возглавить группу W в ЦРУ, задачей которой было противодействие режиму Кастро.

Харви и Биссел обсуждали во время встречи только теоретические и практические вопросы организации потенциала, а не определенную операцию против Кастро. Но Биссел признал, что целью контакта с Росселли было убийство Кастро и что «по логике вещей не было причин поддерживать этот контакт, если бы не имелось возможности снова активизировать операцию. Это заявление Биссела объясняется тем, что попытки убийства Кастро, предпринимавшиеся представителями преступного мира, (...) были прерваны после событий в заливе Кочинос (...) и что не было дано разрешения активно продолжать их. Поэтому в задачу Харви входило поддержание контакта „в замороженном виде“».

Биссел заявил, что он действительно просил Харви поддерживать этот контакт в предвидении возможной в

будущем акции. После он утверждал, что ни одной из них не планировалось. Тем не менее, как уже отмечалось ранее, операция Росселли была вновь активизирована Харви в апреле 1962 года, после того как Биссел ушел из ЦРУ. [...]

Хотя у него и имелось «ясное впечатление», что «исследовательский проект», как и «специфическая операция», были полностью «разрешены и одобрены», Харви заявил, что он не может утверждать, что «официальная власть Белого дома была употреблена или использована в этой конкретной операции». Биссел не помнит, чтобы он сказал в доверительной беседе представителю Белого дома, что сделано все, чтобы официальный представитель ЦРУ вступил в контакт с преступным синдикатом. По утверждению Харви, во время его встречи с Бисселом в ноябре 1961 года не рассматривался вопрос о связи между Белым домом или какой-либо высшей властью и руководителем секретных служб.

Ричард Хелмс, который был информирован о проекте ZR/RIFLE, а став начальником Оперативного управления, взял на себя административную ответственность за это спустя три месяца, не считает, что этот проект когда-либо рассматривался как часть заговора с целью убийства Кастро. Хелмс заявил: «По-моему, речь шла о двух не связанных между собой вещах». Свидетельство Биссела, однако, менее категорично: «Контакт с преступным синдикатом с целью убийства Кастро (...) был объединен с проектом ZR/RIFLE (...) и с этого момента стал единым целым». Когда его спросили, был ли потенциал «исполнительной акции по убийству» использован против Кастро, Биссел ответил, что это произошло в «последней фазе». Высказанная Бисселом 15 ноября 1961 г. просьба к Харви тем не менее опередила почти на пять месяцев действия ЦРУ и мафии по убийству Кастро.

QJ/WIN был иностранным гражданином, профессиональным преступником, завербованным ЦРУ для выполнения некоторых «деликатных» операций еще до времени проекта ZR/RIFLE. Как было сказано ранее, исключительной задачей QJ/WIN в ZR/RIFLE было внедрение агентов, которых можно было бы, в случае необходимости, использовать в подпольных акциях «многоцелевого назначения».

Два момента позволяют задать вопрос, не был ли QJ/WIN включен в специальную группу по формированию потенциала убийств еще до официального одобрения

ZR/RIFLE? Прежде всего имеется общее в распределении ролей: Харви, QJ/WIN, руководитель отдела вербовки и Шейдер были замешаны в деле Лумумбы и участвуют позже все вместе при создании ZR/RIFLE. Затем Биссел информировал Харви о том, что создание потенциала убийств обсуждалось с руководителем отдела вербовки и Шейдером еще до того, как Харви был привлечен к проекту ZR/RIFLE.

Несмотря на это, нет неопровержимых доказательств, позволяющих прямо связать QJ/WIN с планом убийства Лумумбы.

ДОСЬЕ, ДАЛЕКОЕ ОТ ЗАВЕРШЕНИЯ...

Кастро, Лумумба, Шнейдер, Трухильо, Дьем... Являются ли эти пятеро единственными целями, когда-либо определенными руководителями ЦРУ, или на самом деле были и другие? И если были, то сколько? Отметим сначала, что эти случаи были приведены сенаторами лишь потому, что ЦРУ передала им соответствующие досье. Несмотря на слухи, других досье в сенат не поступало, и все требования участников расследования наталкивались на отказ. Первое наблюдение: представленный ЦРУ «набор» довольно символичен. Два левых политических деятеля, два правых и один представитель высшего офицерства, преданный своей власти. Как будто ЦРУ хотело представить себя политическим «центром». С одной стороны, управление признает, что эти попытки убийств выходят за рамки допустимых, а с другой — убеждает, что они были необходимы для восстановления равновесия, нарушенного экстремистами (два других случая, отмеченные в докладе отдельной запиской, — Сукарно и Дювалье — подтверждают это «равновесие»).

Затем можно заметить, что единственным действительным разоблачением в перечислении этих покушений является дело Лумумбы. Покушения на Кастро много раз до этого уже были разоблачены в прессе. ЦРУ упоминалось и после смерти Дьема, Трухильо, Шнейдера, так же как и после попыток государственного переворота против Дювалье и Сукарно. Следовательно, нет ничего действительно нового, если не считать, конечно, всех деталей подготовки.

Однако многие информированные лица — бывшие агенты, дипломаты, пишущие на эту тему журналисты — убеждены, что эти семь имен — лишь ничтожная часть

«черного списка» ЦРУ. Этому мнению придерживается и бывший ответственный сотрудник управления — Виктор Маркетти: «ЦРУ борется за то, чтобы выжить, а президент выступает в его защиту, поскольку есть много вещей, увидеть которые обнародованными не желают. Хотите знать настоящую причину того, почему Форд не хочет, чтобы все эти сведения вышли наружу? Это убийства, совершенные ЦРУ!»

— Убийства? Где?

В. М.: Повсюду.

— В Европе?

В. М.: Форд знает, о чем идет речь. Он был членом комиссии Уоррена, которая расследовала обстоятельства смерти Кеннеди. Он знает, что многие американские президенты, ныне умершие, в разное время давали приказ убивать людей по всему свету. Это-то скоро выльется наружу!»¹.

ОТ НАСЕРА ДО ДЮВАЛЬЕ

Таково же мнение Джона Маркса, соавтора Виктора Маркетти по самому документированному из когда-либо вышедших в свет произведений о ЦРУ, который пишет: «(...) Можно подумать, а я так и думаю, что ЦРУ продолжает скрывать серьезные вещи. Может быть и так, что в шкафах ЦРУ скрыты еще более зловещие трупы»². В той же статье Маркс вспоминает пример с египетским президентом Гамаль Абдель Насером. Члены комиссии Черча получили сведения о покушениях на Насера, но руководители ЦРУ, когда их спросили об этом, ответили: «ЦРУ не обладает ни малейшими данными о том, что одно или несколько лиц когда-либо были посланы в Египет с целью предпринять попытку убийст-

¹ Интервью Оливье Тодда. "Le Nouvel Observateur", 17 mars, 1975.

² "Washington News", Febr. 12, 1976, воспроизведено в "Libération", 17 févr., 1976; «ЦРУ ставили в вину смерть многих прогрессивных руководителей развивающихся стран, и часто эти обвинения были обоснованы. Но не следует забывать также, что управление или другие секретные службы влияли при большинстве крупных политических убийств и в самих Соединенных Штатах, будь то смерть Джона Кеннеди (см. гл. 9) или его брата Роберта. Малькольм Икс, Мартин Лютер Кинг и Фред Хэмптон — лидеры американских негров — были убиты при более чем загадочных обстоятельствах».

ва Насера». Более двусмысленного ответа и придумать нельзя! Весной 1975 года, однако, бывший сотрудник ЦРУ заявил в передаче английского телевидения, что ЦРУ планировало убийство Насера. В той же передаче Кермит Рузвельт, официальное лицо ЦРУ, ответственное за государственный переворот против Мосаддыка в Иране в 1953 году, заявил, что ЦРУ действительно предусматривало осуществить государственный переворот с целью смещения Насера на следующий день после вторжения англо-французских войск в район Суэца.

Один из сотрудников ЦРУ, находящийся ныне на пенсии, рассказал Джону Марксу, как происходило дело: во время совещания в Белом доме государственный секретарь Джон Фостер Даллес пожаловался на Насера. Его брат Аллен Даллес, директор ЦРУ, спросил, чем в этом случае может помочь его управление, и ему ответили, что следует «устранить проблему». Были организованы три спецгруппы. Первая не использовалась. Участники второй были арестованы по прибытии в Египет. Третью постиг провал. Во время другого совещания в Белом доме Аллен Даллес совершенно недвусмысленно объявил, что остается еще одна группа и еще можно «устранить проблему». Маркс пишет далее: «Поднялся такой гвалт, что был дан приказ остановить группу...»

2 июня 1955 г. был убит президент республики Панама Хосе Антонио Рамон. Американский турист по имени Мартин Ирвинг Липштейн был заподозрен в убийстве и арестован. В результате признаний, полученных адвокатом Рубеном Миро, американец несколько месяцев спустя был освобожден, а взамен был арестован преемник Рамона, Хосе Рамон Гизадо, который впоследствии также был выпущен на свободу. А 1 января 1960 г. Рубен Миро был убит. 11 июня 1975 г. «Дейли ньюс» напечатала статью, содержащую разоблачения бывшего сотрудника ЦРУ, который заявил, что, по-видимому, Рубен Миро вошел в контакт в ЦРУ еще до убийства президента Рамона.

В записке к докладу комиссии Черча можно прочитать: «В дополнение к заговорам, рассмотренным в этом докладе, комиссия собрала некоторые данные о том, что ЦРУ было замешано в планы убийства президента Индонезии Сукарно и «папы Дока» — Дювалье — на Гаити. Бывший начальник Оперативного управления Ричард Биссел заявил в своих показаниях, что убийство Сукар-

но было «предусмотрено» ЦРУ, но подготовка к нему ограничилась поисками «агента», которого можно было бы считать способным убить Сукарно. Различные группы противников существовавшего в Индонезии режима получили оружие, но, по словам Биссела, «оно не предназначалось для этого убийства».

(Напомним, что ЦРУ действительно закончило дело свержением Сукарно и что «новая политическая линия» выразилась в кровавой бойне, повлекшей гибель 800 тыс. человек — коммунистов или заподозренных в принадлежности к компартии...)

«Уолтер Элдер, заместитель директора ЦРУ Джона Маккоуна, заявил, что его шеф разрешил своим подчиненным организовать поставку оружия противникам гаитянского диктатора Дювалье. Элдер сказал на слушании комиссии, что, хотя убийство Дювалье ЦРУ не планировалось, оружие было предоставлено, чтобы помочь местным диссидентам «принять меры, которые они считали необходимыми для замены правительства», и в ЦРУ отдавали отчет в том, что Дювалье вполне мог быть убит в ходе переворота».

Действительно, 20 мая 1968 г. была предпринята попытка морского десанта на мысе Гаити. В то же самое время какой-то самолет бомбардировал президентский дворец. Операция, организованная ЦРУ, потерпела неудачу, но, без сомнения, по другим причинам, чем вторжение на Кубу в 1961 году. «Некоторые считают, что ЦРУ сознательно вызвало провал этой попытки. Другие полагают, что ЦРУ, дав зеленый свет гаитянским политическим эмигрантам, оставило их действовать на свой страх и риск, будучи убежденным, что их ожидает несомненный провал. Есть, наконец, и те, кто думает, что заплечных дел мастера, положив заранее полученные от организаторов операции деньги в карман, отказались затем идти на бесполезный риск.

В любом случае поражает удивительное множество допущенных оплошностей. Операция, запланированная на ночь с 5 на 6 мая, была перенесена без какого-либо объяснения действующему на острове подполью на 8 час. 15 мин. утра 20 мая. С другой стороны, самолет, приближающийся к острову под углом, исключающим опасность его поражения огнем противовоздушной обороны,

никак не мог пропустить свою цель. Тем невероятнее факт, что, сбросив две бомбы, не достигшие цели, он, сделав вираж и пройдя в непосредственной близости от дворца, направился в сторону военного аэродрома, где сбросил третью бомбу, которая даже не разорвалась. На борту самолета были настоящие бомбы и бомбы кустарного производства. Странно, что были использованы лишь эти последние. Наконец, что можно сказать о десантном корабле, настоящем плавучем арсенале, который, потопленный или затопленный своими, таинственно исчез?»¹.

«МЫ НЕ ОТСТУПАЕМ НИ ПЕРЕД ЧЕМ!»

По некоторым сведениям, на этот раз обрывочным и неясным, ЦРУ в свое время, возможно, имело план убийства де Голля. Сотрудники ЦРУ могли состоять в контакте с группой бывших оасовцев, планировавших организовать покушение на генерала.

В других районах мира, отмеченных вмешательством ЦРУ, слухи о заговорах также всплывали многократно. Шеф резидентуры ЦРУ в Греции Лофлин Кэмпбел просил в 1961 году Андреаса Папандреу, сына нового главы правительства, убедить своего отца принять все необходимые меры, чтобы на посту премьер-министра остался консерватор Константин Караманлис. Андреас ответил, что его отец «не готов к политическому самоубийству, лишь бы понравиться американцам». Кэмпбел пришел в ярость и произнес: «Идите и скажите вашему отцу, что у нас есть свой план для Греции. Мы делаем то, что хотим, и не отступаем ни перед чем!»². В последующие годы действительно несколько раз шел разговор о планах «устранения» Папандреу. Государственный переворот греческих полковников был поддержан, если не руководился, ЦРУ. В годы, предшествовавшие кипрскому кризису и падению режима полковников, в хорошо информированных кругах часто приходилось слышать, что генерал Ионнидис, шеф греческой тайной полиции и доверенное лицо ЦРУ, пытался организовать убийство главы государства Кипр архиепископа Макариоса.

¹ Статья Марка Шансерелля. «Le Monde», 16 juin, 1968.

² Диалог, приведенный Ричардом А. Фолком, сотрудником ЦРУ. "Covert Action and International Law", "Society", March—Apr. 1975.

Но в черных списках ЦРУ стоят не только имена руководителей государств. Американские секретные агенты подвергли травле или убрали большинство из тех, кто, будучи коммунистами, социалистами или националистами, представлял потенциальную угрозу политической линии, проводимой правительством США. Обстоятельства смерти Че Гевары, захваченного во время боливийской кампании солдатами, обученными ЦРУ, сегодня очень хорошо известны, и нет нужды к ним возвращаться¹.

Известный руководитель бразильского революционного движения Карлос Маригелла был убит бразильской полицией 4 ноября 1969 г., после того как засланный в его группу провокатор ЦРУ указал на его убежище². Убийство левого депутата Григориоса Ламбракиса 22 мая 1963 г. в Салониках, совершенное группой правых экстремистов, которые были марионетками в руках проамериканских элементов полиции и секретных военных служб, позволяет снова увидеть как будто проступившую на водяном знаке деятельность агентов ЦРУ. Следы возможного американского вмешательства можно найти и в деле похищения и исчезновения революционного марокканского лидера Мехди Бен Барки в самом центре Парижа 29 октября 1965 г. В первые же дни после происшедшего против ЦРУ были выдвинуты обвинения. Но поскольку дело приняло беспрецедентный размах и по этому делу было привлечено бесчисленное количество лиц, принадлежавших к различным службам обычной и действующей параллельно полиции, участие американских секретных служб в конце концов отошло на второй план. Похоже, что ставшие сегодня известными новые обстоятельства позволяют рассмотреть это дело под более широким углом: израильские, марокканские, американские и французские службы, каждая в определенной степени, контролировали эту операцию.

Впрочем, именно таким образом чаще всего стараются действовать люди ЦРУ. Это было видно из дел Лумумбы и генерала Шнейдера. Речь идет о том, чтобы всякий раз манипулировать не американскими, а другими агентами (полицейскими, агентами других секретных служб, местными гангстерами и т. п.) и всегда иметь несколько сменных сценариев («грузовики» при перево-

¹ Conzalez et Sanchez Salazar. The Guevara en Bolivie. Stock., 1969.

² Marks et Marchetti. Op. cit., p. 231.

роде в Чили, миссии QJ/WIN и WI/ROGUE в операции против Лумумбы...). Прежде всего речь идет о том, чтобы замести следы, чтобы никогда нельзя было выйти на американского гражданина. Вместе с тем проникновение в секретные службы других стран и контроль над ними, а еще лучше контроль над оперативными отделами этих служб представляют собой наилучший способ довести заговор до успешного конца и не дать раскрыть когда-либо роль американских официальных лиц.

УБИЙЦЫ ЛЕЙТЕНАНТА НАРУТА

Если убийства совершаются так, по приказу, по всему свету, то нужно иметь исполнителей. Кто же убивает? Разумеется, не сами официальные представители ЦРУ. Как в случае с Лумумбой, управление может привлечь к этому людей мафии или людей «с преступным прошлым». Такого рода «заговоры» не новость. Все полиции Европы действовали так уже в XIX веке. И эта практика стала обычной: «мафия» стала сегодня чем-то вроде параллельной полиции или, если хотите, армии. Во время войны в Алжире руководители секретных служб набирали убийц среди заключенных и освобождали преступников из тюрем для выполнения различных специфических заданий. В результате эта французская среда была взята на заметку и в крупных масштабах использована в разного рода подпольных операциях на территории метрополии, в других европейских странах и особенно в Африке.

Американская мафия также сыграла эту роль параллельной полиции и армии в Соединенных Штатах и в странах-союзниках. Профессиональные убийцы из мафии, следовательно, выступали иногда в роли настоящих солдат ЦРУ в его заморских операциях. Но, похоже, недавно это дело было поднято на более высокую ступень. В июне 1975 года, во время проводимого НАТО семинара на тему «Психология солдата», в котором приняли участие 120 ученых, специалист-психолог флота США лейтенант Томас Нарут сделал заявление потрясающей разоблачительной силы. Американские военно-морские силы проводили специальные занятия с уже осужденными за убийство, чтобы сделать из них убийц, готовых пойти на любое задание с политической подоплекой¹. То-

¹ "The Sunday Times", July 6, 1975.

мас Нарут пояснил, что его работа «состояла в том, чтобы стимулировать склонности к убийству у тех военнослужащих, которые могли их проявить, чтобы они действительно убивали при определенных условиях». Он объяснил также, что эти люди были подготовлены к последующей отправке в американские посольства за рубежом под различными прикрытиями и что «они были готовы убивать в этих странах, если возникнет такая необходимость». Метод подготовки заключался в том, что им показывали фильмы, снятые специально для этой цели, содержащие в высшей степени кровавые сцены насилия. «Привыкая к этим сценам, — сказал Нарут, — люди могли приобрести способность ничего не ощущать в подобных ситуациях... Психологи из военно-морского флота тщательно отбирали для этих диверсионных отрядов убийц людей из экипажей подводных лодок, десантников и отбывающих срок за убийство в военных тюрьмах». Лейтенант Нарут привел много подробностей об используемых психологических тестах и методах подготовки. Он назвал два центра: лабораторию нейропсихиатрии военно-морского флота в Сан-Диего, Калифорния, и медицинский центр американских военно-морских сил в Неаполе, Италия.

ОТ «ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ АКЦИИ» К «АКЦИИ МОЗГОВОЙ ТРЕСТ»...

Жан Планише в статье в «Монд» от 27 апреля 1968 г. писал: «Соединенные Штаты держат в руках разведслужбы своих союзников, за исключением, быть может, английских. Тесное «сотрудничество» установилось в 50-х годах, и с тех пор американские агенты работают во Франции вполне официально. В других странах, как, например, в Греции, местные разведки прямо субсидируются Вашингтоном. Военные или гражданские руководители обороны стран НАТО имеют дело даже с такими заманчивыми предложениями: за цену, заранее выставленную, как на магазинной табличке, которая ниже той, что они сами затрачивают на свои собственные службы, частные детективные службы США совершенно открыто предлагают поставить им любые сведения, которые они только могут пожелать...» В ФРГ разведывательная сеть Гелена, «возвращенная в строй» после войны американцами, выступает в настоящее время в качестве простого

филиала ЦРУ. Похоже, что таким же образом итальянские, израильские и испанские разведслужбы почти полностью контролируются ЦРУ. Нет оснований считать, что дело обстоит по-другому с французскими секретными службами¹.

Если одно из оперативных подразделений ЦРУ называлось «исполнительная акция», то соответствующая французская — «акция мозговой трест». Во время второго процесса по делу Бен Барки произошел диалог с явным подтекстом между Марселем Леруа-Финвилем, сотрудником СДЕСЕ*, обвиненным в утаивании от высшего начальства части информации, которой он владел, и руководителем исследовательского отдела СДЕСЕ полковником Бомоном:

Леруа-Финвиль: *Одного я вам не прощаю, полковник, — того, что вы бросили меня на произвол судьбы... Вы не имели права этого делать... Когда в субботу я говорил вам о некоем «суде по делам государственной безопасности», вы знали, на что я намекаю. Я был в свое время откомандирован в распоряжение «акции мозговой трест»... Вы помните это?*

Полковник Бомон: *Я не знаю такой «акции мозговой трест»...*

Леруа-Финвиль: *Я принадлежал к числу «обозревателей» так называемой «акции мозговой трест». Встал вопрос о возможном использовании рецидивистов. Тогда я выразил протест.*

Полковник Бомон: *Что касается меня, то в мои функции совершенно не входили такого рода вопросы...*

Сегодня об этом известно больше: в 1975 году, десять лет спустя после дела Бен Барки, бывший сотрудник СДЕСЕ Филипп Тиро де Вожоли опубликовал книгу, представляющую собой в основном описание походов Леруа-Финвиля в СДЕСЕ. Нет никакого сомнения, несмотря на небольшие погрешности в деталях, что это произведение — плод сотрудничества Леруа-Финвиля и

¹ Конечно, некоторое напряжение имело место в то время, когда генерал де Голль проводил антиатлантическую линию. Но в настоящее время СДЕСЕ и ЦРУ сотрудничают при проведении различных международных операций, как в недавнем прошлом в Анголе ("Washington Post", Dec. 25, 1974).

* СДЕСЕ — французская разведка. — Прим. ред.

Тиро де Вожоли. Книга раскрывает истинную природу «акции мозговой трест» — этого секретного комитета, подчиненного самому правительству и предназначенного для того, чтобы отправлять на тот свет «всех, кто ему мешает». Тиро де Вожоли называет имена некоторых членов этого комитета: начальник оперативного отдела СДЕСЕ майор Русийа, его заместитель Фор-Болье, он же Лефор, шеф контрразведки полковник Дюмон, директор СДЕСЕ Пьер Бурсико и, наконец, генерал Шале. Черный список, составленный высшим руководством кабинета СДЕСЕ, по-видимому, передавался затем в «акцию мозговой трест»: «Список первых постоянных целей был составлен. Первым в нем стоял Аллал эль Фасси. Отмечен был также врач Фронта национального освобождения в Танжере и некий Бен Барка — лидер коммунистической оппозиции в Марокко. В последующие годы к списку были добавлены другие имена. Сначала Бургиба, чье имя было позднее вычеркнуто, затем Аит Асен, Пюшер, Маперш, Мумие, Леопольд, Маати, Шлютер, Секу Туре и др. Позднее в списке появились имена французов...»¹.

Можно сделать много замечаний по поводу этой книги. Она вышла в Соединенных Штатах в том году, когда стали известны совершенные ЦРУ убийства, и это дало основание кое-кому заключить, что ЦРУ воспользовалось выходом книги, чтобы показать, «что не одно оно занималось подобными делами». Но такая демонстрация полностью не убеждает. Во-первых, потому что большинство упомянутых в книге убийств и покушений относятся ко времени, когда влияние ЦРУ в СДЕСЕ было особенно сильным. Во-вторых, потому что действующие

¹ Аллал эль Фасси избежал смерти во время покушения с использованием динамита, подложенного знаменитым гангстером Джо Аттиа 17 января 1956 г. Торговец оружием Отто Шлютер вышел невредимым из многих серьезных покушений, при которых погибли его мать и один из его сотрудников. Георг Пюшер, тоже торговец оружием, был убит взрывом бомбы 3 марта 1959 г. Марсель Леопольд, один из компаньонов, сражен отравленной ядом кураре стрелой 19 сентября 1958 г. Алжирец Аит Асен застрелен 5 ноября 1958 г. Камерунский лидер Феликс Мумие отравлен 16 октября 1969 г. Разумеется, этот список не исчерпывающий. Французские секретные службы и параллельная сеть, руководимая Жаком Фокаром, в действительности были, по-видимому, причастны более чем к 100 политическим убийствам во Франции и в африканских странах. Среди жертв — политические и профсоюзные руководители, университетские деятели, торговцы оружием, церковные деятели, журналисты, военные и бывшие сотрудники секретных служб.

лица — Леруа-Финвиль, Тиро де Вожоли, генерал Шале — как раз те, кого подозревают в самых тесных связях с ЦРУ. Отсюда всего один шаг до заключения, что «акция мозговой трест» была лишь одним из ответвлений «исполнительной акции», а сделать этот шаг очень легко, если рассмотреть, к примеру, точные обстоятельства заговоров против Лумумбы¹.

КЕМ ЖЕ БЫЛ QJ/WIN?

Итак, нам действительно дали понять, что лицо, призванное на помощь резидентурой ЦРУ и отвечающее на кодовое имя QJ/WIN, было:

- человек с преступным прошлым;
- уроженцем европейской страны;
- выполнявшим задания ЦРУ до этого;
- регулярно оплачиваемым управлением;
- достаточно крупным агентом, для того чтобы в 1962 году перед лицом дававших на него обвинений ЦРУ использовало все средства, чтобы не допустить его привлечения к суду или вынесения приговора;
- имеющим связи в европейском преступном мире, позволяющие ему вербовать других «агентов» для ЦРУ.

Нам говорят также, что задачей QJ/WIN было собственно не убить Лумумбу, а скорее заставить его покинуть свою резиденцию (и таким образом отдать себя в руки врагов, согласно плану Малрони).

Так вот, в то время в Черной Африке действовал специальный эмиссар французской СДЕСЕ, сыгравший очень большую роль в нескольких государственных переворотах и в физическом уничтожении политических оппозиционеров. Речь идет о Джо Аттиа, который в 1959 году открыл в Абиджане бар. Этот бар был центром

¹ Многие крупные операции являются плодом такого рода сотрудничества. Например, мафия, СДЕСЕ и ЦРУ, видимо, вместе подготовили акт саботажа, который стоил жизни президенту итальянской нефтяной компании Энрико Маттеи 27 октября 1962 г. (Погиб в катастрофе личного самолета при невыясненных обстоятельствах. — Прим. перев.) Известно также, что убийство африканского лидера Амилкара Кабрала 20 января 1973 г. было совершено группой, манипулируемой СДЕСЕ и ЦРУ.

многообразной деятельности, связанной с политикой французских секретных служб в этом районе. Аттия периодически выезжал в Гану, Камерун, Дагомею, Того, Нигерию, Гвинею, Мали и Конго. Он был замешан в контрабанде оружием, вербовке наемников и в различных покушениях на руководителей африканских государств. Параллель между Джо Аттия и таинственным QJ/WIN упрочивается еще больше тем, что Джо Аттия хорошо знал Лумумбу и несколько раз встречался с ним в Абиджане.

С другой стороны, известно, что Аттия был инициатором покушения на Аллала эль Фасси, участвовал в покушении, стоившем жизни главному редактору марокканской газеты Жаку Лемегр-Дюбрейю (11 июня 1955 г.), и что после своей деятельности в Африке он принял участие в похищении полковника Аргу в Мюнхене в феврале 1963 года. В похищении Бен Барки участвовали люди его банды, и вполне возможно, что сам Аттия из тюрьмы, где он тогда сидел за мошенничество, организовал это нападение.

Если бы принадлежность Аттия к ЦРУ была доказана, это пролило бы совершенно новый свет на французскую секретную политику в Африке в период между 1950 и 1970 годами. Это, возможно, дало бы также ключ к делу Бен Барки, которое, без всякого сомнения, стало самым крупным французским политическим скандалом после второй мировой войны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦРУ ВНУТРИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

(Доклад комиссии Рокфеллера)

5

Объект шпионажа — американские граждане

*Материал подготовлен
Аленом Жобером*

Доклад комиссии Рокфеллера — плод работы совершенно особой комиссии по расследованию, члены которой были назначены самим президентом Джеральдом Фордом из числа наиболее высокопоставленных лиц США, — подвергся резкой критике. По мнению Виктора Маркетти, это была попытка «обелить ЦРУ»¹. Как можно заметить, доклад комиссии Рокфеллера содержит сведения о многих незаконных акциях ЦРУ, но обходит молчанием некоторые тяжкие преступления, совершенные этой организацией. Так, в докладе, опубликованном в июне 1975 года, члены комиссии не упомянули о выяв-

¹ Интервью Виктора Маркетти Оливье Тодду. "Le Nouvel Observateur", 17 mars, 1975.

ленных ими заговорах против глав иностранных государств. В то же время они подготовили секретный доклад на 86 страницах для президента США, посвященный этому вопросу (в дальнейшем расследование в этом направлении было продолжено сенатской комиссией под председательством сенатора Фрэнка Черча). Упоминая об этих заговорах в интервью для телевидения, Нельсон Рокфеллер заявил в то время: «Хотя я и не располагаю какими-либо доказательствами, но думаю, что Джон и Роберт Кеннеди могли быть в курсе этих проектов ЦРУ». На что Эдвард Кеннеди, единственный из братьев оставшийся в живых, возразил: «Поскольку г-н Рокфеллер оказался не в состоянии выполнить доверенную ему миссию по расследованию, ему пристойнее было бы помолчать, пока комиссии конгресса не завершат работу, которую надлежало выполнить ему». Что это — предвыборные политические маневры, «обеление ЦРУ», попытки замаять неприятные дела? Несомненно, в докладе Рокфеллера все это присутствует одновременно. Но в то же время в нем предается гласности большое число секретных мероприятий, а американская пресса, со своей стороны, предприняла в частном порядке дополнительные расследования и в конце концов заполнила многие пробелы.

В часть вторую мы включили полностью три главы доклада и выдержки из других его разделов. По мере необходимости мы вводили дополнительную информацию, почерпнутую из материалов американской прессы, опубликованных после июня 1975 года.

Безопасность ЦРУ

В период с 1965 по 1972 год, когда внутренние волнения охватывали всю страну, ЦРУ, как и другим правительственным службам США, пришлось столкнуться с угрозами насильственных действий и нападений со стороны демонстрантов и групп, которые именовали себя революционными.

Осенью 1968 года взрывом бомбы был разрушен вербовочный отдел ЦРУ в Энн Арборе (штат Мичиган). Неоднократно приходилось эвакуировать различные подразделения ЦРУ в связи с сигналами о том, что в их помещения подложены бомбы и они будут взорваны. Вербовщикам ЦРУ в университетских городках угрожали расправой, и иногда они даже подвергались реальной опасности.

Группы протеста организовывали массовые демонстрации, объявленная цель которых иногда состояла в том, чтобы помешать осуществлению мероприятий, предпринятых правительством.

Правительство решило энергично противодействовать в течение всего этого периода любым проискам, направленным на то, чтобы помешать функционированию его служб. Обеспечение защиты помещений, служащих и операций Центрального разведывательного управления было возложено на свой отдел безопасности.

Особое внимание комиссия по расследованию уделила трем программам действий:

- помощь вербовщикам в университетских городках;
- внедрение в группы протеста в районе Вашингтона,
- изучение и анализ деятельности движений протеста.

Исходя из того что во многих университетских городках царила атмосфера враждебности к ЦРУ, заместитель директора ЦРУ по административным вопросам в феврале 1967 года поручил отделу безопасности разработать программу помощи вербовщикам ЦРУ. Местные отделения ЦРУ вступили в контакт с администрацией колледжей и университетов, чтобы определить общий уровень активности движений протеста в каждом университетском городке и особенно характер и размах действий, направленных против ЦРУ. Выявленные факты и выводы из них отдел безопасности доводил затем до сведения вербовщика, которому предстояло направиться в определенный университетский городок. У нас нет оснований думать, что для сбора сведений ЦРУ использовало не одни только общественные источники информации и беседы с представителями властей, ведающих в той или иной мере поддержанием законного порядка.

Если вербовщик предусматривал проведение работы в городке, где отмечались признаки беспорядков, отдел безопасности снабжал его средствами подслушивания и связи.

Если волнения вспыхивали в то время, когда вербовщик еще не закончил бесед с кандидатами, он получал специальные указания; кроме того, предупреждались службы, обеспечивающие поддержание порядка в этом районе, принимались все необходимые меры, чтобы позволить вербовщику завершить начатую работу и покинуть опасное место. Официально позиция ЦРУ состояла в том, чтобы избегать столкновений.

Если вербовщик решал не проводить беседы в том или ином университетском городке, отдел безопасности по возможности создавал ему условия для встреч с нужными лицами в помещении, не находящемся на территории городка. При необходимости помещение обеспечивалось средствами скрытой звукозаписи и связи. В некоторых случаях обстановка в университетских городках была столь враждебной, что посещения их вербовщиками отменялись.

Осуществление программы помощи вербовщикам было прервано в 1970 году. Применяемые ЦРУ методы вербовки претерпели к этому времени определенные изменения, в результате чего подобные меры безопасности стали излишними.

ВНЕДРЕНИЕ В ГРУППЫ ПРОТЕСТА

Другая программа отдела безопасности касалась действий движений протеста, и цель ее состояла в том, чтобы заблаговременно узнавать о готовящихся в районе Вашингтона демонстрациях и таким образом иметь возможность организовать защиту учреждений, служащих и операций ЦРУ. Программа была представлена на рассмотрение начальнику Информационного управления, который утвердил ее перспективные и исходные задачи.

Осуществление программы началось в феврале 1967 года¹. Исходная задача состояла в «контролировании»² демонстраций, которые на своем пути могли бы оказаться вблизи помещений, занимаемых службами ЦРУ. Но почти сразу же эта задача была изменена. Важнейшим ее элементом стало внедрение агентов в различные организации для получения информации о намечаемых демонстрациях, направленных против ЦРУ и его учреждений.

Для внештатной работы в рамках этой программы было привлечено небольшое число лиц, использовавшихся ЦРУ либо непосредственно, либо через частные службы безопасности, а также кое-кто из их близких и знакомых. Вначале в рамках программы работали «по совместительству» лишь четыре-пять агентов. Перед ними была поставлена задача участвовать в демонстрациях и общедоступных открытых собраниях, собирать любую полезную информацию, образцы всей литературы и предупреждать ЦРУ в случае обнаружения малейших признаков готовящихся демонстраций против правительственных учреждений, и особенно против учреждений ЦРУ.

В апреле 1967 года были отобраны четыре организации в районе Вашингтона с целью внедрения в них агентов: «Женщины — борцы за мир», «Вашингтонский центр мира», «Координационный комитет студентов — против-

¹ Один служащий ЦРУ заявил, что уже в 1964 году ему было поручено подслушивать определенные группы. Если такое подслушивание тогда и практиковалось, то им занимались лишь один-два агента в неслужбное время.

² Директор ЦРУ Хелмс разъяснил, что «контролировать» группу означает просто присутствовать на ее открытых собраниях и слушать то, что может на них услышать любой присутствующий; «внедриться» в группу — это стать ее членом и демонстрировать поддержку отстаиваемых ею целей; «проникнуть» в группу — это занять в ней руководящее положение, оказывать влияние на ее политику и деятельность или направлять их.

ников насилия» и «Движение за расовое равенство». Агентам была поставлена задача присутствовать на собраниях этих организаций, проявлять интерес к борьбе, которую они ведут, вносить скромный денежный взнос, но не занимать в них руководящих или ответственных постов. Деньги на взнос давало ЦРУ. От агентов требовалась информация по следующим вопросам: число участников собраний и демонстраций, имена руководителей или ораторов, содержание их выступлений, проводимые и намечаемые мероприятия. Агенты регулярно представляли письменные донесения, обычно открытым текстом. Они не ограничивались информацией о намечаемых демонстрациях против правительственных учреждений, но сообщали также о численности и организационной структуре групп, указывали имена их руководителей и ораторов, анализировали их умонастроения.

В конце июня 1967 года ЦРУ пожелало получить подробные сведения об источниках финансирования и размерах бюджетов четырех указанных организаций. Одного агента направили для участия в собраниях представителей движения протеста в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе. Другому было поручено неотступно следить за всеми действиями некоторых революционно настроенных руководителей, как только они появлялись в Вашингтоне. Нескольким агентам была поставлена задача добывать время от времени точную информацию об отдельных лицах, группах или намечаемых демонстрациях.

Иногда для опознания руководителей и ораторов ЦРУ прибегало к фотографированию автомашин и их регистрационных номеров. В других случаях за такими людьми устанавливали слежку, «проводжали» их до дома, а затем с помощью адресной книги устанавливали их личность. Фотосъемки производились также во время больших митингов в районе Вашингтона и во время демонстраций перед Белым домом.

В сентябре 1967 года в число контролируемых организаций был включен Национальный мобилизационный комитет за прекращение войны (во Вьетнаме. — *Прим. ред.*) в связи с его намерением организовать в октябре крупные демонстрации в районе Вашингтона. Агентам было предложено собрать биографические данные руководителей и членов организации, выявить, где размещается ее руководство, источники финансирования, какие другие организации могут принять участие в демонстрациях.

К середине августа 1968 года под наблюдение были

взяты и другие организации: «Конференция христианского руководства Юга», «Школа афро-американской мысли», «Вашингтонское этическое общество», «Ассоциация американских гуманистов», «Черные пантеры», «Лига сопротивления войне», «Единый черный фронт», «Вашингтонская организация мобилизации за мир», «Вашингтонская городская лига», «Черные мусульмане», общество «Негры».

Агенты получили указание сообщать в своих донесениях о всех собраниях, на которых они присутствовали, называть имена ораторов и излагать существо их выступлений, упоминать любые угрозы в адрес членов американского правительства, анализировать моральный дух, тенденции, вероятные формы эволюции организации.

Полностью осуществить эту программу так и не удалось, так как не были выделены необходимые для этого средства и персонал. Документы ЦРУ и ряд свидетельских показаний, собранных комиссией, дают основание полагать, что за некоторыми из указанных организаций наблюдение так и не было установлено. Но, напротив, в другие из них агенты ЦРУ были внедрены еще до августа 1968 года.

Однажды агент, внедрившийся в одну организацию протеста, узнал, что эта организация получает финансовую помощь от иностранцев. Об этом были информированы директор ЦРУ и президент. Понимая, что, если расследованием этого дела по-прежнему будет продолжать заниматься ЦРУ, оно может оказаться втянутым в запрещенные для него действия внутри страны, директор ЦРУ договорился с ФБР и передал ему это дело вместе с имеющейся информацией и своим агентом. В дальнейшем этот агент никакой работы для ЦРУ не выполнял.

Добытая в ходе выполнения этой программы информация регулярно передавалась для использования в рамках операции «Хаос» (см. гл. 6). Как явствует из свидетельских показаний и косвенных доказательств, эта огромная масса информации фактически добывалась в интересах операции «Хаос» в связи с конкретными запросами, поступавшими в отдел безопасности.

К концу 1968 года вашингтонская городская полиция уже располагала соответствующей службой для добывания информации о группах протеста вашингтонского района, и отдел безопасности отказался от дальнейшего осуществления этой программы. Директор ЦРУ Хелмс в своих показаниях утверждал, что эти факты были взн-

мосвязаны. Отдел безопасности, однако, продолжал оставаться в контакте с вашингтонской полицией.

В период осуществления этой программы (с февраля 1967 по декабрь 1968 г.) максимальное число одновременно действовавших агентов достигало 12. Ни один из них не был разведчиком-профессионалом. Все они проживали в районе Вашингтона. Многие из них были лицами, занятыми физическим трудом. За свои услуги они получали незначительное вознаграждение — в большинстве случаев 100 долл. в месяц или меньше. Не считая нескольких домашних хозяек, которые нигде не работали, все остальные агенты имели основную работу с полным рабочим днем, никоим образом не связанную с группами или движениями протеста. Во время крупных демонстраций в районе Вашингтона некоторым из них приходилось выполнять задания ЦРУ в течение многих часов по вечерам, а также по субботам и воскресеньям, и за эту сверхурочную работу они получали лишь скромное почасовое вознаграждение.

ИЗУЧЕНИЕ И АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЙ ПРОТЕСТА

В 1966 и 1967 годах заместитель директора ЦРУ по административным вопросам поручил отделу безопасности провести ряд исследований о группах протеста и их участниках. Одно из этих исследований касалось лиц и групп, обвинявших в то время ЦРУ в причастности к убийству руководителя «Черных мусульман» Малькольма Икса. В ходе этого исследования удалось получить важную информацию о тех, кто выступал с обвинениями против ЦРУ¹.

Некоторое время спустя заместитель директора по административным вопросам потребовал провести новое исследование о движении протеста вообще. Это исследование было выполнено на основе материалов, почерпнутых главным образом из средств массовой информации.

В декабре 1967 года отдел безопасности приступил к осуществлению долгосрочной программы систематических исследований деятельности движений протеста на

¹ Никаких фактов, подтверждавших это обвинение, выявлено не было (примечание в докладе комиссии Рокфеллера).

всей территории США. Официально цели этой программы состояли в выявлении источников угроз для персонала, мероприятий и учреждений ЦРУ, в определении, в какой мере группы протеста действуют по указке или при поддержке из-за границы.

Всем местным отделениям ЦРУ было дано указание передавать в штаб-квартиру любые полезные сведения, которые они могут добывать в своих географических зонах. Источниками таких сведений должны были являться сообщения добровольных информаторов, газеты и другие публикации. Таким образом, никаких операций по проникновению, внедрению в организации или скрытному их подслушиванию проводить не предполагалось.

С начала 1968 года в штаб-квартиру хлынул значительный поток материалов, главным образом в виде вырезок из газет. До этого времени в отделе безопасности изучением и оценкой важности поступающих материалов занимался всего один сотрудник. Вскоре он оказался совершенно не в состоянии справиться с захлестнувшей его лавиной поступавшей корреспонденции. Поэтому очень скоро отделу пришлось создать специальную службу, чтобы справиться с этой задачей. Служба начала функционировать в мае 1968 года. Объем ее работы был неодинаков в разное время, но обычно в ней было занято четыре-пять сотрудников. Перед службой стояла задача классифицировать и изучать материалы, поступающие из местных отделений, но она также и самостоятельно собирала информацию, используя разные источники, а именно:

- крупные газеты, издающиеся в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго;
- газеты, относящиеся к местной прессе, например «Лос Анджелес фри пресс», «Беркли Барб»;
- коммунистическую прессу — «Уоркер», «Пиплс уорлд»;
- публикации различных организаций, таких, например, как «Черные пантеры»;
- все университетские газеты, которые служба могла достать и имела время прочитать;
- любые вырезки из прессы, представляющие интерес;
- периодические издания информационного характера;
- книги и статьи вообще.

В этих материалах содержались сведения о мероприя-

тиях и планах групп протеста, о руководителях и представителях этих групп и их передвижениях, об их умонастроениях и намерениях. Группа отдела безопасности, занимавшаяся в 1967 и 1968 годах контролем организаций протеста в районе Вашингтона, не оказывала или почти не оказывала помощи этой службе. Служба не пользовалась такими методами, как проникновение, внедрение или подслушивание. Время от времени она запрашивала у офицеров разведки местных органов полиции информацию о деятельности движений протеста, и эти офицеры всегда охотно оказывали ей содействие. Служба получала также протоколы совещаний офицеров разведки полиции вашингтонского района. Такие периодические совещания проводились для выработки методов действий во время демонстраций и для выявления угрозы возникновения бунтов. Наконец, служба постоянно получала отчеты ФБР о деятельности групп протеста и их активистов.

Каждую неделю служба выпускала специальные обобщенные сводки, именовавшиеся Информационными сводками об обстановке (*Situation Information Reports*). Они обычно состояли из двух частей: анализа происшедших событий и календаря ожидаемых событий. Информационные сводки выходили еженедельно почти регулярно, но постоянным получателем их полного комплекта кроме отдела безопасности был только руководитель операции «Хаос». Регулярно в ЦРУ прибывал представитель американской секретной службы и получал там экземпляр календаря ожидаемых событий. Если данные о дне и часе события, приведенные в календаре, не совпадали со сведениями, которыми располагал этот представитель, проводились совещания работников службы с его участием.

В ФБР и в управления местной полиции информационные сводки не направлялись. Они также не передавались прессе и никоим образом не предавались гласности.

Поступавшие материалы использовались не только в информационных сводках, но и для различных других нужд:

1. Отдел безопасности получал возможность лучше узнать, что представляют собой группы протеста и их активисты. Он был в состоянии выявить некоторых лиц, участие которых в демонстрации указывало на то, что она может оказаться не мирной. Он анализировал связи между отдельными лицами и группа-

ми, следил за изменениями и реорганизациями, происходящими в некоторых группах.

2. Отдел безопасности вел подробные досье на группы протеста и их руководителей. Эти досье, между прочим, должны были использоваться и при решении вопросов о выдаче (или невыдаче) свидетельств о благонадежности лицам, намеревающимся поступить на службу в ЦРУ. (По заявлению чиновника, ведавшего выдачей свидетельств, факт участия кандидата в прошлом в деятельности какой-либо организации протеста, в том числе прибегавшей к насильственным действиям, не обязательно означал автоматический отказ в приеме его на работу, даже когда считали, что это могло сказаться на его объективности и способности подчиниться требованиям безопасности и дисциплине ЦРУ.)

3. Отдел безопасности получал информацию, позволявшую ему оценивать степень опасности, которой подвергались учреждения, вербовщики, агенты и внештатные сотрудники ЦРУ в связи с волной манифестаций и действиями организаций протеста.

Хотя мнения относительно числа заведенных досье несколько расходятся, можно считать, что было заведено от 500 до 800 досье на организации протеста и на лиц, так или иначе замешанных в деятельности движений протеста. Начальник специальной службы «полагал», что в этих досье значилось от 12 тыс. до 16 тыс. человек.

Огромное большинство лиц и организаций, занесенных в картотеку или на которых были заведены досье, составляли участники движений и групп протеста. Но это не было общим правилом. Случались и исключения, например, д-р С. И. Хаякава из колледжа штата Сан-Франциско и преподобный отец Теодор М. Хесберг из университета Нотр-Дам, публично выступившие в защиту некоторых акций протеста.

До начала работы комиссии были уничтожены лишь очень немногие досье, заведенные в рамках этой программы. ЦРУ желает сохранить эти досье до завершения проводимых расследований, а затем уничтожить их в соответствии с требованиями закона.

В январе 1971 года местным отделениям было дано указание ограничить работу в рамках этой программы только отправлением газетных вырезок и публикаций организаций протеста. В конце 1972 года была прекращена

публикация информационных сводок в связи с тем, что активность групп протеста быстро шла на убыль. В июне 1973 года закончилось осуществление всех мероприятий программы, связанной с группами протеста и лицами, участвовавшими в движении.

За время существования программы (конец 1967 — середина 1973 г.) отдел безопасности неоднократно пользовался ее услугами:

1. Персонал службы подготовил специальный доклад, в котором рассматривался вопрос о том, в какой мере сторонники акций протеста могли помешать осуществлению проектов ЦРУ, касавшихся заключения контрактов примерно в 20 университетах.

2. По меньшей мере в одном случае офицер службы информировал органы полиции графств Арлингтон и Ферфакс в Вирджинии о готовящихся в районе Вашингтона крупных демонстрациях.

3. На одном из совещаний офицер службы информировал лиц, ведающих вопросами безопасности в комиссии по атомной энергии, о том, что группы протеста были замешаны в нелегальной деятельности по обучению способам кустарного изготовления бомб.

4. Персонал службы привлекался для работы на оперативном пункте отдела безопасности во время ряда крупных демонстраций с целью непрерывно анализировать ход событий и оценивать степень опасности, которую они представляли для персонала и учреждений ЦРУ.

В тот же период свою собственную программу изучения деятельности движений протеста осуществляло и ФБР. Однако, по заявлению чиновников ЦРУ, в докладах ФБР делалась попытка определить главным образом, носит ли деятельность какого-либо лица или организации подрывной характер, тогда как интересы отдела безопасности выходили далеко за рамки только понятий лояльности и подрывной деятельности. Это было вызвано тем, что отдел безопасности должен был тщательно изучать кандидатов для решения вопроса о приеме их на работу, а также определять, в какой степени организация или группа организаций представляют опасность для учреждений и операций ЦРУ. Эти замечания, имеющие целью объяснить, почему ЦРУ предпочло черпать информацию не из докладов ФБР, а создать свою собственную службу, не вызвали возражений со стороны ФБР.

Разносторонняя деятельность ЦРУ

В этом разделе мы собрали многочисленные выдержки, преимущественно короткие, из разных глав доклада Рокфеллера. Доклад этот был опубликован в июне 1975 года. С тех пор комиссия палаты представителей и комиссия Черча провели более глубокое расследование деятельности американских секретных служб. Поэтому там, где это представлялось целесообразным, мы включили дополнительную информацию.

РАССЛЕДОВАНИЯ С ЦЕЛЬЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УТЕЧКИ ИНФОРМАЦИИ

Наряду с рутинными расследованиями отдел безопасности ЦРУ проводил на территории США изучение конкретных случаев, связанных с угрозой раскрытия источников информации или методов разведки. В большинстве таких случаев расследование велось обычными методами: проверка с помощью картотек, опрос заинтересованных лиц и т. п.

В довольно ограниченном числе случаев применялись более неблагоприятные методы, которые в отделе безопасности принято условно называть «специальным мероприятием» (слежка с применением и без применения электронной аппаратуры, тайные обыски квартир, перлюстрация корреспонденции, изучение сведений о доходах для служб налогообложения). Хотя комиссия не может утверждать, что ею были вскрыты все случаи исследования «специальных мероприятий» в США за последние 28 лет, она полагает, что большинство значительных операций ей удалось выявить.

В связи с анализом всех этих случаев возникают два вопроса:

1. Правомочно ли ЦРУ проводить эти расследования любыми средствами?

2. Были ли законными применявшиеся методы расследования?

Преобладающее число таких расследований касалось служащих или бывших служащих ЦРУ. Мы обнаружили в общей сложности 76 случаев расследований, затрагивавших 90 человек, в ходе которых в той или иной степени использовались «специальные мероприятия». Почти все лица, находившиеся под наблюдением, были американскими гражданами.

Примерно четверть всех дел, касавшихся служащих или бывших служащих ЦРУ, возникла в результате получения информации, которая давала повод предполагать, что некоторые сотрудники ЦРУ могли работать на иностранные секретные службы. Почти все остальные расследования были предприняты в случаях, когда вызвали подозрения действия некоторых служащих ЦРУ, имевших доступ к совершенно секретной информации. Так, например, проводились расследования дел некоторых сотрудников, поддерживавших отношения с лицами, которые были известны как иностранные агенты или подозревались таковыми, сотрудников, расходовавших деньги не по средствам, сотрудников, подозревавшихся в неправильном поведении, в результате которого они могли стать жертвами шантажа или быть скомпрометированными.

Несколько расследований, объектами которых являлись ценные работники с очень большим стажем работы в ЦРУ, были предприняты, с тем чтобы снять лежащие на них подозрения и в то же время чтобы удостовериться в том, что они не представляют угрозы для безопасности ЦРУ¹.

Всех сотрудников ЦРУ уже при первом рассмотрении их кандидатуры для работы в этом учреждении полно-

¹ Согласно закону о национальной безопасности (*National Security Act*) 1947 года, директор ЦРУ имеет право уволить без объяснений любого сотрудника по подозрению в том, что он представляет угрозу для безопасности. Таким образом, директор мог бы с полным основанием потребовать, чтобы сотрудник подал в отставку, и принять его отставку. Смысл подобных расследований дел подозреваемых сотрудников состоит отчасти в том, чтобы дать возможность невинно попавшим под подозрение служащим продолжать работать в ЦРУ, не предполагая, что в какой-то момент их лояльность была поставлена под сомнение.

стью информируют о том, что их деятельность может стать предметом тщательного наблюдения, если когда-либо они окажутся под подозрением как лица, представляющие угрозу для безопасности.

Другая большая группа рассмотренных случаев касалась 49 иностранцев, проживающих в США; 38 из них были агентами ЦРУ, а 11 — перебежчиками. В большинстве этих случаев отдел безопасности проводил расследования по просьбе какой-либо оперативной службы ЦРУ. Повод для расследования в различных случаях был разным: установить, не выполняет ли подозреваемый заданий иностранной секретной службы; проверить источники информации данного лица; удостовериться в искренности перебежчика; оценить пригодность данного лица для использования в предстоящих операциях.

В небольшом числе случаев «специальные мероприятия» проводились во время волнений для обеспечения безопасности офицера местного отделения ЦРУ или для получения магнитной записи разговора с целью последующего ее анализа. Во многих случаях служащий или агент находился под наблюдением лишь один-два дня или подслушивались один-два его конкретных телефонных разговора. В других случаях наблюдение продолжалось в течение более длительного времени.

Одно расследование, проводившееся отделом безопасности в конце 40 — начале 50-х годов, продолжалось около восьми лет. Находившийся под наблюдением служащий подозревался в участии в деятельности Коммунистической партии в 30-х годах, и, как полагали, он продолжал поддерживать контакты с лицами, симпатизирующими коммунистам. Для наблюдения за ним использовались время от времени такие приемы, как слежка, подслушивание телефонных разговоров, установка микрофонов. Дважды его квартира подвергалась тайному обыску. Сам директор ЦРУ внимательно следил за ходом дела, которое кончилось увольнением подозреваемого сотрудника.

К каким эксцессам могут привести такие расследования, хорошо иллюстрирует случай, происшедший в конце 60-х годов. Один служащий ЦРУ, располагавший чрезвычайно секретной информацией, присутствовал на собрании группы левых, которую ЦРУ подозревало в том, что она поддерживается из-за границы. Слежка за ним велась почти год. Чтобы подслушивать разговоры во всех комнатах его квартиры, были установлены семь

микрофонов. Для этого потребовалось проделать отверстия в стенах смежной квартиры. В течение двух месяцев, а в другой период в течение пяти месяцев вся его корреспонденция подвергалась перлюстрации. Были тщательно изучены несколько его досье в налоговой службе. Но в результате расследования никаких признаков предательства обнаружить не удалось. [...]

В другом случае директор ЦРУ Ричард Хелмс лично дал разрешение в 1971 году ограбить жилище бывшей служащей ЦРУ Деборы Фитцджеральд. Ограбление было совершено через некоторое время, после того как она уволилась из ЦРУ, «чтобы закрыть расследование», как заявили ответственные работники ЦРУ. Тайное вторжение произошло всего лишь через несколько часов, после того как Ричард Хелмс дал на него разрешение, хотя не было ни критической ситуации, ни абсолютной срочности, которые оправдывали бы такие действия. Результат был отрицательным, расследование не подтвердило версии о ее связи с подозрительными лицами из числа кубинских эмигрантов.

Что же касается ФБР, то его агенты принимали участие во многих сотнях ограблений и тайных обысков.

ХОРОШО ИНФОРМИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ

Комиссией было обнаружено два случая расследований, при которых велось систематическое подслушивание телефонных разговоров трех журналистов, с тем чтобы попытаться выявить источники, из которых они получали секретную информацию. Эти случаи имели место соответственно в 1959 и 1962 годах. Роберт Кеннеди, в то время министр юстиции, как представляется, был в курсе этих дел и дал свое согласие. Три других случая расследований касались репортеров и имели целью вскрыть их источники информации. Эти факты относятся к 1967, 1971 и 1972 годам.

С самого основания ЦРУ при каждой администрации президенты всегда настоятельно требовали от него выявлять источники информации и любыми средствами пресекать утечку сведений. Кроме того, специальная комиссия, занимавшаяся в прошлом расследованием случаев просачивания информации в прессу, не приняла никаких конкретных мер для разрешения этой проблемы.

В 60—70-х годах ФБР не добилося каких-либо изменений в существовавшем положении. Оно никогда не бралось за расследование случаев утечки информации без специального разрешения министра юстиции. В таких случаях оно действовало следующим образом: запрашивалось мнение министра, и до получения его согласия и указания о проведении расследования ничего не предпринималось.

Ввиду такого положения ЦРУ встало на путь проведения собственными силами расследований случаев утечки информации, устанавливая для этого наблюдение за журналистами различными методами, от физической слежки до применения электронной аппаратуры, с тем чтобы вскрыть их источники информации.

В докладе комиссии Рокфеллера поразительно мало сказано о наблюдении ЦРУ за журналистами. Но можно с уверенностью утверждать, что число журналистов, телефоны которых подслушивались и за которыми слежка ведется по сей день, далеко не ограничивается лишь несколькими, упоминавшимися выше, отдельными случаями. Ведь в течение нескольких последних лет количество журналистов, которые пишут статьи о ЦРУ, его тайных операциях за границей и операциях в США, непрерывно увеличивается.

Сейчас в американской прессе постоянно появляется немало сообщений, разглашающих какие-то мелкие факты, сведения секретного характера и даже представляющие государственную тайну.

Это — новое явление, поскольку до сих пор пресса, за редкими исключениями, в общем-то безропотно следовала указаниям хранить молчание, когда они исходили от ЦРУ. Само же ЦРУ, не стесняясь, распространяло точную и целенаправленную информацию, служащую интересам его политики¹. Этому изменению отношения прессы к ЦРУ способствовали война во Вьетнаме, уотергейтское дело и несколько скандалов, ставших достоянием общественности.

Представление о том, как правительство США осуществляет наблюдение за журналистами, дает другой доклад о деятельности разведывательных служб. Доклад об использовании услуг ФБР американским прави-

¹ Кстати, на ЦРУ работает более 40 журналистов в различных агентствах, журналах, газетах США и других стран.

тельством в разные периоды был опубликован в начале декабря 1975 года комиссией Черча. Из него можно узнать, что Роберт Кеннеди в свою бытность министром юстиции поручил ФБР подслушивать телефоны корреспондентов газеты «Нью-Йорк таймс» и журнала «Ньюсуик», чтобы выявить их источники информации. Президент Джонсон, со своей стороны, затребовал от ФБР дела семи журналистов, в числе которых были: Питер Арнетт из агентства Ассошиэйтед Пресс, автор редакционных статей Джозеф Крафт, Питер Лисагор из «Чикаго дейли ньюс», Джон Чэнселлор и Дэвид Бринкли из телевизионной компании Эн-Би-Си. Что же касается Ричарда Никсона, то он потребовал от ФБР представить ему отчеты о подслушивании телефонных разговоров и дело Даниэля Шорра из радиовещательной корпорации Си-Би-Эс. Но после уотергейтского дела стало известно, что, по требованию Никсона, наблюдение велось не только за одним этим журналистом¹.

Заметим мимоходом, что президенты (и, разумеется, другие высокопоставленные чиновники) могут использовать подслушивание и в своих личных интересах. Известно, что это делал Линдон Джонсон, а Ричард Никсон якобы прибегал к подслушиванию телефонных разговоров некоторых финансистов, чтобы успешнее вести свои биржевые дела.

НА КОГО НАВОДИТ СТРАХ ДЖЕЙН ФОНДА?

Здесь нужно открыть скобки и кое-что пояснить. В «разведывательном сообществе», как его называют в США, ЦРУ не единственный правительственный орган, занимающийся шпионажем внутри страны. Среди тако-

¹ Бывший репортер газеты «Нью-Йорк таймс» Тэд Шульц и его жена подали иск в связи с незаконным подслушиванием их телефонных разговоров. Их адвокаты заявили, что подслушивание было незаконным, поскольку осуществлялось оно без ведома и санкции судебных органов. Такая санкция считается гарантией законности и является обязательным условием при подслушивании телефонных разговоров, за исключением случаев подслушивания разговоров лиц или групп, которые известны как агенты иностранной державы или действуют в сотрудничестве с такой державой. Иногда, если секретные службы считают, что наблюдение и различные способы запугивания не дают желаемого результата, они могут прибегнуть к более непосредственным методам воздействия. Так, Говард Хант разработал план временной «нейтрализации» журналиста Джека Андерсона, предусматривавший организацию автомобильной аварии (см. гл. 8).

вых прежде всего следует назвать ФБР, которое еще до создания ЦРУ выполняло контрразведывательные и некоторые разведывательные задачи в дополнение к операциям и расследованиям в интересах внутренней безопасности. Существуют также разведывательные службы трех родов вооруженных сил, возглавляемые Разведывательным управлением министерства обороны (Defense Intelligence Agency) ¹. В ходе расследования, проводившегося в 1971 году комиссией сената под руководством одного сенатора-демократа из штата Северная Каролина, стало известно, что разведка армии тоже вела картотеку, в которую были занесены многие тысячи американских граждан. Интерес к такого рода действиям родился, по-видимому, в 1967 году, когда на армию было возложено поддержание порядка в городах в случае волнений. «По словам одного военного «разведчика», который провел несколько месяцев в разведывательном подразделении, дислоцировавшемся в штате Иллинойс, а ныне покинул военную службу, армия постоянно следит за 800 видными лицами в этом штате. В их числе, разумеется, руководители «Черных пантер» и белых ультра-радикалов, например организации «Уэзермэн». Но наряду с этими лицами, ведущими активную работу, здесь можно встретить столь мирных людей, как новый сенатор штата, сын Эдлая Стивенсона. Внимание военных привлекает также один депутат палаты представителей, а также бывший губернатор штата Иллинойс, а ныне федеральный судья Отто Кернер» ².

Но самая секретная организация — это Агентство национальной безопасности — АНБ (National Security Agency), в котором работают 24 тыс. человек, а бюджет его достигает 1,2 млрд. долл. Это — военная организация, выполняющая ряд конкретных задач: осуществление шифросвязи и обеспечение секретности правительственной связи вообще, расшифровка перехваченных сообщений и раскрытие всевозможных шифров иностранных армий и правительств, наблюдение за любыми линиями связи во всем мире и их подслушивание. Штаб-квартира его находится в Форт-Миде, штат Мэриленд, но АНБ располагает, кроме того, многочисленными станциями

¹ Разведывательные службы сухопутных войск: численность личного состава — 35 тыс., бюджет — 700 млн. долл.; военно-морского флота: 15 тыс., бюджет — 600 млн. долл.; военно-воздушных сил: 56 тыс., бюджет — 2,7 млрд. долл.

² "Le Monde", 8 janv., 1971.

подслушивания во всем мире и в самих Соединенных Штатах. Уже в течение нескольких лет АНБ занимается на территории США операциями, далеко выходящими за законные рамки возложенных на него функций. Оно вело шпионаж против иностранных посольств, находящихся на территории США, прибегая не только к подслушиванию телефонных разговоров, но, по-видимому, также к вторжению со взломом в их помещения.

Агентство национальной безопасности проявляло также большой интерес к противникам войны во Вьетнаме. Так, за актрисой Джейн Фонда, после того как она публично заявила о своей позиции и встала на путь активного участия в антивоенной кампании, установили наблюдение одновременно ФБР, ЦРУ, различные военные разведывательные службы и Агентство национальной безопасности. Ее почтовую корреспонденцию регулярно перлюстрировали, контролировали ее счета в банке, перехватывали все телефонные разговоры¹. Ее беседы с доктором Бенджаминем Споком в 1969 и 1971 годах, при подготовке широких кампаний демонстраций против войны во Вьетнаме, были перехвачены службами агентства, и записи их были переданы как особо секретные документы самым высшим официальным лицам американского правительства. Около 150 телефонных и телеграфных сообщений, иногда абсолютно безобидных, а в большинстве своем касавшихся организации пацифистских манифестаций, были помечены грифом «гамма», применяемым для самых секретных сообщений².

Во время слушания доклада комиссии Черча в октябре 1975 года достоянием гласности стала информация о том, что агентство имеет охватывающую весь мир сеть подслушивания, электронная аппаратура которой может одновременно регистрировать миллионы переговоров. В ней используются ЭВМ, в программы которых введены определенные ключевые слова, и они немедленно реагируют, как только какое-либо из этих слов произносится. Методы перехвата переговоров считаются

¹ Джейн Фонда предъявила американскому правительству иск на сумму около 3 млн. долл. в возмещение ущерба, причиненного покушением на ее личную жизнь и попыткой ее запугать.

² В числе тех, чьи телефонные разговоры подслушивало АНБ, были: обвиняемые на «процессе семи» в Чикаго, а также руководители «Черных пантер». Например, во время поездок Элдриджа Кливера на Кубу, в Алжир, Швецию, Северный Вьетнам его разговоры подслушивали и за ним неотступно следили.

сверхсекретными. По словам одного очень крупного деятеля американской разведки, применяемая для этого техника намного опередила все, что уже известно. Как предполагают, используемая агентством техника позволяет подслушивать телефонные разговоры, не подключаясь к линии. Кроме того, в распоряжении агентства имеется несколько искусственных спутников-ретрансляторов¹.

ЦРУ ПОД ПРИКРЫТИЕМ КОММЕРЧЕСКИХ ФИРМ

Кроме принадлежащих ЦРУ фирм, созданных специально в качестве прикрытия для некоторых его работников, оно использовало также и другие фирмы для осуществления большого числа своих разнообразных операций. Они использовались как для «прикрытия» и поддержки тайных операций, так и для осуществления административных задач, не свойственных ЦРУ. Некоторые из фирм, принадлежащих ЦРУ, обвинялись в использовании государственных средств для проведения в широких масштабах конкуренции с частными американскими предприятиями. Важнейшим элементом в коммерческой деятельности ЦРУ является эксплуатация группы авиакомпаний, включающей компании «Эйр Америка», «Саутерн эйр транспорт» и «Интермаунтин авиэйшн». Эти компании, капитал которых в определенное время превышал 50 млн. долл., обеспечивали как материально-техническую и оперативную поддержку, так и функции прикрытия при проведении тайных мероприятий ЦРУ за границей, особенно в Юго-Восточной Азии.

Расследование показало, что в предоставлении некоторых услуг эти авиакомпании конкурировали с частными фирмами как внутри Соединенных Штатов, так и за рубежом. Однако большинство из этих авиакомпаний были ликвидированы или перепроданы, а оставшимся уготована та же участь в ближайшее время. Этим будет положен конец коммерческой деятельности ЦРУ в области авиации. Доход от ликвидации и перепродажи ука-

¹ По всей вероятности, АНБ применяет для подслушивания разговоров в помещениях на расстоянии также системы, использующие микроволновые излучения. Луч направляют на резонатор, установленный в помещении, и принимают огражденный от него сигнал.

занных фирм поступает не в кассу ЦРУ, а в государственное казначейство США по статье «разные поступления».

Другой большой областью деятельности ЦРУ является руководство радиовещательными системами — радиостанциями «Свободная Европа» и «Свобода», ведущими направленные передачи на Восточную Европу. Эти радиостанции, принадлежащие ЦРУ и им же управляемые, первоначально служили ему базой и прикрытием для осуществления различных мероприятий. Хотя станции эти создало ЦРУ, они привлекали для своего финансирования общественные средства и тщательно скрывали свою связь с ним. Сейчас, однако, станции переданы в собственность и под контроль государственного департамента, который отныне управляет ими, не скрывая их связи с американским правительством.

Основная оставшаяся у ЦРУ форма коммерческой деятельности состоит в управлении группой финансовых фирм. Они позволяют ему скрытноосуществлять финансовые операции, связанные с ценными бумагами, рентой, контрактами, страхованием, а также прочими доходами и вознаграждениями офицеров и вольнонаемных служащих ЦРУ при сохранении в тайне истинного источника капиталов. В настоящее время их активы составляют примерно 20 млн. долл., но капиталы таких фирм постепенно сокращаются. В большинстве своем эти средства вложены за границей на срочные или другие доходные вклады. Менее 5% этих средств вложены в ценные бумаги, свободно котирующиеся на биржах США, но эти капиталовложения сейчас ликвидируются, а доходы от их продажи поступят в государственную казну. Ни отдельная фирма, ни группа таких фирм никогда не обладали контрольным пакетом акций какой-либо компании, ценные бумаги которой свободно продаются на рынке.

По-прежнему ЦРУ руководит также ограниченным количеством мелких предприятий. Цель их состоит прежде всего в обеспечении прикрытия для деятельности некоторых агентов, офицеров и вольнонаемных служащих ЦРУ, а также в выполнении роли посредников для приобретения различного оборудования и услуг, если ЦРУ при этом желает остаться в тени. Это не фиктивные фирмы, поскольку они действительно занимаются соответствующей коммерческой или профессиональной деятельностью, хотя и в скромном объеме. Обычно это

предприятия, насчитывающие менее 10 работников. ЦРУ предоставляет также небольшие суммы денег и капиталовложения оперативного характера фирмам, действующим за рубежом и нужным ему для выполнения своих задач.

Не считая нескольких редких исключений, фирмы, принадлежащие ЦРУ, прибылей не приносили даже, и напротив, нуждались в постоянном субсидировании. Доходы от их операций значительно перекрывались расходами на них. Только две фирмы заявили довольно существенные прибыли: «Эйр Америка» благодаря контрактам, заключенным с американским правительством на выполнение для него транспортных операций в Юго-Восточной Азии, и группа финансовых фирм. В этих двух случаях в прошлом прибыль оставалась в руках у фирм, хотя, по мнению юрисконсульта ЦРУ, эти средства надлежало вернуть в государственную казну.

Вопросы создания, деятельности и ликвидации таких фирм непосредственно контролируются высшими чиновниками ЦРУ. Любые проекты подобного рода должны быть утверждены начальником Оперативного управления или его заместителем. В особо деликатных случаях или когда речь идет о крупных мероприятиях требуется, кроме того, одобрение директора ЦРУ. Для каждой из таких операций подготавливается административный план, который утверждается заместителем начальника Оперативного управления, юрисконсультской группой, финансовым отделом и рядом руководящих работников. Расходы и объем финансирования подлежат утверждению ответственным офицером-руководителем и офицерами — распорядителями финансов. Все проекты, поскольку они расцениваются как бюджетные мероприятия, подлежат налогообложению и регулярным финансовым ревизиям.

Близким к вышеуказанным мероприятиям ЦРУ была финансовая поддержка различных фондов, и в первую очередь азиатского фонда, который служил как инструментом, так и прикрытием для операций ЦРУ за границей в области образования и культуры. Отношения между ЦРУ и этим фондом были прерваны.

Менее значительную поддержку ЦРУ оказывало в прошлом также ряду других фондов и ассоциаций, которые, на его взгляд, могли быть ему полезными. Первой среди них можно назвать Национальную ассоциацию студентов, руководителями которой были американ-

ские студенты, принимавшие участие в международных мероприятиях и встречах. ЦРУ оказывало поддержку этой организации до 1967 года, когда журнал «Рэмпартс» предал гласности факт связи между ЦРУ и ассоциацией. Это послужило поводом к расследованию, проведенному комиссией во главе с Николасом Катценбахом, в то время заместителем министра юстиции. В результате заключительный доклад комиссии предписывал ЦРУ прекратить оказание любой поддержки американским фондам и ассоциациям. ЦРУ подчинилось этому предписанию, разумеется, в пределах фактов, вскрытых комиссией.

«ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ ЛИЦА»

Секретные планы политики американского правительства: «план Маршалла» после второй мировой войны, необычайное развитие многонациональных корпораций в 50-х годах, валютная политика США в отношении их европейских партнеров, политика вмешательства во внутренние дела и протекционизма во многих развивающихся странах мира почти всегда встречали поддержку и даже проводились американскими фирмами, чему способствовало немало факторов. Трудно, естественно, определить точную меру участия ЦРУ в мировых политических и экономических манипуляциях. Ответственность за переворот в Гватемале в 1954 году в равной степени несут фирма «Юнайтед фрут» и ЦРУ, за переворот в Чили в 1973 году — фирма ИТТ и ЦРУ. Можно найти десятки других примеров...

Дэвид Уайз и Томас Б. Росс в своей книге «Шпионаж» показывают, что ЦРУ с момента его создания пользовалось поддержкой многочисленных «высокопоставленных лиц» — деловых людей, юристов, финансистов — тех, кто является верхушкой американского истеблишмента и, как считают, оказывает большое влияние на американскую политику.

«Моррис Хэдли, в прошлом директор фонда Карнеги, сын Артура Туайнинга Хэдли, бывшего президента Йельского университета, одного из основных компаньонов знаменитой юридической фирмы Уолл-стрита «Мильбэнк, Твид, Хэдли и Макклой», предоставил в распоряжение ЦРУ канал фонда Рубикон, принадлежащего его семье.

Эли Уитни Дебевуаз, бывший заместитель Верховно-

го комиссара в Германии, компаньон крупной юридической фирмы Уолл-стрита «Дебевуаз, Плимpton, Лайонс и Гейтс», был одним из руководителей Американского совета содействия Международной комиссии юристов — еще одного канала ЦРУ.

Его компаньон Фрэнсис Т. П. Плимpton, бывший заместитель представителя США в Организации Объединенных Наций, руководил фондом по делам молодежи и студентов, субсидировавшимся ЦРУ. А президентом этого фонда был Артур Эмори Хоугтон, президент фирмы «Стейбен гласс», директор фирмы «Корнинг гласс Йоркс» и «Ю. С. стил корпорейшн», президент Метрополитэн-музея и уполномоченный фонда Рокфеллера.

Джон Хей Уитни, бывший посол в Великобритании и владелец газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», основал филантропическую организацию «Трест Уитни», частично финансируемую фондом Грейнери, также являющимся каналом ЦРУ.

(...) Издатель газеты «Пост» в Хьюстоне и бывший министр здравоохранения в правительстве Эйзенхауэра Отива Калп Хобби позволил ЦРУ использовать в качестве канала фонд Хобби. Джон У. Миком — нефтяной воротила — был одним из создателей фонда Сан-Джасинто, тоже канала ЦРУ. Федеральный судья Сара Т. Хьюз, принимавшая присягу при вступлении на пост президента Джонсона, была одним из администраторов фонда Хоблитцелла, использующего средства ЦРУ, а Леон Яворски, юрист и друг президента, занимал такой же пост в фонде М. Д. Андерсона, который также пользовался деньгами ЦРУ».

САМОЛЕТЫ И ОРУЖИЕ

Уже давно было известно, что ЦРУ является владельцем авиакомпаний. Можно даже сказать, что эти компании были предшественниками ЦРУ, поскольку первым органом тайного американского вторжения была авиаэскадрилья «Летающие тигры» генерала Ченно (Chennault), поддерживавшая действия Чан Кайши в Китае в 1946 году. Она входила в авиакомпанию «Сивил эйр транспорт» (СЭТ), продолжавшую после 1949 года действовать с территории острова Тайвань. В 1950 году СЭТ волилась в фирму «Пасифик корпорейшн» — дочернее

предприятие ЦРУ¹. В докладе генерала Лэнсдейла, опубликованном в «Досье Пентагона», говорится: «„Сивил эйр транспорт“ доказала свою способность действовать в самой разнообразной обстановке и выполнять долгосрочные задачи, поставленные правительством США. За последние десять лет она записала в свой актив блестящие операции, в их числе оказание поддержки силам китайских националистов во время их эвакуации с континента, выброска на парашютах снаряжения французским войскам, окруженным в Дьен-Бьен-Фу, полное обеспечение снабжения по воздуху и тактической поддержки в ходе индонезийской операции, более 200 полетов над территорией Китая и Тибета, постоянное обеспечение операций в Лаосе в период нынешнего кризиса».

Позднее «Сивил эйр транспорт» разделилась на три ветви: «Эйр Эйша», «Эйр Америка» и собственно «Сивил эйр транспорт». «Эйр Америка» осуществляла, в частности, материально-техническое обеспечение секретной войны в Лаосе и вспомогательных операций военного характера в Таиланде и Южном Вьетнаме. В 1972 году компания имела 125 собственных самолетов и 40 арендовала, ее персонал насчитывал 5 тыс. человек. «Эйр Эйша», базировавшаяся на Тайване, имела 8 тыс. служащих. У других авиакомпаний — «Сазерн эйр транспорт» и «Интермаунтин авиэйшн» — задачи были иные. Первая должна была в Латинской Америке играть ту же роль, что и «Эйр Америка» и «Эйр Эйша» в Азии. По словам Маркса и Маркетти, «она представляла собой силу воздушного вторжения, всегда готовую к непосредственным действиям для оказания поддержки любым акциям, предпринимаемым против повстанческого движения или для свержения враждебного правительства». Действовавшая с базы Таксон в штате Аризона авиакомпания «Интермаунтин авиэйшн» использовалась для подготовки тибетских «повстанцев» в 1958—1960 годах, а также во время событий в Конго в 1960 году; она же перепродавала Португалии в 1965 году бомбардировщики Б-26.

В разных районах мира для выполнения конкретных оперативных задач создавались многочисленные другие авиакомпании. Упомянем «Дабл чек кóрпорейшн» и

¹ История авиакомпаний ЦРУ описана в упоминавшейся книге J. Marks et V. Marchetti. La CIA et la culte du renseignement. История этих компаний в Юго-Восточной Азии подробно изложена в книге Alfred McCoy. The Politics of Heroin in Southeast Asia, Harper and Row, 1972.

«Карибиен марин эйр корпорейшн» («Карамар»), которые были созданы для поддержки операций против Кубы. Фирмы «Пасифик инджиниринг корпорейшн» и «Интерпрогресс лимитед» связаны с «Пасифик корпорейшн». «Интерпрогресс», организующая коммерческие ярмарки в Европе и странах Востока, связана с посреднической фирмой «Роберт М. Муллен энд компани», которая упоминалась в связи с уотергейтским делом, и играет, по-видимому, очень большую роль в качестве прикрытия для деятельности ЦРУ благодаря своим филиалам во всем мире. Эпизодически в роли посредников и для прикрытия финансовых операций ЦРУ появляются и другие фирмы: в 1960 году авиакомпания «Сазерн эйр транспорт» была приобретена при посредничестве фирмы «Сюйдем энд компани». Финансирование этой авиакомпании осуществлялось через другую фирму, служащую коммерческим прикрытием для ЦРУ, — «Актус текнолоджи». Компания же «Мэнюфэкчурерз Хановер» известна как один из основных хранителей денежных фондов ЦРУ.

Всемирную известность приобрела еще одна фирма, принадлежащая ЦРУ, — «Интерармко». Она была основана в 1953 году агентом ЦРУ Сэмом Каммингсом, отличившимся во время войны в Корее. Эта компания со штаб-квартирой в штате Вирджиния и многочисленными филиалами (Монте-Карло, Манчестер, Претория, Сингапур и т. д.) поставляет оружие для армий, полиции и наемников во всем мире. Таким образом, ЦРУ держит в своих руках определенную часть мировой контрабанды оружием. Снаряжение для проведения своих тайных операций ЦРУ получает также через «Интерармко»¹.

Радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода», находившиеся под покровительством, соответственно, «национального комитета за свободную Европу» и «американского комитета освобождения», были созданы в разгар «холодной войны» в 1950 году. Они часто оказывались причастными к инцидентам с Советским Союзом и восточноевропейскими странами. Несколько лет назад они официально перестали принадлежать ЦРУ². Во время проведения операций против Кубы ЦРУ создало так-

¹ Современное название фирмы — «Интерармз».

² Так, по крайней мере, говорится. Служащий радиостанции «Свободная Европа», работавший в ее штаб-квартире в Мюнхене и перешедший в Чехословакию, заявил, что радиостанцией по-прежнему руководят работники ЦРУ и что она продолжает использоваться в

же специальную радиостанцию для Карибского бассейна — «Радио Свэн». Эта радиостанция функционировала под управлением фирмы «Джибралтар стимшип корпорейшн», преобразованной позднее в «Вангард сервис корпорейшн». Радиостанция тоже сменила имя и называется «Радио Америкас». Президентом фирмы «Джибралтар стимшип» был бывший президент компании «Юнайтед фрут» Томас Д. Кэбот. Все эти радиостанции одновременно с выполнением своей основной роли служили прикрытием для проведения секретных операций ЦРУ. Эпизодически в различных оперативных зонах ЦРУ использовало еще несколько пропагандистских радиостанций (в Юго-Восточной Азии, Индии, Африке). По-видимому, пользуясь различными прикрытиями, оно продолжает контролировать некоторые радиостанции, находящиеся в стратегически важных зонах нашей планеты.

Наконец, ЦРУ выступает в роли компаньона многочисленных фирм, которые соглашаются служить ему прикрытием, иногда, может быть, в обмен на получение налоговых льгот. Нефтяная компания «Эшлэнд ойл» предала гласности в июле 1975 года факт получения ею от ЦРУ в период с 1968 по 1973 год 98 968 долл. Речь идет о возмещении расходов на заработную плату агентов ЦРУ, служивших под прикрытием нефтяной компании. Следует указать, учитывая возможную связь между этими двумя фактами¹, что «Эшлэнд ойл» фигурировала в числе тех американских фирм, которые были обвинены в подкупе с помощью крупных взяток иностранных политических деятелей. Эти обвинения были публично высказаны сенатской подкомиссией по многонациональным корпорациям, которой руководил сенатор Фрэнк Черч². Так, «Эшлэнд ойл», как полагают, выпла-

качестве прикрытия для проведения тайных операций ЦРУ. Директор радиостанции Ричард Кук в ответ на это сказал: «У нас нет служащих, которые имели хотя бы малейшие связи с ЦРУ» ("Washington Post", Jan. 29, 1976.)

¹ Практика подкупа с помощью взяток не только служит непосредственным коммерческим интересам фирмы, но также, если достигается нужный результат, она способствует американскому проникновению вообще: международный концерн, обосновавшись в определенной стране, может открыть свои филиалы, влиять путем подкупа на ее политику и в конечном счете служить базой для проведения тайных политических операций. Лучший тому пример — деятельность фирм ИТТ и «Юнайтед фрут» в Латинской Америке.

² В числе крупнейших фирм, обвиняемых в таких действиях, были «Локхид», «Боинг», «Галф ойл», «Нортроп», «Юнайтед брэндз».

тила коммиссионные президенту Габона Альберу Бонго в сумме 150 тыс. долл. и еще по 40 тыс. долл. двум высокопоставленным лицам из Габона. Взятки фирма давала также в Ливии, Нигерии, Доминиканской Республике. Цель этих «коммиссионных» состояла в том, чтобы обеспечить фирме «Эшлэнд ойл» исключительное право на нефтяные концессии.

СТУДЕНТЫ И ФОНДЫ

14 февраля 1967 г. на рекламной странице газеты «Нью-Йорк таймс» американский журнал «Рэмпартс» объявил, что в своем мартовском номере он опубликует разоблачительные материалы о том, каким образом «ЦРУ 15 лет назад внедрилось с подрывными целями в мир американских студентов». Не ожидая появления объявленной статьи в «Рэмпартс», «Нью-Йорк таймс» уже 17 февраля писала: «Национальная ассоциация студентов, самая крупная студенческая организация США, признала, что примерно с 1950 и по прошлый год она получала средства от ЦРУ. Президент ассоциации Юджин Гроув заявил вчера, что эти средства использовались для финансирования международной деятельности ассоциации, в том числе поездок ее представителей на конгрессы за границу и организации программ обмена студентами.

Сегодня государственный департамент признал, что в течение 10 лет ЦРУ внесло значительный финансовый вклад в деятельность Национальной ассоциации студентов США и что эта субсидия была одобрена в самых высших инстанциях в правительстве...»

Спустя несколько дней та же газета добавляла: «Самые разнообразные организации молодежи, студентов, преподавателей университетов, исследователей, журналистов, деловых людей, юристов и трудящихся в США и за границей начиная с 50-х годов получают миллионы долларов от фондов, являющихся посредниками в деле распределения средств ЦРУ или источником капитала которых является то же управление.

Список названий организаций, опубликованный в понедельник вечером, непрерывно увеличивается. Названия некоторых организаций получены из правительственных источников. Некоторые детали сообщены ответственными представителями заинтересованных групп,

различными лицами в индивидуальном порядке и организациями в публичных и частных заявлениях.

Названия других организаций стали известными из информации о финансах и налогах, представленной подкомиссии палаты представителей, занимающейся расследованием деятельности фондов с 1964 года.

Пока не удалось установить, все ли эти организации по-прежнему получают помощь, а также сколько организаций или посредников, через которых распределяются средства ЦРУ, все еще продолжают существовать...»¹.

Из многочисленных разоблачений и расследований, последовавших за этими сообщениями, стало известно, что ЦРУ внедрилось во все крупные международные профсоюзные организации².

Были также выявлены связи ЦРУ с многими фондами. Вот, например, далеко не исчерпывающийся список культурных организаций, служивших прикрытием для ЦРУ или в которые внедрились американские агенты и заняли в них самые видные посты: фонд Тауэра, фонд Готхэма, трест Бордена, фонд Бикона, фонд Хейтса, фонд Уиллифорда — Тэлфорда, фонд Эдселя, фонд Сан-Мигуэля, фонд Кентфилда, фонд Монро, фонд Мичиган, фонд Эндрю Гамильтона, фонд Аппалачи, фонд Уайнневуда, трест Чарлза Прайса Уиттена, трест Джеймса Карлайла, фонд Прайса. Эти 17 фондов передают деньги через 7 следующих посредников: фонд М. Д. Андерсона, фонд Хоблитцелла, фонд Дж. М. Каплана, фонд Бейрда, фонд милосердия Рабба, фонд Маршалла, фонд Дж. Фредерика Брауна. В числе основных получателей средств значатся: американский совет содействия Международной ассоциации юристов, Конгресс за свободу культуры, Институт международных трудовых исследований, Синод епископов русской церкви вне России, Афро-Американский институт, организация «Американские друзья Среднего Востока», американское общество африканской культуры, Институт международного образования, Институт общественной администрации, научно-исследовательская программа Этуотер в Северной Африке, Национальная ассоциация студентов.

¹ Из книги *Alain Cuérin. Qu'est-ce que la CIA? Editions Sociales, 1968.*

² Об этом подробно говорится в книге *J. Marks et V. Marchetti. Op. cit.*

Операция „Хаос“

*Материал подготовлен
Люсьеном Ковальсоном*

«Вы здесь хорошо поработали. Но волнения в Детройте покажутся пикником по сравнению с тем, что произойдет, когда все негры, объединившись, возьмут в свои руки то, что им принадлежит».

Эти слова произнес Раф Браун, руководитель Координационного комитета студентов — противников насилия, 27 августа 1967 г., обращаясь на улице среди разгромленных магазинов к повстанцам детройтского гетто.

Лето 1967 года. В негритянских гетто: 75 выступлений в разных городах, 83 убитых, 1897 раненых, 16 389 арестованных, ущерб — 664 млн. долл. В Ньюарке и Детройте выступления принимают характер восстаний. Полиция открывает огонь. Белая Америка ошеломлена.

Лозунги «Черный красив!», «Черный велик!», «Черная власть» определили новый политический стиль. Партия «Черных пантер» приходит на смену негритянским движениям, боровшимся легальными средствами за признание гражданских прав, и открыто призывает к вооруженным столкновениям, изобретает партизанскую войну в городах. В 1970 году руководитель «Черных пантер» Элридж Кливер, преследуемый полицией, заявил в Алжире, где он находился в изгнании: «Мы пробудили политическое сознание многих. В этом наш основной и самый важный успех. Когда люди осознали свое положение, я сомневаюсь в том, чтобы правительство смогло дать задний ход. «Черным пантерам» удалось также развеять чувство отчужденности друг к другу, существовавшее между черными и белыми революционерами».

Декабрь 1967 года. Во Вьетнаме воюет около 500 тыс. американских солдат. Сотни тысяч студентов по призы-

ву организации «Студенты — за демократическое общество» выходят по всей Америке на демонстрации против войны.

С 1 января 1969 г. по 15 апреля 1970 г. у правительственных зданий и банков взрываются 4330 бомб.

«Алло! Меня зовут Бернардина Дорн! Я зачитаю декларацию об объявлении войны. Это коммюнике номер один тайной организации „Уэзермэн“». Это неожиданное сообщение было распространено 21 мая 1970 г. Воспользовавшись словами песни Боба Дилана «Нет нужды быть метеорологом, чтобы знать, откуда дует ветер...», они назвали свою организацию «Уэзермэн», что значит «метеорологи», и объявили войну американскому государству.

1971 год был отмечен умножением числа студенческих демонстраций на всей территории США. В мае в Вашингтоне демонстранты выкрикивали: «Если правительство не положит конец войне, мы положим конец правительству!»

Уже в 1967 году в одном из докладов ФБР довольно ясно проявляется озабоченность правительства, столкнувшегося с этой новой формой политических действий: «Одним из важнейших примечательных явлений 60-х годов в Америке является эволюция и развитие того, что сейчас называют «новые левые». Это движение молодых бунтарей, которое увлекло от 100 тыс. до 300 тыс. студентов колледжей, подтачивает устои общества, вызывает серьезные волнения в стране». Правительство привыкло в рамках политики «холодной войны» бороться против влияния коммунистов, и новые методы, применяемые молодыми американцами, удивляют его.

О возникших трудностях говорится в главах доклада комиссии Рокфеллера. Непрерывно, одно за другим проходят межведомственные совещания для выработки стратегии разведки в вопросах «гражданских беспорядков», но результаты остаются неудовлетворительными. Только ЦРУ, по-видимому, способно осуществлять политический анализ — в данных условиях это ценнейшее качество. Очень гибко, опровергая существование международного заговора, ЦРУ проводит крупную разведывательную операцию внутри страны. Операция «Хаос», секретнейшая из секретных, будет продолжаться четыре года. Историю ее мы и расскажем здесь.

Подготовка

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА

В августе 1967 года в службе контрразведки ЦРУ под непосредственным руководством директора ЦРУ была организована Группа специальных операций. Эта группа была создана по просьбе Белого дома. Ее цель: сбор, классификация и оценка информации о контактах с заграницей американских участников движений протеста. В рамках этой операции, которая будет известна в дальнейшем под названием операции «Хаос», ЦРУ занялось изучением американских движений протеста, используя для этого как свои собственные отделения за границей, так и ФБР. Хотя заявленной целью операции было лишь выявление наличия (или отсутствия) контактов между оппозиционными группами и заграницей, в ходе ее была собрана значительная информация об американской оппозиции и ее деятельности. За шесть лет группой было заведено 13 тыс. досье, в том числе на 7200 американских граждан. В досье упоминались имена 300 тыс. лиц и организаций. Все эти имена были заданы электронно-вычислительной машине.

Даже внутри ЦРУ эта информация тщательно охранялась, чтобы никто, не входящий в состав Группы специальных операций, не мог ею воспользоваться. На основе собранной информации группа подготовила 3 тыс. 500 докладных записок для внутреннего пользования, 3 тыс. — для ФБР и 37 — для высокопоставленных официальных лиц.

Персонал группы, насчитывавший 52 человека, не подчинялся ни одной из служб ЦРУ, в том числе и контрразведке, и был независимым от него даже в техническом отношении.

С точки зрения организационной структуры ЦРУ операция «Хаос» должна была находиться в ведении

контрразведки. Но функция контрразведки состоит скорее в том, чтобы выявлять иностранных агентов или информаторов, проникших в американские разведывательные или правительственные службы, чем в наблюдении за деятельностью политической оппозиции.

По-видимому, решающую роль в операции играла другая служба ЦРУ, хотя она, равно как и имя руководителя группы «Хаос», в докладе комиссии Рокфеллера не названа¹. С точки зрения некоторых мероприятий, теоретически входящих в компетенцию контрразведки, ЦРУ рассматривает территорию США как иностранное государство. Со всей строгостью применяются правила конспирации. Такие операции проводятся отделом внутренних операций (Domestic Operation Division). Маркетти описывает его следующим образом:

«Отдел внутренних операций, численность персонала которого достигает нескольких сот человек, а годовой бюджет — 10 млн. долл., является механизмом, прочно занявшим свое место в системе секретных служб. Административный центр отдела размещается не в Лэнгли, где находится штаб-квартира ЦРУ, а в отдельном здании в Вашингтоне на Пенсильвания-авеню, совсем рядом с Белым домом. Там же находится вашингтонское отделение, аналогичные отделения имеются в основных городах Америки. Этот отдел независим от других подразделений ЦРУ в вопросах подбора кадров и установления контактов с американскими гражданами, выезжающими за рубеж».

Имеется ряд оснований, которые позволяют утверждать, что отдел внутренних операций был причастен к операции «Хаос». Свидетельства одного агента, работавшего в нью-йоркском отделении, весьма показательны. Они приводятся ниже. Задачи, возлагавшиеся на этого агента, были идентичны задачам агентов группы «Хаос».

Операция «Хаос» началась в конце 1969 года. Были завербованы агенты для получения сведений вне США о контактах групп американских инакомыслящих с заграницей. Для обеспечения им лучшего «прикрытия»

¹ В журнале «Ньюсунк» от 23 июня 1975 г. названо имя Ричарда Обера, офицера ЦРУ, затем ведавшего вопросами взаимодействия ЦРУ с Агентством национальной безопасности,

они были завербованы из числа членов самих групп протеста, а если их вербовали на стороне, то им давали необходимую подготовку, с тем чтобы они могли внедриться в эти группы. В принципе они не должны были собирать сведения о деятельности этих групп на территории США. Тем не менее во многих случаях эти агенты представляли такие сведения в период их внедрения в антивоенное движение, и их информация хранилась в досье группы «Хаос». В трех случаях агенты группы «Хаос» были использованы специально для сбора сведений о внутренней деятельности в США групп протеста на территории США.

Эти нарушения закона можно отчасти объяснить характером задачи, поставленной перед группой «Хаос»: выявить иностранное влияние на оппозиционные группы. В такой задаче обязательно должны быть два аспекта — внутренний и внешний. Ответить на поставленный вопрос было невозможно без информации об американских гражданах, участвующих в оппозиционных движениях, и их деятельности. Поэтому с самого начала в связи с каждым мероприятием такого рода неминуемо должен был вставать вопрос: следует ли ЦРУ заниматься делами внутренней безопасности и идти, таким образом, на превышение прав, данных ему законом? Настоятельные требования президентов, по-видимому, побуждали ЦРУ заниматься этой проблемой, к тому же без необходимой в таком деле осторожности. Два президента¹ и их окружение настойчиво и непрерывно требовали, чтобы ЦРУ представляло им подробную информацию о возможной связи между заграницей и американской оппозицией. Многократно повторенные выводы докладов ЦРУ об отсутствии существенных связей между внутренними беспорядками и заграницей дали повод Белому дому потребовать, чтобы ЦРУ при изучении этих вопросов ничего не оставляло без внимания и принимало все необходимые меры для ликвидации «белых пятен» в имеющейся информации.

В результате таких неоднократных требований ЦРУ, пытаясь более полно обосновать и доказать справедливость своих выводов, наращивало силы и средства, введенные в действие в рамках операции «Хаос», в том числе и количество действующих агентов. Эти требования Белого дома, по-видимому, способствовали тому, что

¹ Джонсон и Никсон.

руководители ЦРУ очень широко трактовали свои конституционные права и иногда выходили за их границы.

Чрезмерная секретность, окружавшая операцию «Халос», ее изолированность даже внутри самого ЦРУ, независимость от обычных иерархических путей принятия решений препятствовали любому надзору и контролю за ее осуществлением со стороны официальных лиц организации, не связанных непосредственно с этим проектом.

В связи с усилением расовых и гражданских беспорядков¹ президент Джонсон создал 29 июля 1967 г. Национальную комиссию по гражданским беспорядкам (комиссия Кернера²). Президент поручил этой комиссии провести расследование с целью выявления корней расовых волнений. Одновременно он приказал всем министерствам и службам правительства оказывать помощь комиссии, предоставляя ей необходимую информацию. Начальник Оперативного управления ЦРУ Томас Карамессинес поручил 15 августа 1967 г. начальнику контрразведки разработать разведывательную операцию с целью выяснения зарубежной деятельности подрывных студенческих движений. Инициатором этого указания был, по его собственному признанию, Ричард Хелмс, отдавший его в результате настоятельных требований президента, желавшего знать о каком бы то ни было иностранном влиянии на недавние события.

Свидетельство Хелмса подтверждается памятной запиской ФБР, относящейся к этому периоду: «Недавно Белый дом потребовал от директора ЦРУ Ричарда Хелмса, чтобы оно приложило особые усилия для сбора информации о лицах, занимающихся агитацией в связи с расовым вопросом и совершающих заграничные поездки... В результате оказанного на Хелмса давления в ЦРУ был создан новый отдел, официальная цель которого состоит в сборе поступающей в ЦРУ информации,

¹ На весну и лето 1967 года пришелся максимальный размах негритянского движения. Никогда до этого оно не достигало таких масштабов: 75 выступлений в разных городах, 16 тыс. человек арестованы. В тот же период активизируются действия американцев в Южном Вьетнаме. 19 мая американские вооруженные силы впервые бомбардируют Ханой. Резко возрастает число антивоенных демонстраций, во время которых происходят столкновения студентов с полицией.

² Доклад комиссии Кернера представляет собой обширное исследование о причинах негритянских волнений 1967 года. В докладе делается попытка понять и проанализировать, чем были вызваны волнения в негритянских гетто.

имеющей какое-либо отношение к расовым волнениям в США».

Проблема иностранного вмешательства во внутренние волнения затрагивала вопросы, входящие как в компетенцию ФБР (деятельность внутри страны), так и в компетенцию ЦРУ (возможные контакты с заграницей). В отличие от ЦРУ, ФБР обычно представляло информацию в необработанном виде, без анализа. Вероятно, это и послужило поводом для президента обратиться к ЦРУ.

Когда 29 августа 1967 г. начальник-исполнитель комиссии Кернера обратился к Хелмсу с просьбой представить информацию об агитационной деятельности внутри США, Хелмс согласился, но при условии, что информация ЦРУ будет касаться только связей этой деятельности с заграницей. В конечном счете ЦРУ представило комиссии 25 докладов, некоторые из которых широко освещали внутривнутриполитические вопросы.

Параллельно ЦРУ и другие организации создали внутренние разведывательные службы.

ДУБЛЕРЫ ФБР

[...] Министерство юстиции первым в 1967 году создало ряд секретных разведывательных подразделений для добывания информации о деятельности американских движений протеста. [...] Министр юстиции Кларк поручил своему помощнику по вопросам гражданских прав Доару организовать сбор сведений о лицах, замешанных в «гражданских беспорядках». Доар предложил образовать единое разведывательное подразделение, которое анализировало бы поступающую от ФБР информацию о группах и лицах, действующих с территории негритянских гетто. В то время ФБР было единственным поставщиком таких сведений. Доар рекомендовал работать в сотрудничестве с федеральными программами борьбы с бедностью, с программами министерства труда и т. д.¹ Доар признавал всю «деликатность» проблем, которые могли возникнуть в связи с использованием таких

¹ В результате выступлений в негритянских гетто администрация Джонсона разработала гигантские планы социальной помощи, чтобы попытаться ликвидировать бедность в самом сердце американского общества.

дополнительных источников информации, но, несмотря на это, он рассчитывал получить таким путем конкретную и предметную информацию. Доар предлагал также использовать налоговую службу и, возможно, почтовое ведомство. В этих предложениях ЦРУ не упоминалось.

Предложения Доара были одобрены министром юстиции Кларком 9 ноября 1967 г. По мнению Кларка, министерство юстиции остро нуждалось в сведениях об организации движений протеста, «гражданских беспорядков» и бунтов. Для разработки организационной структуры разведывательного подразделения он образовал комитет, в указаниях которому подчеркивалось, что «разработка и организация (этого мероприятия) должны осуществляться в строго конфиденциальных условиях».

6 декабря комитет рекомендовал, чтобы в дополнение к информации, получаемой от ФБР, подразделение установило с этой целью контакты с другими разведывательными органами, и в частности с ЦРУ. Для осуществления этой рекомендации министр юстиции создал Межведомственную информационную группу (Inter Division Information Unit), цели которой состояли в «изучении и приведении в пригодную для использования форму любой информации, касающейся организаций и лиц на всей территории страны, которые могут намеренно или ненамеренно играть определенную роль в побуждении к «гражданским беспорядкам», их развитию, а также в руководстве ими».

Подразделение собирало сведения об участниках акций протеста и вводило их в вычислительную машину. Оно выпускало ежедневные и еженедельные бюллетени и пыталось прогнозировать акции протеста.

После избрания Никсона на пост президента новый министр юстиции — Джон Митчел встретился 14 мая 1969 г. с директором ЦРУ Ричардом Хелмсом, «чтобы обсудить вопрос о выработке планов разведывательных действий против внутренних движений протеста». По мнению Митчела, ФБР было неспособно собрать надлежащую информацию о внутренней деятельности движений протеста, тогда как Межведомственная информационная группа лучше подходила для выполнения этой задачи. Хелмс предложил установить отношения между ЦРУ и министерством юстиции, с тем чтобы давать консультации министерству в связи со стоящими перед ним разведывательными задачами. Напротив, он отказался от предложения Митчела откомандировать

для работы в Межведомственной группе служащих ЦРУ, мотивируя это возможными «политическими последствиями». После этого Хелмс поручил начальнику службы специальных операций, который руководил операцией «Хаос», установить связь с министерством юстиции. [...]

Межведомственной информационной группе было поручено собирать и оценивать информацию, предназначенную для министерства юстиции и для президента, а также предусматривать необходимые силы для действий в случае возникновения беспорядков. Затем поступившая информация вновь оценивалась и анализировалась Комитетом по оценке информации (Information Evaluation Committee), состоящим из представителей министерства юстиции и секретной службы¹. Учитывая отсутствие у них опыта в деле оценки информации, представители министерства юстиции в этом комитете — Леонард и Дейвин обратились за помощью и советом к ЦРУ. 27 мая 1969 г. начальник службы специальных операций встретился с Леонардом и Дейвином. В записях офицера ЦРУ отмечается, что Леонард настаивал на его участии в одном из заседаний Комитета по оценке информации, при этом он подчеркивал, что неофициальный характер комитета гарантировал сохранение в тайне факта участия ЦРУ в его работе. Офицер отклонил это предложение, ссылаясь на то, что Хелмс придает большое значение тому, «чтобы ЦРУ не оказалось слишком глубоко втянутым в вопросы внутренней политики». Однако он высказал предположение, что ЦРУ могло бы принести пользу, предоставляя информацию о передвижениях и контактах лиц, находящихся под наблюдением, а также консультируя комитет в связи с его работой по оценке информации.

Поставленный в известность об этих переговорах, Хелмс одобрил предложения своего офицера, подчеркнув, однако, что участие ЦРУ в этой работе является неофициальным и офицеру надлежит хранить в тайне эти связи даже внутри ЦРУ. Хелмс высказал предположение, что, может быть, в дальнейшем и если возникнет такая необходимость, офицер сможет проинформировать об этом своего прямого начальника — начальника контрразведки. [...]

¹ Секретная служба обеспечивает также охрану президента. Она играет роль личной секретной службы при Белом доме.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ СИСТЕМ

18 июня 1969 г. Дейвин познакомил офицера связи ЦРУ с системой обработки информации Межведомственной группой. Он разъяснил, что эта служба зачастую была не в состоянии предвидеть «общественные беспорядки» главным образом из-за того, что информация поступает недостаточно заблаговременно. Была достигнута договоренность, что Дейвин «передаст ЦРУ материалы, обработанные в Межведомственной группе на электронно-вычислительной машине, для того чтобы их можно было сопоставить с информацией о зарубежных поездках лиц, участвующих в движении протеста, которой располагает операция «Хаос». Это позволило бы также специалистам Центрального разведывательного управления давать полезную консультацию министерству юстиции по вопросам практического использования материалов, выдаваемых ЭВМ». [...]

Офицер ЦРУ попросил у Дейвина также копию магнитной ленты с записью программы, используемой Межведомственной группой. Мысль его состояла в том, чтобы с помощью этой программы и программы ЦРУ сравнить имеющуюся информацию. ЦРУ хотело выяснить, имеется ли у него информация сверх той, которую Межведомственная группа получила от ФБР. Руководителю операции «Хаос» был передан экземпляр такой ленты, и он хранил его лично в безопасном месте. О том, что ЦРУ располагает документами министерства юстиции, знали только Хелмс и один программист из группы «Хаос».

Руководитель операции и программист попытались использовать ленту Межведомственной группы в системе электронной обработки информации операции «Хаос», но дело это оказалось столь сложным, что им пришлось отказаться от его осуществления. Никакая информация Межведомственной группы не была использована в ходе операции «Хаос» и не была включена в досье ЦРУ. По окончании операции «Хаос» в марте 1974 года магнитная лента, полученная от Межведомственной группы, была в конце концов уничтожена. [...]

ДОКЛАД ХЕЛМСА

Во главе Группы специальных операций был поставлен офицер, который уже участвовал в контрразведывательных мероприятиях, в частности в связи со статьей, опубликованной в журнале «Рэмпартс», о взаимоотношениях между ЦРУ и американскими молодежными организациями за границей. Во время проводившихся им изысканий и анализов он начал создавать систему обработки с помощью ЭВМ информации о лицах, участвующих в движениях «новых левых». В октябре 1967 года этот офицер начал подготовку операции по изучению связей между заграницей и движениями протеста внутри США. В докладе от 31 октября он указывал, что ЦРУ готовится предпринять исследование о «международных контактах американского антивоенного движения».

ЦРУ немедленно взялось за сбор всех сведений о группах инакомыслящих, какими располагали правительственные службы. Все местные отделения ЦРУ и их секретные службы должны были участвовать в этой работе, передавая Группе специальных операций любые сведения, какими они располагали по этому вопросу. Самая большая часть сведений была получена от Федерального бюро расследования.

Все сведения, собранные группой, были переданы в отдел иностранной разведки ЦРУ, который к середине ноября завершил их изучение. 15 ноября 1967 г. директор ЦРУ Хелмс лично вручил доклад президенту Джонсону. В сопроводительной записке он писал: «Представляю запрошенное Вами исследование об антивоенных движениях в США».

Из доклада следовало, что доказательств связи этих движений с заграницей слишком мало. В нем говорилось, кроме того, что нет оснований для утверждений об иностранной финансовой поддержке деятельности антивоенного движения в США. Собранная группой информация служила ей и в дальнейшем. По распоряжению директора ЦРУ 20 ноября была начата работа над новым исследованием. Тема его была «Методы манифестаций». Исследование проводилось в международном масштабе, поскольку оно затрагивало изучение антивоен-

ных манифестаций как в США, так и за границей. Для сбора информации применялись те же методы, что и при предыдущем исследовании. Первый вариант доклада ЦРУ направило президенту 22 декабря 1967 г., а 5 января 1968 г. Хелмс передал президенту исследование, озаглавленное «Студенческое движение в США и его методы». В сопроводительном письме Хелмса президенту говорилось, что данное исследование представляет собой лишь часть «вклада ЦРУ в исследования по этому вопросу». И вновь хранилище информации группы пополнилось за счет материалов, собранных для этих исследований.

Сбор информации

КОДОВОЕ НАЗВАНИЕ

Непрерывные демонстрации против войны во Вьетнаме породили у Белого дома в 1968 году желание побольше узнать о зарубежной деятельности групп протеста¹. Во время событий 1968 года в Западной Европе ЦРУ решило использовать, совместно с ФБР, свои европейские отделения для наблюдения за деятельностью американских граждан за границей и доказать, что американские группы протеста действуют по указке, управляются или финансируются из-за границы.

В середине 1968 года ЦРУ усилило свои действия в этом направлении. Система информации была реорганизована таким образом, чтобы все сведения по этому вопросу поступали только и исключительно в Группу специальных операций. Группе было присвоено кодовое название «Хаос». Отныне информация должна была передаваться по единственному каналу, который вел непосредственно к начальнику группы «Хаос». Все сообщения помечались грифом «только лично»². Такая информация не подлежала передаче никому другому.

По просьбе президента Хелмс в 1968 году дал указание провести новое исследование о студенческом движении протеста во всем мире. Оно должно было называться «Бунтующая молодежь». Из этого доклада следовало, что корни духа радикализма среди студенчества следует

¹ 1968 год в США был особенно беспокойным. 4 апреля убит Мартин Лютер Кинг. Взрыв волнений в Западной Европе в мае 1968 года приводит в замешательство американских руководителей. 5 июня убит Роберт Ф. Кеннеди. В течение июля происходит 211 выступлений в негритянских гетто. Мощные демонстрации против продолжения войны во Вьетнаме нарушают работу национального съезда демократической партии, проходившего в Чикаго с 26 по 29 августа.

² До этого гриф «только лично» применялся для передачи сообщений в ходе операции «Лумумба» (см. ч. 1, гл. 2).

искать в общественно-политическом недовольстве в самих Соединенных Штатах, а не в заговоре, импортированном из-за границы. Существовали два варианта доклада. Первый был передан президенту и его советнику по внутренним делам Уолту У. Ростоу. На титульном листе приложенной к нему памятной записки от 4 сентября 1968 г. Хелмс написал: «Вы, разумеется, почувствуете весьма деликатный характер этого доклада ввиду того, что это доклад ЦРУ о деятельности студенческого движения как за границей, так и в США».

Другой экземпляр этого доклада был передан Генри Киссинджеру 18 февраля 1969 г. в связи со сменой администрации после избрания президентом Никсона. Генри Киссинджер в то время был его советником по вопросам безопасности. В сопроводительном письме Хелмс вновь подчеркивал, что по закону вопросы, рассматриваемые в докладе, не входят в компетенцию ЦРУ: «В связи с нашим разговором по этому вопросу хотелось бы уточнить, что в докладе имеется глава, касающаяся американских студентов. Этот вопрос не входит в компетенцию ЦРУ, поэтому я позволю себе вновь обратить Ваше внимание на деликатный характер этого доклада. Если когда-нибудь кто-либо другой познакомится с его содержанием, это поставит нас всех в очень затруднительное положение».

Второй вариант, из которого была изъята глава о деятельности внутри страны, получил несколько более широкое распространение среди различных разведывательных служб.

Группа «Хаос» не участвовала в составлении доклада «Бунтующая молодежь», хотя перед его выпуском некоторые места в тексте были ею отредактированы и исправлены. Но содержащуюся в нем информацию, разумеется, представила группа.

20 июня 1969 г. советник президента Никсона Том Чарлз Хастон попросил ЦРУ от имени президента представить доклад о поддержке, оказываемой движениям протеста в США иностранными коммунистами. Хастон считал, что в предыдущих докладах отсутствовала информация, добытая внутри самих движений протеста. Из письма Хастона следует, что президент хотел знать:

— какими средствами ведется наблюдение с целью выявления поддержки, оказываемой молодежным

движениям протеста в Америке иностранными коммунистами;

- эффективны ли эти средства;
- является ли отсутствие соответствующей информации следствием недостатка средств или недостаточного внимания к данному вопросу;
- какие меры можно было бы принять, чтобы обеспечить максимально возможную эффективность наблюдения за такого рода деятельностью.

Хастон хотел знать, вправе ли ЦРУ собирать подобную информацию. Для ответа был дан десятидневный срок.

30 июня 1969 г. ЦРУ дало ответ в виде доклада, озаглавленного «Поддержка иностранными коммунистами внутренней подрывной деятельности». В докладе делался вывод, что если коммунисты и оказывают поддержку в форме проведения международных конференций, то признаков, подтверждающих возможность финансирования иностранными коммунистами американских движений и обучения их участников, слишком мало, а признаки, указывающие на то, что эти движения ими контролируются или направляются, вовсе отсутствуют.

К докладу от 30 июня ЦРУ приложило памятную записку, в которой подчеркивалось, что этим вопросом оно занимается с 1967 года. В ней отмечался также факт тесного сотрудничества между ЦРУ и ФБР и сообщалось, что «будут предприняты поиски новых независимых источников информации».

ОПЕРАЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Примерно к середине 1969 года сформировалась организационная структура операции «Хаос», оставшаяся затем неизменной в течение трех лет. Численность личного состава группы была доведена до 36 человек. В июне 1969 года куратором группы было назначено крупное должностное лицо. На него возлагались решение административных вопросов и ответственность за секретную информацию, поступавшую в группу. Позднее были созданы три отдела и введено распределение обязанностей между их руководителями.

Одновременно с увеличением численности личного состава группы и расширением масштабов ее деятельности принимались меры для ее более строгой изоляции

и усиления ее защиты. Еще раньше группу разместили в подвальном помещении. Был введен более жесткий контроль за связью группы с внешним миром, даже через коммутаторы ЦРУ, для которых и так существовал строгий режим. Была установлена прямая связь с ФБР. [...]

Внутренним распоряжением директора ЦРУ Хелмса от 6 сентября руководителям всех отделов было предписано оказывать максимальную помощь в осуществлении мероприятий группы «Хаос». Применение режима строгой секретности как к содержанию распоряжения, так и к порядку его рассылки подчеркивает его важность. Хелмс вновь подтверждал в своем распоряжении, что на группу «Хаос» возлагается оперативная сторона всех мероприятий ЦРУ, касающихся «радикальных кругов». В нем выражалась надежда, что каждый отдел ЦРУ окажет содействие группе, «используя уже существующие и изыскивая новые источники, и что группа «Хаос» будет иметь доступ к этим источникам». Далее Хелмс высказывал уверенность в том, что «ЦРУ нашло правильное решение — строго соблюдать при выполнении этой задачи положения своего устава и воздерживаться от любого вмешательства во внутренние проблемы».

Распоряжение от 6 сентября, в подготовке которого принимал участие также начальник группы «Хаос», преследовало, по крайней мере, три цели: прежде всего оно подтверждало, что операция «Хаос» занимает важное место среди задач ЦРУ; затем оно давало ответ на возражения, возникшие в связи с этой проблемой в самом ЦРУ; наконец, оно гарантировало операции «Хаос» самую широкую поддержку во всем, в чем у нее может возникнуть потребность, в том числе и в обеспечении кадрами.

АГЕНТЫ, КОНТАКТЫ, ОСВЕДОМИТЕЛИ И Т. П.

Через месяц после упомянутого распоряжения от 6 сентября в распоряжение группы «Хаос» был передан действующий агент из другого отдела, и, таким образом, группе было поручено руководить своими собственными агентами. Чтобы понять, как группа «Хаос» использовала этих агентов, сначала следует рассмотреть некоторые планы, разработанные ранее другими службами ЦРУ.

I. ПЛАН № 1

В феврале 1968 года отдел безопасности вместе с одним из отделений Оперативного управления представил совместный план № 1, носивший первоначально название «План оперативных действий внутри антивоенного и негритянского движений в США». Планом намечалось внедрение агентов в основные движения такого рода для сбора информации об их связях и контактах с границей, а также об индивидуальных или групповых зарубежных поездках их участников. В марте 1968 года Хелмс отклонил это предложение, ссылаясь на то, что в случае осуществления его могли бы расценить как нарушение устава ЦРУ, и, если бы оно стало достоянием гласности, а, по его мнению, это неизбежно произошло бы, оно вызвало бы широкую кампанию нападков на ЦРУ.

Затем план был переработан. В его новом варианте запрещалось внедрение агентов ЦРУ в американские группы протеста с целью сбора информации об их деятельности в США. Любым контактам с этими группами отводилась второстепенная роль, главная же цель состояла в добывании за рубежом информации об иностранном влиянии на внутренние подрывные движения в США. Измененный таким образом план был утвержден начальником Оперативного управления при условии, однако, что вытекающие из плана действия будут осуществляться под его непосредственным контролем. Этот план, вероятно, так и не был введен в действие, во всяком случае это ничем не подтверждается.

Как показывает история плана № 1, ЦРУ было известно, что устав запрещает ему использовать агентуру в операциях внутривнутриполитического характера. Таким образом, ему запрещалось «внедрять» агентов в группы протеста на территории самих Соединенных Штатов с целью добывания сведений об их деятельности внутри страны.

II. ПЛАН № 2

В конце 1969 года то же Оперативное управление, которое ранее разрабатывало план № 1, подготовило новую программу. Она предусматривала вербовку лиц, ранее не связанных с оппозиционными группами. Их должны были обучить теории и специфической терминологии

гии, применявшимся этими группами, а затем связать с «новыми левыми», которые в то время активно действовали в колледжах США. Как говорил один офицер ЦРУ, после того как они достаточно «покраснели» и «освоились в стаде», их должны были направлять за границу с конкретными разведывательными заданиями.

14 апреля 1970 г. заместитель начальника Оперативного управления утвердил план № 2, указав при этом, что «ни один агент, используемый в рамках данного плана, не должен собирать сведения о внутренней деятельности американских групп протеста». Однако, если такого рода информация случайно попадала в руки агента в период, когда он проходил «перекраску», она должна была передаваться в группу «Хаос», которая, в свою очередь, должна была передавать ее ФБР.

С 1971 по 1973 год начальник Оперативного управления ежегодно утверждал изменения, вносившиеся в план № 2. А осенью 1973 года план был пересмотрен и исправлен новым директором ЦРУ — Уильямом Колби. При утверждении 5 сентября 1973 г. измененного плана Колби, перефразируя условия, поставленные в свое время в связи с планом № 1, сказал: «Нужно будет позаботиться о том, чтобы в период подготовки агентов на территории США ЦРУ не использовало их в мероприятиях внутреннего характера».

Между 1970 и 1974 годами были завербованы 23 агента, из которых 11 выполнили задачи, предусмотренные первой фазой плана. Каждый агент регулярно встречался для инструктивных бесед с офицерами, занимавшимися осуществлением плана № 2. Всякий раз агентам напоминали об ограниченном характере их деятельности в США. Цель этих «инструктажей» состояла в том, чтобы оценить способность агентов кратко и правильно сообщать факты, что, разумеется, является одним из первоочередных качеств агента-информатора. Хотя донесения агентов содержали много информации о деятельности групп протеста внутри страны, нет доказательств того, что на основе этих сведений были заведены дела в рамках плана № 2.

В результате этих встреч составлялись отчеты, и один экземпляр каждого такого отчета в любом случае передавался группе «Хаос», которая его тщательно изучала. Содержавшаяся в отчетах важная информация об отдельных лицах или группах пополняла материалы, накопленные в делах группы «Хаос», а затем вводилась в

ЭВМ. В зависимости от характера материалов некоторые из них передавались ФБР. Таким образом, хотя это и не входило в задачу агентов, работавших в рамках плана № 2, сотрудничество между группой «Хаос» и планом № 2 приводило тем не менее к сбору и распространению службами ЦРУ определенного объема сведений о деятельности американских групп протеста внутри страны. В своих показаниях Хелмс утверждал, что он не был в курсе этой работы. Кроме того, несмотря на усилия офицеров ЦРУ, они не всегда могли удержать своих агентов от активных действий внутри групп протеста. Один агент, например, стал руководителем одной из таких групп и, по крайней мере, один раз передал исполнителям плана № 2 протокол собрания группы.

Другой агент, действовавший в рамках плана № 2, стал советником во время кампании по выборам в конгресс и представил группе «Хаос» доклады о закулисной деятельности в ходе этой кампании.

Основная часть информации поступала в группу «Хаос» в первые годы ее существования в форме докладов других правительственных разведывательных служб и зарубежных органов ЦРУ.

Этот порядок почти полностью изменился в октябре 1969 года. Новый руководитель операции «Хаос» пошел по пути подбора, вербовки и подготовки агентов, которые работали бы непосредственно для группы «Хаос». Подобное изменение ориентации объясняется тремя факторами.

Первым и наиболее значительным из них было все усиливающееся давление со стороны Белого дома (например, письмо советника при президенте Тома Чарлза Хастона), требовавшего, чтобы ЦРУ увеличило объем и повысило точность информации о деятельности американских групп протеста и роли их связей с заграницей. Второй фактор — группе «Хаос» не удалось получить серьезную информацию на основе материалов, добытых агентурой других разведывательных органов. Третий фактор — деятельность движений протеста в США значительно расширилась.

Число таких новых агентов группы «Хаос» не превышало 30. Хотя архивы группы показывают, что она получала донесения более чем от 100 различных источников, можно предполагать, что агенты, представлявшие эти донесения, были направлены за границу другими правительственными разведывательными службами или

другими отделами ЦРУ. Эти донесения являлись побочным результатом работы по сбору информации, проводившейся в связи с выполнением других заданий. Между октябрем 1969 и июлем 1972 года группа «Хаос» отобрала около 40 кандидатов для использования в качестве агентов и в последующий период вербовкой агентуры больше не занималась. (Руководитель группы — инициатор этой работы ушел со своего поста 12 июля 1972 г.) Примерно половину указанных лиц группе рекомендовало ФБР, остальные были связаны с различными службами ЦРУ.

Лица, которых ФБР рекомендовало группе «Хаос», являлись информаторами или бывшими информаторами ФБР, заинтересованными в работе или просто в поездках за границу. Из отобранных кандидатов 18 были завербованы. Только один из них выезжал в командировку несколько раз. После выполнения поставленной задачи этих агентов обычно возвращали в ведение ФБР. Один из агентов по выполнению им задачи для группы «Хаос» остался за границей как агент ФБР. Другие отделы ЦРУ предложили 17 кандидатов. После первых пробных заданий от 10 из них по различным причинам отказались. Четверо были направлены за границу, где они действовали теми же методами, что и агенты ФБР. Остальные трое, еще до того как они были завербованы группой «Хаос», поддерживали контакты с антивоенными, крайне левыми и негритянскими движениями и группами. Вначале их в течение некоторого времени использовали за границей, затем по возвращении в США им неоднократно поручались задания на американской территории.

Один из этих трех агентов объездил всю страну, участвуя в демонстрациях, проходивших в разных местах. Он периодически встречался с представителем группы «Хаос», который расспрашивал его о лицах и организациях, участвовавших в демонстрациях. После каждой такой встречи составлялось подробное донесение. На основе этих донесений было подготовлено 47 сообщений для ФБР по вопросам чисто внутреннего характера под таким, например, названием: «Планы антивоенных мероприятий на Западном побережье».

Второй агент добыл подробную информацию о деятельности и взглядах видных руководителей одной из американских групп протеста. Значительная часть этих сведений касалась связей группы с лицами и организа-

циями за границей, но многое имело отношение также к чисто внутриамериканской ее деятельности.

Третий агент был завербован в апреле 1971 года, но группа «Хаос» установила контакт с ним еще в октябре 1970 года. С этого времени ЦРУ по просьбе ФБР требовало от него сведений, которые интересовали эту организацию. Через два дня после официальной вербовки этому агенту поручили временно отправиться в Вашингтон для выполнения там задания; речь шла о возможно более тесном сближении с некоторыми левозэкстремистскими лидерами, в том числе с организаторами «первомайских» демонстраций¹. Агент должен был внедриться во все секретные группы, действовавшие за кулисами, и добывать информацию об их планах. Ему было также поручено собирать информацию о намечаемых нападениях на видных деятелей правительства и на посольства.

Итак, агент отправился в Вашингтон, где два-три раза в неделю встречался с офицером группы «Хаос». После таких встреч офицер составлял отчеты и немедленно передавал их руководителю операции «Хаос». Работать над отчетами офицеру часто приходилось поздно ночью или по выходным дням. Если информация того заслуживала, руководитель операции «Хаос» передавал ее, зачастую устно, представителю ФБР.

Еще один агент ЦРУ, участвовавший в проводившихся ЦРУ внутренних операциях по наблюдению, в интервью, опубликованном в газете «Нью-Йорк таймс» 29 декабря 1974 г., рассказал:

Был завербован в 1965 году, когда он только что окончил колледж. После подготовки к ведению контрразведывательной работы он был назначен в нью-йоркское отделение отдела внутренних операций. Объектом его «работы» были «Черные пантеры» и антивоенное движение, которые быстро активизировались в то время.

За время его службы в качестве шпиона ЦРУ требовало от него подготовить более 40 «психологических портретов» руководителей движения протеста: «Нас ин-

¹ Эти демонстрации проходили в Вашингтоне 3—5 мая 1971 г. Они привлекли широкое внимание всей Америки в связи с противозаконными действиями полиции и национальной гвардии. Либеральное общественное мнение Америки было возмущено жестокостью и произволом полиции — 7 тыс. демонстрантов были арестованы и незаконно содержались в течение нескольких дней на стадионе.

тересовали руководители, и поэтому мы составляли на них досье. Таким образом, мы могли узнать, как их подкупить (...). Мы пытались угадать, что они готовили, а также узнать, намеревались ли они «предложить новый товар». Пользуясь той же коммерческой терминологией, агент добавил: «Для нас они представляли собой фирму-конкурента».

Большая роль отводилась подслушиванию телефонных разговоров. Он вместе с другими занимался прослушиванием телефонов участников движения протеста в Нью-Йорке. Ими использовались также очень совершенные микрофоны. Он и его коллеги были в состоянии подслушивать и записывать на расстоянии в несколько десятков метров разговоры, происходившие на открытом воздухе. Агент рассказал, что он видел фильм «Тайная перевербовка» (автор Фрэнк Коппола), в котором специалист по подслушиванию отслеживает одну пару с помощью очень хитроумного электронного оборудования: «У меня было странное ощущение, что автор точно описывает реальную ситуацию».

(Сеймур М. Херш, «Нью-Йорк таймс», 29 декабря 1974 г.)

План Хастона

ГОД КАМБОДЖИ

Группа «Хаос» поддерживала регулярную связь с другими разведывательными органами, а также с министерством юстиции.

В 1970 году была предпринята попытка реорганизации всех разведывательных служб. Усилия министра юстиции Джона Митчела, направленные на создание в министерстве юстиции собственной разведывательной службы, и учреждение им Межведомственной информационной группы не дали ожидаемых результатов. 22 июля 1969 г. Митчел создал новую Группу по наблюдению за гражданскими беспорядками, которая должна была руководить работой Межведомственной информационной группы и Комитета по оценке информации. Но и на этот раз генеральный прокурор потерпел неудачу. Неспособность служб Митчела предвидеть демонстрации и «беспорядки» с безжалостной очевидностью проявилась в 1970 году. В этом году антивоенное движение в США достигло своего апогея.

Губернатор штата Калифорния Рональд Рейган вводит 26 февраля чрезвычайное положение в городе Санта-Барбара, где вспыхнули студенческие бунты и была взорвана бомба в банке.

6 марта взрывом бомбы, подложенной организацией «Уэзермэн», разрушена ратуша Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке.

На вторжение в Камбоджу Америка отвечает демонстрациями, в которых участвуют сотни тысяч человек. В университете Кент национальная гвардия открывает огонь, убиты четверо студентов. 10 мая 448 университетов и колледжей объявляют забастовку в знак протеста против вторжения в Камбоджу.

Американское правительство оказывается в затруднительном положении: орган, занимающийся разведкой

внутри страны,— ФБР дает информацию в необработанном виде, обработать и интерпретировать ее оно не в состоянии. ЦРУ располагает возможностями анализировать информацию, но его юридический статус запрещает ему заниматься внутренними делами и ограничивает его функции разведкой за рубежом и контрразведкой. Проблема усложняется еще и соперничеством между различными разведывательными службами.

Президент Никсон решает взять «быка за рога». 5 июня он собирает в Белом доме руководителей основных разведывательных служб США. В совещании участвуют: директор ФБР Гувер, директор ЦРУ Хелмс, директор Агентства национальной безопасности адмирал Гейлер и руководитель Разведывательного управления министерства обороны Беннет. Президент недоволен: соперничество между ЦРУ и ФБР привело к раздору, после того как Хелмс отказался сообщить Гуверу имя агента ФБР, информировавшего ЦРУ о деятельности отдела.

Об этой реорганизации говорится в приводимом отрывке из главы 10 доклада комиссии.

ПЛАН ХАСТОНА

[...] Совещание было созвано для обсуждения проблем, связанных с внутренними волнениями. Президент требовал активизировать усилия разведки по добыванию сведений, дающих более полное представление о деятельности движений протеста в США. Он выразил также недовольство тем, что информация о связях американских групп протеста с заграницей была явно недостаточной.

Был затронут вопрос о возможной связи между негритянским движением протеста в Карибском бассейне и движением американских негров. Президент потребовал представить исследование по этому вопросу¹. Затем президент поручил Эдгару Гуверу организовать группу для разработки плана координации внутренней разведывательной деятельности. Четырьмя днями позже, 9 июня,

¹ Исследование было подготовлено группой «Хаос». 6 июля 1970 г. подписанное Хелмсом исследование было вручено Тому Хастону для передачи президенту.

состоялось первое заседание межведомственного комитета по делам разведки (неофициального). В состав его входили директора четырех основных разведывательных органов: ЦРУ, ФБР, АНБ и Разведывательного управления министерства обороны.

Для подготовки доклада был образован подкомитет из представителей тех же органов. В его состав вошли начальник контрразведки ЦРУ в качестве официального представителя и руководитель операции «Хаос» в качестве наблюдателя. Официально комитет был подчинен Совету по разведке США, но это требовалось лишь для формального придания ему административного статуса. Из протоколов комитета явствует, что это была независимая межведомственная группа, сфера деятельности и задачи которой определялись Белым домом.

Две главные задачи межведомственного комитета состояли в том, чтобы во всех разведывательных органах первостепенное внимание уделялось сбору информации, касающейся внутренней безопасности, и в максимальном использовании имеющихся сил и средств разведки против групп протеста, в увеличении числа внедренных в них агентов ФБР и ЦРУ. При этом скрытно следовало добиться более активного участия ФБР в этой работе, а также улучшения обработки добываемой им информации.

Советник президента и его представитель в комитете Чарлз Хастон поднял этот вопрос на первом же заседании комитета: «Президент получает информацию в беспорядочном виде и должен делать из нее выводы». По этому поводу Хелмс сказал наблюдателю от ЦРУ: «Суть проблемы состоит в том, чтобы заставить ФБР делать то, чего оно не делало». [...]

Хастон заявил, что президент хочет, чтобы при изучении причин, создающих помехи в работе разведки, комитет имел в виду, что «все позволено и все возможно». Следовало указать все ограничения, распространяющиеся на методы ведения разведывательной работы. Таким образом, президент мог бы принять окончательное решение о том, какие методы следует использовать.

25 июня комитет представил специальный доклад на 43 страницах. В нем рассматривался вопрос об угрозе для внутренней безопасности США со стороны групп протеста и иностранных организаций. В той части доклада, которую подготовило ЦРУ, — «Определение источников угрозы внутренней безопасности — угроза извне» —

проблема рассматривалась только в тех ее аспектах, которые были связаны с границей¹.

В докладе рассматривались также вопросы законодательных требований и конституционных ограничений, распространяющихся на используемые правительством методы разведки. К числу методов, на которые распространяются законодательные ограничения, были отнесены: слежка с применением электронной аппаратуры, перлюстрация корреспонденции, негласный обыск помещений, использование информаторов в университетских городках. Негласный обыск и перлюстрация корреспонденции прямо назывались противозаконными действиями. В докладе рассматривались преимущества и недостатки таких методов (...) и в заключение говорилось: «В настоящее время не имеется действенного механизма или учреждения для всеобщего анализа, координации и оценки принципов работы по добыванию разведывательной информации внутри страны». [...]

В числе документов, опубликованных в ходе уотергейтского дела, были выдержки из специального доклада и доклады Хастона о работе комитета. Ниже мы приводим выдержки из специального доклада и из памятной записки Хастона советнику Никсона Х. Р. Холдемону о заседаниях комитета и о специальном докладе.

Эти документы не входят в доклад комиссии Рокфеллера.

¹ ЦРУ вновь делало вывод об отсутствии доказательств, которые позволяли бы утверждать, что правительства иностранных государств или секретные службы контролируют оппозиционные движения или могут ими руководить. Доклад, представленный в июне 1970 года, был доработан и вновь представлен в январе 1971 года. Он повторял те же выводы.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА РЕКОМЕНДАЦИИ

Июль 1970 года
Совершенно секретно
Пересылка исключительно
по каналам Коминт¹

ОГРАНИЧЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОПЕРАТИВНЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Ограничения в вопросах надзора
за средствами связи

РЕКОМЕНДАЦИИ

Разрешить *Агентству национальной безопасности (АНБ)* организовать в более широких масштабах надзор за телефонными переговорами и телеграфной корреспонденцией американских граждан, проходящими по международным сетям связи.

ОБОСНОВАНИЕ

ФБР не в состоянии обеспечить надзор за телефонно-телеграфной корреспонденцией, проходящей по международным линиям связи. АНБ осуществляет в настоящее время такой надзор, но в ограниченных масштабах, при этом добываемая им информация представляет большой интерес для Белого дома. Сохранение за ФБР права определять, что должно делать в этой области агентство, без учета наших собственных потребностей, было бы для нас нежелательным. Проведение такого рода мероприятий никакого существенного риска для нас не представляет.

¹ Система секретной связи.

Слежка с применением электронной аппаратуры и использование средств подслушивания

РЕКОМЕНДАЦИИ

Действующий в настоящее время порядок должен быть изменен с целью активизации надзора за лицами и группами в США, представляющими серьезную угрозу для внутренней безопасности.

Кроме того, действующий ныне порядок должен быть изменен, с тем чтобы усилить надзор за иностранцами и дипломатическими миссиями, представляющими интерес для разведывательных служб.

Случаи применения таких методов надзора в настоящее время немногочисленны, объектами его являются Коммунистическая партия США, организованная преступность, а также в отдельных редких случаях такой надзор осуществляется в связи со срочными делами, касающимися внутренней безопасности.

По заявлению Гувера, ФБР не будет возражать против предоставления другим службам права осуществлять слежку с применением электронной аппаратуры. Не совсем ясно, что он имел в виду, делая такое заявление, поскольку никакая другая служба не в состоянии выполнять такую работу.

Все заинтересованные и знающие предмет лица, исключая Гувера, признают, что нынешний уровень слежки является совершенно неудовлетворительным. По мнению ЦРУ и Агентства национальной безопасности, это особенно справедливо в отношении того, что касается слежки за иностранными дипломатическими представительствами, и, как нам сообщили в Белом доме, то же самое можно сказать и в отношении групп «новых левых».

Контроль почтовой корреспонденции

РЕКОМЕНДАЦИИ

Следовало бы упразднить ограничения, касающиеся законного контроля почтовой корреспонденции (под наблюдением судебных органов). Должны быть сняты так-

же ныне действующие ограничительные положения, касающиеся тайного контроля корреспонденции в случаях, чреватых тяжкими последствиями для внутренней или внешней безопасности.

ОБОСНОВАНИЕ

Единственное веское возражение против законного контроля корреспонденции высказал Гувер, который усматривает в нем покушение на гражданские свободы. Безусловно, на такой риск стоит пойти; в любом случае он определенно не настолько велик, чтобы из-за него лишаться себя законного и действенного метода получения разведывательной информации.

Тайный контроль корреспонденции является противозаконным и связан с серьезным риском. Но, учитывая ту пользу, которую может дать использование этого метода, на такой риск следует идти. Это чрезвычайно эффективный способ выявления шпионов и корреспондентов иностранных разведывательных служб.

Тайные обыски помещений

РЕКОМЕНДАЦИИ

Следует упразднить ныне действующие ограничения, с тем чтобы иметь возможность добывать материалы, отрывающие доступ к иностранным шифрам, что представляет для нас чрезвычайный интерес.

Ныне действующие ограничения должны быть сняты также и для того, чтобы этот метод можно было избирательно использовать в срочных случаях, затрагивающих внутреннюю безопасность.

ОБОСНОВАНИЕ

Использование этого метода абсолютно противозаконно. Он равносителен краже со взломом. Кроме того, это очень рискованное мероприятие, и, в случае обнаружения, лицам, совершающим такие действия, могут грозить очень серьезные неприятности. Но в то же время это прием, не знающий себе равных, поскольку он позволяет добывать информацию, которую другим способом

получить невозможно. В начальный период работы Гувера в ФБР эта организация очень успешно проводила операции такого рода и не попадалась: Добывалась информация неопределимой важности. Особенно заинтересовано в этом методе АНБ, потому что он позволил бы ему получать материалы, которые дали бы возможность раскрыть иностранные секретные шифры. Мы расходуем миллионы долларов на то, чтобы раскрыть эти шифры с помощью ЭВМ, тогда как один успешно осуществленный тайный обыск позволяет выполнить ту же работу практически бесплатно.

Тайный обыск помещения, занимаемого подрывными элементами, может дать нам в руки сведения о лицах, занимающихся подрывной деятельностью, о методах их действий, а также другую чрезвычайно ценную информацию, добыть которую иным способом вряд ли возможно. Особенно полезным было бы применение этого метода против организаций «Уэзермэн» и «Черные пантеры».

Тайные обыски помещений дипломатических служб — дело более рискованное, поскольку в этих помещениях может иметься охрана. Тем не менее все, за исключением Гувера, полагают, что этот метод все же можно успешно использовать в отдельных правильно выбранных случаях.

Расширение вербовки информаторов в университетских городках

РЕКОМЕНДАЦИИ

Чтобы интенсифицировать наблюдение за университетскими городками, где совершаются акты насилия и действуют группы, связанные со студентами, нынешние ограничения следует отменить. Следует также усилить наблюдение за американскими (и иностранными) студентами, совершающими поездки за границу или проживающими за рубежом.

ОБОСНОВАНИЕ

Обычно ФБР не вербует в университетских городках несовершеннолетних в качестве информаторов (совершеннолетними считаются лица, достигшие 21 года), что

катастрофически сокращает возможности вербовки на территории университетов. Гувер обрисовал ужасающую картину того, что произошло бы в случае, если бы прес-са обнаружила какого-нибудь молодого студента, работающего на ФБР. Но подобные случаи уже имели место в прошлом, и реакция на них общественного мнения была довольно слабой. В любом случае все убеждены, что у ФБР есть несовершеннолетние агенты в университетских городках.

Университетские городки являются полем сражения революционных движений протеста. Достоверную информацию об этих движениях невозможно собрать, если мы не будем иметь источников информации в самих университетских городках. Опасность скандала при этом минимальна, и даже если таковой будет иметь место, нападки обычно носят умеренный и непродолжительный характер. Мы должны быть готовыми на такую жертву ради действенного наблюдения за событиями, происходящими в университетских городках. Все разведывательные службы, за исключением Гувера, считают абсолютно необходимым увеличить в течение осени число источников информации в городках, с тем чтобы быть в состоянии предупредить широкое распространение всплеск насилия в стране.

ЦРУ утверждает, что в отношении надзора за деятельностью американских граждан за границей ограничений не существует. Однако с 1965 года этот надзор был совершенно неудовлетворительным, и необходимы четкие директивы о его активизации.

Использование военнослужащих в качестве агентов

РЕКОМЕНДАЦИИ

Действующие ограничения следует сохранить.

ОБОСНОВАНИЕ

По мнению различных разведывательных служб, информация, которую, возможно, удалось бы получить в результате отмены этих ограничений, вряд ли оправдывает риск, связанный с их отменой. [...]

Меры по улучшению разведывательной деятельности внутри страны

РЕКОМЕНДАЦИИ

Для оценки проектов разведывательной деятельности внутри страны и осуществления упомянутых в настоящем докладе других мероприятий следовало бы создать постоянную комиссию в составе представителей ФБР, ЦРУ, АНБ, Разведывательного управления министерства обороны и военной контрразведки (*Defense Intelligence Agency — DIA*).

ОБОСНОВАНИЕ

Разведывательные службы убеждены, что для более успешного выполнения ими поручений Белого дома необходима значительно более строгая координация их проектов и практической деятельности. Учитывая, что Гувер является противником любых мер, могущих угрожать его автономии, потребуется отрегулировать ряд оперативных проблем. По мнению ЦРУ, необходимо поручить специальной (*ad hoc*) комиссии разработать принципы функционирования предлагаемой системы, но другие организации считают, что это лишь отсрочит введение действенной координации проектов и операций. Отмена ограничений в осуществлении разведывательной деятельности была бы целесообразной лишь при условии существования координации действий и проектов. Таким образом, создание такой межведомственной группы представляется настоятельно необходимым.

(Источник: сенатская комиссия Эрвина)

ПРОГРАММА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНУТРИ СТРАНЫ¹

АНАЛИЗ И СТРАТЕГИЯ

Июль 1970 года
Совершенно секретно

От Тома Чарлза Хастона
Для Х. Р. Холдемана
Содержание: Разведка внутри страны

Краткая справка

Рабочая группа в составе представителей на самом высшем уровне ФБР, ЦРУ, АНБ, Разведывательного управления министерства обороны и всех военных разведывательных служб заседала в течение июня с целью обсуждения проблем, указанных президентом, и подготовила доклад, который приводится ниже. Работа проходила очень успешно в обстановке откровенного обмена мнениями. На всех заседаниях господствовала прекрасная атмосфера сотрудничества, и все участники высказали удовлетворение в связи с тем, что им, наконец, представился случай сообща изучить вопрос о создавшейся в настоящее время серьезной угрозе внутренней безопасности страны.

Я принимал участие во всех заседаниях, выступления мои, однако, имели целью лишь возвращать, при необходимости, работу комиссии на путь, предписанный ей президентом. Мне представляется, что доклад был бы более точным, а рекомендации — более полезными, если бы различные службы могли возможно более свободно излагать свои мнения и занимать позиции, отвечающие, по их мнению, пожеланиям президента, возможностям и задачам этих служб.

¹ Памятная записка, подготовленная Томом Хастоном для президента.

Позиция Гувера

Вначале я опасался, что ЦРУ может не проявить духа сотрудничества. На деле Дик Хелмс (директор ЦРУ) проявил откровенность и готовность сотрудничать. Совершенно иначе, если не сказать большего, показал себя Гувер.

С самого же начала он попытался увести комиссию от рассмотрения оперативных проблем и направить ее внимание на анализирование нынешнего состояния разведывательной деятельности. Я выступил против того, чтобы работа комиссии пошла по этому пути, и сумел направить ее на тот путь, который был для нее определен.

Когда рабочая группа завершила работу над докладом, Гувер заявил, что он не согласен со всеми без исключения выводами и рекомендациями. Свою позицию он аргументировал двумя положениями: 1) нынешний уровень оперативной работы вполне удовлетворителен; 2) установленный им порядок проведения разведывательных операций ФБР — только его дело, и никого другого он не касается. Он хотел изменить содержание доклада, но я ему обоснованно показал, что доклад является общим выводом, к которому пришли все участвующие службы, а не одно лишь ФБР. Тогда Гувер стал настаивать на том, чтобы его возражения были изложены в примечаниях к докладу. В его замечаниях говорится, что он вполне удовлетворен существующими методами и возражает против каких бы то ни было изменений. Как можно понять из доклада; его возражения в основном несостоятельны и легковесны: его, как представляется, неотступно преследовала мысль о возможных неприятностях для всех разведывательных служб в целом (т. е. для него), которые могут возникнуть в случае вскрытия общественным мнением какой-либо тайной операции.

Позиция Гувера и его упорное стремление включить свои возражения в примечания к докладу шокировали адмирала Гейлера и генерала Беннета. Они хотели выступить с официальным протестом и отказывались подписывать доклад, если в нем не будет ясно указано, что они отклоняют эти примечания. Мне удалось их убедить не делать этого, разъяснив, что это лишь приведет к ужесточению позиции Гувера и затруднит нашу работу. Они любезно согласились с моими разъяснениями, с тем

чтобы избежать неприятной сцены и позволить все же создать эффективный доклад. Я заверил их, что их мнение будет доведено до сведения президента.

Оценка угроз

Первые 23 страницы доклада содержат оценку угрозы для национальной безопасности, описание средств, применяемых для борьбы с этой угрозой, а также перечень областей, в которых эти средства недостаточны. В подготовке этой оценки участвовали все службы.

Ограничения, влияющие на разведывательную деятельность

Во второй части доклада рассматривается вопрос об оперативных ограничениях, которые обычно препятствуют использованию в полной мере разведывательными службами своих возможностей при проведении разведывательных операций, направленных на противодействие тому, что представляет угрозу для национальной безопасности. В докладе показан характер этих ограничений и приведены доводы, которые могут служить обоснованием для их отмены или для их сохранения. Мне хотелось довести до сведения президента наиболее весомые доводы за и против, для того чтобы он смог принять мотивированное решение в отношении линии действий, которой должны будут следовать все разведывательные службы в целом.

Я должен указать, что из всех участников обсуждения и подготовки доклада одного лишь Гувера, как он заявил, удовлетворяет существующий порядок работы.

Некоторые работники ФБР, ежедневно проводящие разведывательные операции, выражали в частных беседах несогласие с Гувером и заявляли, что настоятельно необходима реформа оперативных процедур. В каждом случае в докладе приводятся доводы за и доводы против, но, возможно, в тех случаях, когда у президента возникнут сомнения в отношении того, какую линию избрать, было бы, возможно, небесполезным, если бы я смог добавить также свои рекомендации и изложить свои соображения. [...]

Осуществление решений президента

Если президент решит отменить некоторые действующие ограничения и примет решение официально создать координационный орган разведывательных служб, я предлагаю действовать следующим образом:

— Президент сердечно примет Гувера для личной беседы, проинформирует его о принятых решениях, поблагодарит за откровенность и сотрудничество в прошлом, затем заявит ему, что рассчитывает на его дальнейшее сотрудничество в деле осуществления новых решений.

— После этой беседы с Гувером президент созовет всех, кто принимал участие в первом заседании в Овальном кабинете. Президент поблагодарит их за доклад, сообщит им свои решения, выскажет им свои пожелания на будущее и подарит каждому фотографию с автографом, снятую Олли во время первой встречи.

— Дабы исключить всякую возможность разнотолков, должна быть подготовлена официальная записка с точным изложением решений, принятых президентом. В нее следовало бы также включить описание процедуры, которая должна обеспечить проведение в жизнь принятых решений в их полном объеме.

Зная, насколько президент занят, я не хотел бы перегружать его лишними делами, но, по-моему, такой порядок действий будет необходим в связи с проблемами, которые явно возникнут, если президент решит, как я надеюсь, не принимать во внимание возражений Гувера против многих предложений, содержащихся в докладе. Поскольку я имел возможность видеть, как президент держит себя с Гувером, я уверен, что он сумеет сделать все таким образом, чтобы мы добились желаемого результата, а у Эдгара не создало впечатление, что он получил пощечину. В то же время мы можем рассчитывать, что президент создаст у остальных партнеров уверенность в своем доброжелательном отношении и тем самым сведет к минимуму опасность возникновения у них ощущения, будто бы они обязаны оставить Гуверу лишь второстепенную роль.

Выводы

Я в высшей степени удовлетворен существом доклада и полагаю, что работа была выполнена первоклассно. Я испытываю чувство глубокого уважения к людям, не-

сущим ответственность за оперативную деятельность в вопросах внутренней безопасности, к их честности, лояльности, компетентности и думаю, что мы стоим у порога беспримерной возможности заняться очень серьезной проблемой в тот момент, когда она только рождается, не будучи вынужденными при этом прибегать к грубым мерам и поспешным акциям, но, напротив, действуя определяющим образом против опасности, прежде чем она успеет достигнуть угрожающих масштабов.

В заключение я добавлю, что, по моему мнению, Гувер без колебаний присоединится к решению президента, каким бы оно ни было, и поэтому президент может, не опасаясь, оставить без внимания возражения Гувера. Гувер упорен, он даже может быть упрямым, как осел, но он — преданный солдат. 20 лет назад он ни в коем случае не выдвинул бы подобных возражений, но он постарел, и легенда, окружающая его имя, не дает ему покоя. Он создает дополнительные трудности, но, поскольку он преклонится перед решением президента, он не будет создавать непреодолимых препятствий. А нам только этого и нужно, чтобы навести порядок в разведке.

(Источник: сенатская комиссия Эрвина)

Предложения Хастона были в основном приняты президентом Никсоном. Джон Митчел не был поставлен в известность о заседаниях комитета. В одной беседе, как заявил Хелмс, Митчел сказал ему, что он якобы узнал о существовании комитета и его рекомендациях лишь 27 июля. Митчел добавил к этому, что до его встречи с президентом ничего из плана Хастона осуществляться не будет. Митчел был ярким противником Хастона, и, по всей видимости, в данном случае он взял верх. На следующий день, 28 июля, Белый дом потребовал, чтобы Хелмс прислал экземпляры записки Хастона. Вскоре, в конце августа или в начале сентября, Джон Дин сменил Хастона на посту советника по вопросам безопасности и разведки при Белом доме.

СЕКРЕТНОЕ В СЕКРЕТНОМ

Были приняты жесточайшие меры, для того чтобы самым строгим образом изолировать и засекретить группу «Хаос». Круг лиц, которые могли знать о ее деятельности, был ограничен лишь теми, кто имел в этом «конкретную необходимость». Агенты в течение двух или трех месяцев, пока они проходили подготовку, находились в самой строгой изоляции. В записке от июля 1971 года указывалось, что подготовка должна была проводиться с крайней осторожностью, а число лиц, осведомленных о ней, должно быть сведено до «абсолютного минимума». Отдел подготовки получил указание передавать группе «Хаос» любые сообщения, имеющие отношение к подготовке этих агентов.

Даже внутри службы контрразведки, которая сама является чрезвычайно закрытым подразделением ЦРУ, группа «Хаос» была в изоляции. Географически группа была размещена на удалении от этой службы. О целях операции «Хаос» знали только начальник контрразведки и его заместители. В принципе, согласно организационной структуре, на начальника контрразведки возлагалась административно-техническая ответственность за осуществление операции «Хаос» и, в частности, он должен был утверждать заявки на бюджетные ассигнования и решения по кадровым вопросам. Но сведения, которыми мы располагаем, показывают, что на деле начальник контрразведки был мало связан с фактической деятельностью группы «Хаос». Как явствует из документа ЦРУ от мая 1969 года, Хелмс дал специальное распоряжение руководителю группы не ставить в известность начальника контрразведки о проводимой им работе.

Начальник контрразведки и руководитель группы «Хаос» сходятся во мнении о том, что ввиду изоляции группы и окружавшей ее секретности она фактически

находилась в непосредственном ведении директора ЦРУ. На деле такое положение начало складываться к середине 1969 года. Несколько позднее руководитель группы «Хаос» попытался добиться непосредственного подчинения своей группы аппарату директора ЦРУ.

В показаниях, которые он дал комиссии по расследованию, Хелмс заявил, что не припоминает, чтобы он давал особое указание руководителю группы «Хаос» обращаться по всем вопросам только к нему. По его словам, напротив, он ожидал, что руководитель группы будет докладывать начальнику контрразведки, тот, в свою очередь, — начальнику Оперативного управления, который, наконец, сам будет доводить вопрос до сведения директора ЦРУ.

Операция «Хаос» считалась чрезвычайно деликатной, и даже в ходе одной инспекторской проверки в ноябре 1972 года самому генеральному инспектору ЦРУ было отказано в допуске к документации группы. В другом случае оперативную деятельность ЦРУ инспектировала группа административного управления. Ее намеренно не поставили в известность о деятельности группы «Хаос». Как кажется, вопросы деятельности группы, занимавшейся операцией «Хаос», никогда не выносились на рассмотрение генерального советника ЦРУ. Не проводилось также и ежегодных проверок исполнения бюджета и оперативной деятельности группы, за исключением случаев, когда запрашивалось разрешение оплатить услуги или провести вербовку агента.

Сейчас ясно видно, к чему привели такое выделение, засекреченность и изоляция: никто в ЦРУ, не связанный непосредственно с группой «Хаос», не имел никакой возможности контролировать ее деятельность. Свидетели дали массу показаний относительно причин столь строгой засекреченности операции «Хаос». Называли главным образом две причины. Первая из них состоит в том, что группа хотела не допустить вмешательства в личную жизнь американцев, чьи имена фигурировали в заведенных ею досье. Вторая — в опасениях работников группы «Хаос», что другие работники ЦРУ, не проинформированные заранее о проекте в целом, неправильно поймут существо операции «Хаос», если до них дойдут лишь обрывочные сведения. Можно с уверенностью утверждать, что руководители ЦРУ желали избежать возможных подозрений в том, что организация занимается вопросами внутренней безопасности. Они знали, что,

по меньшей мере, часть мероприятий, проводившихся в рамках операции «Хаос», граничила с противозаконными действиями и что, если бы эти факты стали достоянием гласности, они вызвали бы враждебную реакцию общественного мнения.

Несмотря на все усилия, предпринятые, чтобы сохранить в тайне операцию «Хаос», в ЦРУ о ней были довольно подробно информированы более 600 человек. Значительному числу сотрудников ЦРУ требовалось быть в курсе операции для осуществления своей телеграфной связи с заграницей.

До работников ЦРУ доходило не так уж мало сведений об операции «Хаос», что дало возможность в 1971 году группе из 14 сотрудников — руководителей среднего звена написать две памятные записки, в которых ставилась под вопрос целесообразность проекта. Хотя только один из них располагал полной информацией о деятельности группы «Хаос», многие другие знали о ней достаточно, для того чтобы участвовать в подготовке записок.

Ряд сотрудников, уже давно участвовавших в оперативной работе, а также входивших в руководство различных отделов, также выступили против деятельности группы «Хаос» или отнеслись к ней скептически. Некоторые начальники отделов не желали брать на себя ответственность, когда речь шла о сборе сведений для группы, и пытались оставаться в стороне от информации, предназначенной для исключительного использования группой. Когда группа «Хаос» ввела в действие собственную агентуру, некоторые оперативные работники восприняли это как вмешательство в их дела.

Кроме того, сдержанность в отношении операции «Хаос» отчасти основывалась на «философских» принципах. Например, один свидетель, описывая отношение своей службы к операции, назвал его «полностью отрицательным». Записка от мая 1971 года подтверждает, что этот отдел не желал иметь никаких связей с группой «Хаос», поскольку, по его мнению, то, чем занималась группа, относилось скорее к компетенции ФБР. У этой службы было мало контактов с группой «Хаос», и сотрудничество между ними ограничилось лишь тем, что она рекомендовала группе «Хаос» одного кандидата для использования в качестве агента.

Тот факт, что Хелмс в своей записке от 6 сентября потребовал, чтобы группе «Хаос» оказывали поддержку,

указывает, по-видимому, на существование довольно явного враждебного к ней отношения. В этой записке, разосланной всем начальникам управлений ЦРУ, Хелмс заверял их в том, что эта операция не выходит за рамки устава ЦРУ, и требовал, чтобы они оказывали ей поддержку.

В записке от 5 декабря 1972 г. приведено мнение Хелмса об операции «Хаос»: «„Хаос“ является нормальной контрразведывательной операцией ЦРУ, которая не может быть приостановлена лишь из-за того, что некоторым работникам организации не нравится это мероприятие».

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «ХАОС»

В 1972 году, когда пошло на убыль участие США в войне во Вьетнаме и снизилась активность движения протеста, операция «Хаос» утратила свое значение. Сократился поток сообщений, да и опасения Белого дома в отношении иностранного вмешательства тоже уменьшились. В середине 1972 года Группа специальных операций начала переносить центр своего внимания на другие области разведки.

В конце 1973 года новый директор ЦРУ — Уильям Е. Колби, знакомясь с «довольно пикантными» мероприятиями организации, приказал всем управлениям следить за тем, чтобы действия ЦРУ оставались в рамках закона. В памятной записке по этому вопросу директор ЦРУ отмечал, что операция «Хаос» «должна отныне ограничиваться сбором за границей разведывательных сведений об иностранном влиянии на деятельность лиц и организаций внутри страны. В дальнейшем ЦРУ должно сосредоточить свое внимание на организациях и лицах, замешанных в этих делах, и лишь постольку поскольку — на тех, с кем они контактируют в Америке».

В памятной записке Колби указывалось также, что ЦРУ не должно заниматься наблюдением за американскими гражданами за границей или предпринимать какие-либо другие акции, направленные против них, его задача — быть лишь связующим звеном между ФБР и службами, ведающими иностранными делами. Таким образом была смягчена политика в данном вопросе, выработанная в 1968 году и подтвержденная в 1969 году его предшественником Ричардом Хелмсом.

К августу 1973 года, когда была написана памятная записка Колби, объем документации, накопленной группой «Хаос», составлял 13 тыс. досье, 11 тыс. памятных записок, отчетов, писем ФБР, более 3 тыс. записок в адрес ФБР, почти 3,5 тыс. памятных записок для внутреннего пользования. Кроме того, группой «Хаос» было подготовлено 12 тыс. сообщений и полных досье, предназначенных для правительства.

15 марта 1974 г. ЦРУ прекратило осуществление операции «Хаос». Всем отделениям ЦРУ были даны соответствующие указания. Любая информация об американских гражданах, проживающих за границей и подозреваемых в действиях, затрагивающих безопасность или представляющих интерес для контрразведки, должна была передаваться ФБР. В записке о прекращении операции «Хаос» указывалось, что ЦРУ не должно предпринимать каких-либо односторонних действий против подозреваемых без специального на то разрешения начальника Оперативного управления и, кроме того, письменного запроса от ФБР и согласия директора ЦРУ.

ЦРУ пока сохраняет в неприкосновенном виде досье и информационные картотеки для использования их в проводимых расследованиях. ЦРУ изучило все дела, заведенные на тех или иных лиц, и определило, какие материалы следует из них изъять и уничтожить. Но уничтожить их оно сможет лишь по завершении расследований, которые сейчас проводятся.

„Ученые“ ЦРУ

Материал подготовлен
Аленом Жобером

С момента своего основания ЦРУ проявляло интерес к научным исследованиям и к технологии наблюдения и шпионажа. Проекты изучения и исследований находились непосредственно в ведении Управления планирования (переименованного в Оперативное управление). В 1963 году глава ЦРУ Джон Маккоун принял решение основать специальную службу — Управление научно-технической разведки. С тех пор это управление составляет одно из четырех крупных управлений ЦРУ. В свою очередь, оно подразделяется не несколько отделов: научной разведки, специальных операций, исследований и разработок, электронной разведки, специальных проектов, оперативной техники, центра изучения ракетной техники и космических исследований за границей. В штате управления 1300 человек, его бюджет составляет 120 млн. долл. В финансировании проектов участвует Пентагон. Частные предприятия сотрудничают на договорных началах в осуществлении различных исследований и в производстве некоторых приборов, сконструированных инженерами ЦРУ.

На управление возложено осуществление фундаментальных научных исследований в самых разных областях, а также создание микрофонов и миниатюрных киноствомочных камер, технических средств записи бесцветными чернилами, в разработке методов антропологического опознания и ведения химической войны, радарной техники, миниатюрных взрывчатых веществ, всякого рода средств, обеспечивающих борьбу с этой техникой.

Важность Управления научно-технической разведки определяется главным образом возложенными на него

задачами: хранением информации и картотеки ЦРУ и техникой шпионажа с помощью спутников, а также наличием двух отделов, которые выполняют в настоящее время самую значительную долю шпионской деятельности.

Проводимое комиссией расследование коснулось целого ряда проектов Управления научно-технической разведки, которые затронули лиц, проживавших в США. Большинство этих проектов были абсолютно законными, однако их осуществление нередко было связано с нарушениями, о которых пойдет речь ниже.

Исследования с помощью новой научно-технической аппаратуры проводились ЦРУ, естественно, в США, однако комиссия имела возможность убедиться в том, что сконструированные технические средства и аппаратура, за немногим исключением, на территории США не использовались¹. Так или иначе, ЦРУ проводило испытания некоторых видов новой научной и технической аппаратуры в США. Например, один из проектов управления предусматривал испытание наркотиков, которые влияют на психику человека. Другие виды предусматривали испытание аппаратуры для записи разговоров на пленку. Некоторые из вышеупомянутых проектов осуществлялись на людях, не знавших, что они служат подопытными кроликами, причем большинство этих лиц были американскими гражданами.

КОНТРОЛЬ НАД ПСИХИКОЙ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОВЕДЕНИЕМ

В конце 40-х годов ЦРУ занялось изучением свойств некоторых наркотиков (например, ЛСД), влияющих на психику человека и его поведение, а также возможностей их использования в целях шпионажа.

Программа «наркотики» была лишь частью обширной программы ЦРУ, которое поставило своей целью изуче-

¹ Некоторые приборы для подслушивания, разработанные Управлением научно-технической разведки, использовались отделом безопасности в процессе проводившегося им расследования деятельности лиц, проживавших в США. Кроме того, различная аппаратура, сконструированная ЦРУ, использовалась другими федеральными управлениями в ходе операций, осуществленных на территории США.

ние средств, влияющих на поведение человека. Изучалось также воздействие радиации, электрошока, веществ, вызывающих бессилие; проявлялся интерес к психологии, психиатрии, социологии. Основной целью программы «наркотики» было отыскание средств нейтрализации эффекта наркотиков, воздействующих на поведение человека в случае их тайного употребления противником. Предусматривались также различные способы оперативного использования наркотиков за пределами США.

К сожалению, в настоящее время сохранились лишь немногие отчеты, подтверждающие проведение экспериментов по программе «наркотики». Все отчеты об этой программе, содержащиеся в 152 различных досье, были уничтожены по указанию свыше в 1973 году. Кроме того, все лица, принимавшие непосредственное участие на предварительных стадиях осуществления программы, или покинули страну, или не могли дать интервью, или уже умерли. Тем не менее комиссии удалось добыть некоторые сведения, относящиеся к экспериментам с ЛСД в период с 1953 по 1963 год над противящимися этому лицами.

Именно в 1953 году была впервые намечена возможность и проявлена заинтересованность в проведении экспериментов над подопытными людьми с целью изучения воздействия наркотиков на поведение человека. В то же время было решено использовать сотрудников ЦРУ в качестве подопытных. Любые эксперименты такого рода должны были тщательно контролироваться и могли осуществляться только в присутствии врача-специалиста.

СМЕРТЬ ПОДОПЫТНОГО КРОЛИКА

После лабораторных опытов ЛСД и другие препараты, влияющие на поведение человека, были испытаны на нескольких добровольцах. Не далее как в 1955 году на основе официального соглашения с Федеральным бюро по контролю над употреблением наркотиков (*Federal Bureau of Drug Abuse Control*) начались опыты над ничего не подозревавшими лицами в конкретных социальных условиях. Первые опыты проводились на Западном побережье; другая серия экспериментов была осуществлена на Восточном побережье в 1961 году.

Сообщив об этом в 1963 году, генеральный инспектор ЦРУ стал оспаривать законность экспериментов над ни-

чего не подозревавшими подопытными. Инспектор указывал, что в ряде случаев подопытные плохо чувствовали себя в течение нескольких часов или дней после принятия наркотика. Одного из подопытных даже пришлось госпитализировать, однако комиссия не смогла выяснить детали этого скандала, поскольку досье оказались уничтоженными, а свидетели исчезли.

Однако комиссии стало известно, что однажды на начальной стадии этой программы (1953 г.) прямо на собрании сотрудников ЦРУ, участвовавших в осуществлении программы «наркотики», наркотик ЛСД, ничего не подозревая, принял чиновник военного министерства.

Прежде чем принять дозу ЛСД, подопытный участвовал в дискуссии, во время которой было принято решение о принципе испытаний химических веществ, аналогичных испытаниям над подопытными без их ведома. Однако о полученной им дозе ЛСД подопытному сообщили только через 20 мин. после принятия наркотика. После появления резкой вторичной реакции подопытный в сопровождении сотрудников ЦРУ был помещен в нью-йоркскую психиатрическую больницу. Несколько дней спустя он выбросился из окна своей комнаты на десятом этаже и погиб¹.

Генеральный инспектор констатировал, что смерть была вызвана «условиями опытов с учетом их официального назначения в интересах американского правительства», что создало бы более благоприятные условия для продолжения этих экспериментов. За этот инцидент два сотрудника получили выговор от начальника ЦРУ.

Под воздействием доклада генерального инспектора в 1963 году по программе «наркотики» ЦРУ пришлось разработать новые критерии экспериментов с наркотиками над подопытными лицами. Любые потенциально опасные опыты с наркотиками над лицами без их ведома были поставлены под запрет. С 1963 по 1967 год опыты с наркотиками проводились, но только над лицами, давшими согласие; в основном это были заключенные из различных исправительных учреждений. В 1967 году были завершены все программы с использованием наркотиков, воздействующих на поведение человека.

¹ В нескольких сохранившихся досье ЦРУ указано, что это лицо, по-видимому, страдало в прошлом психической неуравновешенностью. (Это, видимо, не соответствует действительности. См. наши следующие комментарии.)

Прочитав сообщения американской печати, а затем в первых числах июня 1975 года и доклад Рокфеллера, жительница города Фредерик (штат Мэриленд) Элис Олсон вдруг осознала смысл драмы, происшедшей 22 года назад и наложившей отпечаток на ее жизнь и жизнь ее троих детей. Она была вдовой биохимика Ф. Олсона, который, как выяснилось, выбросился с десятого этажа нью-йоркской гостиницы некоторое время спустя после того, как агенты ЦРУ заставили его принять ЛСД. По утверждению семьи и друзей, Олсон был душевным человеком, легко находившим контакт с людьми. Он никогда не испытывал нервной депрессии. Блестящий биохимик, он подписал контракт об участии в осуществлении строго секретной программы в известном военном центре Форт-Детрик (штат Мэриленд). Именно там с конца 40-х до 1971 года американская армия проводила испытания технических средств химической и бактериологической войны.

Фрэнк Олсон был сотрудником отдела специальных операций в Форт-Детрике. Речь шла об особых кадрах бактериологов, биохимиков и инженеров, которые в условиях безопасности и чрезвычайной секретности разрабатывали некоторые химические вещества и наиболее опасные микроорганизмы. В самой этой группе очень слабые узы связывали десяток лиц, подписавших специальный контракт с ЦРУ об изучении всех способов употребления ЛСД в условиях войны и в шпионских целях.

Группа ЦРУ регулярно собиралась в одном из окрестных домов для подведения итогов своей работы. Именно там в ноябре 1953 года в ходе производственного совещания, продолжавшегося пять дней, сотрудники ЦРУ объявили Олсону и трем его коллегам, что им в стакан подсыпали ЛСД. Доверенное лицо ЦРУ Роберт Лэшбрук, которому было поручено опекать Олсона, заявил: «Я на самом деле уверовал, что каждый участник заранее осознал вероятный исход таких опытов. Я считал, что все они стали подопытными по доброй воле. Единственное, что нуждалось в уточнении, — это время начала опытов».

В следующий уикэнд, 21 и 22 ноября 1953 г., Олсон приехал, чтобы повидаться с семьей. Элис Олсон заявила, что ее муж «очень сильно изменился. Я не могла по-

нять, в чем дело. Я только догадывалась, что что-то очень неблагоприятно. Весь уикэнд он просидел на месте, очень меланхолический и раздражительный. Говорил о какой-то допущенной ошибке. Потом объявил, что собирается подать в отставку»¹.

В понедельник коллеги посоветовали ему немного повременить с отставкой, и состояние его, кажется, улучшилось. Однако во вторник один из его начальников — полковник Винцент Роуз, который сам до того оказался подопытным и у которого в течение нескольких недель обнаружилась серьезная вторичная реакция на наркотик, отметил в поведении Олсона тревожные симптомы и решил показать его психиатру. Вечером Фрэнк Олсон объявил своей жене: «Я стал для тебя опасным. Мне нужно в Нью-Йорк на прием к психиатру». На другой день она проводила его до аэропорта. Он сел в самолет вместе с полковником Роуз и агентом ЦРУ Робертом Лэшбруком. Это был последний раз, когда Элис Олсон видела своего мужа живым.

В Нью-Йорке Роуз и Лэшбрук отвели Олсона к доктору Гарольду А. Абрамсону, бывшему военному психиатру, который к тому же считался одним из специалистов по ЛСД. После госпитализации и нескольких обширных обследований, одно из которых длилось почти целый день, доктор Абрамсон поставил диагноз — психоз в тяжелой форме с галлюцинациями. Олсон уже заказал билет на самолет, чтобы отправиться к своей семье и провести с ней новогодние праздники, но в последний момент передумал. Он поспешно вернулся в Нью-Йорк, позвонил Абрамсону и попросил снова положить его в больницу. За день до помещения в больницу Олсон находился в гостинице «Стэтлер», в центре Манхэттена. Оттуда он позвонил жене: «Мы говорили о его возвращении домой и о его госпитализации. Ничто не предвещало, что разговор этот будет прощальным», — говорила Элис Олсон. Несколько часов спустя агент ЦРУ Лэшбрук, которому было поручено наблюдение за Олсоном и который жил с Олсоном в одной комнате, проснулся от звона раз-

¹ В то время ни медикам, ни общественности не был известен этот наркотик, который в настоящее время уже достаточно хорошо изучен и воздействие которого до некоторой степени поддается контролю. В то время действие этих наркотиков было более угрожающим, потому что их прием производился неожиданно и без предварительного согласия подопытного.

битого оконного стекла. Это Олсон выбросился из окна комнаты, пролетел вдоль него и разбился, упав с десятого этажа на тротуар Седьмой авеню. Тело погибшего опознал сам Лэшбрук.

На протяжении 22 лет никто не объяснил Элис Олсон и ее троим детям суть происшедшего. ЦРУ просто уведомило семью, что Фрэнк Олсон покончил жизнь самоубийством, и установило ей солидное пособие. Прочитав заключения комиссии Рокфеллера, Элис Олсон позвонила полковнику Роуэ и узнала правду. В ходе пресс-конференции в июле 1975 года дочь Олсона Лиза заявила: «С 1953 года мы боролись за то, чтобы разобраться в причинах смерти моего отца, этого странного «самоубийства». Сейчас, 22 года спустя, нам стало известно, что эта смерть явилась следствием небрежности и невообразимых беззаконий, допущенных ЦРУ».

Семья Олсонов заявила о намерении предпринять юридические шаги против ЦРУ «не столько во имя возмещения убытка и восстановления поправленных интересов, — сказал один из сыновей Олсона — Эрик, — сколько для выяснения точных обстоятельств этой смерти».

ПРОГРАММА ЛСД

Маловероятно, однако, что когда-либо станет известно нечто новое по данному вопросу. Дело в том, что в 1973 году по распоряжению д-ра Сиднея Готлиба были уничтожены 152 досье, содержавшие отчеты об этих опытах. Готлиб сотрудничал с ЦРУ начиная с 1951 года, но уже ранее он установил связи с секретными службами.

С 1953 года лаборатории Сандоз стали предоставлять в распоряжение исследователей новый продукт, свойства которого были открыты в 1943 году одним из их химиков д-ром Альбером Хофманом: ЛСД или диэтиламид лизергиновой кислоты. Учитывая широкий диапазон действия этого вещества, одно время предполагалось использовать его для лечения некоторых психических расстройств, а также для вызывания временных искусственных психозов. В Соединенных Штатах Национальным институтом психического здоровья финансировались многочисленные исследования, однако результаты психиатрических опытов с применением ЛСД в общем оказались обманчивыми. Дело в том, что на протяжении 60-х годов употребление ЛСД стало настоящей модой,

особенно на территории американских университетов и колледжей. В 1966 году в связи с широчайшим распространением этой новой разновидности наркомании лаборатория Сандоз прекратила производство ЛСД. Однако этот наркотик довольно легко поддается синтезированию, и частные лица могут без труда изготавливать его кустарным способом.

Во время слушаний в американском сенате в июле, сентябре и октябре 1975 года много другой информации было высказано представителями армии и ЦРУ, а также медиками и исследователями, сотрудничавшими в разработке различных программ. Адвокат армии США Чарлз Эблэр заявил, что опыты с вызывающими галлюцинации наркотиками были предприняты в американских вооруженных силах в целях отыскания альтернативы ядерной войне. Сотрудничество с ЦРУ объяснялось близостью их целей: ЦРУ требовалось изучить возможность использования этих наркотиков в шпионских целях, например при допросах, а также выяснить, могут ли они представлять опасность для американских агентов с момента использования их вражескими агентами. Таким образом, речь шла о выяснении способов употребления, о кратко- и долговременном воздействии наркотиков, а также о существовании им противоядий.

С течением времени галлюцинирующему воздействию препаратов было подвергнуто около 5 тыс. гражданских и военных лиц. По мнению некоторых специалистов, эта операция, проводившаяся в конце 50-х годов, ни в коей мере не связана с мощной волной наркомании с галлюцинирующим эффектом, захлестнувшей США в начале 60-х годов.

Исследования проводились над больными некоторыми психиатрических больниц, заключенными некоторыми исправительных тюрем, а также над студентами некоторых университетов. К этому добавился «несчастный случай» в нью-йоркской больнице в 1953 году. 42-летний мужчина Гарольд Блауэр, имевший определенную известность как чемпион по теннису, испытал нервную депрессию. Он был помещен в нью-йоркский институт психиатрии, где ему была сделана инъекция москалина, производного другого галлюцинирующего препарата, и умер от сердечного приступа через два часа после укола. Он ушел из жизни в самый разгар выполнения программы исследований, проводившейся при содействии армии и ЦРУ, под контролем д-ра Сиднея Малитца, ныне возглавляю-

щего этот институт психиатрии. Судебный процесс продолжался. Обосновывая решение суда, судья заявил, что применявшаяся химическая терапия «отличалась от стандартной терапии, которая обычно используется в подобных случаях». Несмотря на столь серьезный инцидент, армия продолжала финансировать программу исследований института психиатрии.

Однако опыты проводились главным образом над военными, расквартированными или при арсенале Эджвуд (штат Мэриленд), или в Форт-Брэгге (штат Северная Каролина). По свидетельству генерала Ллойда Феленца, руководившего армейским центром химических исследований в Эджвуде, набор добровольцев производился во всех видах вооруженных сил США. «Им были обеспечены очень удобные квартирные условия, широкие возможности для отпуска и много свободного времени. Сроки участия в исследованиях каждого добровольца исчислялись тремя месяцами, в течение которых один или два раза им давали дозы наркотиков. Правда, им не говорили, когда это произойдет. Дозу подсыпали в стакан с водой или в чашку с кофе. Затем мы наблюдали, каким образом это сказывается на состоянии военнослужащих. Для наблюдения постоянно выделялся дежурный врач, и если с подопытным случался приступ бешенства, его тотчас помещали в госпитальную камеру, специально оборудованную таким образом, чтобы он в ней не поранил себя. Признаки действия на подопытного давали себя знать не менее суток. Мне не известно о каком-либо военнослужащем, испытывавшем серьезное вторичное воздействие наркотиков»¹.

Д-р Ван Сим, работавший по контракту с арсеналом Эджвуд, считает, что эти опыты не прерывались в течение ряда лет. Американская армия постепенно утратила интерес к ЛСД, и предпочтение было отдано другому производному лизергиновой кислоты — ВЗ, который считается более сильным и эффективным. Бомбы, начиненные ВЗ, хранятся в арсенале Лэйн Блаф (штат Арканзас), но о количестве их ничего не известно. С 1967 года, то есть с момента прекращения экспериментов в армии с ЛСД, по 1975 год опытам с ВЗ подверглось порядка 2100—2800 военнослужащих.

¹ Между тем после этих заявлений было отмечено несколько случаев самоубийства.

По данным д-ра Сима, врачи наблюдали довольно продолжительное время лишь за 60 подопытными. И только в 1973 году военные врачи-специалисты решили провести анкетирование, чтобы исследовать на всей территории США всех тех, на ком испытывались ЛСД и другие наркотики с галлюцинирующим воздействием. Сенатор Эдвард Кеннеди подчеркнул серьезность такого положения, когда армия и ЦРУ даже не информировали подопытных о характере вводимых им наркотиков: «Если бы впоследствии они ощутили угнетенное состояние и если бы их стали мучить воспоминания или другие симптомы, они были бы не в состоянии связать это с их появлением в вашем центре. И сегодня они рассеяны почти по всей стране».

«ПРОГРАММА НАОМИ»

Доклад комиссии Рокфеллера не дает, таким образом, представления о деталях программы с ЛСД. Имеются, однако, другие исследования, проводившиеся одновременно силами армии и ЦРУ, которые в этом докладе даже не упоминаются. О них стало известно в результате исследований, проводившихся комиссией Черча. Некоторые из них всплыли в той части первого доклада этой комиссии, которая посвящалась поискам против Патриса Лумумбы (см. гл. 2).

В течение 50-х и 60-х годов в Форт-Детрике представители армии США и привлеченные ею ученые разработали несколько десятков видов химического и бактериологического оружия невиданной по тем временам силы¹.

Одни получили широкое применение, например, во Вьетнаме, другие использовались только в отдельных операциях, третьи так и остались на складах американской армии. Их можно подразделить на три большие группы:

¹ За период с 1950 по 1970 год несколько сотрудников или ученых Форт-Детрика скончались при драматических обстоятельствах. Один микробиолог и один электрик умерли жестокой смертью, подхватив сибирскую язву; сотрудник секции подопытных животных Форт-Детрика скончался от геморрагической боливийской лихорадки. В сентябре 1975 года официальные представители армии объявили, что в свое время они держали в тайне истинные причины этих смертельных случаев.

- химические вещества: такие классические боевые отравляющие вещества, как табун, зарин, горчичный газ; отравляющие вещества беспokoящего действия или парализующие вещества типа CS, CN, DM; галлюцинирующий газ на основе BZ или других секретных веществ; газы, поражающие нервную систему, способные убить в несколько мгновений, подобно CB или VX; дефолианты типа 2,4-D, 2, 4,5-T или какодиловая кислота; яды, такие как цианид, мышьяк, соединения ртути...
- химические вещества биологического происхождения: яды змей, насекомых, рыб или раков; растительные яды, например кураре или безвременник; токсины бактериального происхождения типа ботулотоксина...
- микроорганизмы — вирусы или бактерии, вызывающие очень тяжелые заболевания, например чуму, сибирскую язву, бруцеллез, энцефаломиелит, пситтакоз, сонную болезнь, туляремию, туберкулез, оспу, холеру, сип, желтую лихорадку, тиф...

Под кодовым названием «программа Наоми» ЦРУ и американской армией начиная с 1952 года осуществлялись исследования всестороннего применения этого оружия или производства новых его видов. По свидетельству Ричарда Хелмса, ЦРУ также намеревалось заменить традиционную пилюлю цианистого калия, которую агенты, отправляясь на задание, имеют при себе, чтобы в случае провала покончить жизнь самоубийством. Дело в том, что цианидовая пилюля действует в течение 15 мин. и агония связана со страшными мучениями. Поэтому было решено заменить цианид саксотоксином, представляющим собой токсин — экстракт из раковины моллюска, которая встречается на Западном побережье Соединенных Штатов. Эта раковина явилась основой целой серии тяжелых отравлений в 1952 году. Исследования осуществлялись по инициативе Управления по вопросам продовольствия и медикаментов. Как выяснилось, этот токсин из числа известных является самым сильным: один грамм его может убить 5 тыс. человек. Он очень напоминает другой токсин — тетродотоксин, который можно получить посредством вытяжки из моллюска тетродон, хорошо известного в Японии.

В 1970 году президент Ричард Никсон отдал распоряжение о закрытии лабораторий в Форт-Детрике и ли-

квидации всех запасов бактериологического оружия и некоторых видов химического оружия. ЦРУ не подчинилось этим указаниям; когда директор Уильям Колби предложил всем своим сотрудникам назвать известные им незаконные действия ЦРУ и приступить к инспекции помещений, в углу комнаты отдела технических служб было обнаружено несколько флаконов. В одном из них оказался яд кобры. В другом было 11 г саксотоксина, что, по мнению руководителей ЦРУ, составляет треть всех мировых запасов. Кроме того, были обнаружены другие вещества, могущие поражать органические функции, вызывать страшные боли, конвульсии или паралич и в конце концов смерть. Всего было найдено 8 смертоносных и 27 парализующих веществ. Вся эта продукция оказалась неуничтоженной согласно указанию Сиднея Готлиба, который руководил отделом технического обеспечения и нес ответственность за выполнение программы ЛСД.

В ходе тех же слушаний перед американским сенатом ответственные сотрудники ЦРУ продемонстрировали различную аппаратуру, предназначенную для манипуляции ядами. Кроме того, ЦРУ сконструировало лампу дневного света, которая в зажженном состоянии излучала яд в виде аэрозоля. Было разработано несколько систем типа «гарпун». Одни из них незаметно монтировались в трости или в зонты, другие — в ручки. Самые простые — бесшумные электрические пистолеты, из которых можно стрелять с расстояния более 100 м отравленными стрелами, которые растворяются после попадания, не оставляя при этом никаких следов. Демонстрация этих технических новинок произвела определенное впечатление на членов комиссии и на других собравшихся там сенаторов. «Сенатор Барри Голдуотер, гримасничая и жестикулируя, как чикагский гангстер, только что получивший новую огнестрельную «игрушку», крутил винтовку в руках и прицеливался из нее в висевшие над ним люстры. Сенаторы Бэйкер и Матиас, стоявшие справа и слева от Голдуотера, смотрели на него с завистью и любопытством, проявляя явное нетерпение в связи с предоставившимся шансом хоть на мгновение поддержать в руках оружие, поистине достойное самого Джеймса Бонда. Оба они чувствовали себя обманутыми из-за того, что им не дали поиграть»¹.

¹ "The Guardian", Sept. 17, 1975.

Такого рода приманку ЦРУ уже пускало в ход в 1966 году, чтобы пощекотать нервы членам сенатской комиссии по расследованию финансирования секретных служб. Вот как Маркс и Маркетти описывают происшедшее: «Учитывая проявленный сенаторами интерес, директор явился в сопровождении заместителя начальника Управления научно-технической разведки д-ра Алберта Д. Уилона с целым чемоданом шпионских технических новинок: камеры, вмонтированной в кисет с табаком, радиопередатчика, вмонтированного во вставной зуб, магнитофона, помещенного в портсигар, и т. п. Происхождение этого оборудования даже не было связано с технической базой Уилона, создателями его оказались непосредственно эксперты секретных служб. Впрочем, если сенаторы желают ознакомиться с техническими проблемами, Хелмс и его ассистент не прочь их развлечь, показав новинки, достойные экипировки самого Джеймса Бонда. Уилон стал рассказывать о технических проектах сбора информации; в то же время он начал выкладывать перед сенаторами технические новинки. Как и следовало ожидать, разговор сразу же зашел об аксессуарах идеального шпиона. Между тем настырный сенатор повторил свой вопрос относительно новых и дорогостоящих систем технического шпионажа, которые намеревается установить ЦРУ. Однако Уилон лукаво перевел разговор на технические новинки. Когда сенатор задал свой вопрос в третий раз, председательствовавший на заседании Рассел попросил его подождать, пока оба представителя ЦРУ закончат свой рассказ, чтобы потом продолжить расследование. Однако разложенные перед сенаторами «экспонаты» настолько увлекли их, что больше никаких других вопросов не последовало».

Трудно сказать, позволила ли на этот раз демонстрация сенсационных технических новинок ответственным сотрудникам ЦРУ избежать некоторых очень щепетильных вопросов, а также замаскировать абсолютно секретные операции и прочие программы исследований.

В ходе тех же слушаний был сделан доклад о некоторых экспериментах, проведенных сотрудниками ЦРУ, с целью изучения возможностей обороны при газовом нападении в крупных городах. Например, один агент ЦРУ бросил на рельсы нью-йоркского метро ампулу с безобидным газом, который легко обнаруживался с помощью технических средств. При этом выяснилось, что ампула с газом была сброшена с поезда на расстоянии

более 3 км. Подобным же образом газ или аэрозоль, содержащие смертоносные бактерии, могут разбрызгиваться на расстоянии нескольких километров вдоль автомагистралей. Или, например, достаточно было крошечных ампул с ЛСД, ВЗ или с любым галлюцинирующим или парализующим наркотиком, чтобы отравить все резервуары с питьевой водой в крупном городе.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ НОВИНКИ ЦРУ

Подслушивание средств связи иностранных государств является важным элементом современных методов разведки. Некоторые новые системы, разработанные ЦРУ и предназначенные для применения за границей, вначале испытывались в Соединенных Штатах. В ходе этих испытаний часто подслушивались частные разговоры, конечно, американских граждан. Телефонные разговоры при этом неоднократно подслушивались, но не записывались на пленку. В других случаях телефонные разговоры записывались на пленку для последующего их анализа, однако записи сохранялись только до момента окончания испытаний, после чего они уничтожались. При этом отсутствовали доказательства, что такие испытания когда-либо совершались в отношении частных лиц во имя того, чтобы узнать содержание телефонных разговоров. В большинстве случаев абоненты оставались анонимными. Не было также доказательств того, что ЦРУ распространяет или даже пытается использовать в каких-либо целях содержание записанных на пленку телефонных разговоров.

На некоторые направления в работе Управления научно-технической разведки возложено испытание другой новой аппаратуры или других методов, например, аппаратуры обнаружения на случай химической войны, новых средств измерения физиологических реакций у человека, систем фотографической интерпретации.

СЛУЖБА ФАЛЬШИВЫХ ДОКУМЕНТОВ

ЦРУ располагает службой, которая занимается изготовлением и поставкой своим агентам и сотрудникам всякого рода фальшивых документов, удостоверяющих личность. Большинство этих документов имитируют под-

линные иностранные документы. Однако выдача некоторых документов обычно осуществляется другими руководящими органами правительства США или же фирмами и частными американскими организациями. Среди поддельных американских документов, поставляемых время от времени персоналу и агентам ЦРУ, — карточки социального страхования, карточки банковского кредита, удостоверения, подтверждающие характер профессиональной деятельности, членство в клубе, студенческих объединениях и читательские билеты. Недавно ЦРУ перестало выпускать поддельные удостоверения на право вождения, поддельные кредитные карточки и фальшивые метрики, за исключением тех случаев, когда последние требуются для осуществления особо «деликатных» операций, а также при условии предварительного согласия на это заместителя директора, несущего ответственность за проведение операций.

Однако, какие бы фальшивые американские паспорта ни выпускало ЦРУ, оно старалось прикрыть некоторые из них в прошлом выпуском въездных виз, чтобы тем самым создать впечатление, что совершались какие-то поездки, которых на самом деле никогда не было.

Фальшивые удостоверения личности должны были обеспечить секретность операций. Эти документы не носили закрытого характера, то есть их изготовление осуществлялось с согласия соответствующих компаний или организаций. В сущности, они предназначались лишь для оперативного, но поверхностного удостоверения личности. Только администрацию социального страхования ЦРУ поставило в известность о том, что оно выпускало поддельные документы.

„Водопроводчики“ Белого дома

*Материал подготовлен
Давидом Антонелем*

В четверг, 17 мая 1973 г., ровно в 10 час. утра в старом зале сената сенатор Эрвин объявил открытым первое заседание комиссии по расследованию уотергейтского дела.

За зеленой скатертью, утыканной микрофонами, семь человек приготовились расследовать удивительный и беспрецедентный процесс против самой государственной власти. Прямо перед ними примерно 300 человек слушали вступительную речь Сэма Эрвина. А с другой стороны были установлены четыре телевизионные камеры, чтобы вся Америка могла следить за происходящим в зале.

В пятом ряду, где сидела публика, можно было видеть Даниэла Элсберга. Всего несколько дней назад судья Бирн объявил о его непричастности к делу о «документах Пентагона». Таким образом, судья выяснил, что за год до операции в «Уотергейте» группа так называемых «водопроводчиков Белого дома», взломав двери, проникла в кабинет калифорнийского врача с целью перифотграфировать психиатрическое досье обвиняемого. Элсберг вскоре был оправдан, в результате чего отпала необходимость такого юридического действия, как полный пересмотр процесса.

Дело с документами Пентагона предопределило возникновение группы «водопроводчиков». Вторжение со взломом к психиатру Элсбергу станет одним из главных пунктов обвинения, которое было предъявлено Никсону и которое в итоге привело к его смещению с поста президента:

ДЕЙСТВУЯ ЛИЧНО И ЧЕРЕЗ ПОДЧИНЕННЫХ, В НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ИЛИ ИГНОРИРУЯ ИХ, ОН САНКЦИОНИРОВАЛ И РАЗРЕШИЛ В ПЕРИОД СВОЕГО ПРЕЗИ-

ДЕНТСТВА УСТАНОВИТЬ СЕКРЕТНУЮ АППАРАТУРУ ДЛЯ ПОДСЛУШИВАНИЯ, ЧТО ЧАСТИЧНО ФИНАНСИРОВАЛОСЬ СРЕДСТВАМИ ИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ ФОНДОВ. ПРИЧЕМ УПОМЯНУТАЯ АППАРАТУРА, ДЛЯ УСТАНОВКИ И РАБОТЫ КОТОРОЙ НЕЗАКОННО ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ РЕСУРСЫ ЦРУ, СТАЛА ОБЪЕКТОМ ТАЙНЫХ И ПРОТИВОЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАНЕСШИХ УЩЕРБ ПРАВУ ОБВИНЯЕМОГО НА СПРАВЕДЛИВОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА, ГАРАНТИРОВАННОМУ КОНСТИТУЦИЕЙ.

(Статья 2, абзац 3 обвинительного акта, в котором излагаются «преступления и правонарушения» Ричарда Никсона.)

13 июня 1971 г. газета «Нью-Йорк таймс» предприняла публикацию досье Пентагона. Непосредственной реакцией на эту публикацию явилось появление в Белом доме Говарда Ханта. На него была возложена задача подобрать и возглавить названную впоследствии «водопроводчиками» Белого дома секретную группу, которая 17 июня 1972 г. в 2 час. 30 мин. ночи осуществит вторжение в здание «Уотергейта».

Кто же такой Говард Хант?

Чем он занимался до появления в Белом доме?

С этих вопросов и начинается глава отчета комиссии Рокфеллера, посвященная расследованию причастности ЦРУ к незаконным действиям Белого дома¹.

¹ Мы воспроизводим здесь наиболее существенные фрагменты из гл. 14 отчета комиссии Рокфеллера. Мы добавили к этому тексту несколько извлечений из официальных документов, опубликованных в 1973 и 1974 годах парламентской комиссией по расследованию уотергейтского дела. Во избежание какой-либо путаницы мы указываем в сносках происхождение каждой вставки. Как и в остальных частях книги, наш комментарий напечатан курсивом.

Первый из „водопроводчиков“

К своим обязанностям в ЦРУ Говард Хант приступил в апреле 1970 года. До этого он занимал несколько ответственных постов в Управлении планирования (сейчас Оперативное управление).

Он начал свою карьеру в Европе, потом был направлен для работы в разные районы Западного полушария (в ЦРУ отдел стран западного полушария охватывает Латинскую Америку и Канаду). В начале 60-х годов он контролировал создание кубинского правительства в эмиграции в связи с операцией в заливе Кочинос. Впоследствии на него было возложено осуществление некоторых иностранных публикаций, которые тайно контролировались ЦРУ. В поисках работы после своей отставки Хант установил связь с отделом помощи сотрудникам иностранной службы (в функции его входит также оказание содействия в трудоустройстве бывшим сотрудникам ЦРУ). Один из сотрудников этого отдела — Фрэнк О'Мэлли был знаком с Хантом еще тогда, когда он принимал участие в осуществлении секретных операций.

Поскольку Хант живо интересовался сферой общественных отношений, О'Мэлли связался с руководителем одной компании Робертом Мулленом и попросил его помочь Ханту найти место. Роберт Муллен познакомился с Хантом в Париже после войны, когда оба были сотрудниками администрации по вопросам европейского сотрудничества. По просьбе О'Мэлли Муллен встречался с Хантом несколько раз в марте 1970 года, но безрезультатно.

Чуть позже Муллен решил расширить поле деятельности и 10 апреля предложил Ханту работу, на которую тот сразу же согласился. [...] Сближение Ханта с Мулленом ЦРУ, естественно, расценило как несвоевременное, поскольку оно могло привлечь внимание к секретным

отношениям, которые, кстати сказать, существовали между Мулленом и ЦРУ.

Компания Муллена представляла собой созданную по всем правилам фирму по поддержанию контактов с общественностью. Она располагала значительной клиентурой, о связях которой с ЦРУ ничего не было известно. Тем не менее Роберт Муллен на протяжении ряда лет сотрудничал с ЦРУ, что позволяло ему пользоваться услугами резидентур ЦРУ за границей для прикрытия своих агентов. Сам факт существования этих отношений между Мулленом и ЦРУ сохранялся, разумеется, в тайне во избежание разглашения сведений о прикрытии своих тайных агентов. Между тем это вызвало серьезные осложнения, когда вслед за уотергейтским делом началось расследование деятельности компании Муллена.

Несмотря на существование этих тайных соглашений, компания Муллена совершенно не занималась сбором и передачей самих разведданных. На нее возлагалось лишь четкое руководство представительствами, в которых работали сотрудники ЦРУ; кроме того, она была призвана обеспечить, чтобы эти сотрудники производили впечатление, что они всерьез заняты налаживанием контактов с общественностью. Ответственному сотруднику и бухгалтеру компании Муллена (он тоже в прошлом сотрудник ЦРУ) было поручено совместно разрешать эти вопросы.

С того момента, когда Хант начал работать на Муллена, по согласованию с ЦРУ его поставили в известность о существовании этих секретных соглашений, с тем чтобы в период отъезда Муллена из Вашингтона, что, кстати, случалось довольно часто, он занимался сугубо административными вопросами.

Через восемь месяцев после появления Ханта в компании Муллена в фирме всплыла фигура Роберта Беннета.

Сын Уоллеса Беннета (сенатора-республиканца от штата Юта), он был активным членом республиканской партии. До установления им контакта с фирмой Муллена в январе 1971 года ему было официально поручено поддерживать отношения министерства транспорта с конгрессом. Кстати сказать, связи Беннета с политическим миром определили его причастность к некоторым видам последующей деятельности Ханта.

Собираясь уйти в отставку, Муллен предложил Беннету стать президентом фирмы и ее хозяином. Это пред-

ложение вызвало явное разочарование Ханта, который надеялся сам стать президентом и хозяином дела. Тогда он попытался договориться об условиях совладения с Беннетом, но предложенная им сделка успеха не имела, вследствие чего он стал подумывать об уходе из компании Муллена.

Ничто не дает оснований предположить, что прежде у Беннета были контакты с ЦРУ. Он заявил, что в феврале 1971 года его поставили в известность о соглашениях между Мулленом и ЦРУ, именно тогда, когда он проверял финансовую документацию Муллена, прежде чем сделать ему предложение о покупке. Именно в то время он впервые повстречал ответственного сотрудника ЦРУ, именно тогда ему разъяснили сложившуюся ситуацию; впоследствии он время от времени виделся с ответственным сотрудником, чтобы обсудить с ним секретные сделки.

Беннет связал с Мулленом клиентуру «Хаг Тул компани» (в настоящее время «Самма корпорейшн») ¹. Он встречался с доверенными лицами компании, когда работал в министерстве транспорта. Позже в течение 1971 года он связал с ними Ханта, что заложило основу разных контактов. [...]

Эверет Говард Хант-младший, единственный сын судьи Эверета Говарда Ханта, родился 9 октября 1918 г. в Гамбурге, штат Нью-Йорк.

Получив диплом Браунского университета в 1940 году, Хант до вступления Соединенных Штатов во вторую мировую войну служил в американских ВМС. После инцидента на море он был демобилизован и в течение двух последующих лет работал киносценаристом и военным корреспондентом журнала «Лайф». С 1943 года он стал работать в Управлении стратегических служб (Office of Strategic Service — OSS), которое впоследствии переросло в ЦРУ. Занимал соответствующие посты во Флориде и на юге Китая вплоть до конца войны. В 1946 году, получив стипендию от фонда Гуггенхейма, целый год изучал испанский язык в Мексике. Три года спустя поступил на службу в ЦРУ с местом пребывания в Париже,

¹ По свидетельству Чарлза Коулсона, которому знаком данный вопрос, «трудно сказать, где начинается «Хаг корпорейшн» и где кончается ЦРУ».

Вене и Латинской Америке, где почерпнул сюжеты для нескольких своих романов о шпионаже.

Его отец был судьей в Майами, и в свои школьные годы Хант совершил поездку в Гавану. В 1960 году он отправился туда еще раз, но теперь уже за счет ЦРУ. Он вернулся с Кубы, убежденный в необходимости убийства Фиделя Кастро. Он даже кичился тем, что высказал эту идею одним из первых в ЦРУ.

Он участвовал во вторжении в заливе Кочинос под именем «Эдуардо». Во всех своих делах он выступал под разными псевдонимами — Эдвард Гамильтон, Эд Уоррен и т. д. Свои романы он также выпускал под псевдонимами: Роберт Солсбери Дитрих, Гордон Дэвис, Джон Бэкстер, Дэвид Ст. Джон и др.

Один из его ответов в качестве свидетеля на вопросы сенатора в комиссии по расследованию уотергейтского дела проливает некоторый свет на его личность (или его тактику):

Сенатор Тэлмидж: Ваша прежняя деятельность произвела на меня большое впечатление. Вы достойно служили в американском флоте. У вас диплом одного из лучших наших колледжей. Во время второй мировой войны вы оказали ценные услуги вашей стране, работая в УСС. Вы сделали блестящую карьеру в ЦРУ, где дважды удостоились высокой похвалы. Как же, черт возьми, после всего этого вы впутались в такие тайные операции, совершив целую серию вероломных действий?

Говард Хант: Я вам отвечу, сенатор Тэлмидж, объяснив мотивы моих действий. Во-первых, мое участие продиктовано убежденностью в том, что предложенные мне операции осуществляются с согласия высших властей нашей страны; во-вторых, 26 лет моего служения интересам нации внушили мне необходимость исполнения приказов и инструкций, научили не задавать лишних вопросов¹.

В начале 60-х годов компания Муллена использовала прикрытие ЦРУ в своих отношениях с «комитетом за освобождение Кубы». Эта организация, вся деятельность которой была направлена против Кастро, базировалась

¹ «Комиссия Эрвина, свидетельские показания Говарда Ханта, 25 сентября 1973 г.».

в Вашингтоне и финансировалась ЦРУ. Под ее контролем находилась также радиостанция «Голос Кубы». Вызывает удивление, что у Ханта тогда не было никакого контакта с Мулленом. Единственный контакт Ханта с Мулленом (до 1970 г.), который был отмечен комиссией, имел место после войны, в Париже: тогда в компетенции Роберта Муллена была пропагандистская деятельность в поддержку «плана Маршалла» — своего рода усилия по связи с общественностью.

В своем «Дневнике сотрудника ЦРУ» Филип Эйджи сообщает 15 января 1967 г.: «До отъезда мне надо будет закончить писанину в отношении двух новых сотрудников, которым предстоит отправиться в Мексику под неофициальным прикрытием. Один из них — агент по контракту, который инструктировал на специальной базе, расположенной на острове неподалеку от Майами, диверсионные антикастровские группы для высадки на Кубу с моря. Другой — Джек Киндши, штабной офицер, только что направленный в Мехико после пребывания в Стокгольме. Его прикрытие было такое же, как и в Швеции, причем достаточно надежное — эксперт по отношениям с общественностью компании Роберта Муллена».

По данным комиссии Рокфеллера, Говард Хант на несколько недель в течение 1960 года был направлен в Мехико. По крайней мере, с 1963 года компания Муллена держала в этом городе свое представительство. Сотрудничество этой фирмы с ЦРУ началось с момента ее возникновения в 1959 году.

Роберт Беннет, по свидетельству доклада комиссии Рокфеллера, «являлся активным членом республиканской партии». Так, в 1964 году он принял деятельное участие в предвыборной кампании Голдуотера. Он также играл заметную роль в создании предвыборных фондов в пользу Никсона. Трудно четко сформулировать характер его взаимоотношений с ЦРУ; в приложении к окончательному докладу комиссии Эрвина сенатор Бейкер указывает на необходимость дополнительного расследования по данному вопросу.

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

В 1967 году министр обороны Роберт Макнамара предложил своим службам выполнить детальное историческое исследование об истоках войны во Вьетнаме.

Была создана исследовательская группа, в которую вошли многочисленные военные, аналитики министерства обороны и эксперты из разных научно-исследовательских институтов. В целях объективности была формально обеспечена анонимность состава исследователей при их отборе: в случае если результаты их исследований не получают одобрения в высших сферах, это ни в коей степени не должно сказаться на их карьере. Они получили доступ к едва ли не всем секретным архивам, связанным с историей интервенции США. Однако им не было разрешено встретиться с еще живыми «актерами» этой истории, с тем чтобы само существование этого проекта не стало достоянием широкой гласности.

Результатом этого предприятия стало исследование объемом в 3 тыс. страниц, выполненное 36 редакторами. Кроме того, была составлена серия приложений объемом примерно 4 тыс. страниц. Эта совокупность документов, поскольку она затрагивала сферу ответственности американского правительства, была квалифицирована как суперконфиденциальная, причем первоначальный рассылочный список его оказался крайне ограниченным.

13 июня 1971 г. газета «Нью-Йорк таймс» приступила к публикации пространных фрагментов из этих документов, получивших позже название «документы Пентагона».

22 мая 1973 г. в ответ на обвинения в связи с операцией «водопроводчиков» Никсон заявил:

«За несколько часов до появления этой публикации никто из администрации не знал, что эти публикации похищены. Лишь очень немногие знали об их существовании, но никто их не читал. Единственное, что нам было известно,— это то, что существует доклад в 47 томах общим объемом 7 тыс. страниц, составленный на основе самых секретных архивов государственного департамента, Пентагона и ЦРУ относительно войны, которая не была закончена. В добавок ко всему некоторые документы, упомянутые в первых трех статьях газеты «Нью-Йорк таймс», не фигурировали в 47 томах доклада, что позволяет реально судить о количестве и содержании похищенных документов.[...]

Итак, на протяжении недели, последовавшей за публикацией досье Пентагона, я одобрил создание специальной группы по расследованию, которая позже станет

известной под именем «команда водопроводчиков»: многочисленная группа, главным назначением которой стало предотвращение утечки информации в Белом доме. [...]

Примерно в то же время, когда возникла эта группа по расследованию, было установлено, что именно Даниэл Элсберг передал упомянутые досье газете «*Нью-Йорк таймс*». [Даниэл Элсберг был гражданским экспертом высокого ранга при Пентагоне; считавшийся «ястребом» к началу американского участия в войне во Вьетнаме, он стал в ряды решительных противников продолжения этой войны]. Тогда,— продолжал Никсон,— я попросил Крога, чтобы эта группа занялась прежде всего выяснением мотивов Элсберга. [...]

Учитывая крайнюю сложность обстановки, я могу понять, как лица, руководствуясь в остальном высокими принципами, сочли оправданным участие в операциях, которые я бы решительно осудил, если бы только мне стало о них известно»¹. [...]

Эджил Крог в то время был помощником Эрлихмана (советника Никсона по внутриполитическим делам). Он и Дэвид Янг, бывший помощник Киссинджера в Совете национальной безопасности, приняли на себя совместную ответственность за техническую работу новой группы. За политический аспект данной операции отвечал советник президента Чарлз Коулсон.

Однако подлинная цель Белого дома в этом деле не имела даже отдаленного отношения к вопросу национальной безопасности. Эта цель была ясно изложена в меморандуме Коулсона, направленном 25 июня Холдману (руководитель канцелярии президента). Коулсон разъяснил, что чем больше говорят об этих досье, тем лучше, так как они вскрывают ошибочные решения и лживые вымыслы предшествовавшей Никсону администрации демократов.

«Короче говоря, я считаю, что эта история имеет серьезные политические последствия, открывая перед нами такие возможности, которые мы в первый момент даже не были в состоянии оценить [...], что это, наверное, своего рода «бомба замедленного действия», вызываю-

¹ "Presidential Statement", May 22, 1973.

шая среди демократов глубокие и длительные распри¹.

Нам важно постоянно помнить о нашей истинной цели: дискредитировать демократов, сделать так, чтобы они нас контратаковали, а мы остались бы вне этой схватки, чтобы не создалось впечатления какой-то закулисной игры или манипуляции»².

Указанный меморандум был немедленно передан Никсону, который в тот же день обсудил его с Коулсоном.

Если основной целью использования содержания документов была дискредитация демократов, то второстепенной целью явилось максимальное использование самого факта разглашения секретов национальной обороны для нападок на «новых левых» и на противников войны на примере личности Элсберга.

Был пущен слух, что советское посольство имело доступ ко всем этим документам. Вместе с тем в меморандуме Крога и Янга Эрлихману «проблемным» назывался тот факт, что Элсберг передал досье только представителям прессы.

И вот для наступления на Элсберга Коулсон позаботился о появлении Говарда Ханта в Белом доме...

ПРИГЛАШЕНИЕ НА РАБОТУ

В начале июля 1971 года Чарлз Коулсон, который в то время был советником президента Никсона, предложил Ханту должность внештатного консультанта Белого дома.

Коулсон и Хант знали друг друга, а тут им еще довелось вместе позавтракать. Хант проявил живой интерес к работе Коулсона в президентской канцелярии. А тот, в свою очередь, искал кого-либо, кто мог бы обстоятельно разобраться в досье Пентагона и координировать все шаги, которые Пентагон был вынужден предпринять в связи с недавней публикацией этих досье газетой «*Нью-Йорк таймс*». Коулсон представил Ханта Джону Эрлихману, одному из советников президента, то ли непосредственно перед вступлением в должность, то ли сразу же после этого.

¹ "House Judiciary Committee, Statement of Information, Book VII, 670".

² "Book VII, 1392".

«В начале июля... Коулсон предложил Ханту должность внештатного консультанта», — говорилось в докладе комиссии Рокфеллера. Но как было сформулировано это предложение? Каким образом можно было поступить на работу в Белый дом в 1971 году?

1 июля Коулсон позвонил Ханту по телефону. Вот фрагмент записи разговора, которая на следующий день была вручена Бобу Холдemanу:

Коулсон: Я как раз думаю... Дело может принять тот или иной оборот: или Элсберг станет мучеником «новых левых» (вероятнее всего, так и случится), или получится новый вариант дела Элджера Хисса¹, с разоблачением самого обвиняемого, с раскрытием обвиняемых вместе с ним по одному делу и, видимо, с хорошо известным итогом. Тогда эту пададь можно было бы изготовить для дискредитации «новых левых».

Хант: Если бы это можно было практически осуществить, было бы великолепно. Но ведь нельзя забывать, что есть еще «Таймс», «Пост», «Монитор», да и много других...

К.: А знаете? Что, если все это дело действительно выльется в сенсацию, они будут вынуждены опубликовать материалы.

Х.: Вы, разумеется, более всего предпочитаете наблюдать со стороны: как этим воспользуется администрация. В этой связи я пожелал бы отбросить свое чувство мести во имя одного — быть полезным для администрации. Это стало ясно сейчас... Теперь уже очевидно, что этот Кеннеди втянул нас в нынешнюю историю еще где-то в мае 1961 года.

К.: Черт возьми! А эта информация оттуда, где вы были...

Х.: Я это знал, да, но прежде это никогда не всплывало наружу.

К.: Позвольте мне задать вам этот вопрос, Говард: считаете ли вы, что при использовании соответствующих средств нынешняя история может привлечь всеобщее внимание, со всей силой ударив по Элсбергу и его сообщникам?

Х.: Да, но вы упомянули одно условие, о возможности выполнения которого мне ничего не известно.

¹ Сотрудник госдепартамента США, без оснований обвиненный в 1950 году в шпионской деятельности.

К.: Какое именно?

Х.: Да вот, соответствующие средства...

К.: Но мне кажется, что они у нас есть.

Х.: Мне хотелось бы убедиться в этом.

К.: Поэтому, вы считаете, лучше поспешить, чтобы взять этого типа в спокойной обстановке?

Х.: Поспешить, чтобы взять в спокойной обстановке, да¹. [...]

Вызванный для свидетельских показаний перед сенатской комиссией по расследованию уотергейтского дела, Хант был вынужден дать ответ в связи с магнитофонной записью этого разговора:

Вопрос: 1 или 2 июля 1971 г. вам звонил по телефону Коулсон?

Хант: Да.

Вопрос: Позвольте продемонстрировать вам магнитопись этого разговора. Желаете проверить, все ли так на самом деле? Воспроизводит ли этот текст ваш разговор с Коулсоном?

Хант: Да.

[...]

Вопрос: Вы это истолковали как мысль о важной акции, призванной дискредитировать Элсберга в прессе?

Хант: Да.

Вопрос: Коулсон предложил вам работать в Белом доме?

Хант: Да². [...]

На следующий день запись разговора была передана Холдемону со следующей сопроводительной заметкой:

2 июля 1971 г.

Меморандум для Холдемана
от Коулсона
о Говарде Ханте

¹ "Impeachment of the President of the United States, Committee on the Judiciary, House of Representatives, Final Report, Statement of Evidence on Article 2".

² «Комиссия Эрвина, свидетельские показания Говарда Ханта, 24 сентября 1973 г.».

Чем больше я задумываюсь о политическом контексте этого дела, о естественной реакции на него и о жизненном опыте Говарда Ханта, тем больше мне кажется, что вам было бы небезынтересно с ним встретиться. Говоря вам об этом, я забыл упомянуть, что именно он был источником идей ЦРУ в эпизоде с операцией в заливе Кочинос¹. Он мне сказал, что, если бы все стало известно раньше, с Кеннеди давно было бы покончено.

Если желаете получить представление об этом человеке, я записал разговор, который у меня был с ним вчера на эту тему. Нет необходимости подчеркивать, что в моих словах отсутствует малейший намек на предмет нашего разговора. Просто я зондировал, что он думает на этот счет.

Вскоре после того, как Хант установил контакт с Белым домом, Беннет заговорил с ним об одном из его знакомых, некоем Клиффорде де Мотте, утверждавшем, что он располагает данными, которые могут дискредитировать семейство Кеннеди.

Беннет знал о новых обязанностях Ханта и одобрил его решение. Он считал, что сведения, которыми располагает де Мотт, могут представить интерес для канцелярии президента.

Хант и Коулсон были едины в том, что необходимо допросить де Мотта. Тем не менее Хант считал, что надо замаскировать его обязанности члена президентской канцелярии, и поэтому предложил обратиться к ЦРУ с просьбой обеспечить ему прикрытие.

Между тем истекал первый срок президентства Ричарда Никсона, выборы были назначены на конец 1972 года, и он больше всего опасался, что сенатор Эдвард Кеннеди будет противостоять ему. В 1960 году Никсона победил Джон Кеннеди, в 1968 году Никсон взял верх над Хэмфри, однако, если бы кандидат в президенты Роберт Кеннеди не был убит, Никсон наверняка бы проиграл. В то лето за 16 месяцев до выборов всерьез заговорили о кандидатуре Эдварда, последнего из братьев Кеннеди. Итак, Беннет имел все основания полагать, что данные, дискредитирующие Эдварда Кеннеди,

¹ Когда знаешь, какой катастрофой операция в заливе Кочинос обернулась для ЦРУ, наличие такого «генератора идей» представляется совершенно неуместной характеристикой...

могли бы представлять большой интерес для Белого дома... Поэтому более чем за год до выборов двум бывшим инспекторам нью-йоркской полиции — Колфилду и Уляшевичу было поручено секретно провести за счет президентской канцелярии расследование личной жизни сенатора.

По просьбе Ханта, переданной Коулсоном, Эрлихман 7 июля¹ позвонил генералу Роберту Кашману, который тогда был заместителем директора ЦРУ. Согласно записям, сделанным в ходе этого разговора секретаршей Кашмана, Эрлихман сообщил ему, что президент возложил на Ханта специальную миссию, связанную с некоторыми вопросами безопасности, в связи с чем ему понадобится, вероятно, установить контакт с Кашманом, и что последний может считать, что в большей или меньшей степени он «уже имеет *carte blanche*»¹. Эрлихман в своих показаниях заявил, что не помнит о телефонном разговоре с Кашманом относительно Ханта и не думает, что вообще имел такой телефонный разговор.

Генерал Роберт Кашман был только что назначен заместителем директора ЦРУ. Являясь кадровым военноморским офицером, в период с 1967 по 1969 год он командовал во Вьетнаме силами, расположенными непосредственно к югу от 17-й параллели (до 163 тыс. американских солдат). Кашман не соглашался с тактикой пассивной обороны, которую отстаивал его главнокомандующий. В течение четырех лет (1955—1958 гг.) Кашман был главным советником по вопросам национальной безопасности вице-президента Никсона, с которым с тех пор его связывали близкие отношения.

8 июля в ходе очередного обычного совещания Кашман проинформировал ядро руководящих сотрудников ЦРУ о новых функциях Ханта в Белом доме; на этом совещании присутствовал директор ЦРУ Ричард Хелмс. Кроме того, Камшан проинформировал начальника отдела безопасности, ибо эта миссия входила в сферу его компетенции. Возможно, в свою очередь, начальник позвонил по телефону в кабинет Ханта, чтобы установить с ним контакт.

¹ Это выражение в ходе разговора было произнесено по-французски.

РАЗГОВОР

22 июля 1971 г. состоялась встреча Ханта с Кашманом в помещении ЦРУ. Хант знал генерала со времени его работы в ЦРУ и попросил поговорить с ним без свидетелей. Этот разговор был записан на спрятанной в кабинете аппаратуре. Кашман нередко записывал разговоры во время таких встреч, но ему трудно было объяснить, почему он так поступил в этом конкретном случае.

Когда Кашмана спросили об этом во время явки для дачи показаний перед комиссией Эрвина, он заявил следующее:

Вопрос: Почему вы сделали запись этого разговора?

Кашман: Я записал этот разговор, чтобы сохранить его в памяти, ибо Хант желал, чтобы в кабинете никого не было. Когда Хант явился, он попросил меня, чтобы мы беседовали без свидетелей. Вскоре я включил аппаратуру, поэтому не было необходимости делать записи¹.

При этом бросается в глаза не то обстоятельство, что беседа оказалась записанной на пленку, а то, что магнитофонная пленка не была уничтожена.

В 1971 году в помещении ЦРУ была установлена совершенная записывающая аппаратура. В конце января 1973 года, несколько дней спустя после того, как сенатор Мэнсфилд направил письмо Ричарду Хелмсу о сохранении всех относящихся к уотергейтскому делу документов, и незадолго до того, как тот оставил службу в ЦРУ, было отдано распоряжение об уничтожении всех магнитофонных пленок с записью разговоров на уровне руководства ЦРУ. Так впервые в истории ЦРУ был полностью уничтожен соответствующий архив². Как выявится впоследствии, комиссия затронет этот вопрос, но от этого он нисколько не станет яснее.

Кашман завершил службу в ЦРУ в 1971 году. С момента появления в ЦРУ сохранились записи только двух его разговоров: один — от 22 июля с Хантом. По ошибке или специально? «Обстоятельства, связанные с записями разговоров бывшего заместителя директора Кашма-

¹ «Свидетельские показания от 2 августа 1973 г.».

² "Minority Report on CIA. Involvement, Senate select Committee on presidential Campaign Activities".

на, по меньшей мере странные» («Minority Report»). Дело в том, что в ответ на неоднократные просьбы комиссии Эрвина ЦРУ указывало на эти две единственные записи двух единственных бесед, где речь шла об «уотергейте», причем в очень завуалированной форме.

Ниже приводятся пространные фрагменты из разговора от 22 июля — любопытная смесь душевных банальностей и профессиональной подозрительности:

Хант: Мы могли бы увидеться наедине?

Кашман: Ну да, разумеется¹.

Х.: Большое спасибо. Белый дом возложил на меня очень деликатную миссию. Она заключается в том, чтобы навеститься к одному субъекту, политические взгляды которого нам мало известны, и получить о нем соответствующие сведения. Именно с этой целью меня попросили связаться с вами. Не могли бы вы помочь мне получить две вещи: фальшивые документы, которые понадобятся для «прикрытия»², и соответствующую маскировку для осуществления синхронной операции — вход и выход.

К.: Почему бы нет...

Х.: Мы по возможности будем держать это в тайне. Не знаю, как вы или ваши агенты намерены осуществить это, но я предпочел бы встретиться с кем-либо в надежном месте (заметьте: именно в этот момент пролетает самолет, из-за чего слова еле слышны) ...маскировка. Мы собираемся приступить в субботу или в воскресенье, как можно скорее, завтра после обеда³. Если кто-нибудь смог бы сделать это завтра после обеда, это было бы великолепно. Я вас видел как-то на днях на церемонии открытия мемориала Уизнера⁴ — знаете, мемориальной доски, которая установлена там внизу. Простите мое дерзкое замечание, вы, кажется, немного похудели.

К.: Да, немного похудел. Раз на раз не приходится. Худею от того, что больше не пью и стал меньше есть. Это

¹ Заметим, что записывающая аппаратура уже включена.

² Фальшивые документы для «прикрытия», которые могут выдержать любую проверку, даже выдавшими их учреждениями.

³ Разговор был записан в четверг.

⁴ Фрэнк Уизнер был одним из отцов-основателей ЦРУ, руководил Управлением стратегических служб во время войны; был директором Управления координации политики до слияния этой организации с ЦРУ в 1951 году; заместитель Аллена Даллеса в Оперативном управлении; затем начальник Оперативного управления, когда Даллес стал директором ЦРУ.

сущий ад, когда обедаешь в посольствах. Но это ведь от того, что решил похудеть.

Х.: Мне это знакомо. У меня такая же проблема. И странное дело: чего мне больше всего не хватает с тех пор, как я вышел в отставку, так это гимнастического зала, к которому я так привык. Обычно я приходил за пятнадцать минут до появления директора, мы немножко разминались, и это позволяло мне всегда быть в форме. Дело в том, что потом я больше не ощущал голода, чтобы заморить червячка. Возвращаясь вечером домой, я так уставал, что не ощущал больше жажды. Поэтому мне этого так недостает.

К.: Ну, а меня в этом зале не увидишь. Я привык к прогулкам, по полчаса каждое утро. У себя. Будешь дожидаться, когда, наконец, наступит послеобеденное время, чувствуешь большую усталость. Я уже приближаюсь к такому критическому возрасту, когда, вернувшись домой пешком, по вечерам еще могу поработать в своей мастерской, немножко повозиться в саду, но при этом я не испытываю ни малейшего желания бегать.

Х.: Я понимаю, что вы хотите сказать.

К.: Шеф меня просто удивляет (речь, конечно, идет о Ричарде Хелмсе), вы знаете, он продолжает заниматься спортом. Встает примерно в 5 час. или 5 час. 30 мин. В такую рань я, например, умру, но не встану. В этот час меня не заставишь заниматься физкультурой.

Х.: Это верно. А я по утрам стараюсь проделывать гимнастические упражнения, только я в них, признаться, не очень верю...

К.: Скажите, я могу с вами связаться в Белом доме? Чтобы вам сообщить, к кому обратиться...

Х.: Разумеется... Там можно будет появиться? Думаете, это возможно уже завтра после обеда?

К.: Да, я постараюсь. Правда, я еще ни с кем не говорил об этом. Думаю, можно будет обо всем договориться. Лично я до сих пор в таких делах ни разу не участвовал, занимался совсем другим делом.

Х.: Но Эрлихман сказал, что вы были...

К.: Да, он мне звонил. Я хочу сказать, что не занимался секретными операциями, так что не знаю, способны ли они действовать быстро, но я думаю, что да¹.

¹ Ему не придется долго оставаться заместителем Хелмса. Еще до конца года он получит назначение главнокомандующим корпусом морской пехоты.

Х.: Мне известно, что они могут.

К.: Я тоже думаю, что да...

Х.: Мне, однако, требуется некоторая маскировка.

К.: Что же вам нужно? Это первое, о чем они вас спросят.

Х.: Что мне понадобится, подождите, что же? Мне понадобятся просто водительское удостоверение и старые обрывки бумаги, чтобы рассовать по карманам.

К.: Водительское удостоверение...

Х.: Водительское удостоверение любого государства, все равно какого; и еще какие-нибудь грязные мелкие предметы, которые можно сунуть в карманы, в общем, всякая всячина, которая бывает у каждого в кармане.

К.: На какую фамилию, вам тоже все равно?

Х.: На имя Эдвард и больше ничего...

[Они продолжают детально обсуждать некоторые вопросы. Договариваются о том, где Хант получит нужные ему вещи. Ханту не хотелось бы, чтобы это было в Лэнгли, где его знает много людей. Они говорят о местах тайного свидания в Вашингтоне...]

К.: Я обычно встречался с людьми в здании, где расположены рабочие помещения, — в Вашингтоне, рядом с клубом печати. Раньше на втором этаже там был ночной клуб, и мы встречались там с людьми. У меня была девушка, она считала, что устраивать такие «дела» просто-напросто забавно. Она мне организовывала свидания где-нибудь в городе, на этих проклятых скамейках в парках, и иногда я ее посылал к черту. Она это находила забавным; своего рода игра... Эта новая работа отнимает все ваше время?

Х.: Да. В общем, я очень доволен, что они вспомнили обо мне, но день у меня длится теперь 12 часов.

К.: Значит, и не вспоминаете об отставке...

Х.: Да, я пока и не собираюсь в отставку. Просто... я убежден, что мы все это делаем во имя высокой цели.

К.: Да, это верно.

Х.: Существенная цель...

К.: Если встретите Джона Эрлихмана, передайте ему привет.

Х.: Конечно, думаю, что увижу его завтра.

К.: Это мой старый, давний друг... А как действует этот внутренний совет? О нем здесь мало слышно.

Х.: Довольно хорошо... Два момента наэлектризовали обстановку в Белом доме — я не знаю, почему вам это говорю, видимо, потому, что ваши контакты, наверняка, налажены лучше моих, однако... досье Пентагона, конечно....

К.: Мне кажется, на Джонсона возложено обеспечить безопасность.

Х.: Да, видно так...

К.: Мне тоже так кажется. Это не столько проблема Киссинджера, сколько сугубо внутренняя.

Х.: Это верно.

К.: Я, право, не знаю... Мне то и дело приходится представлять шефа на беседах с Киссинджером. Независимо от характера группы, и все они по-разному называются, это те же лица, что и там.

Х.: Там такой же тип классификации, что и здесь.

К.: Так вот, я постараюсь там во всем разобраться, а вас буду держать в курсе дела.

Х.: В общем, чем меньше будут обо мне говорить, тем лучше.

К.: Да... [Разговор заканчивается]¹.

Давая показания, Кашман заявил, что просьба Хан-та не могла вызвать в нем сдержанной реакции: она исходила от опытного бывшего сотрудника ЦРУ и была согласована с высокопоставленными членами президентского кабинета. Кашман также подтвердил, что технические службы должны были поставить перед Хантом вопрос о том, чтобы тот вернул в надлежащем виде предоставленный ему материал. Кроме того, затребованные Хантом аксессуары рассматривались персоналом ЦРУ как необходимые для маскировки личности, а не для вторжения в помещение. Следовательно, запрашивая эти аксессуары, Хант стремился лишь к тому, чтобы во время встречи с Моттом скрыть свои связи с Белым домом. [...]

¹ Копия записи, изложенная генералом Кашманом в ходе его показаний перед комиссией Эрвина 2 августа 1973 г. Оригинал, содержащий менее лестный намек в адрес Никсона, был представлен ЦРУ много позже, причем по просьбе сенатора Бейкера.

Кашман приказал своему заместителю заняться вопросом технического обеспечения, о чем просил Хант. Так как поставка необходимого для маскировки находилась в компетенции отдела технического обслуживания (ОТО) Оперативного управления, заместитель Кашмана уведомил аппарат начальника управления об этом запросе, а затем связался с временно исполняющим обязанности начальника ОТО. Настоящее имя Ханта по его просьбе не было сообщено ОТО, для которого он был «г-ном Эдвардом»; однако там знали, что запрос на материальную часть исходит от Белого дома.

ОТО подготовил все, что запрашивалось, и на следующий день, то есть 23 июля, эксперт встретился с Хантом в вашингтонской квартире, которую ЦРУ использовало для организации тайных встреч (там же состоялись и все последующие встречи). Во время встречи Хант получил парик, очки, устройство, изменявшее тембр голоса, водительское удостоверение и различные документы, подтверждавшие его личность (за исключением финансовых документов). По возвращении эксперт отчитался о встрече с Хантом.

По просьбе Ханта через неделю эксперт явился на новую встречу для подгонки полученных Хантом очков.

По существовавшим в ЦРУ правилам, для предоставления любых технических услуг требовалось предварительно выполнить некоторые формальности: указать обоснование запроса, составить точный перечень; заказчик обязан также представить отчет об уничтожении материальной части или вернуть ее Центральному разведывательному управлению.

В отношении заявки на обеспечение, представленной Хантом, и. о. начальника ОТО, учитывая наличие посредников, решил отказаться от обычной процедуры контроля; он поступил так потому, что подлинная личность Ханта была ему неизвестна, и в целом дело осуществлялось с особой тщательностью, характерной для заведомо сложных случаев. Тем не менее начальник отдела и эксперт умножили свои усилия, с тем чтобы добиться от Ханта немедленного возвращения материальной части. По свидетельству начальника отдела, именно из-за неопределенного поведения Ханта он решил в конце мая сообщить о своем беспокойстве помощнику Кашмана. [...]

Хант хотел получить парик, очки, устройство, изменявшее тембр его голоса, и некоторые документы, удостоверявшие его личность. И при этом сделать все по возможности незаметно. Итак, Хант имел большой опыт проведения секретных операций и располагал значительными секретными финансовыми средствами. И что же? Неужели для получения этих нескольких атрибутов маскировки следовало подключать такого человека, как Джон Эрлихман, занимавшего пост, который приравнивался к посту государственного министра — министра внутренних дел.

Действительно ли было необходимо решать вопрос о поддельном водительском удостоверении на уровне руководства ЦРУ? Дать однозначный ответ на подобные вопросы совсем не просто. Зато можно выдвинуть разные предположения — и в них, надо сказать, недостатка не было.

Может быть, этот бывший разведчик испытывал удовольствие от возможности вернуться к прошлому? О Ханте рассказывали, что он очень любил свое ремесло, и за стаканчиком с ним невозможно было проговорить и десяти минут, не услышав воспоминаний об одном из его бывших подвигов...

Может быть, и в это время он был связан с ЦРУ более специфичными узами, нежели дружба или воспоминания? Об этих связях генерал Кашман, который никогда не работал в ЦРУ, несмотря на короткую службу в руководстве, мог ничего и не знать... Коулсон заявил, что он уверен, будто Хант, пребывая в Белом доме, продолжал работать на ЦРУ, но, избрав эту тактику защиты, Коулсон был заинтересован в том, чтобы в это поверили. Так где же истина?

Может быть, кому-то было выгодно, чтобы именно ЦРУ предоставило все необходимое и тем самым оказалось замешанным в операции? Но ведь подозревать — это профессия руководителей ЦРУ. Объясняет ли это тот факт, что только на одной из двух уцелевших магнитных пленок был записан как раз разговор Ханта с Кашманом? Неоспоримым доказательством является то, что ЦРУ дало ход письменному запросу, который оно считало совершенно законным. Доказательством, которое помешает Белому дому свалить ответственность за «уотергейт» на ЦРУ. Пробежит час, и в поставленный капкан как бы вторым заходом попадет Никсон с его сторонниками...

МАЛЕНЬКАЯ КОМПЕНСАЦИЯ

В «Истории Уотергейта» Нина Сэттон рассказывает об одном из занятий Говарда Ханта летом 1971 года.

«Хант начинает свои поиски с войны во Вьетнаме. Ему разрешено сопоставлять опубликованные в печати выдержки из досье с правительственными архивами. Занимаясь этим, он уделяет все свое внимание особому периоду вьетнамского конфликта: несколькими месяцам, предшествовавшим падению режима Дьема и убийству обоих его руководителей: Нго Дин Дьема и его брата Нго Дин Нху...

Известно, что, когда кучка генералов заговорила о государственном перевороте, они без труда получили на это согласие американского посольства в Сайгоне. Однако Хант стремился найти доказательства более серьезного преступления, совершенного Джоном Кеннеди, который в то время был президентом.

После телефонного звонка Джона Эрлихмана (о котором, впрочем, ему трудно вспомнить) государственный департамент дает бывшему разведчику разрешение просмотреть в архивах всю телеграфную корреспонденцию между Вашингтоном и Генри Кэботом Лоджем, тогдашним послом в Сайгоне. Хант снимает копии с 240 телеграмм, отправленных за интересовавший его период. Коулсон спрашивает его, на какой стадии находится расследование; Хант отвечает, что обнаружил три или четыре телеграммы, ясно указывающие на причастность Вашингтона к государственному перевороту, других компрометирующих фактов не обнаружено. Тогда Коулсон говорит ему (по свидетельству Ханта):

— Не кажется ли вам, что вы могли бы уладить это дело?

— Не без технической помощи, — отвечает бывший агент ЦРУ.

— К сожалению, об этом не может быть речи. Это слишком рискованно. Подумайте, что вы сможете сделать сами.

Черная силы из этих директив и вооружившись лезвием бритвы и фотокопировальной машиной, Хант принимается за работу в своей конторе в Олд оффис билдинг. Результат его трудов: коллекция пополняется двумя достаточно правдоподобными депешами. Одна из них, якобы датированная 29 октября 1963 г. (т. е. за два дня до смерти двух южновьетнамских деятелей) и направ-

ленная государственным департаментом Кэботу Лоджу (со всеми необходимыми печатями и шифрами), начинается следующими словами:

С СОЖАЛЕНИЕМ СООБЩАЕМ: СЕГОДНЯШНЕЕ СОВЕЩАНИЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ ПРИНЯЛО РЕШЕНИЕ, ЧТО НИ ВЫ, НИ ХАРКИНС НЕ ДОЛЖНЫ ПОДДЕРЖИВАТЬ ДЬЕМА ИЛИ НХУ, ЕСЛИ ОНИ ПОПРОСЯТ УБЕЖИЩА.

Достаточно ясная картина, нарисованная в угоду Белому дому: образ Джона Кеннеди в окружении его узкого совета, президента, похожего на римского императора, опустившего большой палец руки вниз, отвергающего мольбы бывшего любимца, который перестал нравиться.

На пресс-конференции 16 сентября 1971 г. президент Никсон произнес фразу, которая кое-кого заставила насторожиться: «Я хотел бы напомнить всем, кого это интересует, что именно благодаря низвержению Дьема и участию в его убийстве мы вошли во Вьетнам». Впервые подобное обвинение было предъявлено администрации Кеннеди. Однако, за отсутствием доказательств, эта фраза была предана забвению.

Месяц спустя Коулсон вспомнил о намеке главы государства и сказал об этом своему знакомому журналисту — одному из ведущих репортеров «Лайф». «Есть хороший материал», — добавил он, посоветовав узнать подробности у Говарда Ханта.

Последний, понимая, что его шедевр не лишен недостатков, разрешает журналисту переписать депешу, но не дает ему снять фотокопию. Поэтому журналист, не желая выдвигать столь серьезное обвинение на основании единственного доказательства, отказывается от этой информации после многих месяцев безуспешных попыток найти тому подтверждение.

Коулсон опровергнет версию Ханта, заявляя, что он, очевидно, не так понял директивы. Однако он признает, что уже в феврале 1972 года знал, что депеша не была подлинной, хотя он предупредил об этом журналиста лишь год спустя, в то время, когда так или иначе содержимое сейфа Ханта (где находилась сфабрикованная телеграмма) стало основной темой в прессе.

Трудно сказать, знал или не знал президент Никсон о подлоге, совершенном в подвале примыкавшего к Белому дому здания. Можно быть уверенным лишь в одном — в хронологической последовательности событий:

в августе Хант при поддержке Белого дома поставил вопрос о допуске его к архивам госдепартамента, в сентябре Никсон произнес упомянутую фразу, а в октябре Коулсон пригласил журналиста „Лайф“»¹.

С самого начала своей работы Хант вошел в контакт с Люсьеном Конэнном²: «Буквально накануне моего звонка он оставил службу в армии и собирался уйти с работы в ЦРУ. Во времена УСС мы вместе проходили подготовку перед отъездом на Дальний Восток. Мы отправились туда на одном судне в конце войны... и вместе работали в Китае. В течение нескольких лет мы встречались от случая к случаю, но оставались друзьями»³. Хант должен был сообщить текст сфабрикованных телеграмм Конэнну, готовившему тогда телевизионную передачу об истоках войны во Вьетнаме.

Нет сомнения, что речь шла о создании помех возможному кандидату на пост президента — Эдварду Кеннеди путем дискредитации его брата, президента Джона Кеннеди. Объект атаки был выбран удачно: сенатор Кеннеди пользовался поддержкой значительной части избирателей-католиков, а речь шла об убийстве Дьема, то есть католика. Хант объяснил это на заседании комиссии Эрвина: «Тот факт, что президент Кеннеди, будучи католиком, позволил убить другого католика, мог, в случае выдвижения кандидатуры Кеннеди на следующих выборах, повлиять на настроение католиков»⁴.

Какова же судьба этих липовых телеграмм? В 1972 году, вскоре после «уотергейта», Джон Дин (советник президента) обнаружил их в личном сейфе Ханта в Белом доме. Дин передал их Патрику Грею (и. о. директора ФБР). Они прекратили свое существование у него дома, сгорев вместе с рождественской елкой в камине...

Однако эта деятельность не была основным занятием Ханта летом 1971 года. Ему необходимо было найти способ дискредитировать Элсберга, и в конце июля Ханту придет в голову блестящая мысль.

¹ Nina Sutton. Watergate Story. Stock., 1974. С разрешения автора.

² Op. cit., ch. 3.

³ «Свидетельские показания Ханта, 23 сентября 1973 г.».

⁴ «Свидетельские показания Ханта. Заседание от 10 сентября 1973 г.».

Разработка психиатрического заключения

28 июля Хант письменно предложил Коулсону провести серию открытых и секретных операций, с тем чтобы собрать на Даниэла Элсберга досье, способное «дискредитировать его в глазах общественности и подорвать к нему всякое доверие». Кроме того, он просил ЦРУ составить «психиатрическую характеристику» Элсберга, получив от психиатра личную карту его пациента.

Коулсон передал предложение Янгу и Крогу. Получив одобрение Эрлихмана, Янг обратился к начальнику отдела безопасности ЦРУ, попросив подготовить эти данные.

Янг уже был связан с Хелмсом по вопросам некоторых программ Белого дома относительно процедуры классификации и безопасности, и Хелмс дал ему разрешение на прямые контакты с начальником отдела безопасности.

Янг сообщил директору бюро безопасности, что Белый дом запросил сведения о личности Элсберга — сведения, подобные тем, которые ЦРУ составляло на некоторых зарубежных политических деятелей, — чтобы попытаться раскрыть мотивы похищения документов; Эрлихман, сказал он, был лично заинтересован в этом деле. Начальник отдела безопасности ответил, что должен посоветоваться со своим непосредственным начальником.

Несколько дней спустя он имел беседу с Хелмсом, и тот дал свое согласие: запрос Янга вследствие утечки информации, важной с точки зрения национальной безопасности, был приемлем и входил в его компетенцию.

Работа, проведенная ЦРУ, показала, что досье Пентагона содержали сведения о некоторых операциях и связях ЦРУ. Более того, незадолго до этого директор получил отчет, где говорилось, что посольство одной круп-

ной страны располагало полным текстом документа, и, возможно, этот отчет повлиял на его решение. Тем не менее разрешение он дал скрепя сердце. В меморандуме Эрлихмана о подготовке характеристики Янг пишет: «ЦРУ, разумеется, колебалось, прежде чем решиться на вмешательство во внутренние дела, но, идя навстречу президенту, согласилось действовать» (меморандум от 20 августа 1971 г.).

29 июля начальник отдела безопасности ЦРУ отдал распоряжение начальнику медицинского обслуживания ЦРУ подготовить характеристику. Приказ был передан руководителю отделения психиатрии, имевшему опыт в подобных делах. И наконец, один из психиатров отделения должен был составить первый проект. Все медики проявили сдержанность в проведении операции: объектом ее был американский гражданин, что выходило за рамки законной деятельности ЦРУ. Они сочли ненормальным то обстоятельство, что приказ был отдан начальником отдела безопасности, а не их непосредственным начальником — начальником Административного управления.

Тем не менее, после того как Белый дом отправил вырезки из прессы, а также различные отчеты государственного департамента и ФБР, первая характеристика была подготовлена для начальника отдела безопасности, который направил ее Янгу 11 августа.

По мнению самих психиатров ЦРУ, первая характеристика, составленная без «прямого клинического обследования», должна рассматриваться как «чисто спекулятивная».

Констатировав, что ничто не дает оснований предполагать наличие какого-либо душевного заболевания у обследуемого, психиатры путем комбинации биографических данных и психологических сведений пытаются создать представление о личности, подтверждавшее акцию, требующую своего объяснения: передачу документов Пентагона газете «Нью-Йорк таймс». Обследуемый квалифицируется как чрезвычайно одаренный человек, который после блестящих удач и больших амбиций в молодости на пороге сорокалетия испытал некоторый спад в осуществлении своих жизненных планов и т. д.

В день получения первой характеристики Дэвид Янг составил следующий меморандум:

БЕЛЫЙ ДОМ

Вашингтон

11 августа 1971 г.

Меморандум для Эрлихмана
от Круга и Янга
относительно . . проекта документов Пентагона

1. [...]

2. Мы получили из ЦРУ предварительное психологическое заключение (копия прилагается), которое нам представляется разочаровывающим и слишком поверхностным. Завтра мы должны встретиться с начальником психиатрического отделения д-ром Бернардом Маллойем, чтобы объяснить, что нам необходимо подробное и глубокое обследование личности. Мы сообщим ему в связи с этим полученную нами из ФБР информацию об Элсберге. Рекомендуем работать над этим вопросом секретно¹, с тем чтобы ознакомиться с документацией врача, у которого Элсберг наблюдается в течение двух лет.

Не возражаю (подпись: Эрлихман)
Возражаю

[Дописано рукой: При выполнении обеспечить невозможность выхода на след.]

3. Мы получили письмо Эдгара Гувера, подтверждающее, что дело Элсберга будет рассмотрено ФБР.

Янг, Хант и Лидди² проанализировали это заключение и сочли его верным. 12 августа они встретились с начальником отделения психиатрии для согласования содержания. Последний сказал, что он не располагает необходимым объемом информации. Лидди упомянул, что Элсберг лечился у психиатра по фамилии Филдинг, и утверждал, что существуют дополнительные данные, но ничего более не добавил. Янг и Лидди предложили

¹ ФБР уже пыталось получить сведения об Элсберге от его психиатра, но тот отказался от всякого сотрудничества, сославшись на профессиональную тайну.

² Гордон Лидди — бывший агент ФБР, пришедший на работу в Белый дом несколько позже Ханта, был направлен в специальное подразделение расследований.

встретиться с бывшей супругой Элсберга; это предложение было отклонено психиатром. Лидди и Хант заявили также, что хотят, чтобы дело Элсберга не рассматривалось за закрытыми дверями.

Психиатр ЦРУ познакомился с Хантом, когда тот работал в ЦРУ, и случайно оказал некоторые услуги его семье. В конце встречи Хант отвел психиатра в сторону и попросил его никому не говорить о нем в ЦРУ. Позже психиатр позвонил Ханту и сообщил, что не может скрывать его участие, а затем упомянул это в разговоре с другими врачами.

После встречи с медиком Хант, Лидди, Янг и Крэг решили, что следует попытаться заполучить документацию доктора Филдинга об Элсберге.

В день беседы с начальником отделения психиатрии (12 августа) Эрлихман и Янг встретились с Хелмсом и начальником отдела безопасности, чтобы убедить их в важности расследования дела о документах Пентагона и показать, что в этой акции Янг был представителем Эрлихмана.

20 августа врачи собрались у начальника отдела безопасности для обсуждения данного вопроса. Они сделали следующие выводы: новые сведения оказались бесполезными для подготовки заключения о личности, не следовало допрашивать и бывшую супругу Элсберга; возможность использования этого заключения, а также дальнейшее участие Ханта нуждались в подтверждении; вся операция требует обсуждения с директором ЦРУ. Врачи надеялись тогда, что, поскольку они не получили никакой новой интересной информации, проект канет в воду.

23 августа психиатр позвонил Янгу и подтвердил получение новых сведений. Янг ответил, что Хант свяжется с ним. Больше никто не работал над заключением. [...]

Вместе с тем отделением психиатрии было подготовлено другое заключение. Составленное на основе новых данных, представленных Хантом в октябре, второе заключение было передано Ричарду Хелмсу 8 ноября. На следующий день Хелмс написал Янгу короткую записку: «Я ознакомился с обоими документами, подготовленными для вас психиатром. Мы, безусловно, рады оказать вам услугу. Я подчеркиваю, что наше участие в этом деле как официально, так и неофициально необходимо держать в секрете. Я уверен, что вы поймете нашу позицию».

12 ноября психиатр сам принес документ в кабинет Янга в Белом доме. По сравнению с первым заключением второе содержало новые идеи. Вот, к примеру, одна из них:

«Передача документов в распоряжение печати в значительной мере была для него агрессивным актом, направленным против своего психоаналитика, равно как против своего отца и против президента».

Между тем «водопроводчики» взломали кабинет д-ра Филдинга, чтобы завладеть медицинской картой Даниэла Элсберга.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

20 августа 1971 г. Хант снова встретился с техническим экспертом и запросил поддельные визитные карточки. Он также просил предоставить ему магнитофон, с помощью которого можно записывать разговоры в шумном месте. И. о. начальника ОТО считал, что этот запрос проходит по первоначальному разрешению, и дал свое согласие.

Приблизительно в это же самое время Хант получил в Нью-Йорке номер телефона «для прикрытия», финансовые документы и водительское удостоверение.

Обеспечение элементами «прикрытия» предполагает работу многих звеньев: во-первых, надо, чтобы специальная служба отвечала на телефонные звонки; во-вторых, новые документы должны выдержать любой возможный контроль, что недостижимо без содействия со стороны служб, выдающих их.

И. о. начальника отдела технических служб предупредил эксперта, что, прежде чем что-либо сделать в этом плане, следует получить согласие директора.

Тем не менее он поручил одному из своих экспертов в области электроники узнать условия предоставления подобного оборудования, и похоже, что этот эксперт, в свою очередь, запросил ОТО о необходимой им информации для предоставления телефона «прикрытия». В отпечатанной на машинке записке служащий указал эксперту некоторые сведения, которые Хант должен был представить. Никому не известно, что могло стать с этой запиской, но 26 или 27 августа секретарь Ханта по телефону сообщил часть этих сведений эксперту, который занес их в меморандум.

И все же нет оснований полагать, что в ЦРУ были приняты меры, кроме этого запроса сведений, по подготовке «прикрытия»; в любом случае, как мы увидим далее, 27 августа технические службы получили приказ прекратить всякую помощь Ханту.

Между тем 25 августа Хант еще раз встретился с экспертом, который передал ему запрошенные ранее визитные карточки и магнитофон. На этот раз Хант привел с собой Лидди, которого он представил как «Джорджа», потребовав снабдить его всем необходимым для сокрытия настоящей личности, а также техническими средствами для ведения съемок скрытой камерой. Все это он получил в течение того же дня на основе разрешения и. о. начальника отдела технического обслуживания¹. Хант также вновь сделал запрос на выделение телефона «прикрытия».

Во время встречи эксперт слышал, как Хант и Лидди разговаривали между собой о торговле наркотиками, в которой они будто бы были замешаны; они также говорили о том, что улетают вечером. И действительно, Хант и Лидди были готовы лететь в Беверли Хиллз, чтобы проверить кабинет доктора Филдинга — психиатра Элсберга; однако комиссия по расследованию не обнаружила ничего, что позволяет предположить, будто кто-то в ЦРУ знал о существовании этого плана. Вечером следующего дня, то есть 26 августа, Хант, будучи в Лос-Анджелесе, позвонил эксперту и назначил ему на 6 часов утра встречу в аэропорту Даллес².

Предварительно поставив в известность о телефонном звонке начальника своего отдела, эксперт отправился в аэропорт встречать Ханта, который передал ему скрытую камеру и кассету с фотопленкой, попросив проявить ее как можно скорее. Специалист отнес пленку в лабораторию ЦРУ и вернулся в свой кабинет.

26 августа, то есть в тот день, когда Хант и Лидди тайно фотографировали в кабинете д-ра Филдинга, Дэвид Янг отправил Джону Эрлихману пространный меморандум относительно дела о документах Пентагона.

В меморандуме Янг указывал: «Гипотеза, по кото рой Элсберг является главным виновником публикации документов, оказывается неверной (...). Проведенное рас-

¹ Фотокамера была вмонтирована в портсигар.

² Один из двух аэропортов Вашингтона.

следование подтвердило рассылку копий различных изданий документов, причем число разосланных экземпляров значительно превышает количество, указанное в сопроводительном документе рассылки (...). Документы, опубликованные «Нью-Йорк таймс», были изучены в Пентагоне, и в результате выяснилось, что Элсберг никогда не имел доступа к некоторым из них...»

Несмотря на это открытие, Янг заканчивал свой меморандум следующими рекомендациями:

«8. Дать оценку последствий процесса над Элсбергом, который, судя по темпам расследования, начнется не ранее марта 1972 года.

9. Решить, за какой срок мы намерены попытаться изменить общественное лицо Элсберга.

В связи с пунктом 9 важно отметить, что мы, опубликовав недавно статью о его адвокате, уже начали создавать в прессе отрицательное представление об Элсберге. Если нынешний план «Хант/Лидди № 1» окажется успешным, чрезвычайно важно для его воплощения разработать общий план действий, увязанный с расследованием, проводимым конгрессом.

Для того чтобы подмочить репутацию Элсберга и его сторонников, необходимо подключить органы печати, связанные с расследованием, проводимым конгрессом. В начале недели я упоминал эти проблемы в разговоре с Коулсоном; он мне ответил, что займется ими и добьется публикации материалов. Однако я думаю, что для общей организации операции нам важно точно знать, что намерен предпринять Коулсон.

Рекомендация: Будьте добры, передайте меморандум Коулсону и попросите его разработать тактику действий»¹.

Упоминание недавно напечатанной статьи об адвокате Элсберга подтверждает факт проведения операции, заранее организованной Коулсоном в печати. На основании некоторых отчетов ФБР Хант разработал нечто вроде портрета адвоката и передал его Коулсону, ука-

¹ "House Judiciary Committee, Statement of Information, Book VII, 1215".

зав, что имеются достаточно убедительные доводы в пользу написания хорошей статьи (в основном речь шла об информации относительно длительных связей адвоката с крайне левыми силами). Коулсон передал материалы, собранные Хантом, одному журналисту газеты «Детройт ньюс». Через некоторое время статья, содержащая указанные элементы информации, была напечатана.

Меморандум Янга, представленный в комиссию по расследованию уотергейтского дела, заканчивался следующим образом:

Не возражаю [подпись: Эрлихман]
Возражаю
Комментарии

27 августа Эрлихман написал краткую инструкцию Коулсону: «Если операция, предложенная Хантом и Лидди, будет проведена и завершится успешно, прошу представить мне до следующей среды ваши соображения по использованию указанных материалов»¹.

Отвечая на этот вопрос в комиссии Эрвина, Хант подтвердил цель так называемого плана «Хант/Лидди № 1».

Вопрос: Предназначался ли упоминаемый в меморандуме «Хант/Лидди специальный план № 1» для тайного проникновения в кабинет д-ра Филдинга с целью получения данных о психическом состоянии?
Хант: Да².

Хант не решался вернуть парик, очки, устройство, изменявшее тембр голоса, и документы (которые ему были выданы, согласно договоренности, для использования при проведении операции). При встрече с экспертом 25 августа он привел с собой незнакомца (Лидди); он запросил фотоаппарат для тайной съемки и поддельные документы для «прикрытия». Все это начинало серьезно беспокоить и. о. начальника ОТО, который попросил эксперта сообщить Ханту, что впредь без предварительного продления разрешения самим директором никакое

¹ Цитируется в заключительном отчете комиссии Эрвина.

² «Свидетельские показания Ханта, 24 сентября 1973 г.».

содействие ему оказываться не будет. Затем 26 августа начальник ОТО позвонил по телефону помощнику Кашмана и сообщил ему о сложившемся положении и о своем беспокойстве. Последний подтвердил решение приостановить оказание технического содействия и просил начальника службы как можно скорее добиться возвращения фотоаппарата, а также новых документов, полученных Хантом.

Кроме того, помощник Кашмана составил для своего начальника меморандум, в котором высказывал тревогу по поводу поданных Хантом заявок об оказании содействия; он указывал также на «вероятность использования полученных средств для проведения тайных операций в самих Соединенных Штатах»; он предлагал в будущем рассматривать все заявки Ханта заранее и попросил Кашмана добиться подтверждения того, что «последняя вылазка Ханта от начала до конца соответствовала существующим правилам».

Утром 27 августа Кашман, получив этот меморандум, позвонил Эрлихману и предупредил, что ЦРУ больше не имеет возможности удовлетворять заявки Ханта, и Эрлихман обещал ему «прикрыть всю эту историю».

Кашман отправил меморандумы, воспроизводившие содержание этих телефонных разговоров, Хелмсу, который ознакомился с ними несколько дней спустя и дал свое письменное согласие на прекращение всякой помощи Ханту.

В это время фотопленки, которые Хант передал эксперту утром 27 августа, были уже проявлены. В лаборатории не отпечатали дополнительных экземпляров фотоснимков, видимо, по той причине, что считали всю эту историю крайне деликатной. Получив снимки, эксперт не сразу передал их Ханту, а показал вначале и. о. начальника ОТО, который приказал ему снять фотокопии и подшить их в дело. Вдвоем они быстро просмотрели фотокопии; в своих показаниях они заявляли, что им не удалось точно определить, что именно было запечатлено на снимках, но они предполагали, что речь могла идти о калифорнийском медицинском учреждении, специализирующемся в области наркотиков (Лидди упоминал в присутствии эксперта о наркотиках). С помощью увеличителя им удалось разобрать фамилии «д-р Филдинг» и «д-р Ротенберг» на фасаде здания, а эксперт отметил эти фамилии на фотопленках. Начальник ОТО вложил фотокопии вместе с записками и различными докумен-

тами, имевшими отношение к делу Ханта, в досье с надписью «Эдвард» — псевдоним Ханта¹. Затем эксперт отправился на встречу с Хантом и, передав ему снимки, предупредил, что впредь никакой технической помощи ему оказываться не будет.

В тот же день помощник Кашмана позвонил и. о. начальника ОТО и, после того как тот переговорил с его начальником, подтвердил, что Хант не должен больше получать никакого технического содействия со стороны ЦРУ. Несколько слов было сказано и о фотографиях. Начальник ОТО в своих показаниях утверждал, что, по их мнению, на пленку оказалось снятым какое-то медицинское учреждение, связанное с наркоманами, но никаких попыток проверить это предпринято не было.

31 августа 1971 г. Хант в очередной раз позвонил эксперту и просил возобновить заявку на телефон «прикрытия», однако последовал вежливый отказ.

Парик, очки, документы и прочие атрибуты Хант в ЦРУ не сдал, и в конце концов они были обнаружены у некоторых людей, задержанных в июне 1972 года в здании отеля «Уотергейт».

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Для осуществления разработанной операции Хант привлек Бернарда Баркера, которого он отыскал в Майами: тот, в свою очередь, взял себе в помощники Роландо Мартинеса и Филипе де Диего.

Как Баркер, так и Мартинес в прошлом долгое время сотрудничали с ЦРУ.

Баркер был американским гражданином, но много лет прожил на Кубе. Приблизительно в 1950 году он поступил на службу в кубинскую полицию, вследствие чего потерял американское гражданство. Во время работы в кубинской полиции он был завербован ЦРУ, которое помогло ему в 1959 году бежать с Кубы и вернуться в Соединенные Штаты. Баркер работал на Ханта во время операции в заливе Кочинос и принимал участие в созда-

¹ Это дело не квалифицировалось как ординарное. Оно обрабатывалось как самое секретное среди секретных дел ЦРУ. Комиссия Эрвина доступа к нему не получила.

нии контрреволюционного правительства. До 1966 года он участвовал в различных операциях, организованных ЦРУ и имевших непосредственное отношение к Кубе; его рабочий контракт истек в это время, так как ЦРУ в нем больше не нуждалось. Тогда он обосновался в Майами и занялся торговлей недвижимым имуществом; вместе с тем он не скрывал от ЦРУ, что в любое время готов вернуться туда на службу. Однако нет никаких данных, которые подтверждали бы наличие каких-либо связей или контактов Баркера с ЦРУ после 1966 года.

Мартинес был завербован ЦРУ в Майами в 1961 году. Вплоть до 1969 года он участвовал во многих морских операциях против Кубы, и ЦРУ давало ему блестящую оценку. По окончании этих операций Мартинес получил патент агента по торговле недвижимостью и начал работать на Баркера. В знак признательности ЦРУ продолжало выплачивать ему жалование до начала 1970 года. К этому времени оно было вынуждено разорвать контракт, однако согласилось выплачивать ему по 100 долл. ежемесячно в течение года, чтобы облегчить ему переход к гражданской жизни. За это Мартинес должен был составлять для офицера, представлявшего ЦРУ в Майами, ежемесячные отчеты о настроениях и планах членов кубинской общины. В июле 1971 года было принято решение продлить этот контракт еще на один год, так как Мартинес проявил особое рвение, информируя о попытках нелегального проникновения кубинских беженцев на территорию своей родины, в то же время, однако, было указано, что эта договоренность действует лишь до июля 1972 года.

Что касается Бернарда Баркера, то комиссия не уточняет его конкретные функции в кубинской полиции, а также не указывает, когда он был завербован ЦРУ. Надо полагать, что основной задачей секретной полиции Батисты была подрывная деятельность против Кастро и его сторонников, и похоже, что Баркер подвизался экспертом по борьбе с повстанцами.

21 мая 1973 г. Бернард Баркер давал свидетельские показания перед комиссией Эрвина и 25 млн. телезрителей.

Вопрос: Господин Баркер, кто завербовал вас для участия в этой операции?

Баркер: Говард Хант.

Вопрос: И именно Хант был вашим шефом при проведении уотергейтской операции?

Баркер: Да, это так.

Вопрос: Хант руководил также вами в связи с операцией в заливе Кочинос?

Баркер: Я был его первым помощником в то время. [...]

Вопрос: В Майами у вас есть агентство по торговле недвижимостью; вы участвовали в операции в заливе Кочинос, работая на ЦРУ; во время второй мировой войны вы сражались в американской армии и 17 месяцев находились в плену в Германии. В чине капитана вы служили в воздушно-десантных войсках. Что же побудило вас, г-н Баркер, при вашем положении и в вашем возрасте (Баркеру было 55 лет) участвовать в деятельности, которая, как вы безусловно понимаете, была незаконной?

Баркер: Говард Хант, под именем Эдуардо, воплощал идею освобождения кубинского народа. [...]

Вопрос: Как вы оказались причастным к операции в заливе Кочинос?

Баркер: Так же как и в деле Элсберга... Я считал своим долгом помогать моей стране.

Вопрос: Вас тогда завербовал именно Хант?

Баркер: Нет, это произошло на Кубе.

Вопрос: Кто же в таком случае?

Баркер: В посольстве Соединенных Штатов.

Вопрос: Кто стоял, по вашему мнению, за всем этим?

Баркер: Господа члены комиссии, я находился там не для того, чтобы размышлять. Я находился там, чтобы выполнять приказы.

Вопрос: Вы задавали себе вопрос, кто отдает эти приказы?

Баркер: Нет, я полностью верил в них, как продолжаю верить и сегодня.

Вопрос: На кого, по вашему мнению, вы работали?

Баркер: Я работал на Ханта, на благо всего, что отстаивал Хант.

Вопрос: А что он отстаивал?

Баркер: Эдуардо отстаивал дело освобождения Кубы, символ антикоммунизма. Он отстаивал в некотором роде, в скрытом виде, интересы правительства Соединенных Штатов¹.

¹ «Комиссия Эврина. Слушания».

Судья Сирика спрашивает Баркера о чеках на 114 тыс. долл. из фондов компании Никсона, которые были положены на банковский счет Баркера. Баркер отвечает, что ему просто неизвестно, откуда поступила эта сумма.

— Вам не кажется, что все это несколько странно? — спрашивает судья.

— Я не вижу ничего странного, ваша честь, — отвечает Баркер. — Я до этого уже участвовал в других операциях, поэтому перестал удивляться¹.

Что касается третьего участника — Филипе де Диего, то нет ни одного доказательства о его каких-либо связях с ЦРУ.

В апреле 1971 года Хант возобновил связи с Баркером во время деловой поездки в Майами. Последний представил ему Мартинеса и де Диего. 17 апреля 1971 г. они вместе присутствовали на церемонии по случаю десятилетия событий в заливе Кочинос.

В августе Хант вступил в контакт с Баркером и обратился к нему с просьбой подобрать несколько человек, на которых будет возложено, как сказал Хант, проведение крупной операции по безопасности.

3 сентября Баркер, Мартинес и де Диего проникли в кабинет доктора Филдинга в Беверли Хиллз. Хант и Лидди осуществляли руководство операцией. Они просмотрели все дела, находившиеся в кабинете, но, похоже, не обнаружили никаких документов, касавшихся Элсберга, хотя показания по этому пункту не сходятся. Чтобы исключить всякое подозрение и создать впечатление, будто взлом был делом рук человека, искавшего наркотики, группа перед уходом устроила погром в кабинете. В тот же вечер кубинцы возвратились в Майами; Хант и Лидди вылетели из Лос-Анджелеса на следующее утро.

Следует иметь в виду, что противоречивые показания относительно того, что было найдено в документах, давали «водопроводчики», с одной стороны, и д-р Филдинг — с другой...

Второе психиатрическое заключение было подготовлено на основании документов, переданных Хантом

¹ Carl Bernstein et Bob Woodward. Les Fous du Président. Laffont, 1974.

12 сентября. Были ли некоторые из этих документов похищены из кабинета психиатра Элсберга? Комиссия Рокфеллера не решается прямо ответить на этот вопрос: 12 октября, «насколько это можно было установить», Хант вроде бы не передавал отчет психиатра. Но что, собственно, представляет из себя «отчет психиатра» и предоставляло ли ЦРУ в распоряжение комиссии Рокфеллера документы, которые оно отказалось выложить перед комиссией Эрвина? Вопрос этот не уточняется.

Говард Хант проявлял ярко выраженный интерес к результатам психиатрического анализа; 12 августа, во время встречи с психиатром ЦРУ, Лидди и он сам предложили представить Элсберга как «человека разбитого», как «объект, достойный сожаления», твердо настаивая на существовании у него «Эдипова комплекса»¹. Очевидно, именно потому, что в первом заключении эта идея не прозвучала достаточно убедительно, его и сочли «разочаровывающим». Напротив, во втором заключении речь шла уже об отце...

Через некоторое время после этого вторжения в квартиру со взломом полиция Лос-Анджелеса задержала некоего Элмера Дэвиса, который разыскивался за несколько совершенных преступлений. Он пошел на своеобразную сделку с полицией: за то, что он согласился взять на себя вину за взлом и ограбление кабинета д-ра Филдинга (несмотря на то что отсутствовали какие-либо доказательства его вины), ему списали другие обвинения. В результате этой сделки полицейское расследование было закрыто. Ограбление это, естественно, не рекламировалось, вследствие чего пришлось ждать показаний Джона Дина и Говарда Ханта на заседании Большого жюри по уотергейтскому делу в апреле 1973 года, чтобы пролить свет на эти события. [...]

¹ «Свидетельские показания начальника отделения психиатрии, 6 марта 1974 г.».

Уотергейтская ловушка

В ночь с 16 на 17 июня 1971 г. пятеро неизвестных были задержаны в помещении национального комитета демократической партии; комитет размещался в здании, названию которого, знакомому в то время лишь жителям Вашингтона, вскоре суждено было стать известным во всем мире: «Уотергейт».

Пятеро задержанных в 2 час. 30 мин. ночи были одеты в обычные костюмы, на руках — хирургические перчатки из синтетической резины. Полицейские, производившие обыск, обнаружили портативный радиопередатчик, 40 катушек чистой пленки, две 35-мм камеры, отмычки, пистолеты размером с авторучку и микрофоны, способные, как выяснилось, производить запись как обычных, так и телефонных разговоров.

Судья Джеймс А. Белсен спрашивает их о роде занятий. Один из них отвечает, что они «антикоммунисты», остальные кивают в знак согласия. Судья, привыкший получать забавные ответы на этот вопрос, смотрит с недоумением. Он просит одного из задержанных, самого высокого, назвавшегося Джеймсом Маккордом, выйти вперед. Это начинающий лысеть человек с широким приплюснутым носом, квадратной челюстью и ослепительно белыми зубами; доброжелательное выражение лица не соответствует его суровым чертам.

Судья спрашивает о роде его занятий.

— Советник по вопросам безопасности, — отвечает он.

— Где? — спрашивает судья.

Маккорд отвечает мягким монотонным голосом, что недавно оставил службу в администрации. Удурд пересаживается в первый ряд и наклоняется вперед.

— Какое направление администрации? — задает вопрос судья.

— ЦРУ, — отвечает шепотом Маккорд...

По всей видимости, их руководитель Джеймс Маккорд; остальные четверо были: Вирджилио Гонсалес, Фрэнк Стерджис, Еугенио Мартинес и Бернард Баркер. В карманах у Мартинеса и Баркера полицейские обнаружили записные книжки, в которых значился телефон некоего Говарда Ханта, рядом с фамилией которого стояли буквы Б. Д. В редакции газеты «Вашингтон пост» Бобу Удуорду поручили написать статью об этом происшествии. Б. Д.? Белый дом? «По своему телефону он набирает номер 456-14-14, Белый дом. Спрашивает Говарда Ханта. Телефонистка соединяет. Никто не отвечает. Удуорд уже собирается положить трубку, когда вновь раздается голос телефонистки. «Может быть, я застану его в другом кабинете,— говорит она,— у г-на Коулсона».

— Г-на Ханта сейчас здесь нет,— отвечает секретарша Коулсона, но она дает Удуорду номер компании Роберта Муллена, занятого в сфере общественных отношений в Вашингтоне, в которой, по ее словам, Хант работает редактором¹.

Так начиналось уотергейтское дело. Трудно описать все его обстоятельства². Можно остановиться лишь на роли в этой истории ЦРУ, основываясь на докладе комиссии Рокфеллера.

Уже в начале расследования уотергейтского дела директор ЦРУ выдвинул принцип, сводившийся к тому, что, если ЦРУ не было замешано в деле, оно не должно фигурировать в расследовании. Давая показания, он заявил, что ему неприятно сообщать какие-либо сведения местным отделениям ФБР, поскольку именно там имела место утечка информации уже в самом начале; кроме того, его беспокоило то, что ФБР отказывалось объяснить мотивы расследований деятельности ЦРУ.

Однако в первые десять дней после вторжения со взломом ЦРУ отвечало на некоторые вопросы, поставленные местным отделением ФБР в Александрии, штат Вирджиния. Хелмс тем не менее попытался уладить дело непосредственно с Патриком Греем, и. о. директора ФБР³, чтобы по возможности ограничить объем рассле-

¹ Carl Bernstein et Bob Woodward. Op cit. Карл Бернстайн и Боб Удуард — два журналиста «Вашингтон пост», начавшие уотергейтское дело. В написанной ими книге дан увлекательный рассказ об их расследовании.

² Наиболее полная и наиболее обстоятельная книга об этом деле — Nina Sutton. Watergate Story. Stock., 1974.

³ Эдгар Гувер скончался 2 мая 1972 г.

дования. В меморандуме, датированном 28 июня 1972 г., он писал, что во время встречи с Греем настаивал на проведении именно такой линии, что ЦРУ не было замешано в деле, и просил ФБР «сузить свои поиски, ограничившись уже задержанными или непосредственно подозреваемыми лицами, а также отказаться от распространения расследования на другие области, где оно могло бы скомпрометировать некоторые операции ЦРУ».

ПОЛНАЯ НЕВИНОВНОСТЬ

23 июня Ричард Хелмс и его заместитель генерал Уолтерс¹ были вызваны в Белый дом, где состоялась встреча с советником президента Джоном Эрлихманом и начальником канцелярии президента Бобом Холдеманом.

Вот что говорил об этом совещании Ричард Хелмс в своих показаниях перед комиссией по расследованию уотергейтского дела.

Вопрос: Г-н Хелмс, я хотел бы теперь перейти к событиям, имевшим место 23 июня 1972 г., и спросить о вашем участии во встрече г-на Эрлихмана, г-на Холдемана и генерала Уолтерса.

Хелмс: Я помню, что участвовал в этой встрече.

В.: Где она состоялась?

Х.: В кабинете г-на Эрлихмана, на третьем этаже.

В.: Вы можете рассказать нам о всем, что происходило во время этой встречи?

Х.: Генерал Уолтерс и я прибыли первыми и ждали несколько минут. Затем г-да Эрлихман и Холдеман вошли в кабинет. Если мне не изменяет память, говорил в основном г-н Холдеман, а г-н Эрлихман лишь кивал головой, улыбался, если выражал свое согласие с тем, что говорил г-н Холдеман. Я предпочитаю рассказывать в такой форме, потому что так легче описывать... Г-н Холдеман заметил, что вторжение в «Уотергейт» наделало много шума, на чем спекулирует и будет спекулировать оппозиция. Это порождало много проблем, и ему хотелось знать, замешано ли ЦРУ в этом деле. Затем он сказал, что пятеро задержанных в штаб-квартире демократической партии были арестованы и ФБР, естественно, проводит расследование и что все они участвовали в опе-

¹ Генерал Уолтерс сменил на этой должности генерала Кашмана.

рациях в Мексике. Он также намекнул — это показалось мне не относящимся к делу — на расследование ФБР относительно Мексики и залива Кочинос. Не знаю, что означал этот намек, но я заверил его, что меня теперь вовсе не интересуют события в заливе Кочинос и, насколько мне известно, все документы, связанные с этими событиями, уничтожены; соответственно мне безразлично, что может выясниться по этому делу. В своем выступлении г-н Холдеман указал на факт принятого решения о том, что генерал Уолтерс поговорит с директором ФБР Патриком Греем, подчеркнув при этом, что расследования, проводимые его бюро, могут натолкнуться на некоторые операции ЦРУ в Мексике, а это нежелательно, исходя из чего следует сузить рамки расследования. Насколько мне известно, ничего не было сказано о прекращении расследования... Намеки на Мексику показались мне весьма туманными. Президент, г-н Холдеман или какой-нибудь чиновник Белого дома могли располагать о событиях в Мексике сведениями, которые нам недоступны, — такой вариант вполне возможен, так как Белый дом постоянно располагает такой информацией, которая не доходит до других.

В такой обстановке я считал, что было бы благоразумно учитывать вероятность раскрытия какой-либо операции ЦРУ, но для этого мне требовалось время... Я уже говорил, что до сих пор ничего не было известно о действиях ЦРУ, так как мы не были причастными к уотергейтскому делу. Вместе с тем расследование в Мексике, если бы оно состоялось, невольно затронуло бы одну из наших операций в этой стране. Такая возможность всегда существовала. Никто не может предусмотреть все... Я думаю, что именно тогда было сказано еще раз, что генерал Уолтерс должен будет встретиться с Греем. Было указано также, что Грей собирал информацию по этому вопросу и, видимо, ждал звонка от Уолтерса. Здесь г-н Эрлихман внес свой единственный вклад в разговор, сказав, что Уолтерс должен встретиться с Греем как можно скорее... Генерал Уолтерс и я вышли из кабинета, и, направляясь к машине, я напомнил ему о существовании между ФБР и ЦРУ соглашения, согласно которому если ЦРУ сталкивалось с агентом ФБР и наоборот или операции их перекрещивались, то об этом следовало немедленно информировать друг друга. В общем, особой уверенности в том, что недавно назначенный на должность и. о. директора ФБР был в курсе этого соглаше-

ния, не было. Я хотел дать понять это генералу Уолтерсу, стаж работы которого в ЦРУ измерялся полутора месяцами. Я не был убежден, что, приняв дела, он обратил на это внимание... Другими словами, я просил его договориться с и. о. директора ФБР, чтобы тот незамедлительно информировал нас в случае, если в Мексике или в какой-нибудь другой стране будет раскрыта операция ЦРУ. Я полагаю, что генерал Уолтерс свел свою беседу с Греем именно к этому вопросу. Сделал он это или нет, вы наверняка сможете выяснить это у него.

В.: Встречался ли, по вашему мнению, генерал Уолтерс с Патриком Греем?

Х.: Да, один раз, вскоре после разговора в Белом доме¹.

Теперь предоставим слово генералу Уолтерсу. В отчете лета 1972 года, в ряде меморандумов, предназначенных для внутреннего пользования, он отмечал первые результаты расследования уотергейтского дела в той степени, в какой оно могло коснуться ЦРУ. Эти меморандумы были переданы комиссии Эрвина в мае 1973 года.

Уолтерс начинает со встречи, состоявшейся 23 июня в Белом доме, о которой в своих показаниях уже рассказывал Хелмс:

«23 июня в 13 час. Хелмс и я прибыли в Белый дом для встречи с Бобом Холдеманом и Джоном Эрлихманом, состоявшейся в кабинете последнего. Холдеман сказал, что эта история с микрофонами в помещениях «Уотергейта» наделала много шума и демократы постараются максимально воспользоваться этим.

ФБР обеспокоено. Расследование затронет многих важных деятелей, и это осложняет ситуацию. Он поинтересовался, какова роль ЦРУ в этом деле. Хелмс ответил, что оно к нему не причастно.

Холдеман сказал, что вся эта история порождает затруднения и президент хочет, чтобы я позвонил и. о. директора ФБР Грею и сказал ему, что достаточно пятерых задержанных, а продолжение расследования, прежде всего в Мексике, ни к чему не приведет и т. д.

Хелмс ответил, что разговаривал с Греем накануне. Он дал понять, что ЦРУ не стоит за этим делом и не имеет к нему никакого отношения. Никто из подозреваемых

¹ «Комиссия Эрвина, свидетельские показания Ричарда Хелмса, 2 августа 1973 г.».

не работал на ЦРУ в то время и даже последние два года. Он предупредил Грея, что проводимые расследования не должны раскрывать осуществляемые или уже подготовленные к выполнению секретные планы ЦРУ.

Затем Холдеман разрешил мне рассказать Грею о нашей встрече в Белом доме и посоветовать ему воздержаться от дальнейшего расследования; по его мнению, Грей отнесется к этому с пониманием, ибо здесь ему очень нужен добрый совет.

Хелмс повторил, что ЦРУ не имеет ничего общего с этим делом. Затем, как и было предусмотрено, я согласился встретиться с Греем. Эрлихман дал понять, что мне надо действовать быстро, и я ответил, что постараюсь все сделать в тот же день. Выходя из Белого дома, я имел краткий разговор с директором. Вернувшись в свой рабочий кабинет, я позвонил Грею и сказал, что речь идет о срочном деле; он согласился принять меня во второй половине дня.

В 14 час. 30 мин. я нанес визит и. о. директора Патрику Грею. Он принял меня в своем кабинете в здании ФБР, без свидетелей.

Я сказал, что прибыл к нему после совещания в Белом доме. Я не назвал имен, но он меня спросил об этом. Я добавил, что мне известно о его разговоре с директором и что если до сих пор в результате расследования не раскрыто никакой операции ЦРУ, то в дальнейшем, возможно, прольется свет на некоторые проекты.

Я напомнил, что ФБР и ЦРУ имеют соглашение по этому вопросу и что бюро всегда скрупулезно соблюдало его. Грей ответил, что он в курсе дела и отдает себе отчет в том, что это означает. И теперь, когда делу был дан ход, его задача заключалась в том, чтобы ограничить рамки расследования.

Он сказал, что обнаружилась связь с кругленькой суммой; речь шла о чеке в 89 тыс. долл., который надлежало положить на счет одного из мексиканских банков. Он спросил, говорит ли мне что-нибудь фамилия Далберг. Я ответил, что нет. Но этот ответ мало что значил, так как я проработал в ЦРУ всего лишь несколько месяцев.

Затем Грей сказал, что это было странное дело в год выборов, и он подумает, что можно сделать. Я повторил, что, если расследование будет проводиться за «южной границей», оно может натолкнуться на одну из наших секретных операций, и, учитывая тот факт, что пять чело-

век, причастных к делу, арестованы, на этом можно было бы остановиться.

Он ответил, что все понимает и изучит вопрос, чтобы точно знать, как действовать. Он должен еще обсудить дело с Джоном Дином. Грей добавил, что надеется на тесное сотрудничество с ЦРУ.

После нескольких шуток в адрес Эдгара Гувера и о нашей прежней военной карьере я распрощался с ним, заметив, что моя миссия была несколько странной, но он мне помог, и я ему за это признателен»¹.

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ СТЫДЛИВОСТЬ

В течение октября и ноября 1972 года министр юстиции Соединенных Штатов неоднократно пытался выяснить причастность ЦРУ к некоторой деятельности обвиняемых, с тем чтобы принять меры в связи с открывавшимся процессом². ФБР, со своей стороны, уже провело расследование по этому вопросу. Министра юстиции особенно беспокоило то, что обвиняемые могли указать на выполнение ими приказов ЦРУ.

Наконец, ЦРУ дало ответ на некоторые особые вопросы, которые были заданы, но приложило все усилия, чтобы только министр юстиции и его заместитель были посвящены в секретные дела. В конце концов до министра юстиции были доведены сведения о помощи, оказанной Ханту в июле и августе 1971 года.

Однако ЦРУ никогда добровольно не предоставляло сведений следствию, оно даже отказалось сообщить некоторые данные, которые, видимо, могли бы оказаться весьма ценными для расследования.

Так, ЦРУ получило от Маккорда в течение июля 1972 года, а затем и в декабре того же года и еще в январе 1973 года большое количество писем, связанных с попыткой снять обвинение со взломщиков в уотергейтской истории, ставя, таким образом, под удар ЦРУ. В этих письмах Маккорд отмечал, что он делал все возможное, чтобы противостоять полученным обвиняемыми предложениям скомпрометировать ЦРУ как участника дела, чтобы тем самым улучшить собственные шансы для за-

¹ Меморандум ЦРУ от 28 июня 1972 г.; подпись: Вернон Уолтерс, заместитель директора ЦРУ.

² Открытие процесса над «водопроводчиками» было намечено на 15 ноября.

щиты. Хелмс посоветовался с генеральным советником ЦРУ, и тот сказал, что ни в коем случае не следует добровольно предоставлять эти письма в распоряжение ФБР (оно не знало об их существовании). Следуя этому совету, Хелмс решил присовокупить их к досье ЦРУ.

В июле 1972 года копии фотографий кабинета д-ра Филдинга, сделанные Хантом, а также фотокопии поддельных удостоверений личности, полученные им от ЦРУ (копии и фотокопии находились в деле «г-на Эдварда» в ОТО), были переданы Хелмсу и Колби. Несмотря на то что оригиналы некоторых из этих документов были обнаружены у лиц, задержанных в здании «Уотергейта», — об этом много говорилось во всех органах массовой информации, — несмотря на попытки заместителя министра юстиции получить информацию о помощи, оказанной ЦРУ Ханту, ЦРУ, похоже, ждало наступления января 1973 года, чтобы вручить эти документы министерству юстиции. Среди других документов, о существовании которых руководство ЦРУ умалчивало до 1973 года, следует назвать запись разговора Ханта с Кашманом, имевшего место 22 июля 1971 г.

ЦРУ не только упорно скрывало документы, представлявшие интерес для следствия, но даже не дало себе труда тщательно разобраться в собственной роли в связи с лицами, представшими перед судом. И лишь в мае 1973 года оно всерьез занялось сбором документов и информации, имевших отношение к делу.

15 декабря 1972 г. Хелмс и Колби явились в Белый дом, чтобы доложить Эрлихману и Дину о состоянии расследования, проводимого ФБР и министерством юстиции.

В своем отчете об этой встрече Колби пишет об усилиях ЦРУ «избежать ответов на (запросы информации), не идущих сверху». Он также упоминает о попытках министра юстиции выяснить имя человека, удовлетворившего заявку Ханта на оказание технического содействия в июле 1971 года; кроме того, Колби отмечает в отчете, что он сделал все возможное, чтобы не отвечать на эти вопросы, но в конце концов он был вынужден указать имя Эрлихмана.

Во время этой встречи Колби и Хелмс также показали Дину досье, подготовленное для заместителя министра юстиции (в котором, естественно, были копии как фотографий, сделанных Хантом, так и поддельных удостоверений). В отчете Колби по этому поводу написано: «Было принято решение оставить эти материалы в ЦРУ».

Кроме того, было решено просить Кашмана позвонить Эрлихману и выяснить, насколько точны воспоминания последнего о личности человека, инициатора столь знаменательного телефонного звонка в июле 1971 года.

Наконец, в январе 1973 года досье было передано в распоряжение министерства юстиции. [...]

В ОСТАЛЬНОМ — МОЛЧАНИЕ...

Приблизительно 17 января 1973 г., то есть семь месяцев спустя после уотергейтской операции, директор Хелмс получил от сенатора Мэнсфилда письмо, датированное 16 января, в котором тот просил ЦРУ сохранить «все вещественные доказательства и документы, могущие иметь отношение к расследованию уотергейтского дела, подрывной деятельности и политического шпионажа, а также методов ведения ЦРУ следствия по такого рода деятельности, чем вскоре предстоит заняться сенату». В это время Хелмс вместе со своей секретаршей как раз разбирал свои досье, ибо собирался уходить со службы в ЦРУ.

Примерно через неделю после получения этого письма секретарша спросила, как ей быть с огромным количеством пленок и записей, находившихся в архивах. Эти записи делались на специальной аппаратуре, установленной в кабинетах директора и его заместителя, а также в соседнем помещении, которое использовалось тогда как зал заседаний (*The French Room*). Аппаратура была установлена лет десять назад и была демонтирована в феврале 1972 года в кабинете заместителя директора, а в январе — феврале 1973 года — и в кабинете директора.

Эта система приводилась в действие хозяином кабинета и позволяла ему записывать как разговоры в кабинете, так и телефонные звонки. Считая, что это может быть ему подспорьем при составлении какого-нибудь меморандума, Хелмс пользовался ею время от времени. Кашман включал ее крайне редко, а его преемник Уолтерс не включал вовсе.

Затем пленки раскладывались в хронологическом порядке, и записи хранились у секретарей директоров. До января 1973 года записи периодически стирались, а старые пленки уничтожались.

24 января 1973 г., отвечая на вопрос своей секретарши, Хелмс приказал уничтожить имевшиеся у нее пленки

и записи. Такой приказ был получен техниками, обслуживавшими систему. К тому времени записи, накопленные за годы службы Хелмса в ЦРУ на посту директора, занимали три больших ящика. Хелмс с секретаршей быстро проверили их. В своих показаниях они заявили, что ни одна запись не имела отношения к уотергейтской истории. Затем документы были уничтожены. Вместе с пленками и записями они уничтожили карточки, расшифровывавшие их содержание. Ни на одной ленте записи специально не стирались.

Перед комиссией по расследованию Хелмс утверждал, что уничтожение того, что он считал личными записями, было, по его мнению, вполне естественным делом, тем более перед окончательным уходом со своего поста. Он был убежден, что ЦРУ предоставило следствию все документы, имеющие отношение к «уотергейту», которыми оно располагало. Пленки, равно как и записи, не содержали никакой информации, имеющей, по его мнению, хотя бы малейшее отношение к уотергейтскому делу. Кроме того, он полагал, что все представлявшее интерес в этих документах отправлялось в архив. А еще ему казалось, что, если записи с секретными разговорами попадут в досье управления, это будет означать невыполнение им его служебного долга. [...]

Убийство президента Кеннеди

*Материал подготовлен
Давидом Антонелем*

К середине утра 22 ноября небо очистилось. Дождя не ожидалось, и защитный пластиковый верх был убран. Из своей машины президент приветствовал толпу. Слева от него на заднем сиденье находилась мадам Кеннеди; перед ним на откидных сиденьях — губернатор Коннелли и слева — его жена. За рулем сидел Уильям Греер, а рядом с ним — Рой Келлерман, оба сотрудники секретной службы¹.

Следом за президентским лимузином шла открытая машина, где находилось еще восемь сотрудников секретной службы — двое сзади, двое спереди и по двое с каждой стороны машины на подножках. Им было приказано «ощупывать» взглядом толпу, крыши и окна домов, эстакады и перекрестки, чтобы обнаруживать любой намек на опасность.

За ними шла машина с вице-президентом и мадам Джонсон, сенатором Ральфом Ярборо, за которой также следовал автомобиль с сотрудниками секретной службы. И наконец, длинный кортеж машин с представителями местных властей и журналистами...

Торжественная встреча в Далласе должна была, как надеялись, вылиться в демонстрацию популярности президента в городе, который высказался против него во время общенациональных выборов в 1960 году. Как только было принято решение продлить визит в Техас на два дня, те, кто отвечал за президентский маршрут, в частности губернатор Коннелли и специальный помощ-

¹ Речь идет о секретной службе, в функцию которой входит охрана президента. Ее не следует путать с секретными службами ЦРУ.

ник президента Кеннет О'Доннелл, сочли при общем одобрении, что был бы желателен торжественный проезд по улицам Далласа.

8 ноября секретной службе президента сообщили, что предусмотрено 45 мин. для следования кортежа от аэропорта Лав до места, где руководители делового мира и городские власти должны были дать банкет в честь президента. После изучения различных зданий с точки зрения удобства и безопасности местом банкета была избрана городская Торговая палата. Учитывая этот выбор и согласно существующей практике предоставлять как можно большему числу людей возможность увидеть президента, маршрут кортежа был указан как нельзя более точно.

18 ноября этот маршрут был одобрен местным комитетом по организации встречи президента и представителями Белого дома. 19 ноября он был опубликован в печати. В нем ясно указывалось, что с Мейн-стрит кортеж выедет на перекресток Элм-стрит и Хьюстон-стрит, следуя по направлению к Торговой палате...

В момент, когда кортеж въехал на Мейн-стрит — главную артерию, пересекающую Даллас с востока на запад, — прием, оказанный президенту, был восторженным. На западной оконечности Мейн-стрит кортеж свернул вправо, на Хьюстон-стрит, и проследовал в северном направлении до следующего перекрестка, чтобы затем повернуть налево на Элм-стрит, самую прямую и самую короткую дорогу к Стеммонскому шоссе и Торговой палате. Президентский автомобиль выехал на перекресток Хьюстон-стрит и Элм-стрит. Прямо напротив, в северо-западном углу перекрестка, возвышалось шестиэтажное коммерческое здание из красного кирпича — техасский склад школьных учебников. Сотрудник секретной службы Рафус Янгблад, находившийся в машине вице-президента, заметил, что часы, установленные на верху здания, показывали 12 час. 30 мин. — предусмотренное время прибытия в Торговую палату.

Автомобиль президента начал спускаться к железнодорожному мосту, под которым кортеж должен был проехать, перед тем как попасть на Стеммонское шоссе. Фасад техасского склада школьных учебников находился в этот момент справа от президента, слева от него простиралась Дили-плаза — покрытая зеленью открытая местность, уходящая далеко к западу от центра Далласа.

Один из сотрудников секретной службы связался по радио с Торговой палатой, чтобы объявить, что президент прибудет через пять минут.

Через несколько секунд один за другим раздались выстрелы. Президент схватился руками за шею, несколько мгновений сохраняя прямое положение, а затем подался слегка вперед на своем сиденье. Пуля попала ему в низ затылка, чуть правее позвоночника. Продолжив свою траекторию вниз, она вышла из горла, разорвав нижнюю левую часть галстука.

До выстрелов губернатор Коннелли был обращен лицом к толпе справа. Он начал поворачиваться влево и вдруг почувствовал удар в спину. Его настигла пуля, попавшая в правую верхнюю часть спины, в точку над правой подмышкой. Выйдя из груди ниже правого соска, пуля пробила лежащую на коленях кисть правой руки, а затем ранила левую ногу выше колена. Сила удара, похоже, пошатнула губернатора вправо, и мадам Коннелли притянула его к себе на колени.

После этого в голову президента сзади попала другая пуля, нанеся ему огромную и на этот раз смертельную рану. Он упал влево на колени мадам Кеннеди.

Сотрудник секретной службы Клинтон Хилл, который стоял на левой подножке следующего автомобиля, услышал звук, похожий на хлопок петарды, и увидел, как президент резко осел вперед и влево. Хилл спрыгнул с подножки и рванулся к машине президента. Сотрудник Янгблад, сидевший рядом с шофером на переднем сиденье автомобиля вице-президента, услышал выстрел и заметил необычное волнение в толпе. Он прыжком перескочил спинку сиденья и закрыл собой вице-президента. В тот же момент сотрудник Келлерман, находящийся на переднем сиденье президентской машины, обернулся, чтобы посмотреть на президента. Увидев, что произошло, он крикнул шоферу: «Надо сматываться, мы задеты!» Он связался по радио с головным автомобилем и сказал: «Направляйтесь немедленно в госпиталь, мы за вами!» Сотрудник Греер тут же нажал на акселератор. В этот момент Хилл успел впрыгнуть на багажник, на который взобралась мадам Кеннеди. Он толкнул ее на заднее сиденье и прикрыл собой ее и раненого президента. На большой скорости президентский автомобиль направился к госпиталю Паркленд, в семи километрах от места происшествия.

По прибытии в Паркленд президентом сразу же за-

нялась бригада врачей, предупрежденных полицией Далласа. Хотя они не смогли нащупать у президента пульс, врачи отметили прерывистое дыхание и еле слышное биение сердца. Они обследовали большую рану на голове и маленькую, диаметром примерно шесть миллиметров, в нижней части горла. Чтобы облегчить дыхание, хирурги сделали трахеотомию, расширив горловую рану и вставив туда дыхательную трубку. Полностью поглощенные своей задачей спасти жизнь президента, врачи так и не перевернули тело президента, чтобы обследовать рану в спине. В 13 час., когда сердце перестало биться и после соборования священником, было объявлено, что президент скончался. Губернатор Коннелли перенес операцию и впоследствии оправился от своих тяжелых ранений¹.

Чуть позже, в 13 час., на центральной улице Далласа был убит выстрелом в упор полицейский Типпит. Свидетели видели, как убийца зашел в кинотеатр, где он и был некоторое время спустя арестован.

Тем временем полиция обнаружила винтовку с оптическим прицелом на шестом этаже техасского склада школьных учебников. Из окон этого этажа прекрасно просматривалось место убийства президента. Проводившие следствие сотрудники почти сразу же установили, что один из служащих склада исчез. Отсутствующий на месте служащий и арестованный в кинотеатре убийца оказались одним и тем же лицом. Его имя сразу же стало известно всему миру: Ли Харви Освальд.

Ему было предъявлено обвинение в убийстве двух человек: президента Кеннеди и полицейского Типпита.

Двумя днями позже, воскресным вечером 24 ноября, во время перевода из одной далласской тюрьмы в другую Освальд был убит из револьвера 38-мм калибра содержателем ночного клуба по имени Джек Руби.

29 ноября президент Джонсон назначил комиссию со специальной задачей «обеспечить, чтобы истина стала известна в тех пределах, в которых она может быть раскрыта». Комиссию, состоящую из семи членов, возглавил Верховный судья Соединенных Штатов Эрл Уоррен.

Расследование длилось десять месяцев. «Широта и

¹ "Report of the President's Commission on the Assassination of President John F. Kennedy". U. S. Government Printing Office 1964, (так называемый доклад Уоррена). Мы частично использовали французский перевод, опубликованный в 1965 году издательством Робера Лаффона.

тщательность, с которыми проводилось расследование, проиллюстрированы, в частности, статистическими данными, представленными ФБР и секретной службой. Сразу же после убийства более 80 служащих ФБР были привлечены к этой работе в качестве вспомогательных или временных сотрудников бюро в Далласе. С 22 ноября 1963 г. ФБР провело около 25 тыс. допросов и перекрестных допросов лиц, имевших сведения, которые могли заинтересовать следствие; к 11 сентября 1964 г. ФБР представило комиссии более 2300 докладов, насчитывающих в общей сложности 25 400 страниц. За тот же период сотрудники секретной службы провели около 1150 допросов и представили 800 докладов на 4600 страницах»¹.

24 сентября 1964 г. комиссия представила свой заключительный доклад президенту Джонсону. Доклад базировался на 26 томах приложений. Его основные выводы можно резюмировать следующим образом:

1. Было выпущено три пули, и только три.
2. Все три пули выпущены из винтовки, найденной на шестом этаже здания техасского склада школьных учебников.
3. Выстрелы были произведены из одного окна на этом этаже.
4. Одна из пуль пробила шею президента перед тем, как попасть в губернатора.
5. Другая — попала президенту в голову.
6. Выстрелы были произведены Ли Харви Освальдом.
7. Полицейский Типпит был убит тем же Ли Харви Освальдом.
8. Нет никакого основания полагать, что Ли Харви Освальд или Джек Руби принимали участие в заговоре с целью убийства президента Кеннеди.
9. Ничто не указывает на то, что Ли Харви Освальд когда-либо был сотрудником, агентом или информатором ФБР, ЦРУ или любого другого правительственного учреждения.
10. Ничто не указывает на то, что Джек Руби имел тесные отношения с полицией Далласа, ФБР, ЦРУ или любым другим правительственным учреждением, или на то, что он был связан с миром организованной преступности, или что он когда-либо знал Ли Харви Освальда.
11. Ли Харви Освальд действовал сам и по собственной инициативе.

¹ "Report Warren".

12. Джек Руби при убийстве Ли Харви Освальда действовал сам и по собственной инициативе.

Никогда еще преступление не приводило к такому широкому и углубленному расследованию. Каждый след был изучен лучшими криминалистами. Каждое свидетельство сто раз перепроверено. Все обстоятельства убийства тщательно восстановлены. Прошлое Ли Харви Освальда и Джека Руби раскопано до третьего колена, и даже самые незначительные документы, относящиеся к этим людям, проанализированы экспертами.

И все-таки в 1967 году три четверти американцев, согласно результатам опроса, были убеждены, что убийство в Далласе было результатом заговора.

8 марта 1975 г. «Нью-Йорк таймс» сообщила, что «из хорошо информированных источников ей стало известно, что комиссия Рокфеллера решила посвятить часть своего заключительного доклада убийству президента Кеннеди». Комиссия, которая вела в то время следствие по делу о незаконных действиях ЦРУ, не желала оставлять без ответа некоторые противоречащие докладу Уоррена утверждения, на основании которых выходило, что ЦРУ прямо или косвенно было замешано в этом убийстве.

И действительно, в заключительном докладе, опубликованном 6 июня 1975 г., есть глава, посвященная этому вопросу. Она начинается так:

Утверждалось, что в убийстве президента Джона Кеннеди в Далласе 22 ноября 1963 г., возможно, приняло участие ЦРУ. На этот счет были выдвинуты две различные версии.

Согласно первой версии, в убийстве по заданию ЦРУ лично участвовали Говард Хант и Фрэнк Стерджис.

Согласно второй версии, ЦРУ было связано либо с Джеком Руби, либо с Ли Харви Освальдом, либо с ними обоими, а эти отношения так или иначе легли в основу плана убийства.

Два этих разных довода были проанализированы комиссией.

При этом не было предпринято полного пересмотра доклада Уоррена: такая работа вышла бы за рамки, определенные для комиссии декретом, и отвлекла бы ее от поставленной перед ней цели.

Далласские бродяги

Первая из двух настоящих версий утверждает, что Говард Хант и Фрэнк Стерджис были в 1963 году сотрудниками или агентами ЦРУ. В ней также содержится утверждение, что они вместе находились в Далласе 22 ноября и были задержаны некоторое время спустя после убийства в железнодорожном вагоне, который стоял за «зеленым холмом» — зоной, расположенной впереди и справа от президентского автомобиля в тот момент, когда Джон Кеннеди был убит.

Согласно этой версии, полиция должна была загадочным образом освободить обоих, не зарегистрировав их задержание в полицейском участке, не сфотографировав и не сняв отпечатков пальцев. Тем не менее, говорят, их фото было сделано журналистами в то время, когда их везли к шерифу графства Даллас. Были утверждения, что якобы имеется «поразительное сходство» между личностями, представленными на этих газетных фото, и на фотографиях Ханта и Стерджиса, сделанных в 1972 году.

С другой стороны, некоторые кадры двух любительских фильмов, снятых в момент убийства президента (Запрудера и Никса), вроде бы обнаруживают присутствие нескольких вооруженных винтовками людей на склонах зеленого холма.

Эта версия предполагает также, что по крайней мере одна из пуль, задевших президента Кеннеди, была послана со стороны зеленого холма, где, как полагают, находились Хант и Стерджис. Направление выстрела, похоже, подтверждается резким движением тела президента назад и влево после того, как в него попала пуля.

Из всего этого сделали вывод, что в убийстве президента, вероятно, приняли участие сотрудники ЦРУ и, видимо, как следствие, что в нем было, возможно, замешано и само управление.

Комиссия подвергла разные элементы этой версии настолько глубокому изучению, насколько она сочла необходимым, чтобы установить со всей беспристрастностью, принимало ли ЦРУ или нет участие в убийстве президента.

Ниже приведены результаты ее расследований.

Версия, на которую ссылается здесь комиссия, развита Майклом Кэнфилдом и Аленом Веберманом в книге, изданной в июле 1975 года в Нью-Йорке, под названием «Государственный переворот по-американски». Некоторые элементы этой версии были освещены американским телевидением за несколько месяцев до выхода книги. Поскольку доклад Рокфеллера был опубликован в июне, Кэнфилд и Веберман смогли добавить к основному содержанию своей книги несколько прямых ответов на критику комиссии в их адрес. Мы воспроизводим эти ответы вслед за соответствующими отрывками доклада, лишь предоставляя их вниманию читателя и не давая здесь суждений о весомости приведенных аргументов. Вот для начала общая оценка Кэнфилда и Вебермана той части доклада Рокфеллера, которая касается их версии:

«Как и ожидалось, в докладе комиссии Рокфеллера заявлено, что не существует ни одного достойного доверия доказательства участия ЦРУ в убийстве Джона Ф. Кеннеди. Вместо того чтобы провести собственное расследование (используя средства, предоставленные ей как правительственной комиссии), она решила ограничиться оценкой различных доводов о соучастии ЦРУ, которые были ей предоставлены. В большинстве случаев они исходили от добровольных свидетелей, некоторые из которых не обладали необходимой подготовкой, чтобы отвечать на вопросы, поставленные комиссией и таким сведушим в докладе Уоррена прокурором, как Дэвид Белин.

Пренебрегая своими обязанностями, комиссия повела себя так, как будто сами свидетели и общественность должны были найти доказатель-

ства возражениям, выдвинутым по докладу Уоррена. Ее целью, очевидно, было защитить, но не рассмотреть заново этот доклад».

ХАНТ И СТЕРДЖИС. 1963 ГОД

К ноябрю 1963 года Говард Хант уже в течение многих лет был сотрудником ЦРУ, где продолжал работать до выхода на пенсию в 1970 году.

На протяжении всего 1963 года он занимал пост в Вашингтоне, в его обязанности входила организация пропагандистских кампаний в зарубежных странах. По долгу службы ему приходилось выезжать в различные города Соединенных Штатов, но никогда он не выезжал на юг или юго-запад. В течение всего года он жил со своей семьей в пригороде Вашингтона, где его дети посещали школу.

Фрэнк Стерджис ни в 1963 году, ни в какое другое время не был ни сотрудником, ни агентом ЦРУ. Он сам показал это под присягой перед комиссией, а предпринятые в архивах ЦРУ поиски не позволили обнаружить ни малейших сведений, доказывающих, что он когда-либо числился среди сотрудников ЦРУ или выполнял его задания в качестве агента, информатора или кого-либо другого¹.

Стерджис заявил в своих показаниях, что он вовлекался в различные «авантюры», связанные с кубинским вопросом и, как он думал, организованные и финансированные ЦРУ. Он также заявил, что передавал, прямо или через посредников, сведения чиновникам федерального правительства, которые, как он считал, работали на ЦРУ.

Кроме того, он утверждал, что никогда не был связан с чем-либо, имеющим хотя бы малейшее отношение к убийству президента Кеннеди, ни в ЦРУ, ни где-либо еще.

¹ «ЦРУ не сохраняет досье на своих агентов, привлеченных к выполнению деликатных заданий, и если те попадают, оно отрекается от них» (Canfield et Weberman).

БЫЛИ ЛИ ОНИ В ДАЛЛАСЕ 22 НОЯБРЯ?

Хант и Стерджис оба под присягой давали показания комиссии. И тот и другой отрицали, что находились в Далласе в тот день, когда был убит президент.

Хант заявил, что провел весь день в пригороде Вашингтона. Его свидетельство было подтверждено его двумя детьми¹ и бывшей домработницей семьи Хантов. Стерджис же сказал, что провел весь день 22 ноября 1963 г. в Майами, во Флориде, и это свидетельство было подтверждено его женой и ее племянником. Племянник, живший в то время с семьей Стерджиса, в настоящее время имеет адвокатскую практику на Среднем Западе.

За исключением домработницы Хантов, все свидетели, лично подтвердившие, что Хант и Стерджис в день убийства президента Кеннеди находились, соответственно, в Вашингтоне и в Майами, являются членами их семей или близкими родственниками.

Свидетельствам лиц, настолько заинтересованных в этом деле, придали бы меньше веса, если бы существовали доказательства обратного. Но, при отсутствии противоречащих элементов, свидетельства членов семьи не могут быть отброшены.

БЫЛИ ЛИ ОНИ ЗНАКОМЫ В ТО ВРЕМЯ?

Хант заявил, что он никогда не встречал Фрэнка Стерджиса до того, как Бернард Баркер представил ему его в Майами в 1972 году. В свидетельстве Стерджиса содержится тот же смысл, за тем исключением, что он не помнит, состоялось ли это знакомство в конце 1971 или в начале 1972 года.

С другой стороны, Стерджис заявил, что хотя он часто слышал о некоем «Эдуардо», сотруднике ЦРУ, который играл активную роль в «комитете за освобождение Кубы» в Майами до операции в заливе Кочинос, но никогда не видел его. Только в 1971 или в 1972 году он узнал, что «Эдуардо» был не кто иной, как Говард Хант. Стерджис также участвовал в деятельности антикастровских групп в Майами до, во время и после того, как

¹ Один из сыновей Ханта, в то время девяти лет, был не в состоянии вспомнить, были ли его родители в этот день дома. Четвертый (последний) из детей Хантов тогда еще не родился. Мадам Хант впоследствии умерла.

Хант ведал политическим аспектом плана операции в заливе Кочинос (в 1960 и в начале 1961 г.).

Согласно другому показанию, связь между Хантом и Стерджисом существовала еще до 1971 года. Один свидетель утверждал, что Стерджис — это псевдоним, а настоящее имя лица, называющего себя Стерджисом, — Фрэнк Фиорини и что он позаимствовал имя Стерджис у Хэнка Стерджиса, персонажа романа, написанного Хантом в 1949 году (под названием «Бимини Ран»). Стерджис, со своей стороны, заявил, что по рождению он Фрэнк Анджело Фиорини, что в девичестве его мать была Мэри Вона, а отца звали Анджело Антонио Фиорини. Он был еще ребенком, когда его родители развелись, и мать снова вышла замуж за человека по имени Ральф Стерджис. По настоянию матери он в 1960 году на законных основаниях сменил свою фамилию в Норфолке, Вирджиния, на фамилию отчима.

Проведенные в архивах компетентных судов поиски установили, что 23 сентября 1952 г. в суд города Норфолка поступило прошение. Некий Фрэнк Анджело Фиорини просил изменить его имя на Фрэнк Антонио Стерджис. В прошении отмечалось, что мать Фрэнка Анджело развелась 15 лет назад с его отцом и вышла замуж за некоего Ральфа Стерджиса, что ребенок всегда жил с матерью, носящей имя Мэри Стерджис, и что отчим Фрэнка также желал, чтобы он изменил свою фамилию на Стерджис. Суд 23 сентября 1952 г. (в тот же день, когда поступило прошение) постановил разрешить ему изменить имя. Это постановление сохранилось в архивах суда в Норфолке. В прошении, как и в соответствующем постановлении об изменении имени, Фиорини был ошибочно записан «Фиорино».

В свете этих документальных доказательств невозможно придать ни малейшего значения версии, согласно которой Стерджис позаимствовал свое настоящее имя у персонажа романа Ханта или же что изменение имени было так или иначе связано с фактом, что Стерджис знал Ханта еще до 1971 или 1972 года.

«Комиссия ссылается на тот факт, что в 1935 году мать Фрэнка Стерджиса развелась с Фиорини и вышла замуж за Стерджиса. Мы признаем нашу ошибку, но только частично, по-

сколько этот новый факт лишь усиливает нашу аргументацию. В самом деле, правдоподобнее, что именно Хант позаимствовал у Стерджиса имя для персонажа своего романа, а не наоборот: когда кто-либо принимает имя героя популярного романа (Мозес Герцог, например, Сола Белоу), он имеет тенденцию сохранить его без изменений. С другой стороны, романист, который использует прообраз реального человека, склонен слегка изменить его имя. Хелен Бесс станет, например, Элен Бесс. Еще вероятнее, что автор использует в произведении прозвище этого человека или что-либо подобное. Если Хант на самом деле знал того, кто в свое время назывался Фрэнк Фиорини, он, несомненно, знал, что мать Фрэнка звали мадам Стерджис. Имя «Фрэнк Стерджис» выступало, следовательно, в качестве подходящего для героя романа, а измененное на Х(Фр)энк Стерджис, стало прекрасным именем для книги. Три года спустя, в 1952 году, Фиорини решил изменить свое имя на Фрэнк Стерджис» (Canfield et Weberman).

ПРОВЕРКИ, ПРОВЕДЕННЫЕ В АРХИВАХ ЦРУ

Была проведена контрольная проверка в журналах учета кадров, бухгалтерских книгах и командировочных предписаниях ЦРУ в том, что касалось деятельности Говарда Ханта. Возможности ознакомиться с журналами выхода сотрудников на работу, относящимися к тому времени, не представилось, поскольку они были уничтожены согласно существующему в ЦРУ правилу, по которому архивные документы подлежат уничтожению через три года после их бухгалтерской проверки. Остающиеся документы, в том числе те, что регистрируют очередные отпуска, больничные листы и командировки, показывают, что Хант не совершил никакой поездки служебного характера на протяжении ноября 1963 года. Из учетной книги видно, что он не просил очередного отпуска, а только взял одиннадцать часов по болезни за две недели, предшествовавшие 23 ноября. Невозможно было с точностью определить дату или даты, когда он отсутствовал по болезни.

Однако некоторые признаки позволяют предположить, что Хант мог использовать несколько из этих одиннадцати часов отпуска по болезни в день 22 ноября.

Хант утверждал в своем показании, что он провел послеобеденное время 22 ноября с женой и семьей в своем доме в пригороде Вашингтона. 22 ноября была пятница, а следовательно, рабочий день для служащих ЦРУ. Хант так и не смог вспомнить, был ли он на службе утром этого дня.

Принимая во внимание, что Стерджис никогда не числился ни среди агентов, ни среди служащих ЦРУ, управление не обладает никакими сведениями о нем ни в книгах учета кадров, ни в журналах командировочных предписаний или отпусков.

Когда следствие рассматривало обвинение, согласно которому Хант и Стерджис находились вместе в Далласе в день убийства президента Кеннеди, оно встретило при выполнении своей задачи трудности, вызванные тем, что этот довод был впервые выдвинут в 1974 году, то есть десять лет спустя после убийства. Доказательства, которые можно было получить ранее, стали недоступными. Факты о встречах с родственниками, друзьями, соседями или сослуживцами (которые могли бы знать, где точно находились Хант и Стерджис в этот день) были забыты. Некоторых из этих людей уже нет в живых. Наконец, архивы, которые могли бы составить источник ценнейших сведений, более не существуют.

Не было возможности определить с полной уверенностью, где действительно находились Хант и Стерджис в тот день, когда был убит президент Кеннеди. Так или иначе, не нашлось ни одного реального доказательства, которое можно было бы противопоставить их утверждениям, что каждый из них провел этот день, соответственно, в Вашингтоне и в Майами.

«22 ноября 1963 г. не из тех дней, которые люди забывают. Свидетельствуя, Хант и Стерджис заявили, что находились в этот день, соответственно, в Вашингтоне и в Майами. Но, за исключением домработницы, единственными свидетелями, кто подтвердил сказанное ими, были члены их семей. Комиссия признала, что цена такого рода свидетельских показаний невелика. Более того,

она обнаружила, что Хант, возможно, взял 22 ноября отпуск по болезни. Последний же был не в состоянии вспомнить, был ли он на службе в ЦРУ в то утро. И никто не засвидетельствовал, что разговаривал с ним по телефону на протяжении этого дня» (Canfield et Webermann).

ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ БРОДЯГ

Были ли Хант и Стерджис задержаны вблизи места убийства и приведены в контору шерифа? Эта гипотеза основана на так называемом сходстве между Хантом и Стерджисом, с одной стороны, и двумя личностями, с другой стороны, которые на короткое время попали в поле зрения в Далласе сразу после убийства.

Президент Кеннеди был убит около 12 час. 30 мин. по далласскому времени. Президентский кортеж пересекал тогда Дили-плаза с востока на запад, перед тем как выехать на Элм-стрит. В представленных полицией рассказах очевидцев мнения расходятся в том, что касается направления выстрелов. Некоторые по звуку выстрелов решили, что стреляли из здания техасского склада школьных учебников, который находился сзади президента и несколько правее в тот момент, когда он попал под обстрел. У других создалось впечатление, что выстрелы исходили с другой стороны. Чтобы свести вместе все элементы доказательства, было, разумеется, предпринято углубленное расследование.

Несколько часов спустя после выстрелов городская полиция Далласа обшарила все товарные вагоны, стоящие на путях за Дили-плаза. Около шести или восьми человек, позднее названных «бродягами», были задержаны внутри или вблизи этих товарных вагонов и отправлены затем для допроса либо в находящуюся неподалеку канцелярию шерифа Далласа, либо в центральный полицейский комиссариат. Все они были освобождены без составления какого-либо протокола их задержания и без того, чтобы власти посчитали нужным сфотографировать их или взять отпечатки пальцев.

Среди шести или восьми бродяг, задержанных около товарных вагонов, было три человека, которые, по словам задержавших их полицейских, были застигнуты в фургоне, стоявшем в полумиле к югу от места убийства.

Полицейские повезли их в канцелярию шерифа не самой прямой дорогой, а той, которая, по их мнению, давала возможность выбрать наиболее удобный маршрут: они проследовали вдоль железнодорожных путей в северном направлении до моста, расположенного к западу от техасского склада школьных учебников, затем срезали в сторону Хьюстон-стрит и, повернув по ней к югу, доехали до конторы шерифа.

В тот момент, когда полицейские вместе с бродягами проезжали перед складом учебников, их сфотографировали находящиеся там журналисты.

Копии пяти фотографий с «бродягами» были представлены экспертам комиссии.

Свидетель, по собственной инициативе давший показания комиссии, заявил, что, «по слухам», фургон, в котором были найдены трое названных бродяг, находился на небольшом расстоянии к северо-западу от места убийства (т. е. впереди справа от президентского автомобиля) в тот момент, когда раздались выстрелы. Между тем местом, где стоял фургон, и машиной президента находился зеленый холм.

Другие свидетели (давшие показания также по собственной инициативе и знакомые с первым) утверждали, что пуля, попавшая президенту в голову, была послана со стороны зеленого холма. Те же самые свидетели заявили, что один из трех сфотографированных бродяг был «поразительно» похож на Говарда Ханта, а другой — не менее «поразительно» на Фрэнка Стерджиса. Наконец, были выдвинуты утверждения, что если эти двое бродяг — на самом деле Хант и Стерджис и если в президента действительно стреляли с места, расположенного спереди и справа от него, то это стало бы доказательством, что ЦРУ было замешано в убийстве.

БЫЛИ ЛИ СРЕДИ НИХ ХАНТ И СТЕРДЖИС?

Даже нетренированному глазу видно, что сходство между бродягами из Далласа и Хантом и Стерджисом не более чем поверхностное. Бродяга, якобы похожий на Ханта, явно старше и ниже ростом. Тот, кого сравнивают со Стерджисом, кажется тоньше последнего. Более того, волосы и лицо довольно сильно отличаются от волос и лица Стерджиса.

Свидетели, которые говорили о «поразительном сходстве» бродяг с Хантом и Стерджисом, не обладали ка-

кой-то особой компетенцией в области опознания по фотографиям. Их свидетельство, похоже, основано на сравнении снимков бродяг, сделанных в 1963 году, с единственным фото Стерджиса (датированным 1972 г.) и двумя фотографиями Ханта (также 1972 г.).

Более 15 снимков Ханта и Стерджиса, сделанных до и после 22 ноября 1963 г., были переданы в лабораторию ФБР, чтобы сравнить их со всеми известными фотографиями задержанных в Далласе бродяг (ФБР имело полный набор этих фото, снятых в день убийства тремя журналистами). Эта работа была поручена Линдолу Шейнифелту из ФБР, признанному специалисту по анализу и опознанию с помощью фотографий.

Отчет Шейнифелта (входящий в общий отчет лаборатории ФБР от 21 апреля 1975 г. и подписанный директором ФБР Кларенсом М. Келли) содержит заключение, что «ни Говарда Ханта, ни Фрэнка Стерджиса нет среди трех бродяг, задержанных и сфотографированных в Далласе»¹.

Что касается Ханта, то было показано со всей очевидностью, что он выглядел гораздо моложе того бродяги на фотографии. У него более гладкий подбородок, четче обрисованный и более вытянутый. Подбородок бродяги, напротив, покрыт складками, а нос более округлен.

В случае со Стерджисом разница еще более заметна. Его лицо романского типа, а у бродяги — скорее нордического. У Стерджиса очень темные вьющиеся волосы, а у бродяги — русые либо совсем светлые и редкие. Лицо Стерджиса круглое, с квадратным подбородком, а у бродяги — овальное и подбородок округлен. Есть также заметное различие в длине носа и высоте лба. Контуры носа и ушей также различны.

Рост Ханта — около 175 см, а Стерджиса — приблизительно 180 см. Лаборатория ФБР провела на том же месте в Далласе следственный эксперимент, используя те же фотоаппараты, которыми были сделаны снимки бродяг. Изучив полученные данные, лаборатория пришла к выводу, что бродяга, «похожий» на Ханта, должен был иметь рост 170 см, а тот, в котором увидели сходство со Стерджисом, — 188 см, учитывая возможную

¹ «Линдол Шейнифелт, который делал для комиссии работу по сравнению фотографий, провел также большую часть фотографических исследований для комиссии Уоррена» (Canfield et Weberman.)

ошибку в 2,5 см в ту или другую сторону. Следовательно, существует 18 см разницы в росте двух бродяг, в то время как разница в росте Ханта и Стерджиса не превышает 5 см¹.

Фотографии далласских бродяг были опубликованы в нескольких газетах Соединенных Штатов, они были напечатаны в номере журнала «Ньюсуик» от 2 апреля 1975 г., их показывали по ведущим телевизионным каналам. Но не нашлось ни одного свидетеля, который бы подтвердил, что узнает в том или другом бродяге Ханта или Стерджиса, и ни один из признанных специалистов не опознал их на фотографиях бродяг.

К этому критическому анализу противоречащих официальным выводам утверждений о присутствии 22 ноября 1963 г. в Далласе Ханта и Стерджиса следует сделать два замечания.

Версии об участии ЦРУ в убийстве президента ни в коей мере не основываются на попытках идентифицировать Ханта и Стерджиса с далласскими бродягами. На такую идентификацию не опирается даже особая версия Кэнфилда и Вебермана. Выводы же всегда обращены к другому: имеется большое число деталей, позволяющих, по мнению некоторых исследователей, допустить вмешательство ЦРУ. Многие из них наводят на мысль о водопроводчиках, известных по уотергейтскому делу. Так, если ЦРУ было замешано в убийстве, то, вероятно, через посредство исполнителей типа Ханта и Стерджиса. А тогда вполне естественно, что встает вопрос о сходстве этих людей с далласскими бродягами...

Кэнфилд и Веберман заявляют, что их не убедили аргументы комиссии Рокфеллера, но в то же время пишут в своей книге: «Важно подчеркнуть, что авторы не считают неопровержимым, что эти люди [Хант и Стерджис] были среди задержанных в Далласе бродяг».

Второе замечание: критики доклада Уоррена, не согласные с особой версией Кэнфилда и Вебермана, объясняют тот факт, что Дэвид Белин сосредоточил расследование комиссии Рокфеллера именно на ней, чисто тактическими соображениями. Без труда доказав, что Ханта и Стерджиса не было среди далласских бродяг, комиссия запросто преуспела в дискредитации всех «заговорщических теорий».

¹ В докладе эти цифры даны в футах и дюймах. Мы их перевели в сантиметры.

Зеленый холм

Свидетели, которые выступили в защиту, по их мнению, убедительной версии, по которой ЦРУ сыграло некую роль в убийстве, особенно настаивают в своем доказательстве на движениях тела президента в тот момент, когда он был ранен в голову. Эти свидетели основывают свои утверждения на детальном анализе фильма Запрудера, главным образом 312-го и последующих кадров. Они представляют дело так, что движения тела и головы президента после рокового выстрела доказывают, что он был ранен пулей, посланной с места, находящегося справа и спереди по ходу движения его автомобиля, то есть со стороны зеленого холма и товарного вагона, где, по мнению некоторых, были найдены «Хант» и «Стерджис».

Абрахам Запрудер, владелец фабрики верхней одежды в Далласе, находился немного к востоку от зеленого холма, на земляной насыпи. Он снимал проезд кортежа маленькой любительской камерой с телеобъективом, и когда роковая пуля поразила президента, его автомобиль был почти прямо перед ним. Этот фильм общей продолжительностью 22 сек. был сразу же куплен журналом «Лайф», опубликовавшим отдельные кадры из него 29 ноября. Но кадр 313-й, показывающий переднюю правую часть головы президента, окруженную в момент разрыва розовым облачком из мозгового вещества и крови, не был напечатан. «Лайф» отказался впоследствии передать фильм комиссии Уоррена, а она, со своей стороны, не потребовала наложить на него арест. Таким образом, наиболее важная часть экспертизы была тогда проведена на копиях, качество которых, по мнению специалистов ФБР, было намного ниже оригинала.

Кадр 312-й фильма Запрудера показывает, что президент уже поражен в шею. Его тело обращено вперед по движению автомобиля и наклонено в левую сторону. Лицо слегка наклонено влево, а подбородок, похоже, касается груди.

На 313-м кадре президент получил роковую рану, и его голова четко смещается вперед.

На 314-м кадре (т. е. примерно через $\frac{1}{18}$ сек.) голова смещается уже назад.

Последующие кадры отражают быстрое движение назад головы и туловища, которое сопровождается поворотом влево.

Затем фильм показывает, как тело президента склоняется и падает.

По данным, полученным комиссией Уоррена, камера Запрудера работала со скоростью 18,3 кадра в секунду. Когда фильм пропускают через проектор с той же скоростью, движения головы вперед (с 312-го по 313-й кадр) почти не заметно, но это движение становится очевидным, если тщательно проанализировать эти два кадра. Речь идет об очень коротком движении как в пространстве, так и по времени. Движение назад и движение тела влево очень быстры и ясно выражены. Их можно легко наблюдать при демонстрации фильма как с обычной, так и с замедленной скоростью.

Появились утверждения, что движение тела назад и влево можно объяснить лишь тем, что выстрел был произведен спереди и справа от президентского автомобиля, то есть со стороны зеленого холма. [...]

В докладе Уоррена кадры 314-й и 315-й переставлены. Анализ движения головы после рокового выстрела, сделанный на основе сравнения этих двух кадров, указывал, следовательно, на перемещение вперед.

Джошуа Томпсон, нанятый журналом «Лайф» для расследования обстоятельств убийства президента, имел возможность изучать оригинал фильма дольше и более тщательно, чем кто бы то ни было. Он заявил о своей убежденности в том, что Кеннеди стал жертвой перекрестного огня¹.

Нью-йоркский оптик Роберт Гроден, который в начале 1975 года впервые предоставил весь фильм целиком

¹ *Josian Thompson. Six Seconds in Dallas, a Micro-study of Kennedy Assassination, Randon House, 1967.*

американскому телевидению, также убежден, что резкое движение назад, которое наблюдается начиная с 314-го кадра, произошло в результате попадания пули, посланной с зеленого холма.

Мы не имеем возможности детализировать баллистическую и медицинскую экспертизы. Почти каждый их пункт стал темой бесконечных споров.

В докладе комиссии Рокфеллера упомянуто, что три врача, которые делали вскрытие вечером 22 ноября в военно-морском госпитале Бетезда, дали заключение, что президент был поражен в голову одной пулей и что эта пуля попала в него сзади.

Доклад напоминает затем, что в феврале 1968 года независимые друг от друга власти поручили четверым экспертам заново изучить документы вскрытия (описания, фотографии, рентгено снимки и т. п.) и что они подтвердили заключения трех врачей Бетезды.

Несмотря на это, комиссия назначила пять новых экспертов, которые дали свои заключения раздельно. Они также подтвердили, указано в докладе, что ни одна из пуль не поразила президента спереди. Движение головы назад объясняется действием мускульной спазмы вследствие частичного разрушения мозга.

Марк Лейн, который первым оспорил доклад Уоррена и остается его самым скрупулезным толкователем, замечает по поводу этой части доклада Рокфеллера: «Задачу комиссии Рокфеллера можно определить, исходя из ее названия: комиссия по расследованию деятельности ЦРУ внутри Соединенных Штатов. Но как можно на основе сделанной врачами интерпретации фильма Запрудера снять с ЦРУ обвинение или, наоборот, доказать, что оно было замешано в убийстве президента? Если даже доказать, что все пули были посланы сзади, разве тем самым возможность заговора была бы исключена? Ведь когда раздались выстрелы, за спиной президента находилась половина обитателей земного шара... Дэвид Белин рассуждал, по-видимому, так: если хотя бы одна пуля была послана спереди, то ЦРУ могло быть замешано; но если доказать, что все пули были выпущены сзади, то участие ЦРУ становится невероятным, поскольку убийцы из управления, как люди чести, никогда бы не стали стрелять в спину своему президенту»¹.

¹ Mark Lane. Rush to Judgement (1966; introduction à l'édition de 1975).

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ПРОТИВОРЕЧАЩИЕ ДРУГ ДРУГУ

Что касается направления полета пуль, поразивших президента, то комиссия привела в доказательство и другие детали. Вот некоторые из них:

а) По мнению экспертов ФБР, осколки пуль, найденные в президентском автомобиле и достаточно большие для баллистической экспертизы, указывают на винтовку Освальда и ни на какую другую. Вещественное доказательство № 399 также соответствует винтовке, найденной на шестом этаже *техасского склада школьных учебников*¹.

б) Не было найдено ни одной конкретной улики (винтовки, гильзы, пули или отметины на машине президента) в подкрепление той версии, по которой один или несколько выстрелов было сделано с другой стороны, нежели сзади и сверху автомобиля.

в) Большинство свидетелей утверждали, что слышали три выстрела. Три гильзы были найдены на шестом этаже у окна в юго-восточном углу *техасского склада школьных учебников*, и, согласно ФБР, все три, без риска ошибиться, соответствуют винтовке Освальда. Кроме того, именно в этом окне, по утверждению выступивших перед комиссией Уоррена свидетелей, был виден стреляющий человек. Винтовка Освальда была найдена на шестом этаже этого здания менее часа спустя после убийства.

г) Нет ни одного свидетеля, который бы видел другого убийцу или бы заметил, что стрелял кто-либо еще, что кто-то выбрасывал в каком-нибудь месте оружие; нет ни одного свидетеля, который бы слышал где-нибудь еще щелчок затвора. Трое служащих склада школьных учебников показали перед комиссией Уоррена, что они смотрели на кортеж из открытого окна на пятом этаже юго-восточного угла здания. Один из них утверждал, что слышал не только три выстрела, но также щелчок затвора винтовки и звук падающих на пол гильз. Все трое заявили, что в момент выстрелов что-то сыпалось с верх-

¹ Вещественное доказательство № 399 — это пуля, которая (согласно докладу Уоррена) прошла через шею президента, перед тем как ранить губернатора Коннелли. Она была найдена почти не деформированной сразу по прибытии в госпиталь Паркленд. «Неверующие» называли ее «волшебной пулей».

него этажа и они тут же решили между собой, что стреляют оттуда.

е) Возможность выстрела спереди президентского автомобиля можно отбросить. Пуля в этом случае должна была бы пройти через ветровое стекло, во всяком случае, если бы стреляли с эстакады, находившейся прямо напротив машины президента. Но ведь эстакаду охраняли двое полицейских, а ветровое стекло осталось в сохранности. Помимо полицейских там были 15 железнодорожников, но ни один из них не слышал выстрелов с эстакады. [...]

Боб Уидрик утверждал в своей статье в «Чикаго трибюн» от 15 июня 1975 г., что один из связных ЦРУ информировал членов конгресса, ведущих расследование по делу управления, что «двое советников президента Кеннеди, Кэннет О'Доннелл и Дэвид Пауэрс, заявили следствию вскоре после убийства, что они видели нечто такое, что можно принять за выстрелы, сделанные с другого направления, чем тexasский склад школьных учебников. Но до того, как О'Доннелл и Пауэрс смогли доложить об этом комиссии Уоррена (засвидетельствовав свои показания в устной или письменной форме под присягой), Эдгар Гувер или один из его помощников добился от них, чтобы они не высказывали своих сомнений перед комиссией». По мнению автора статьи, «ФБР предупредило О'Доннелла и Пауэрса, что такое свидетельство может иметь последствия в международном масштабе и вызвать сильную реакцию общественности, которая требует дать отчет о других секретных сведениях, которые бюро имело тогда в своем распоряжении» (Canfield et Weberman).

Каждый из этих вопросов является объектом полемики, и чтобы ответить на них в том контексте, в котором они представлены, не хватит, пожалуй, и целой книги. Мы можем представить здесь лишь образцы документов, на основании которых и возникли эти противоречия.

64 свидетельства дают указание на то, с какой стороны были сделаны выстрелы. Они распределяются таким образом:

— со стороны зеленого холма	— 33
— со стороны здания ТСШУ—	— 25
— с восточной стороны Хьюстон-стрит	— 2
— с обеих сторон одновременно	— 4

Вот, например, два свидетельства, выбранные среди первых 33 и согласующиеся между собой, но несовместимые с выводами официальных комиссий.

ГРАФСТВО ДАЛЛАС

КАНЦЕЛЯРИЯ ШЕРИФА

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ДОКЛАД

Предмет: Убийство президента Кеннеди

Доклад полицейского офицера Роджера Крейга

Дата: 23 ноября 1963 г.

«Я находился перед входом в канцелярию шерифа в доме 505 на Мейн-стрит в Далласе, штат Техас, наблюдая за проездом президентского кортежа. Президент Кеннеди только что проехал то место, где я стоял, и мимо меня проезжали остальные машины, когда я услышал винтовочный выстрел, а затем через несколько секунд еще два.

Сразу же после первого выстрела я вместе с полицейским Бадди Уолтерсом побежал к перекрестку наискось через Хьюстон-стрит и поднялся на обочину Элм-стрит, а потом на железнодорожную насыпь. Мы обежали ее, а затем я вернулся по шоссе к Элм-стрит и услышал от Уолтерса, что пуля попала в тротуар в ее южном конце. Вместе с полицейским Лумми Льюисом я пересек Элм-стрит в поисках возможного следа, оставленного пулей. Примерно в этот момент я услышал пронзительный свист, обернулся и увидел какого-то белого, со всех ног бегущего со стороны склада к подножию холма. Я заметил также едущий вдоль тротуара светлый «универсал» (если не ошибаюсь, «Рэмблер») с багажником на крыше, к которому устремился неизвестный. За рулем «уни-

версала» сидел белый с кожей, покрытой сильным заггаром.

Я хотел пересечь Элм-стрит в обратном направлении, чтобы задержать автомобиль и установить личность неизвестных, но сильное движение не позволило мне это сделать. У тут же сообщил об этом факте сотруднику Секретной службы, имя которого я не знаю, и устремился к складу учебников, чтобы принять участие в производимом там обыске.

Позже, а именно к вечеру того же дня, я узнал, что в мэрии содержится какое-то подозрительное лицо. Я позвонил туда и передал капитану Фритцу, что видел подозрительного субъекта, бежавшего к подножию холма и севшего там в машину. Капитан Фритц попросил, чтобы я тут же приехал к нему. Я так и сделал и по прибытии в мэрию признал в находящемся там подозрительном лице того самого бежавшего субъекта, который потом пытался скрыться в „универсале“». (*Подписано: Крейг*)

Полицейский Гарольд Элкинз, в свою очередь, свидетельствует 26 ноября:

«Я стоял у входа в канцелярию шерифа в доме 505 на Мейн-стрит. Не прошло и нескольких секунд после того, как проехал президентский автомобиль, когда я услышал выстрел, а спустя две секунды прозвучало еще два.

Я сразу же побежал к тому месту, откуда, похоже, стреляли. Это зона, расположенная между книжным складом и железнодорожной веткой к востоку от последней. Там было много полицейских, и мы перекрыли туда доступ публике. После десяти минут безуспешных поисков в этом месте я поднялся на башню, возвышающуюся над железной дорогой, откуда открывается также вид на все пространство, окружающее здание книжного склада. Находившийся там служащий описал мне две автомашины, которые он видел в этой зоне всего лишь за несколько минут до моего прихода.

Когда я спустился, другие полицейские сообщили мне, что выстрелы были сделаны из здания склада — как было установлено. Я направился туда, но, узнав, что внутри и снаружи склада было уже много полицейских, вернулся на улицу и замешался в толпе, чтобы попытаться собрать свидетельства о совершившейся трагедии. Доставив несколько человек в комиссариат, я отправился на телецентр, где встретил двух свидетелей, пришедших вместе с журналистом.

Чуть позже один из далласских полицейских появился в нашем участке вместе с тремя задержанными, которых он арестовал в районе железной дороги¹. Я доставил их в городскую тюрьму и сдал капитану Фритцу. Затем я вернулся в участок, где провел остаток дня, расспрашивая свидетелей и записывая их показания». *(Подписано: Элкинз)*²

Расхождения были и в другом случае. В докладе Рокфеллера упомянуто (п. с.): «Винтовка Освальда была найдена на шестом этаже здания склада меньше часа спустя после убийства». А вот противоречащее этому свидетельство:

ШТАТ ТЕХАС ГРАФСТВО ДАЛЛАС

В упомянутый ниже день передо мной, Мэри Рэттэн, секретарем суда этого графства, предстал Сеймур Вейцман, принял присягу и заявил:

«Вчера, 22 ноября 1963 г., я находился на углу Мейн-стрит и Хьюстон-стрит, случайно проходя мимо этого места, в момент, когда машина с президентом, проехав, повернула на запад в направлении Стеммонского шоссе. В этот момент меня окликнул мой спутник, шедший вслед за мной. Я обернулся, и тут услышал один за другим три выстрела.

Я побежал на северо-запад в направлении, откуда, как нам казалось, выстрелы были произведены, и перепрыгнул через ограду.

Затем кто-то сказал, что стреляли из старого *техасского дома*. Я сразу же устремился к этому зданию и начал поиски внутри. Прибыл капитан Фритц и отдал приказ перекрыть и полностью обыскать весь шестой этаж. Я участвовал в этих поисках вместе с инспектором Буном из службы шерифа.

Мы искали в северо-западном углу шестого этажа и почти одновременно заметили винтовку. Это был маузер с ручным затвором калибра 7,65 мм с оптическим прицелом 4—18 и снабженный толстым кожаным рем-

¹ Речь идет, несомненно, о «трех бродягах».

² Дополнительный следственный доклад, датированный 26 ноября 1963 г.

нем темно-коричневого цвета. Он лежал среди коробок около лестничной клетки. Было 13 час. 22 мин., когда винтовка была найдена. Капитан Фритц взял ее в руки и выгнал из магазина один оставшийся патрон.

После этого я вернулся в участок».

(Подписано: Сеймур Вейцман)

Подписано и произнесено под присягой передо мной 23 ноября 1963 г.

(Подпись: Мэри Рэттэн)¹

Но ведь «винтовка Освальда» — это итальянский карабин «Манлихтер — Каркано» калибра 6,5 мм, на котором без труда можно прочесть: «СДЕЛАНО В ИТАЛИИ» и «КАЛ. 6,5».

Откуда же тогда эта ошибка в определении марки и калибра? Авторы различных неофициальных версий, конечно, не преминули выдвинуть гипотезу о том, что винтовка была впоследствии подменена в полиции. В самом деле, окружной судья Далласа объявил 22 ноября во время телевизионной пресс-конференции, что оружие, найденное на шестом этаже склада, представляло собой винтовку немецкой системы «маузер» 7,65-мм калибра. Эта информация, сразу же переданная на весь мир, была исправлена лишь на другой день. Тогда все узнали, что Освальд был владельцем винтовки «Манлихтер — Каркано».

Многие детали подтверждают свидетельство Вейцмана, и многие, настолько же правдоподобные, противоречат ему.

Была ли ошибка такого рода возможной? А как это узнать, если комиссия Уоррена отказалась показать «винтовку Освальда» тому, кто, как полагали, обнаружил ее на шестом этаже склада... Вопрос, таким образом, представляется полностью неразрешимым. И это лишь один из тысячи подобных вопросов.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

Комиссия Рокфеллера консультировалась со многими другими экспертами. В ее докладе приведены заключения одного из них:

¹ "Rapport Warren. Annexes, vol. XXIV".

Доктор Уэкт заявил, что имеющиеся доказательства указывают на то, что президент был ранен двумя пулями сзади и что нет никаких данных в поддержку версии, по которой выстрелы были сделаны спереди или спереди и справа от машины президента.

В статье, написанной в 1974 году вместе с одним из его сотрудников — она была приложена к его свидетельству, — доктор утверждает, что «если даже допустить, что какая-нибудь другая пуля попала в голову президента до, после или в одно время с известным выстрелом, то нельзя обнаружить никаких ее следов в имеющихся документах вскрытия».

В своем показании доктор заявил, что на фотографиях, сделанных при вскрытии, на затылке у президента можно увидеть отметину выше того места, где кончаются волосы, которая, как он подумал, могла быть раной на выходе пули. По его мнению, другие фотографии вскрытия и рентгено снимки не подтверждают эту гипотезу, хотя, как он думает, врачи, производившие вскрытие, могли и не заметить этой раны.

Доктор Уэкт сказал, что были еще неясные моменты в том, что касается движения назад и влево головы и тела президента после 313-го кадра, но в то же время заявил, что это могло быть результатом нервно-мышечной реакции на протяжении примерно одной десятой секунды. [...]

Но когда доклад Рокфеллера был опубликован, доктор Уэкт заявил, что сделанный им анализ был искажен комиссией, и потребовал обнародовать его показания во всей их полноте. Он отрицал приписанное ему утверждение, что «имеющиеся доказательства указывают на то, что президент был ранен двумя пулями сзади и что нет никаких данных в поддержку версии, по которой выстрелы были сделаны спереди или спереди справа от машины президента». Доктор определил это как «явную подтасовку» его свидетельства. При этом он утверждал, что в покушении участвовали по меньшей мере двое убийц и что один Ли Харви Освальд не мог быть виновником всех ран, констатированных у президента Кеннеди и губернатора Коннелли (Ассошиэйтед Пресс, Питтсбург, 11 июня 1975 г.).

Параграф А 4 этой главы заканчивается так:

Основываясь на результатах расследования, проведенного ее сотрудниками, комиссия считает, что нет ни-

каких данных, подтверждающих версию, согласно которой президент Кеннеди был ранен пулей, посланной либо со стороны зеленого холма, либо с какого-нибудь места, находящегося спереди, спереди справа или справа от его автомобиля. Комиссия также считает, что движения головы и тела президента после поразившего его выстрела в голову логично объясняются тем, что этот выстрел был сделан сзади, сверху и немного справа от него. [...]

Святой союз

Вторая версия об участии ЦРУ в убийстве президента Кеннеди предполагает существование разного рода связей между ЦРУ, Ли Харви Освальдом и Джеком Руби.

ОСВАЛЬД

Утверждалось, что в качестве сотрудника ЦРУ Говард Хант выполнял задание ЦРУ по организации политической деятельности некоторых членов антикастровской кубинской общины, обосновавшейся в Соединенных Штатах. Это происходило еще до операции в заливе Кочинос в апреле 1961 года. Кроме того, высказывалось мнение, что в рамках полученного задания Хант играл активную роль в создании «кубинского революционного комитета» и что этот комитет имел представительство в Новом Орлеане.

Наконец, внимание привлекалось к тому факту, что Ли Харви Освальд проживал в Новом Орлеане с апреля по сентябрь 1963 года. В это время он составлял и распространял листовки комитета «За справедливое отношение к Кубе» с указанным на них адресом этого комитета, который совпадал с номером дома, где помещалось также представительство «кубинского революционного комитета» в Новом Орлеане.

Каждое из этих сведений частично обосновано, но многие другие значительные факты, раскрытые комиссией, были замолчены. Так, не было упомянуто, что листовки комитета «За справедливое отношение к Кубе» были набраны самим Освальдом, что у этого комитета никогда не было представительства по указанному на листовках адресу. Не было сказано и о том, что Освальд

одолжил этому комитету выдуманные с начала до конца отделение в Новом Орлеане, представительство и председателя, что названный дом, ранее действительно бывший штаб-квартирой антикастровской организации, уже не использовался для этой цели в то время, когда Освальд печатал свои листовки, и, наконец, что Освальд пытался проникнуть в ряды этой организации.

Как следствие была выдвинута гипотеза, что Хант мог иметь контакты с Ли Харви Освальдом на протяжении весны или лета 1963 года. Но невозможно доказать, что Хант когда-либо встречался с Освальдом или что он вообще бывал в Новом Орлеане в течение этого года. Нет доказательств и того, что Хант имел хоть малейший контакт с представительством «кубинского революционного комитета» в Новом Орлеане.

Из служебного дела Ханта в ЦРУ видно, что начиная с 1961 года ему ни разу не поручалось задания, которое могло бы свести его внутри или за пределами Соединенных Штатов с членами кубинской общины или с кубинскими эмигрантскими организациями. Это изменение направления его деятельности произошло, следовательно, за два года до того, как Освальд поселился в Новом Орлеане в апреле 1963 года.

Версия о тайной связи между Освальдом и ЦРУ была сформулирована, когда после убийства президента не прошло и нескольких дней.

Освальд родился в 1939 году в Новом Орлеане. В 1959 году в Далласе он поступил на службу в военно-морские силы. Он был оператором радиолокационной станции на базе Ацуги в Японии в то время, когда эта база использовалась самолетами У-2. Там же он изучал русский язык.

В сентябре 1959 года он демобилизовался из армии. Некоторое время спустя в посольстве Соединенных Штатов в Москве он сдал свой паспорт, заявив, что имеет намерение получить советское гражданство. После этого он работал на заводе в Минске.

В 1962 году он вернулся в США вместе с женой, русской по национальности, на которой женился во время пребывания в Советском Союзе, и их дочь. Он снова получает без каких-либо проблем американское гражданство. Комитет «За справедливое отношение к Кубе», чьи листовки Освальд распространял в августе 1963 года, был прокастровской организацией. Но «кубинский

революционный комитет» (который находился по указанному Освальдом в листовке адресу) был антикастровской эмигрантской организацией.

Некоторые считают, что многие другие подробности жизни Освальда также позволяют провести связь с миром разведки. Но привести их все здесь мы не можем.

Комиссия Уоррена посвятила часть своего доклада опровержению такого рода версий.

Комиссия Рокфеллера рассматривает лишь одну возможность — связь с ЦРУ, которая могла осуществляться через Ханта.

РУБИ

Джек Руби появляется в этой истории в связи со смертью Освальда.

В воскресенье, 24 ноября, Освальда должны были перевести из городской тюрьмы в тюрьму графства Даллас. В субботу поздно вечером прессе сообщили, что перевод состоится в воскресенье утром. Отделение ФБР в Далласе получило в промежутке между 2.30 и 3 час. утра несколько телефонных звонков с угрозой убить Освальда.

В подземном этаже городской тюрьмы собрались представители телевидения, радио и прессы. Освальд появился перед многочисленными камерами корреспондентов из двери, находящейся прямо напротив, и направился к автомобилю, который должен был доставить его в другую тюрьму. (Справа от него был пандус, спускающийся с Мейн-стрит, а слева — поднимающийся на Коммерс-стрит.) Предназначенный для Освальда бронированный фургон прибыл на место вскоре после 11 час., но в тот же момент было решено, что обыкновенный полицейский автомобиль будет предпочтительнее...

Освальд появился примерно в 11 час. 20 мин. с солидной охраной из инспекторов полиции с двух сторон и сзади. Он был в ослепительных лучах юпитеров, когда какой-то человек отделился от группы журналистов. В правой руке он держал кольт 38-мм калибра. Несколько шагов... и он был рядом с Освальдом. Блеснула вспышка, которую было ясно видно на фоне черного свитера жертвы. Раненный пулей в живот, Освальд, с перекошенным от боли лицом, свалился на пол и почти тут же потерял сознание. Вся сцена напрямую транслировалась

телевидением. Семь минут спустя Освальд был в госпитале Парклэнд. В 13 час. 7 мин. объявили, что он скончался.

Джек Руби заявил, что он убил Освальда в приступе депрессии и ярости, вызванном смертью президента. Он отрицал, что его действия каким бы то ни было образом были связаны с заговором, направленным на то, чтобы заставить Освальда замолчать навсегда.

Тем не менее сразу же была выдвинута версия о заговоре. Она эхом прошла по всем публикациям на следующий день после смерти Освальда:

«Некоторые наблюдатели выдвигают версию, по которой Освальд действовал вместе с группой людей, которая затем «убрала» его, чтобы избавиться от разоблачения. Он мог быть выбран ими из-за своего «прокастровского» прошлого...

Все журналисты — очевидцы убийства Освальда Джеком Руби — сходятся во мнении об обстоятельствах, при которых оно произошло, подчеркивая, что перевод Освальда из тюрьмы полицейского управления в тюрьму графства Даллас осуществлялся без какого-либо продуманного плана и без соблюдения правил безопасности. Если кто-либо действительно хотел избавиться от Освальда, то полиция оказала ему более эффективную помощь. «Я сам мог бы убить Освальда. Когда я спускался по лестнице в то место, где было совершено преступление, никто даже не спросил, кто я такой», — утверждает английский журналист. Другой корреспондент говорит, что полиция потребовала предъявить удостоверения прессы только после убийства. До этого никакой проверки не было произведено. Со своей стороны агентство Рейтер утверждает, что, пока Освальд был в руках полиции, возможностей убить его было более чем достаточно...

Адвокат из Чикаго Льюис Катнер сделал важный вклад в выяснение личности Руби. Так, убийца Освальда несколько месяцев был служащим профсоюза, в руководящий комитет которого входил близкий друг Джимми Хоффы, руководителя профсоюза водителей грузовиков, исключенного из АФТ — КПП за гангстеризм. Руби изгнали, по-видимому, за его «зверские» методы...»¹.

Эти первые возникшие после убийства Освальда слухи порой были обоснованны.

¹ "Le Monde", 26 et 27 nov., 1963.

То, что касалось, например, отношений Джека Руби с Джеймсом Хоффой, было впоследствии подтверждено: 8 декабря 1939 г. в Чикаго был убит секретарь-казначей профсоюза мусорщиков; контроль над профсоюзом взял в свои руки Пол Дорфман (близкий друг Хоффы, о котором шла речь выше), а новым секретарем-казначеем был назначен Джек Руби¹.

Но иногда эти слухи были ложными или не поддающимися проверке...

Как это было сделано ею с версией о связи Освальда с миром разведки, комиссия Уоррена постаралась опровергнуть неофициальные версии по делу Руби.

В 1967 году Руби умер в тюрьме от рака.

А комиссия Рокфеллера продолжила работу по опровержению, начатую комиссией Уоррена.

Один из аргументов, с помощью которого пытаются доказать существование связи между Джеком Руби и ЦРУ, основывается на свидетельском показании, по которому Фрэнк Стерджис участвовал в целом ряде актов кубинских эмигрантов в то время (конец 50 — начало 60-х гг.), когда ЦРУ финансировало и организовывало антикастровские движения среди них.

Утверждалось, кроме того, что однажды кто-то сообщил ФБР, что в начале 50-х годов Руби занимался контрабандой оружия, переправляя его на Кубу, и что Стерджис также был связан с этим делом в 50—60-х годах.

Помимо этого, были заявления, согласно которым Стерджис в течение некоторого времени (до побега с Кубы в 1959 г.) управлял в Гаване игорными домами и казино, а Руби совершил в августе или сентябре 1959 года поездку на Кубу по приглашению какого-то друга, у которого были интересы в игорных домах Кубы и Соединенных Штатов. Если верить этим заявлениям, Стерджис, как и Руби, поддерживал связи с «мафиози», у которых были интересы в Соединенных Штатах и на Кубе.

Исходя из этих утверждений, свидетель делал вывод, что Стерджис и Руби могли знать друг друга и встречаться, хотя и не привел какого-нибудь реального доказательства в поддержку этого тезиса.

¹ Результаты расследования, проведенного в 50-х годах комиссией сената, советником которой был Роберт Кеннеди (комитет Макклеллана).

Закключение комиссии таково, что если даже принять на веру все детали приведенного выше свидетельского показания, то сделанные из него выводы следует рассматривать как чисто спекулятивные в том, где с их помощью делаются попытки провести связь между ЦРУ, с одной стороны, и Освальдом и Руби — с другой.

РАССЛЕДОВАТЬ ЗАНОВО?

Гарольд Вайсберг — исследователь, обладающий исключительным упорством. В 1965 году под заголовком «Whitewash I» он опубликовал тщательно продуманную критику доклада Уоррена. В следующем году он опубликовал в «Whitewash II» серию секретных документов, касающихся обстоятельств, с помощью которых, по его утверждению, дело было замято. Затем в «Photographic Whitewash» он выпустил в свет вторую серию документов. В течение 1974 года Вайсберг занимался критическим разбором стенограмм некоторых заседаний комиссии Уоррена, и в ноябре того же года появился «Whitewash IV: новое описание убийства ДФК» (Джона Фицджеральда Кеннеди). Это описание приоткрывало завесу над удивительными вещами...

22 января 1964 г. комиссия Уоррена рассматривала показания генерального прокурора Техаса Уаггонера Карра, действительно стоящие внимания. Последний узнал из надежного источника, что Освальд был постоянным информатором ФБР под опознавательным номером 179 и в этом качестве получал ежемесячно 200 долл. с сентября 1962 года. Это показание не подвергалось сомнению со стороны членов комиссии. Двое из них (Аллен Даллес и Джеральд Форд¹) даже задаются вопросом, какого рода работу мог в действительности выполнять Освальд для ФБР... Другой член комиссии (не названный в описании) заметил, что бюро сводит вместе все концы в обвинении Освальда, а это выглядит странно... Тогда развивается следующая идея: ФБР хочет, чтобы дело было закрыто до того, как проявятся его связи с Освальдом... В последовавшей за этим дискуссии кто-то заявляет, что, если эта информация будет обнародована, «люди подумают, что убийство президента было резуль-

¹ Речь идет, без сомнения, о преемнике Никсона на посту президента.

татом заговора, а комиссия ничего не сможет сделать, чтобы нейтрализовать это впечатление».

27 января обсуждался тот же вопрос. Ли Рэнкин, первый советник комиссии, заявляет: «Ну и грязный же слух, очень плохой для нас., достойный большого сожаления для вовлеченных в это дело учреждений. Мы должны сделать все, чтобы его нейтрализовать». Даллес замечает, что Гувер ни в коем случае не захочет признать, что Освальд мог быть агентом ФБР: «Я думаю, что Гувер скажет, что у него нет ничего общего с этим типом., и если он займет такую позицию, то уже ничего нельзя будет доказать».

Сенатор Рассел добавляет, говоря о руководителях ФБР: «Они первыми станут это отрицать», затем, обращаясь к Даллесу: «А ведь ваши люди будут вести себя точно так же, не так ли?»

— Именно так.

Тогда бывшего директора ЦРУ спрашивают, займет ли он ту же позицию в случае, если ему придется отвечать на тот же вопрос, и солжет ли он после того, как произнесет присягу перед комиссией? И Даллес отвечает: «Президенту Соединенных Штатов я сказал бы все, поскольку я ему подчиняюсь, но никому другому я не обязан говорить всей правды...»

14 мая Гувер свидетельствует: «Я торжественно заявляю, что Ли Харви Освальд никогда не был ни сотрудником, ни агентом, ни информатором ФБР...»

И Маккоун, бывший в период, когда произошло убийство и проводилось расследование, директором ЦРУ, делает подобное заявление в том, что касается ЦРУ.

Итак, в ноябре 1974 года состоялась публикация нового описания заседаний комиссии Уоррена. Некоторое время спустя телевидение полностью показало фильм Запрудера. В послениксоновской Америке эти разоблачения дали мощный импульс появлению «подпольных версий». Число людей, убежденных в том, что президент Кеннеди пал жертвой заговора, увеличилось до более чем 80%.

В феврале 1975 года член палаты представителей Генри Гонзалес представил конгрессу резолюцию, требующую проведения нового расследования трех наиболее крупных политических убийств 60-х годов (Джона Кеннеди, его брата Роберта и Мартина Лютера Кинга), а также покушения, жертвой которого стал в 1972 году

Джордж Уоллес¹. Эта резолюция получила поддержку 33 конгрессменов, один из которых — член палаты представителей Стьюарт Маккини заявил:

«После Уотергейта и разоблачений деятельности ФБР и ЦРУ в народе проявляется страшный скептицизм в отношении слов правительства, и эти убийства рассматриваются в том же свете...

Мне очень трудно поверить, что покушения на президента Кеннеди, Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и Джорджа Уоллеса никак не связаны между собой и являются делом рук одиночек. Мне не удается убедить себя, что Ли Харви Освальд был настолько расчетлив и настолько опасен, чтобы в одиночку проникнуть в число сотрудников склада школьных учебников и обеспечить успех своему предприятию. Невероятное множество вопросов встает в связи с убийствами Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Большинство американцев не верят в то, что им было сказано по этому поводу... Я намереваюсь присоединиться к моему коллеге Гонзалесу и рекомендовать образование комитета палаты представителей для проведения расследования этих убийств. Слишком много людей задают себе вопросы, остающиеся без ответа... К тому же мы узнали, что бывший президент Джонсон имел серьезные сомнения в отношении выводов, сделанных комиссией Уоррена...

Специальная комиссия сената по уотергейтскому делу доказала американскому народу, что конгресс обладает необходимыми средствами для ведения расследования, которые позволяют идти гораздо дальше, чем это может сделать система правосудия...»

22 мая член палаты представителей Томас Доунинг, в свою очередь, представил резолюцию, идентичную резолюции Гонзалеса, но ограниченную лишь убийством в Далласе. В ответ на вопросы журналистов он сказал²:

¹ Роберт Кеннеди был убит 5 июня 1968 г. в Лос-Анджелесе. Калифорнийские судебные власти решили в августе 1975 года образовать новую специальную комиссию для расследования этого убийства. Мартин Лютер Кинг был убит в Мемфисе 4 апреля 1968 г., а Джордж Уоллес — тяжело ранен в Лореле (штат Мэриленд). Раздавались требования добавить к этому списку Малькольма Икса.

² Напечатано в "The Saturday Evening Post", предложившей в 1975 году награду в 250 тыс. долл. тому, кто первым представит сведения, дающие основания для ареста и осуждения кого-либо за смерть президента Кеннеди.

«Когда появился доклад комиссии Уоррена, у меня возникло сомнение, что один человек мог с такой точностью произвести за пять или шесть секунд три выстрела. Но в то время я считал, что комиссия, должно быть, права. Она состояла из честных, компетентных людей, старающихся работать в интересах своей страны. И я изгнал из головы несовместимую с ее выводами идею, хотя облачко сомнения, касающееся распределения выстрелов, осталось. А недавно, ближе познакомившись с этим делом, я обнаружил, что было много других вопросов, которые не получили ответа, и что комиссия Уоррена не изучила все аспекты проблемы и не опросила всех свидетелей. Теперь я убежден, что заговор существовал, и думаю, что общественность имеет право об этом знать. Именно поэтому я предложил провести расследование заново.

— Что заставило вас изучить это дело глубже?

— Фильм Запрудера. Он убедил меня, что в президента Кеннеди стреляло более одного человека.

— Как вы думаете, почему комиссия Уоррена не пришла к тому же выводу?

— Я думаю, что вряд ли комиссия в полном составе хотя бы раз видела этот фильм. Один или два ее члена, возможно, и видели его полностью, но, без сомнения, не изучили достаточно внимательно... Напомню вам также, что тогда все были убеждены, что убийство было непосредственно совершено Ли Харви Освальдом и никем другим. Я думаю, что этот факт мог оказать влияние на комиссию Уоррена. Они подошли к этому вопросу с заранее сложившимся представлением. Расследование затягивалось, и президент Джонсон пожелал закрыть дело. Комиссия закрыла его чуть раньше, чем следовало... В то время ЦРУ и ФБР пользовались большим уважением, и их заявления слепо принимались на веру. Но после того, что произошло впоследствии, я полагаю, сегодня эти органы были бы опрошены более серьезно».

В июньском докладе комиссии Рокфеллера одна из глав была посвящена убийству президента Кеннеди. Эта глава, которую мы только что представили вашему вниманию, заканчивается так:

«Множество измышлений было выдвинуто по поводу участия ЦРУ в убийстве президента Кеннеди. Комиссия

предприняла усилия, чтобы по этому делу были проведены новые исследования, и заключает, что не имеется ни одного доказательства какого-либо участия управления».

Это заключение не положило конец старым противоречиям, а лишь породило новые. Поскольку ЦРУ было слишком уверенно объявлено невиновным без достаточных к тому оснований, люди заподозрили худшее. Число американцев, убежденных, что Кеннеди стал жертвой заговора, лишь увеличилось.

К тому же было еще много разоблачений, ставящих на этот раз под вопрос роль ФБР в этом деле.

Стало известно, что 24 ноября 1963 г. Эдгар Гувер приказал уничтожить одно из писем Ли Харви Освальда. 24 ноября, то есть в день смерти «официального» убийцы президента. Это письмо, которое Освальд сам отнес в отделение ФБР в Далласе дней за десять до убийства, было сохранено этим отделением.

Письмо, как сообщалось, не содержало ничего, кроме угроз в адрес далласской полиции... Но, каким бы ни было его содержание, какие бы объяснения ни давались сегодня относительно причин его уничтожения, любое расследование, проводимое ФБР по делу об убийстве президента, заранее теряло к себе доверие, поскольку было доказано, что не более двух дней спустя после убийства бюро начало уничтожать некоторые материальные улики.

Внутри комиссии Черча сформировалась тогда подкомиссия под председательством сенатора Швейкера, заявившего: «За девять последних месяцев я узнал больше о функционировании правительственной машины, чем за 15 лет членства в конгрессе... Мы не знаем, что же произошло в действительности, но мы уверены в том, что Освальд имел связи с секретными службами. Как только начинают поднимать прошлое, сразу же находят их следы... Доклад Уоррена — не более чем карточный домик». Сенатор не исключал ни одной возможности.

Трудно провести грань между существующими сегодня различными версиями. Но из огромного набора ныне доступных данных выступает весьма странный контекст...

Главные действующие лица драмы были все в одно

и то же время связаны с миром организованной преступности и с разведывательными учреждениями.

Между двумя мощными тайными организациями вскрывается сугубо засекреченный и глубокий союз. Как одна, так и другая используют в качестве политического орудия убийство. Обе располагают для осуществления террора людьми и необходимой компетенцией. Их интересы сходятся почти повсюду в мире. И часто они вступают в сотрудничество...

Список их совместных предприятий был бы длинен. Но кто знает точные границы этого единственного в своем роде и страшного договора? Святой союз в интересах государства и гнусных преступников...

После поражения в заливе Кочинос один человек стал смертельной угрозой для того и другого из этих тайных обществ¹.

Человек, который не пожелал вновь завоевать Кубу силой оружия, разбив, таким образом, все надежды мафии вернуть себе те сказочные инвестиции, которые превратили Гавану в первый источник ее доходов. Человек, который вместе со своим братом Робертом решил атаковать организованную преступность в Соединенных Штатах так, как еще никто до него не делал. Человек, который хотел «разбить ЦРУ на тысячу кусков», поскольку представлял, что оно старается ускользнуть из-под его контроля. И особенно: человек, который был во власти это сделать.

Заплатил ли он за это своей жизнью?

Или это лишь еще одна версия для тех, кого не слишком волнуют оставшиеся без ответа вопросы?

«Это дело останется открытым навсегда», — заявил, поверив, что он пророк, Гувер перед комиссией Уоррена. Он только что уничтожил доказательства и думал, что этим прикроет расследование... Но самый секретный из секретов не бывает вечным.

¹ Эта идея была развита в книге Robert Anson. They Killed the President. Bantam, 1975.

*Дэвид Антонель, Ален Жобер,
Люсьен Ковальсон*

ЗАГОВОРЫ ЦРУ

Редактор *Г. М. Крылова*
Художественный редактор *В. В. Сурков*
Технические редакторы: *И. Г. Макарова,*
Т. С. Орешкова
Корректор *Е. В. Архипова*

ИБ № 361

Сдано в набор 22.03.79. Подписано в печать
07.06.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гар-
нитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 19,74. Уч.-изд. л. 19,44. Тираж 42 000 экз.
Зак. № 217. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Международные отношения».
103031 Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпро-
ма при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Заговоры ЦРУ/Антонель Д., Жобер А., Коваль-
З 14 сон Л.: Пер. с франц. — М.: Междунар. отношения,
1979. — 376 с.

В книге на основе материалов комиссий конгресса США рассказывается о ряде операций американской разведки за рубежом и внутри страны. Приведенные французскими авторами факты о деятельности ЦРУ свидетельствуют о том, что несмотря на происходящие в мире позитивные процессы, империалистические силы не отказались от своих подрывных замыслов, по-прежнему прибегают к насилию и террору.

Книга предназначена для специалистов-международников, пропагандистов, лекторов, а также широкого круга читателей.

1 р.20 к.

заговоры цру

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"